

V

Дж. Р. Р. ТОЛКИН

САПЪ МАРУНДОН

Дж. Р. Р. ТОЛКИН

ТОЛКИН
СТОЛЕТИЕ
1892-1992

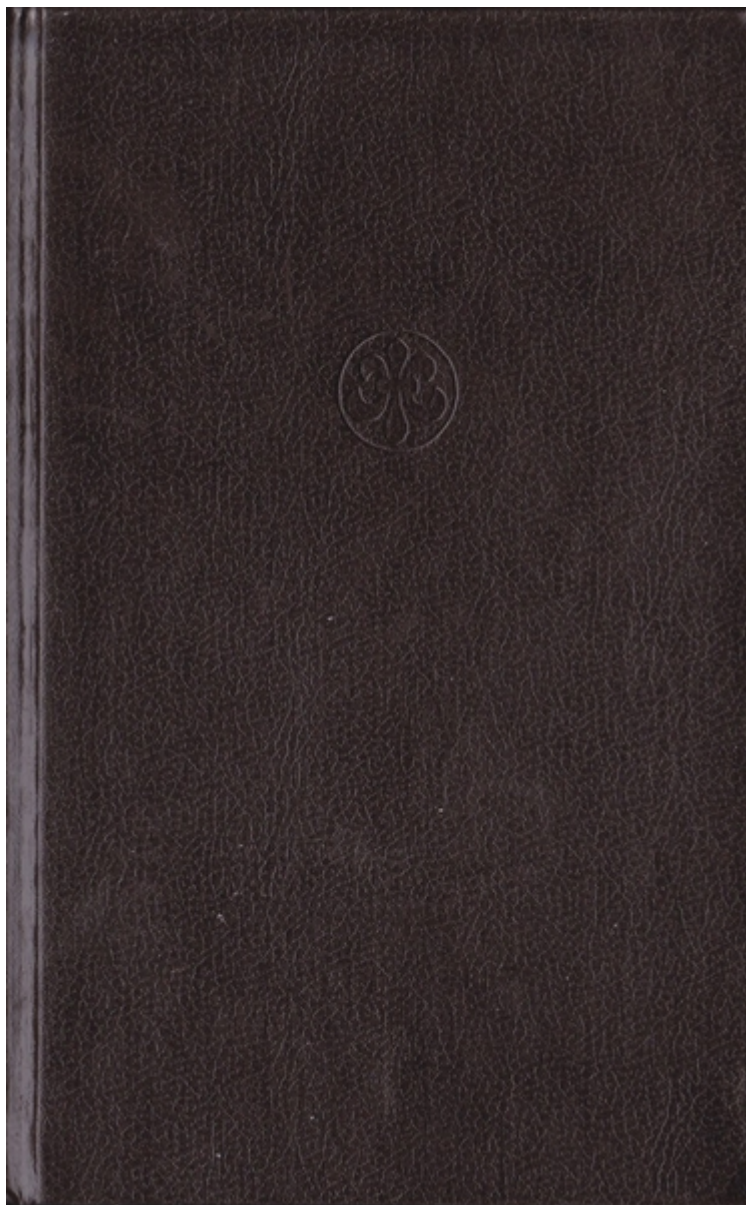

Annotation

fantasy

•Северо-Занәг®

«Сильмариллион» — это повествование о Древнейших Днях, или Первой Эпохе Мира. Во «Властелине Колец» рассказано о великих событиях конца Третьей Эпохи; «Сильмариллион» составляют легенды гораздо более древние, относящиеся ко временам, когда Моргот, первый Темный Властелин, обитал в Среднеземье, а Высокие Эльфы вели с ним войны за обладание Сильмариллами.

Джон Рональд Руэл Толкин

СИЛЬМАРИЛЛИОН

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

«Сильмариллион», впервые опубликованный четыре года спустя после смерти моего отца, — это повествование о Древнейших Днях, или Первой Эпохе Мира. Во «Властелине Колец» рассказано о великих событиях конца Третьей Эпохи; «Сильмариллион» составляют легенды гораздо более древние, относящиеся ко временам, когда Моргот, первый Темный Властелин, обитал в Среднеземье, а Высокие Эльфы вели с ним войны за обладание Сильмариллами.

Но «Сильмариллион» — не только предыстория событий, описанных во «Властелине Колец»; это одна из первых литературных работ Толкина. «Сильмариллион» существовал еще полстолетия назад, хотя и назывался тогда по-другому. В потрепанных тетрадях, относящихся к 1917 году, еще можно разобрать карандашные наброски ранних версий основных легенд. Книга никогда не публиковалась, но в течение всей долгой жизни отец не прекращал работу над ней, даже в последние годы. За все это время основа «Сильмариллиона» почти не менялась; она-то и послужила фоном для многих других, более поздних сочинений. Но окончательная редакция никак не могла родиться. Менялось многое: менялись даже некоторые фундаментальные идеи, связанные с естественными законами описываемого мира, не говоря уже об одних и тех же легендах, становившихся то длиннее, то короче, менявших стили и ритмы изложения. Годы шли, изменения и варианты накапливались, и наконец повествование настолько усложнилось и запуталось, что окончательная версия стала казаться недостижимой. Кроме того, старые предания («старые» не только из-за принадлежности к Первой Эпохе, но и по времени жизни моего отца) стали средством выражения и сокровищницей его глубоких раздумий, мифология и поэзия отступили в них перед теологическими и философскими заботами; отсюда некоторая разностильность книги.

После смерти отца я попытался привести эту книгу к приемлемому для публикации виду. Мне стало ясно, что попытки представить под одной обложкой столь разнообразный материал, т. е. показать «Сильмариллион» как живое эволюционирующее произведение, растянутое более чем на полвека, на деле приведут лишь к полной неразберихе и погребут под собой самое существенное из содержания. Поэтому я стремился выработать единый вариант текста, отбирая и размещая материал таким образом, чтобы получить однородную и внутренне непротиворечивую структуру. В этой работе заключительные главы (от смерти Турина Турамбара) представляли особые трудности, т. к. оставались неизменными в течение многих лет, и не очень-то соответствовали другим, более поздним частям книги.

Полная согласованность (будь то внутри «Сильмариллиона» или между ним и другими опубликованными работами моего отца) так и не достигнута, и если она достижима вообще, то лишь весьма дорогой ценой. Кроме того, отец рассматривал «Сильмариллион» как сборник или конспект-повествование, составленное много позже из самых разных источников (стихов, летописей, устных рассказов), отобранных многовековой традицией. Такая концепция имеет параллель в действительной истории книги, ибо в основе ее лежит огромное множество фрагментов ранней прозы и стихов. В какой-то мере это действительно конспект. Этим можно объяснить различный ритм повествования и полноту деталей в разных главах, например, контраст между точным указанием мест и мотивов в легенде о Турине Турамбаре и возвышенным, но предельно лаконичным отчетом о конце Первой Эпохи, когда был разрушен Тангородрим и низвергнут Моргот, отсюда же некоторые различия в стиле и описаниях, некоторые неясности и неувязки. В случае с «Валаквэнта», например, мы полагаем, что описание ранних дней жизни Эльдаров в Валиноре переделывалось в более позднее время; этим объясняется постоянное смещение хронологии и точки зрения, так что божественные силы видятся то ныне существующими и действующими в Мирах, то давно исчезнувшими, оставшимися лишь в памяти. Книга, озаглавленная «Сильмариллион», содержит не только «Квэнта Сильмариллион» или собственно «Сильмариллион», но и еще четыре коротких работы: «Айнулиндалэ» и «Валаквэнта» связаны с «Сильмариллионом» и предваряют его, а «Падение Нуменора» и «О Кольцах Власти», помещенные, в

конце, совершенно самостоятельны и независимы, и включены сообразно с ясным и четким намерением моего отца; с их включением история обретает непрерывность от Музыки Айнуров, с которой начался Мир, до отплытия Хранителей из Серебристой Гавани в конце Третьей Эпохи.

Число имен, появляющихся в книге, огромно, но действующих лиц (Людей и Эльфов) играющих важную роль в повествовании о Первой Эпохе, существенно меньше, и все они могут быть найдены в генеалогических таблицах. В дополнение я привел схему, показывающую основные названия различных эльфийских народов, заметки о произношении эльфийских имен, перечень некоторых основных корней, встречающихся в этих именах, и карту. Надо заметить что огромная горная цепь на востоке — Эред Луин или Эред Линдон, Синие Горы, — появляется на крайнем западе карты «Властелина Колец». Внутри книги есть карта поменьше, ее цель — дать представление о том, как располагались земли Эльфов после возвращения Нолдоров в Среднеземье.

Больше я не обременял книгу никакими дополнениями и комментариями. Существует множество неопубликованных работ моего отца о Трех Эпохах: повествовательные, лингвистические, исторические и философские, и я надеюсь, что часть из них удастся опубликовать.

В трудной задаче подготовки текста книги мне много помогал Гай Кей, работавший со мной в 1974–1975 годах.

Кристофер Толкин, 1977

АЙНУЛИНДАЛЭ

Музыка Айнуров

В начале был Эру, Единый. На Арде зовется Он Илуватар. Первыми создал Он Айнуров, Священных. Они стали плодом Его дум и были с Ним раньше всех творений. Эру говорил с ними. Он предлагал им музыкальные темы, они воплощали их, и это было хорошо. Айнуры пели поочередно, лишь изредка — дуэтом или трио, остальные слушали поющих, но в музыке каждый понимал лишь ту часть замысла Илуватара, которой он был рожден, а музыка собратьев мало что говорила другим Айнурам. Но постепенно понимание росло, а вместе с ним росли единство и гармония.

И пришло время, когда Илуватар созвал Айнуров и задал им тему, величием превосходившую прежние. Красота вступления и великолепия финала восхитили Айнуров, и в восторженном благоговении склонились они пред Илуватаром.

И тогда Он сказал:

— Я создал вас от Вечного Пламени, Я дал вам тему и хочу, чтобы в гармонии и единстве претворили вы ее в Великую Музыку. Нет предела совершенству, и Я с радостью буду внимать вашим песням.

И тогда, по слову Его, голоса Айнуров: голоса-арфы и голоса-лютни, голоса-свирели и голоса-трубы, виолы, органы и многоголосые хоры — начали обращать тему Илуватара в Великую Музыку. Звук непрестанно чередующихся, дивно гармоничных мелодий взлетал и падал; чертоги Илуватара наполнились им и Музыка выплеснулась наружу, в Ничто обратив его в Нечто. Подобной Музыки не создавали доселе Айнуры, и только после конца Дней предначертано создание лучшей. Исполнить ее пред Илуватаром предстоит двум хорам: хору Айнуров и хору Детей Илуватара. Только тогда станет возможным полное воплощение замысла Единого, только тогда Музыка обретет Бытие, только тогда каждый наконец постигнет цель своей жизни и поймет ближнего своего и дальнего, и только тогда вдохнет Илуватар тайный огонь в их помыслы, ибо только тогда он будет удовлетворен.

А сейчас сидел Илуватар и слушал, и Ему нравилась эта Музыка без единой ноты фальши. Тема ширилась, развивалась, но тут Мелькор захотел ввести в мелодию звуки собственных дум, противных теме Илуватара, потому что возжелал он возвысить силу и славу назначенной ему партии надо всеми.

Более других Айнуров одарен был Мелькор могуществом и знанием, и во всех дарах собратьев своих имел он долю. Часто отправлялся он один в Ничто, в надежде найти Вечное Пламя и самому стать творцом. Нетерпелив и честолюбив был Мелькор и считал, что напрасно мешкает Илуватар обращать Великую Пустоту Ничто в Нечто. Вечного Огня он не нашел — только Илуватар владел им. Но в долгих одиноких поисках думы Мелькора приняли строй, отличный от дум его собратьев. И теперь он вплетал эти думы в свою партию. Тотчас же в стройном звучании возник диссонанс.

Певшие рядом с ним Айнуры смутились, мелодии их начали стихать, а некоторые не смогли преодолеть силы Мелькора и стали вторить его музыке. Она же, окрепнув, заглушила и вобрала все другие мелодии в шквал своих бурлящих звуков.

Недвижно сидел Илуватар, вслушиваясь в это новое звучание. Казалось, трон Его стоит в центре неистовой бури, а вокруг сшибаются яростные темные волны. Видели Айнуры, как, улыбаясь, встал Илуватар и поднял левую руку. Тотчас посреди гремящих звуков начала зарождаться и крепнуть новая тема, одновременно и похожая, и отличная от предыдущей, но красотой звучания превосходящая прежнюю. Снова взметнулся диссонанс Мелькора, вступил с нею в спор, и снова нахлынула волна звуков, ярилась и клекотала, пока голоса Айнуров не потонули в ней и не смолкли, оставив лишь тему Мелькора.

Снова встал Илуватар, но теперь не улыбался Он больше. Поднялась правая рука Единого, и вот родилась среди смятения третья тема, не похожая на предыдущие. Поначалу казалась она тихой, нежной и чистой каплей ласковых звуков, но не было силы заглушить ее. Она набирала глубину и мощь, черпая их в самой себе, и вот уже казалось, что две совершенно разные мелодии звучат перед тронem Илуватара. Глубока, широка и прекрасна была одна из них, ее красота рождалась из безмерной печали. Другая мелодия, хотя и обрела теперь цельность, оставалась громкой, блестящей, бесконечно повторяющейся

пустотой. Мало в ней было гармонии, разве что звенящий унисон множества труб, повторяющих три-четыре ноты. Но как бы ни бушевали звуки, пытаюсь заглушить первую мелодию, она легко вбирала гром и грохот в свой скорбный узор.

В миг наивысшего накала этой борьбы, когда содрогнулись чертоги, а по Безмолвию, доселе неподвижному, пронесся трепет, встал Илуватар, и грозен был Его лик. Воздел Он руки и единым аккордом, пронизавшим Бездну и Свод Небес, оборвал Музыку.

И сказал тогда Илуватар:

— Могучи Айнуры и не последний из них Мелькор. Но Я — Илуватар! Я покажу вам, что сотворили вы своей музыкой. И ты, Мелькор, поймешь, что нет темы вне Меня, и нет силы превыше Моей, но источник всего — Я. Как бы ты ни противился, удел твой — быть послушным исполнителем Моих замыслов создания чудес, которых не в силах представить твой разум.

Устрашились Айнуры непонятных для них слов. Стыд ощутил Мелькор и разгневался оттого. А Илуватар поднялся во всем Своем блеске и вышел из дивных чертогов, приказав Айнурам следовать за собой. И когда они вышли в Ничто, сказал Единый:

— Узрите свою Музыку!

При этих словах явилось Видение. Там, где раньше был только Звук, родился Свет. Властью Илуватара прозрели Айнуры новый мир — шар, висящий в пустоте. Перед ними потекли образы его будущей истории. Казалось, шар живет и растет, и в молчании созерцали они его судьбу.

Снова зазвучал голос Илуватара:

— Узрите свою Музыку! Это — ваши мелодии, и каждый найдет в них свои помыслы. И ты, Мелькор, постигнешь тайное тайн своего разума и тогда поймешь, каково его место в Едином Замысле.

Многое поведал тогда Илуватар. Айнуры помнят его речи, и каждый знает свой вклад в Музыку Единого. Им ведомо многое из того, что было, есть и будет. Но всех своих замыслов не раскрыл Илуватар никому. И вот в каждую эпоху приходят в Мир вещи новые и дивные, и нет у них истоков в прошлом.

Но и тогда, созерцая Видение Мира, Айнуры узрели многое из того, о чем не думали никогда прежде. Так с изумлением наблюдали они приход Детей Илуватара в уготованное им жилище и поняли, что, творя Музыку, творили они этот Дом, не ведая цели своего творения, поглощенные лишь красотой звуков. Дети Илуватара были только Его замыслом, они рождены третьей темой, ни в первой, ни во второй их приход не звучал, и ни один из Айнуров к этому не причастен. Тем сильнее полюбились им творения Единого, странные, вольные и не похожие на самих Айнуров. Великий Дух Илуватара сверкнул в них новой гранью, и мудрость Его обрела в этом творении явь, и воочию узрели Айнуры ее блеск и славу.

Дети Илуватара — это Эльфы и Люди, Перворожденные и Пришедшие Следом. В глубине времен, среди бесчисленных звезд, необозримых пространств чудесного мира, избрал Илуватар место для Своих Детей. Тому, кто не видит строгой соразмерности Мира, кто теряется в его бесконечности, кто зачарован могучим созиданием Айнуров, не законченным и поднесь, покажется Дом Детей малой песчинкой. Немудрому не дано видеть, что Арда — лишь основание возводимой башни, чья вершина тоньше иглы уносится в безбрежные выси, и непрестанные труды Айнуров устремлены к тому единственному мигу, ради которого наполняют они содержанием первичные формы. Но сами Айнуры, узрев Дом в Видении, явленном Илуватаром, видя просыпающихся Детей Творца, возлюбили место Дома со всей страстью своих помыслов. Властно влекло туда самых могучих из них. И снова во главе был Мелькор, так же как стремился он быть первым среди Айнуров, создававших Музыку. Но правила им ложь. Лгал он самому себе, когда рвался готовить Арду к приходу Детей Илуватара, усмирять знойные бури и лютые холода на ее просторах. Истинно замыслил он подчинить себе эльфов и людей, ибо завидовал дарам, обещанным им Илуватаром, и жаждал власти и господства над душами и волей свободных существ, стремясь обратить их в слуг и рабов.

Айнуры же ликовали душой, видя Землю, которую эльфы называли Ардой, среди безбрежных пространств, глаза их сияли радостью при виде многоцветья ее одежд, а неумолчный шум морских валов навсегда лишил покоя их души. Взорам Айнуров открывались прозрачные глубины воздуха и ветров,

колеблющиеся легкие туманы поутру; скрытые в недрах металлы; искрящиеся камни и многое другое, но вода пленила их более всего. Эльдары говорят, что именно воды Земли сохранили отзвуки Музыки Айнуrow; многие Дети Илуvатара готовы и поныне бесконечно внимать голосу Моря, хотя и не знают, что слышится в нем.

Одного из Айнуrow воды восхитили особенно. Эльфы зовут его Ульмо. По воле Илуvатара он был более других сведущ в Музыке. К вольным ветрам и воздуху обратился Манвэ, благороднейший и мудрейший среди Айнуrow. Аулэ думал об устройстве земных недр. Мастерством и знаниями он не уступал Мелькору, но радость доставляло ему творчество, а не обладание. Гордый Аулэ вечно дарит и ничего не копит. Он свободен от забот, и работа его никогда не кончается.

К Ульмо обратился Илуvатар:

— Видишь, там, на этой маленькой Земле, Мелькор пошел войной на твои владения? Жестокие морозы сотворил он, но не разрушил красоты твоих водопадов и чистых озер, а лишь украсил мир чудными вьющимися снежинками и дивными морозными узорами; он создал зной и иссушающее пламя, но не заглушил музыки твоих морей. Взгляни на небеса Земли, на величие ее облаков, на вечноизменчивые туманы; прислушайся, как падает на Землю дождь. Вот стихия, в которой рядом с тобой будет твой любезный друг Манвэ.

Ответил Ульмо:

— Воистину, я не мог представить, как прекрасны воды. Мне не под силу измыслить узор, чудеснее кружева снежинок, мне не спеть так, как поет дождь. Мы с Манвэ будем петь вместе на радость Тебе!

С этих самых пор Манвэ и Ульмо всегда были заодно и всегда верно служили планам Илуvатара.

Ульмо говорил, и в этот миг Видение исчезло. Погас искрящийся в бесконечности шар, и Айнуры познали Тьму, существовавшую доселе только в мыслях. Айнуры успели полюбить мир, обретавший плоть, расцветавший у них на глазах, и обратились к нему всей душой и помыслами, хотя незавершенной осталась История Мира, не замкнулся Круг Времен, и не успели Айнуры увидеть наступление Эпохи Людей и закат Первородженных В Музыке Айнуrow есть все, но Поздние Эпохи и Конец Мира остались сокрыты от взоров Блаженных.

Обеспокоено переглядывались Айнуры, и сказал им Илуvатар:

— Ведомо мне ваше желание воплотить Видение в жизнь. Вот мое слово: Эа! Пусть все это будет! Смотрите, я вкладываю в Ничто искру Негасимого Пламени и она станет сердцем Мира, и Мир будет Если хотите, можете спуститься туда.

И вот вдали забрезжил свет. Было так, словно внутри облака билось и трепетало живое, пламенное сердце. Поняли Айнуры: не Видение перед ними. Это Илуvатар создал Новое — Эа, Мир Сущий.

С той поры часть Айнуrow так и живет с Илуvатаром за гранью Мира, а другие — среди них самые могучие и прекрасные — простились с Единым и спустились на Арду.

Может быть, по воле Илуvатара, а может, из любви, горящей в душах Айнуrow, судьбы их с тех пор неразрывно сплетены с судьбой Мира, в них — его жизнь, а их жизни — в нем, и покуда существует Мир, так будет. И потому имя им с тех пор — Валары, Стихии Мира.

Валары пришли на Эа. Поначалу растерянность овладела ими, так не похож был этот мир на явленный в Видении. Все пребывало в самом начале, все было бесформенным и всюду была Тьма. В Великой Музыке расцвели помыслы Айнуrow в Чертогах Безвременья, Видение было прозрением, а сейчас они стояли у Начала Времен и понимали, что мир только предначертан, и им суждено создавать его. Отсюда начались их великие труды на огромной, пустынной Земле. Бессчетные века прошли, прежде чем в Глубинах Времени, посреди обширных чертогов Эа пробил час создания Дома Детей Илуvатара. Манвэ творил Дом, и Аулэ, и Ульмо, но с самого начала мешал их работе Мелькор. Он вмешивался в любое начинание, старался все сделать по-своему. Это по его воле юная Земля оделась пламенем. Тогда возжаждал ее Мелькор и произнес горделивые слова:

— Здесь будет мое царство! Объявляю его своим!

Манвэ, брат Мелькора в думах Илуватара, тот, чей голос защищал вторую тему от дребезжащих труб, призвал на Арду множество духов, больших и малых, дабы охранить труды Валаров от посягательств Мелькора, дабы не увяла Земля, не успев расцвести.

И Манвэ сказал Мелькору:

— Не бывать здесь твоему царству, ибо трудом многих и многих создается этот мир.

Так началась борьба между Мелькором и другими Валарами. Мелькору пришлось отступить, он удалился в пустынные области и был там полновластным хозяином, но мысль о господстве над Землей прочно поселилась в его сердце.

Валары обрели плоть. Их вела в Мир любовь к Детям Илуватара, и потому Владыки Арды избрали для себя образы Перворожденных, какими они запомнились им по Видению, только более могучие и прекрасные. Их облик стал частью Зримого Мира, ибо не готовы были глаза Детей Илуватара к восприятию Мира Истинного. Но зримый облик Валаров подобен людским одеждам. Валары могут сбросить обличье, так же как люди сбрасывают платье. Тогда незримы они и для эльфов и для людей. И стали во плоти одни Валары мужами, а другие — женами. Только здесь стала заметна разница в их изначальной сущности, определившей сей выбор, И мы отличаем мужчин и женщин по платью, однако не платьем созданы их различия. Ошибкой было бы сравнивать Валаров с земными Королями и Королевами, ибо не подобает это Стихиям. Когда же случается Валарам явить всю силу своей мысли, земным глазам является полное их величие и невозможно созерцать его без трепета.

На Арде у Валаров было множество помощников, пришедших вместе с ними. Одни были куда слабее Валаров, другие почти равны им по силе. И они вместе трудились над созиданием Земли, вместе усмиряли ее буйный нрав. Узрел Мелькор блаженных и прекрасных Валаров, облекшихся в зримые образы, узрел плоды их трудов — укрощенную Землю, ставшую дивным садом, узрел — и ненависть запылала в нем сильнее прежнего. Тогда и Мелькор принял зримый облик. Но по злобе его оказался он ужасен и мрачен. Подобно исполинскому утесу низвергся он на Арду, величием и мощью превосходящий других Валаров, окутанный дымным огнем, со взглядом, опаляющим зноем и пронзающим стужей.

Началась первая битва Валаров с Мелькором за обладание Ардой. Но из тех времен даже память эльфов сохранила немного. Эльдары — эльфийский народ, учившийся у Валаров в землях Валинора, — слышали от Владык повествование о тех давних делах и сохранили в памяти, как стремились Валары подготовить Землю к встрече Детей Илуватара, как создавали они цветущие долины, а Мелькор вздыбливал их к небу хаосом круч; Валары воздвигали горы, а Мелькор повергал их во прах; Валары заполняли моря, а Мелькор превращал волны в барханы. Ничто не оставалось в покое, нигде не было мира.

Валары творили. Мелькор разрушал; поэтому ни одному замыслу Валаров не удалось воплотиться в полноте, так, как виделось им в Видении. Шаг за шагом Земля обретала форму, пока наконец в Глубине Времен и среди бесчисленных звезд не был создан Дом Детей Илуватара.

ВАЛАКВЭНТА

Слово о Валарах и Майа

В Начале Начал Эру, Единый, имя которого на языке эльфов — Илуватар, из дум своих создал Айнуrows. Перед лицом Его Айнуры творили Великую Музыку. Илуватар сделал ее зримой, и тогда родился Мир. Красота Видения, Явленного Илуватаром, очаровала Айнуrows; не отрываясь, следили они за страницами истории будущего Мира. Илуватар повелел Видению быть, поместил его в Великой Пустоте и зажег в сердце Мира Тайный Огонь. Эа наречен был Мир. Тогда, в Начале Времен, многие Айнуры начали великий труд воплощения Видения и трудились в таких отдаленных уголках Эа, о которых никогда не помышляли ни люди, ни эльфы. Длинная вереница веков промелькнула и растаяла в вечности, пока в сужденные сроки не претворилась Арда — Земное Царство. Тогда Айнуры сошли на Землю и стали Валарами.

Валары

Валарами, Стихиями Арды, называли эльфы Великих Духов. Люди звали их богами. Семь Владык Валаров на Арде, и Владычиц Вал тоже семь. Имена их на языке Эльфов Валинора звучат иначе, чем на языках Среднеземья, и отличаются от принятых у людей. Валары Манвэ, Ульмо, Аулэ, Оромэ, Мандос, Лориен и Тулкас. Валы Варда, Йаванна, Ниэнна, Эстэ, Вайра, Вана и Нэсса.

Мелькор утратил право зваться Валаром, имя его не произносится на Земле.

Манвэ и Мелькор были братьями. Всех превосходил могуществом Мелькор, но Манвэ ближе Илуватару, и никто так хорошо не понимает замыслов Единого, как Манвэ. Ему предстояло стать Верховным Владыкой Арды и управителем жизни. Его стихия — ветры и облака, все токи воздуха от верхнего слоя Покрывала Арды до неизмеримых глубин, от всепокрушающего урагана до полевого ветерка. Его называют Владыкой Дыхания Арды. Он любит быстрокрылых птиц, и они покорны его воле.

С Манвэ всегда рядом Варда, Владычица Звезд. Ей ведомы все просторы Эа до самого отдаленного уголка. Даже слова эльфов бессильны передать ее красоту. На ней почиет свет Илуватара. И сила ее, и радость ее — Свет. Варда знала Мелькора еще до создания Музыки, тогда же отвергла его и пришла на помощь Манвэ из неизмеримых глубин Мира. Мелькор страшился Варды и ненавидел более всех, рожденных Эру. Манвэ и Варда всегда вместе. Их чертоги в Валиноре, над вечными снегами, в башне Ойолоссэ, на вершине Таниквэтил, высочайшей горы Арды. Со своего трона озирает Манвэ свои владения, и, если Варда рядом, он видит сквозь туманы и тьму, сквозь моря и горы. Варда, когда рядом Манвэ, слышит все в мире. Ничто не укроется от ее слуха ни в горах, ни в долинах, ни на востоке, ни на западе, ни в темных чащобах и ущельях, сотворенных Мелькором. Среди всех Духов Арды самую горячую любовь и самое преданное почитание дарят эльфы Варде. Для них она — Элберет. К ней обращаются их голоса из мглы Среднеземья, ей поют песни на восходе звезд.

Владыка Вод Ульмо одинок. Нигде не задерживается он подолгу. В морях Арды и в ее недрах Ульмо — свободный странник. Нет равного ему по силе, лишь могущество Манвэ признает над собой Ульмо. Еще до создания Валинора стали они друзьями. Но Ульмо — редкий гость в Валиноре. Только на советах Валаров для решения важнейших вопросов встречается он с собратьями. Забота его — вся Арда, ему чужд покой, но он не любит ходить по Земле, подобно другим Валарам, и поэтому редко принимает зримый образ. Детей Илуватара появление Владыки Моря повергает в ужас. Им видится исполин, гигантской волной идущий на сушу, с пенным гребнем на шлеме, в кольчуге, мерцающей серебром и мглистой зеленью. И если голос труб Манвэ чист и звонок, то голос Ульмо глубок и гулок, как пучины океана, ведомые лишь ему одному.

Да, грозен лик Ульмо, но нежна его любовь к эльфам и людям. Никогда не отворачивается он от Детей Илуватара, даже если другие Валары гневаются на них. Иногда, незримый, приходит он к берегам Среднеземья и в глубоких заливах играет на больших рогах из белых раковин — Ульмури. Кто услышит хоть раз эту музыку, навсегда сохранит ее в душе и всегда будет тосковать в разлуке с морем. Но чаще Ульмо

говорит с живущими в Среднеземье голосами вод, ибо все моря, реки, озера, водопады и родники подвластны ему. Эльфы знают, что дух Ульмо течет во всех жилах Земли. Вода приносит ему вести, и Ульмо ведомы все нужды и печали Арды, скрытые даже от Манвэ.

Аулэ немногим уступает Ульмо в могуществе. Он владеет телом Земли. В Начале Начал вместе с Манвэ и Ульмо он творил это тело, лик Арды — дело его рук. Аулэ — кузнец и знаток ремесел, умелец в великом и в малом. Им созданы драгоценные камни и жаркое золото, горные кряжи и ложа морей. Нолдоры учились у него мастерству, он всегда был им другом и наставником.

Аулэ творил, а Мелькор из зависти разрушал созданное, но Аулэ не уставал восстанавливать и исправлять. Равные по силе, оба они жаждали создавать доселе невиданное, оба любили похвалу своему мастерству, но Аулэ никогда не изменял замыслам Илуватара, всеми трудами претворяя их, никогда не завидовал деяниям других, внимал советам и с радостью давал их. Мелькор же иссушил дух свой в ненависти и злобе и мог лишь подражать чужим творениям да разрушать не им созданное.

Подруга Аулэ — Йаванна, Мать Изобилия. Она любит все, что растет на Земле, помнит деревья Предначальных Эпох, кроны которых задевали облака, помнит мох на камнях и слабенькие травинки болот. Среди Владычиц Вал она лишь немного уступает Варде. В зримом облике это высокая, статная женщина в зеленом платье, а иногда — стройное, величественное дерево с кроной из солнечных лучей; со всех ветвей его на землю струится золотая роса, а подножие окружено зелеными побегами. Корни дерева любовно омыают воды Ульмо, а ветры Манвэ нежно перебирают листву. Кементари, Королевой Земли, зовется она на языке Эльдаров.

Властители Душ, братья Мандос и Лориен, получили прозвание от тех мест, где они живут. Настоящие их имена Намо и Ирмо.

Намо, старший, живет в Мандосе, на западе Валинора. Он — хранитель Царства Мертвых, он созывает души погибших. Он помнит прошлое, ему ведомо будущее, кроме Сокрытых Времен, над которыми властен лишь Эру. Провозвестник Валаров, он отверзает уста и пророчествует лишь по велению Манвэ.

Подруга Мандоса — Вайра, Прядущая Полотно Мира. Все, что было, запечатлено ее руками на огромных гобеленах, украшающих стены Чертогов Мандоса. Идут века, жилище Мандоса становится все обширнее, но не устают искусные руки Вайры вплетать дела земные в ковер истории.

Ирмо, младший брат, хозяин Видений и Снов. В Лориене цветут его сады, в прекраснейшем Лориене, лучшей земле Валаров. С ним рядом ласковая Эстэ, Целительница, дарящая здоровье и покой. Она носит одежды серого цвета и днем спит на тенистом острове озера Лорелин. Бодрость приносят живущим в Валиноре дивные фонтаны Эстэ и Лориена. Валары часто отдыхают там от трудов и забот.

Сестра Мандоса и Лориена, Ниэнна, живет одна. Скорбящая, называют ее. Каждая рана, каждый удар Мелькора, нанесенные Арде, бесконечно печалют ее. Страданием отзывались в душе Ниэнны диссонансы Мелькора; это ее песнь обратилась в плач задолго до окончания Музыки. Так печаль оказалась вплетена в ткань Мира задолго до его рождения. Не о себе плачет Ниэнна, и тот, кто слышит ее, знает сострадание, умеет терпеть и надеяться. Чертоги Ниэнны на крайнем западе, на границах Мира, редко приходит она в радостный Валимар. Зато часто гостит по соседству, у брата Намо, где ждущие в Чертогах Мандоса взывают к ней. Она дарует силу духа, а скорбь обращает в мудрость. Окна жилища Ниэнны смотрят за пределы Мира.

Самый сильный и бесшабашный из Валаров, Тулкас, имеет прозвание Астальдо, Доблестный. Он последним прибыл на Арду, чтобы помочь Валарам в первых битвах с Мелькором. Нет ничего милее для Тулкаса, чем померяться силами и побороться — все равно с кем. Тулкас не знает усталости, ходит только пешком, но быстрее любого конного, и не признает другого оружия, кроме своих рук. В зримом облике Тулкаса можно узнать издали по золотистым волосам, бороде и красноватому оттенку кожи. Он не помнит прошлого, не задумывается о будущем, советы его легкомысленны, но друг он верный.

Его подруга — Нэсса, сестра Оромэ. Гибкая, легконогая, всегда в окружении оленей, бродит она беззаботно по лесам и лугам Арды. Сама быстрее любого оленя, с ветром в волосах, любит Нэсса танцы и часто танцует на вечнозеленых полянах Валимара.

Оромэ — могучий Владыка. Он уступает в силе Тулкасу, но в гневе становится страшен. Тулкас всегда

смеется, он смеялся в лицо Мелькору в битвах, сотрясавших мир до прихода эльфов. Оромэ любит Среднеземье, и, когда пришла пора удалиться в Валинор, он уходил последним и с неохотой. В древности он часто возвращался на восток, в холмы и степи своих любимых земель. Оромэ — лучший среди Валаров охотник на чудищ и злобных тварей, порожденных Мелькором, с ним всегда собаки и кони, нежно любит он деревья. За это получил Оромэ прозвание Альдарон, Владыка Лесов. Его конь Нахар, белый-белый днем, сияет серебром в ночи. Когда Оромэ со свитой охотится на лиходейских тварей Мелькора в лесах Йаванны, звук его большого рога Валаромы — громом разносится окрест.

Подругу Оромэ зовут Вана, Вечно юная. Она приходится Йаванне младшей сестрой. По ее следам расцветают цветы, от взгляда пробуждаются почки на деревьях, а птицы приветствуют Вану громкими песнями.

Таковы имена Валаров и Вал. Таковы их характеры и обличья, относящиеся ко временам, когда Эльдары жили в Амане вместе с ними. В этих обличьях являлись они Детям Илуватара, но зримый облик — лишь оболочка, скрывающая подлинную красоту и мощь Валаров. Сказанное здесь — лишь малая часть некогда обширных знаний Эльдаров, но и прежде едва ли видели Перворожденные истинную сущность тех, чьи истоки — в глубине времен и безмерности пространств.

Девять могучих Валаров были почитаемы на Арде. Один отделился и осталось восемь: Манвэ и Варда, Ульмо, Аулэ и Йаванна, Мандос, Ниэнна и Оромэ. Они — Аратары, Высочайшие. Манвэ правит именем Эру, но в могуществе равны все девять и намного превосходят иных Айнуров, Майа и прочих духов, посланных Илуватаром в Мир.

Майа

Вместе с Валарами на Арду пришло множество других духов. Они старше Мира и во многом подобны Валарам, но не такие могучие. Это Майа — народ Валаров, помощники, послушные их воле. Сколько их было — эльфы не помнят. Долгие века стерли в памяти Детей Илуватара имена большинства из них, а может быть, имена не сохранились потому, что Майа редко посещают Среднеземье в зримом обличье.

Хроники Предначальной Эпохи называют первейшими среди Майа Валинора Эонвэ, знаменосца и глашатая Манвэ, лучшего воина Арды, а также Ильмарэ, ближайшую помощницу Варды. Но лучше других Майа Дети Илуватара знали Оссэ и Уинен.

Оссэ из свиты Ульмо — Повелитель Морей, омывающих берега Среднеземья. Его не привлекают глубины, он любит прибрежные отмели, острова, заливы. Еще любит он ветры Манвэ, грохот штормов и рев бури, тогда его смех часто раздаётся над волнами. Подруга Оссэ — Уинен, Управительница Моря. Она пестует жизнь вод и может смирять волны, успокаивая разыгравшегося Оссэ. Моряки в трудные минуты часто вызывают к ней. В Нуменоре, долго жившем под ее защитой, Уинен считали покровительницей и почитали наравне с Валарами.

Море всегда вызывало ненависть Мелькора, ибо не мог он покорить его. Говорят, в начале творения Мелькор переманил Оссэ на свою сторону, посулив за службу владения и власть Ульмо. Именно в этом причина бушевавших на Заре Мира небывалых штормов, разрушавших только что созданные берега. Уинен по просьбе Аулэ образумила Оссэ. Он предстал перед Ульмо, раскаявшись в делах своих, был прощен и с тех пор оставался верен Валарам. Но буйный нрав свой не смирил и время от времени бушует вопреки воле Ульмо. Жители побережья и моряки любят Оссэ, но не доверяют ему.

Майа Мелиан помогала двум Валарам: Ване и Эстэ. Прежде чем прийти в Среднеземье, она долго жила в Лориене, ухаживая за садами Ирмо. Куда бы ни шла Мелиан, всюду ее сопровождало соловьиное пение.

Мудрейший из Майа — Олорин. Он тоже жил в Лориене, но часто бывал у Ниэнны и от нее научился состраданию и терпению.

О Мелиан еще пойдет речь в «Квэнте Сильмариллион», а вот об Олорине там нет ни слова. Олорин любил эльфов, но всегда бродил среди них незримым, если не принимал облик одного из них, и они не догадывались, откуда приходят дивные видения и почему исполняются мудрости их души. Олорин — друг всех Детей Илуватара, он страдает их бедам, поэтому внимающих ему оставляет отчаяние и темные

думы.

Враги

Последним в ряду Айнуров Арды стоит имя Мелькора. Однако имя это носивший его Айнур утратил. Нолдоры, более других испытавшие на себе его злобу, называли его иначе: Моргот, Черный Враг Мира. Великая сила дана была этому Айнуру Илуватаром, не был он обделен и знаниями, но обернул их во зло и растратил в кознях и гневе, стремясь завладеть Ардой, троном Манвэ, и подчинить своему господству равных себе.

Истинно велик был Мелькор, но от высокомерного презрения и от себялюбия пал и стал безжалостным разрушителем. От врожденной способности постижения Истины пришел Мелькор к хитрости и постыдной лжи, извратив все истинное. Когда-то он возжаждал Света, но скоро убедился, что не сможет владеть им единолично, и тогда алчность низвергла его сквозь огонь и ярость во Тьму. Тьма стала любимым его оружием, он наполнил ее ужасом для всех живущих.

Но столь велика была его мощь, что в давние времена соперничал он с Манвэ и другими Валарами и долго властвовал над большей частью Земли. Многие Майа соблазнились блеском величия Мелькора во дни его славы, многие из них сохранили ему верность во Тьме. Иных завлек он к себе на службу предательством и ложными посулами. Самыми ужасными из них стали Валараукары, Огненные Бичи. В Среднеземье звались они Барлогами, Демонами Страх.

Имя одного из слуг Моргота навсегда запомнили Эльдары. Это — Саурон, или иначе — Гортхаур Жестокий. Когда-то он служил Аулэ и превосходил мощью многих и многих Майа. Отпав от Света, сопровождал Саурон всем козням и замыслам своего хозяина, лишь немного уступая ему в силе, ибо долго служил другому, а не себе. Прошли века и он восстал, как тень Моргота, как призрак злобы его, восстал и сошел за ним следом по пути разрушения в Ничто.

Здесь кончается Валаквэнта.

КВЭНТА СИЛЬМАРИЛЛИОН

Глава 1

О НАЧАЛЕ ДНЕЙ

По словам мудрых, Первая Война началась еще до окончания творения Арды, на бесплодных мертвых землях. Мелькор побеждал до тех пор, пока на подмогу к Валарам не пришел дух непобедимо сильный и беззаветно смелый. В глубине небес прослышал он о битвах, что разыгрались в Малом Владении, и вскоре Арда вздрогнула от раскатов его хохота. Так пришел Тулкас. В бою ярость его не знала границ, был он подобен урагану, сметающему перед собой тучи и тьму. Не выдержал Мелькор гнева и смеха воина, отступил перед Тулкасом, покинул Арду, и на долгие годы на нее снизошел мир. Тулкас остался, став одним из Валаров Земного Царства. Мелькор навсегда возненавидел Тулкаса, пока томился во Тьме за пределами мира.

Пришло время великого строительства. Валары приводили в порядок моря, обустроивали земли, возводили горы. Йаванна посеяла наконец семена, давно ею созданные. Когда огни, зажженные Мелькором, были погашены или погребены в недрах молодых гор, снова стало темно. Тогда Аулэ по просьбе Йаванны создал два могучих Светоча. Они должны были освещать Среднеземье, только что сотворенное в окружении морей. Варда наполнила светильники, а Манвэ благословил их. На Земле нет теперь гор, превосходящих Столпы Света, установленные в то время Валарами: один — на севере Среднеземья, другой — на юге. Назвали их Иллуин и Ормал. Сияние Светочей залило землю и настал непреходящий день.

При свете семян, посеянные Йаванной, быстро взошли, появилось множество больших и малых растений: мхи, травы, папоротники, деревья-исполины, подобные живым горам, с вершинами, увенчанными облаками, с корнями, укрытыми зеленым сумраком. Звери заселили травянистые равнины, лесные кущи, берега озер и рек. Но не было ни цветов, ни птиц. Они еще спали на груди Йаванны. Зато, как и хотела хозяйка, на границе северного и южного Светов, в срединных областях Земли, жизнь была ключом. Именно здесь, на острове Альмарен, посреди Великого Озера, основали Валары первое жилище. Мир был юн, и молодая буйная зелень казалась им чудом, а на Земле царил покой.

Валары отдыхали, любовались буйным ростом пробужденной ими жизни, и Манвэ решил устроить пир. На него отправились все Валары со свитами. Пришли даже Аулэ и Тулкас. Даже они, могучие Валары, утомились во Дни Творения, ибо без мастерства одного и силы другого не обходилось ни одно начинание.

Мелькор уже тогда имел тайных приспешников и соглядатаев среди Майа и внимательно следил за всеми делами Земли. Пребывая вдаль от нее, преисполнился он великой зависти к созданию своих братьев; пуще прежнего желал он господства в этом новом Миров. Собрал Мелькор под свои знамена рать мятежных духов, сбитых им в свое время с пути истинного, и, когда увидел, что собралось их немало, решил, что сила его велика и пришел срок его замысла. Он приблизился к Арде, окинул ее взором, и красота вешней Земли еще сильнее разожгла в нем ненависть.

Тем временем Валары на Альмарене в ярком свете Иллуина забыли и думать о Мелькоре. В песнях поется о том, как на этом весеннем пиру Тулкас взял в жены Нэссу, сестру Оромэ, и она танцевала перед Валарами на зеленой траве Альмарена. И никто не обратил внимания на огромную, чернее самой черной ночи, тень Мелькора, возникающую на севере.

Когда усталый Тулкас спокойно уснул, Мелькор во главе своего воинства пересек Рубеж Ночи и появился на дальнем севере Среднеземья. А Валары все еще не подозревали об этом.

Там, где тускнели лучи Иллуина, глубоко в недрах гор, Мелькор сразу начал строить могучую и неприступную крепость Утумно, и вскоре из подгорных глубин, от стен темной твердыни, поползла в мир злоба Мелькора, отравляя все вокруг дыханием ненависти. Зеленые ростки заболели и сохли, реки зарастали серым тростником, чистые озера затягивались ряской и превращались в смрадные болота, извергавшие тучи отвратительных мух-кровососов, в густых чащобах сгущался сумрак и страхом

наполнялись дебри, звери перерождались в рогатых клыкастых чудищ, и на землю упали первые капли крови. Только тогда поняли Валары, что Мелькор снова принялся за свой злобный труд, и отправились разыскивать его логово. Мелькор, имея за собой несокрушимую Утумно, занятую его ратью, не дав Валарам подготовиться к войне, нанес первый удар. Он расшатал и свалил Столпы Света и разбил Светочи. Результат был неожиданным даже для него. Когда Столпы пали, Земля сотряслась и покрылась огромными трещинами, моря вышли из берегов, а когда разбились Светочи, страшный огонь выплеснулся на землю и стал растекаться вокруг. Облик Арды изменился, равновесие земли и вод было нарушено, а замыслы Валаров уже никогда не смогли найти форму воплощения, созвучную первоначальной гармонии.

В наступившей тьме Мелькор скрылся. Даже им овладели страх и смятение. Над разъяренными морскими волнами могучим ураганом звучал голос Манвэ, дрожала земля под гневными шагами Тулкаса. Но Враг успел укрыться за стенами Утумно и затаился там. Валары не стали штурмовать крепость, ибо озабочены были умирением морей и спасением хоть малой части своих трудов. К тому же, чтобы добраться до Мелькора, пришлось бы расколоть Землю, как орех, а Валары никогда не забывали, что в их руках будущее жилище Детей Илуватара, время прихода которых было сокрыто от них.

Так окончилась Весна Арды. Жилище Валаров на Альмарене было разрушено, и не было у них другого пристанища на Земле. Тогда они ушли из Среднеземья и направились в Аман, на крайний запад Мира, в земли, берега которых омывает Внешний Океан. Он окружает все Земное Царство, и лишь Валарам ведомы его границы. Дальше — только Рубеж Ночи. Восточные берега Амана смотрят на Великое Западное Море.

До победы над Мелькором было еще далеко, поэтому Валары построили здесь хорошо укрепленное жилище и воздвигли на побережье горные кряжи — Пелоры. Горы Амана — высочайшие на Земле. Но есть там вершина, что вздымается выше всех прочих вершин. Именно там воздвиг Манвэ свой престол. Эльфы называют эту заоблачную вершину Таниквэтил, или Оиолоссэ — Вечная Белизна, или Элеррина — Коронованная Звездами. Из своих чертогов на Таниквэтил Манвэ и Варда видят всю Землю до самого дальнего далека.

Под защитой стен могучих Пелоров было основано новое владение Валаров — Валинор, где были у них сады, дворцы и укрепления. Здесь, в Валиноре, сберегалось все светлое и прекрасное из того, что удалось спасти от разрушения или воссоздать заново, и вскоре Валинор стал прекраснее Среднеземья во дни Весны Арды. Благословенной Землей Бессмертных стал Валинор: ничто не увядало в нем, ничто не старилось и не страдало от болезней, ибо на его камнях почил дух благодати.

Когда закончилось создание обители Валаров, они возвели внутри кольца гор в центре равнины город Валмар Многозвенный. Перед западными его воротами поднимался зеленый курган — Эзеллохар, или иначе — Короллаирэ. Йаванна благословила его и пела на вершине долгую песнь-повеление. В ней заключены были все раздумья Йаванны обо всем растущем на лице Земли. Ниэнна слушала ее и молча плакала, орошая траву слезами. Постепенно звуки Повелительной Песни собрали вокруг холма других Валаров; они пришли и заняли места в креслах Совета, стоящих по кругу — Кругу Судеб — близ золотых врат Валмара. Долго пела Йаванна, и вот на глазах у Валаров на вершине кургана пробились из земли два гибких ростка. Казалось, все звуки в мире исчезли и в тишине звучала только песня Йаванны. Покачиваясь в такт песне, ростки быстро тянулись вверх. Вот они стали стройными молодыми деревьями и наконец зацвели. Так явились в мир Два Древа Валинора. Они стали самыми чудесными творениями Йаванны, а их судьба вплетена во все предания Предначальной Эпохи.

Листья одного из Дерев, темно-зеленые сверху, снизу сияли серебром. Бессчетные цветы роняли светящуюся росу, и земля трепетала от бликов, рассыпаемых листвой. Листья другого были нежно-зелены, как у молодой березы, но каждый листок был обрамлен тонкой золотой каймой. В кроне желтым пламенем вспыхивали гроздья соцветий. Цветы напоминали маленькие раковины, из них струился на землю золотой дождь. Свет и тепло исходили от Дерев. Первое из них нарекли Телперионом, а второе стали звать Лаурелин.

На протяжении семи часов каждое дерево наливалось ярким светом и медленно гасло, и разгоралось снова за час до того, как тускнело другое. Дважды в день дивный час наступал в Валиноре: неяркий свет обоих деревьев, золотой и серебряный, сливался в мягком сиянии. Телперион вырос и зацвел раньше.

Первый час его сияния, серебристо-белый рассвет Валинора, Валары не внесли в отсчет времени, а назвали Часом Начала. Века жизни Валинора ведут счет от этого рубежа.

На исходе шестого часа первого дня свет Телперии померк, а на двенадцатый отцвел Лаурелин. Теперь каждый день Валаров состоял из двенадцати часов и заканчивался со вторым слиянием света, вслед за тем сияние Лаурелина гасло, а Телперии — росло. Но стекавшая с деревьев светоносная роса, уходя в землю, еще долго заставляла светиться воздух. Росу Телперии и капли Лаурелина Варда собирала в большие чаши. Они стали для всех Валаров источниками негасимого света. Так начались Благие Дни Валинора. Так начался счет времени.

Шли века. Приближалось время, назначенное Илуватаром для прихода Перворожденных, а Среднеземье лежало во мраке под звездами, созданными Вардой в первые годы ее трудов. Во тьме, страшен и грозен, бродил Мелькор, повелитель подземного огня и стужи, властелин горных вершин и ущелий; и какое бы зло ни творили в те дни на Арде, исходило оно от мятежного Айнура.

Земли за Пелорами согреты были любовью и заботами Валаров. Теперь они редко появлялись в Среднеземье. Посреди Благословенного Края высились чертоги Аулэ, там трудился он не покладая рук, и большинство творений Валинора носило на себе отпечаток его таланта. От него приходят знания о Земле, к нему обращаются ищущие понимания природной сути вещей, он — первый наставник всех мастеров и умельцев: ткачей и столяров, рудознатцев и земледельцев, и даже садоводов, хотя им в большей степени покровительствует Йаванна Кементари. Аулэ — друг Нолдоров, они многому научились от него и стали искуснейшими среди эльфов. Они не растратили дары Илуватара, а преумножили их. Язык и письменность, живопись и скульптура — в них Нолдоры были первыми. Только они умели создавать драгоценные камни. Прекраснейшими из них стали Сильмариллы. Теперь их нет.

Шло время. Самый благой и могучий из Валаров, Манвэ, не забыл о Покинутой Земле. Высоко над миром стоял трон Манвэ, на вершине Таниквэтил. Духи из его свиты в облике ястребов и орлов приносили вести в покои Владыки. Ничто не могло укрыться от их зорких глаз ни в глубинах морей, ни у подножия гор, ни в лесных чащобах. Только вокруг Мелькора, объятого черной думой, лежал такой непроглядный мрак, сквозь который не проникнуть было самым зорким глазам.

Манвэ правит миром не ради собственной славы и не из жадности власти. Ваниаров, полюбившихся ему, научил он стихам и песням, потому что поэзия — Любовь Манвэ, а песни — его Музыка. Голубые одежды на нем, голубыми глазами смотрит он на Мир, в руках Манвэ — сапфировый скипетр, сработанный Нолдорами. Он — Манвэ, он правит именем Илуватара, он — Король Мира для Валаров, Эльфов и Людей и главный его защитник от злобы Мелькора. Рядом с Манвэ — Варда, Прекраснейшая. Элберет зовут ее Синдары. Она — Королева Валаров, Зажигающая Звезды. Вокруг Владык великое множество благих духов.

Другой Великий Владыка, Ульмо, — редкий гость в Валиноре. С первых дней Арды избрал он своей обителью Внешний Океан, и поныне живет там. В его руках морские течения, приливы и отливы, русла рек и нити родников, дожди и роса во всем поднебесье. В океанских глубинах размышляет Ульмо о Великой Музыке, отзвук его мыслей разносится по жилам земли, наполняя их печалью и радостью. Многому научились от Ульмо Тэлери, потому так чарующи и глубоки звуки их песен.

Когда-то вместе с Ульмо пришел на Арду Майа Салмар. Это он изготовил знаменитые рога Ульмо; кто однажды услышит их, запомнит навсегда. Оссэ, Уинен и множество других духов помогают Ульмо, взяв на себя дела Внутренних Морей.

Ульмо также никогда не забывал о темном Среднеземье, и кровь — вода продолжала пульсировать в жилах этой сумеречной земли, какие бы горести ни выпадали на ее долю. Кто бы ни скитался на темных просторах, вдали от света Валаров, он всегда мог рассчитывать на благосклонное внимание Ульмо, и вечно пребывает над Среднеземьем благословение Владыки Океана.

И Йаванна не забывала Внешних Земель. Многие труды, начатые в Среднеземье и погубленные злобой Мелькора, не давали ей покоя. Время от времени покидала Йаванна дом Аулэ и цветущие луга Валинора и отправлялась на Восток, врачевать раны, причиненные Внешним Землям мятежным Айнуром.

И каждый раз по возвращении призывала Йаванна собратьев-Валаров выступить против Мелькора и избавить несчастные земли от злого владычества, не дожидаясь прихода Перворожденных.

Порой во тьму дремучих лесов наезжал могучий воин Оромэ. Тогда дребезжала земля под копытами сиявшего серебром в ночи дивного коня Нахара, а чудовища и хищные твари, во множестве расплодившиеся благоволением Мелькора, удирали со всех лап под ударами исполинского копья и стрел великого охотника. В сумерках Мира победно звучал над равнинами Арды рог Валарома, рождая отзвуки в горах и заставляя Мелькора вздрагивать в недрах Утумно. Страшила Мелькора мощь Оромэ в предстоящих боях.

Но едва стихали вдали копыта Нахара, как снова выползало из укромных щелей лиходейское зверье и слуги Мелькора снова заполняли Землю мраком и ложью.

Теперь все сказано об устройстве Земли и ее правителях В Начале дней, до того как мир изменился и встретил Детей Илуватара — Эльфов и Людей.

Там, в Довременье, Айнуры даже не заметили, как и когда в Музыке зазвучала тема Детей Илуватара, Впоследствии никто не дерзнул что-либо менять в замысле Единого, и поэтому Валары стали для эльфов и людей старшими братьями, учителями, но никак не властителями. Изредка Айнурам приходилось действовать силой, но к добру это не приводило, хотя и вызвано было добрыми побуждениями.

Айнурам ближе был народ Эльфов. По замыслу Илуватара они были схожи, хотя, конечно, эльфы не могли сравняться с Айнурами красотой и могуществом. А вот людям достались от Творца странные Дары.

Говорят, что после ухода Айнуров на Арду настала тишина и Илуватар около века сидел в одиночестве, погруженный в думы. Затем Он сказал такие слова:

— Я люблю Землю, этот дом Квэнди и Атани! Квэнди станут прекраснейшими созданиями этого Мира, им на долю выпадет познать, создать и дать миру больше прекрасного, чем другим моим Детям. Да не покинет их благодать. А для Атани у меня есть другой Дар.

И он повелел, чтобы души людей и за гранью мира не знали покоя, стремясь в беспредельность. Люди получили право по своей воле избирать пути и строить жизнь среди стихий Мира по собственному усмотрению, ибо в Музыке Айнуров, вместившей судьбу всех вещей в мире, не было темы людей; только Илуватар ведал о тех, кто должен был прийти следом за эльфами. Именно людям предназначил Эру завершить творение Формы, наполнить ее Содержанием и исполнить Идею этого Мира до самой малости.

Ведомо было Илуватару, сколь часто люди, оказавшись в кипении мировых стихий, будут забывать о Пути Истинном, ведомо было Илуватару, что не всегда смогут они в гармонии с миром использовать Его дары, и Он сказал.

— Придет время, и люди поймут, что бы ни делали они, куда бы ни направили стопы свои, все во благовремени обернется к вящей славе трудов Моих.

Люди с тех пор часто огорчают Манвэ, постигшего многие думы Илуватара, и эльфы знают о том. Поэтому эльфам порой кажется, что Люди подобны Мелькору, хотя тот боялся и всегда ненавидел тех из них, кто служил ему.

Эру даровал людям свободу, но коротко их существование в Мире. Приходит срок, и люди уходят. Куда? Эльфам неизвестно. Эльфы остаются и останутся до конца дней. Поэтому любят они Мир любовью великой, чистой и горькой, и с годами она все горше. Ведь эльфы не умирают, разве что падут в бою или зачахнут в печали, но это мнимая смерть; с годами силы эльфов не убывают, просто некоторые из них устают от десятков тысяч прожитых лет. Павшие в бою или оставившие тела в печали уходят в чертоги Мандоса, откуда могут потом снова вернуться в Мир.

Смерть людей настоящая. Приходит время, и они покидают Мир, поэтому имя им здесь — Гости, Странники. Смерть — их сужденный удел, Смерть — это Дар Творца, которому с течением времени позавидуют даже Айнуры. Но Мелькор и здесь преуспел, заставив людей страшиться Смерти, затемнив ее истинную суть.

Но еще в Начале Времен эльфы узнали от Валаров, что в конце всего именно люди вместе с Айнурами станут Вторым Хором. А вот что тогда ждет эльфов — не знает никто. Илуватар никому не открыл своих намерений, а Мелькору они и подавно неизвестны.

Глава 2

АУЛЭ И ЙАВАННА

Говорят, что создателем Гномов был Аулэ. Во тьме Среднеземья он так страстно ждал прихода Детей Илуватара, так жаждал поделиться с ними своими знаниями и мастерством, что терпение его истощилось, и Аулэ до исполнения начертаний Эру создал гномов такими, каковы они и сегодня. Аулэ не ведал будущего облика Детей Илуватара и наделил свои создания в первую очередь силой и неутомимостью, ведь Мелькор по-прежнему властвовал над Землей. Работал он втайне от других Валаров, ибо не был уверен в их одобрении. Так в подгорном чертоге Аула появились Семь Праотцев гномов.

Аулэ напрасно таился — от всеведения Илуватара не укрылись его замыслы. Когда Аулэ закончил свой труд, он возрадовался и начал учить гномов придуманному им языку. Тогда Илуватар обратился к нему, и в молчании внимал Аулэ словам Творца:

— Зачем сотворил ты *э т о*? Знаешь ведь: не в твоей власти творить живое, и могучий Айнур Аулэ — не более чем мое творение. Созданное твоими руками и твоей волей способно жить лишь твоим непрерывным участием. Любое их движение возможно лишь по твоему желанию, без тебя они — не более чем камень. Этого ли ты хотел?

И Аулэ отвечал:

— Нет, не этого хотел я. Я стремился создать существа, непохожие на нас, предмет нашей любви и заботы, существа, способные видеть красоту Мира, твоего творения. Просторы Арды могут вместить многих и многих, но она пуста и бесплодна. Я ждал и ждал, но ты же сам создал меня с неутолимým желанием творить. Не гневайся, ибо дела моих рук — не более чем желание неразумного ребенка, который, тщаь походить на отца, смешно и неуклюже, но искренне, подражает его делам. И, как ребенок отцу, я приношу тебе дело рук своих, тобой же сотворенных. Но, может быть, мне лучше уничтожить самонадеянно созданное?

Аулэ схватил огромный молот, чтобы разбить гномов, и плакал при этом. Но Илуватар, видя его раскаяние, решил иначе. И вот гномы испугались, отскочили в стороны от грозного молота и взмолились о пощаде. Снова раздался голос Илуватара:

— Я принял твой дар. Видишь, твои создания уже живут своей жизнью и говорят своим голосом. Иначе не уклониться бы им от твоего удара.

Возрадовался Аулэ, отбросил молот и воскликнул:

— Благослови мой труд и прими как свой! Но Илуватар прервал его.

— Так же, как в Начале Мира я дал бытие думам Айнуров, теперь я принял твой дар и дал ему место в этом бытии, но не более того. Созданное тобой пусть будет, но не бывать гномам здесь прежде Перворожденных. Вот цена твоему нетерпению: гномам твоим спать отныне в подгорной тьме.

Тебе вместе с ними придется ждать пробуждения Моих Детей, когда бы оно ни случилось. В свой черед я разбужу их, они станут твоим народом, и ты еще увидишь: немало раздоров будет между детьми моего снисхождения и детьми моего замысла.

Аулэ взял Праотцев гномов, отвел их в дальние покои и уложил спать, а сам вернулся в Валинор и ждал там долгие годы.

Гномам должно было явиться на свет во дни владычества Мелькора, Аулэ думал об этом и наделил их большой выносливостью и силой. Твердые волей, стойкие, упрямые, скорые в дружбе и в гневе, неутомимо трудолюбивые, легко переносящие боль, голод и лишения — вот что отличает их среди других народов Среднеземья. Живут они долго, гораздо дольше людей, но все же — не вечно. Эльфы верили, что, умерев, гномы возвращаются в камень, из которого были созданы. Сами гномы считают иначе. По их верованиям Создатель Аулэ (они зовут его Махал) собирает души умерших гномов в дальнем покое Мандоса, а со времен Первых Гномов передаются слова Аулэ, обещавшего гномам перед концом Мира

благословение Илуватара и место среди Его Детей. Когда закончится Последняя Битва, гномы еще пригодятся Аулэ, чтобы восстанавливать Арду И еще говорят они, что Семеро Первых Гномов живут снова и снова в своих потомках и носят свои древние имена, а наиславнейший среди них — Дарин, Государь Народа, дружившего с эльфами. Царство его было в Казад-Думе.

Аулэ хранил свой труд в тайне от других Валаров. Но Йаванне он поведал о случившемся. И она сказала ему.

— Эру милостив. Ты вправе радоваться, ибо не только прощен, но и одарен. Ты работал один, в тайне даже от меня, поэтому созданиям твоим, как и тебе, милее будут труды их рук, а взор будет обращен долу, и не заметят они красоты живого на Земле. Много моих деревьев падет под ударами их безжалостного железа.

Тогда Аулэ возразил ей:

— Не так ли будут поступать и Дети Илуватара? Им тоже нужна будет пища, они тоже будут строить. Созданное тобой прекрасно, таким оно и останется — придут Дети Илуватара или нет. Но именно им уготовил Эру власть над всем сущим. С уважением и благодарностью, но они будут пользоваться всем, что мы создали на Арде.

— Воистину, так будет, — вздохнула Йаванна, — если только тень Мелькора не ожесточит их сердца.

Печальна была душа Йаванны, будущее тревожило ее. Пошла она к Манвэ, и, ни словом не обмолвившись о гномах, спросила:

— Скажи мне, благой Манвэ, истинно ли говорит Аулэ, что Детям Илуватара дана будет власть над всеми моими творениями?

— Да, это так, — ответил Манвэ. — Но почему ты спрашиваешь об этом? Тебе ли учиться у Аулэ?

Йаванна прислушалась к своему внутреннему голосу и сказала так:

— Могучий Манвэ, тревожат меня думы о грядущем. Мне дороги все мои создания. Мелькор и без того извратил слишком многое... Ужели ничто из сотворенного мной недостойно свободы?

— Хорошо, — молвил Манвэ, — что из твоих созданий желала бы ты сохранить? Которые из них милее твоему сердцу?

— И те и эти, — быстро отвечала Йаванна. — Они хороши вместе. Но если кэлвар могут постоять за себя или убежать, то олвар — те, что растут — беспомощны перед чужой волей. Но милее всех мне деревья. Медленно растут они, а умрут быстро, и если не приносили они богатых плодов, никто не пожалеет об их уходе. Я провижу это в своих думах. Вот если бы деревья могли говорить от имени всего, растущего на Арде, и карать тех, кто поднимет руку на них...

— Странные слова, — покачал головой Манвэ.

— Но именно так было в моей Песне, — горячо воскликнула Йаванна. — Покуда вы с Ульмо создавали тучи и проливали дожди, я возносила навстречу им ветви деревьев. Ветра и ливни заглушали их негромкий голос, но и они возносили хвалу Эру.

В глубоком молчании созерцал Манвэ думы Йаванны, сомнения переполняли его. Не укрылось это от Илуватара. И вот показалось Манвэ, что вокруг зазвучала Музыка, он вслушался в знакомые звуки, но теперь различил в них много новых оттенков. Вновь открылось ему Видение. Образы его были не так яркие, как в первый раз, но теперь Манвэ видел в нем и самого себя, а главное — видел он отчетливо что все в мире держится волей Илуватара. Видел он, как рука Творца проникла в Мир, видел, как вышли из руки его многие чудеса, скрытые от Манвэ доселе в сердцах Айнуиров...

Очнулся Манвэ, спустился к Йаванне на Эзеллохар, сел рядом с ней под кронами Двух Дерев. И так сказал Манвэ:

— О Кементари, выслушай слово Эру: «Ужели думают Валары, что я не слышал всей Музыки? До самого слабого звука самого слабого голоса? Так знайте: когда настанет час пробуждения для Моих Детей, сбудутся и чаяния Йаванны. Издалека соберутся духи и войдут в кэлвар и олвар, и будут жить в некоторых из них. И дети мои будут почитать их и страшиться их праведного гнева. Так будет, пока сильны

Перворожденные, а Пришедшие Следом молоды». Видно, забыла ты, о Кементари, — говорил Манвэ, — что в Музыке звучали не только твои помыслы. Не единожды встречались они с моими и тогда взлетали звуки подобно огромным птицам, парящим над облаками. И это услышано Илуватаром. Уже теперь, до пробуждения Перворожденных, придут в мир на крыльях ветра Орлы Властителей Запада.

Радостно встала Иаванна, воздела руки к небесам и воскликнула:

— Ввысь тянуться деревьям Кементари! Да будет высоким жилище Орлов!

Поднялся Манвэ, и казалось, голос его звучит из заоблачных высей:

— Нет, Иаванна, — сказал он, — для Орлов достаточно высоки будут только деревья, выращенные Аулэ. В горах станут селиться Орлы и оттуда будут внимать призывам, обращенным к нам. А в твоих лесах будут бродить Пастыри Деревьев.

На этом расстались Манвэ и Иаванна. Она вернулась в кузницу Аулэ, где он разливал по формам расплавленный металл.

— Предупреди своих детей, — сказала ему Иаванна, — ибо милостью Эру отныне в лесах они могут встретиться с силой, чей гнев я бы не советовала им будить. Он может стать гибельным для них.

— Но им же все равно нужно будет дерево, — пожал плечами Аулэ и вернулся к своему горну.

Глава 3

ПОЯВЛЕНИЕ ЭЛЬФОВ И ПЛЕНЕНИЕ МЕЛЬКОРА

При свете Дерев, за горами Амана летели века блаженной жизни Валаров. Среднеземье по-прежнему лежало под звездами, объято плотным сумраком. Во времена Светочей здесь кипела жизнь, теперь же, во мраке, ничего не росло. Но в морях колыхались гигантские водоросли, а на суше — тени огромных деревьев. В долинах, в холмах, окутанных мраком, таились свирепые и злобные твари. Редко кто из Валаров заходил сюда. Только Йаванна бродила иногда по лесам и долам, печалась о таком конце Весны Арды. Многие из рожденного тогда погрузила она в сон до срока, и растения ждали грядущих веков, не старея и не умирая.

На дальнем севере бодрствовал Мелькор. Он копил и копил силы, и от него наполнялись темные, спящие леса чудищами и прочей жуткой нежитью. В Утumno собирались толпы демонов из тех, что соблазнились во дни славы Мелькора и теперь мало чем отличались от него. Багровый пламень заменял им сердца, страх волнами расходился от них, а мрак служил одеянием. Много позже в Среднеземье их стали звать Барлогами. Множество других чудовищных форм родилось из тьмы Мелькора, долго они тревожили мир. Росли границы темных владений, постепенно отодвигаясь все дальше к югу. Мелькор воздвиг еще одну крепость с обширным арсеналом на берегу моря, на северо-западе. Она должна была отразить натиск Валаров, если бы они решили начать войну. Крепость звалась Ангбанд, а правил там наместник Мелькора — Саурон.

Вести, приносимые из покинутых земель Йаванной и Оромэ, заставили Валаров собрать Совет. На нем говорила Йаванна:

— Силы Арды! Кратким было Виденье Илуватара, и теперь мы едва ли угадаем в быстролетной череде дней Назначенный Час. Но будьте уверены: он близится. В этом веке — время исполнения наших надежд, время пробуждения Перворожденных. Ужели придти им на бесплодные земли? Ужели бродить во тьме, в окружении чудовищ, когда мы сами наслаждаемся светом? Ужели принять им власть Мелькора, когда Манвэ восседает на Таниквэтил?

И вскричал пылкий Тулкас:

— Нет! Не бывать этому! Довольно отдыхали мы, довольно восстанавливали силы. Один противостоит всем! Чего ждем мы и почему не начинаем праведную войну?

Манвэ повелел, и молчаливый Мандос произнес:

— Истинно, в этом веке ждать нам прихода Детей Илуватара. Но не сейчас. Им суждено пробудиться во мраке и первый взгляд обратить к звездам. Узрев звезды, будут они во все века вызывать в нужде к Варде, Возжигательнице Звезд. А с приходом яркого света начнется закат Перворожденных.

При этих словах покинула Варда Совет и с высоты Таниквэтил окинула взглядом тьму Среднеземья, едва освещенного далекими, тусклыми звездами. И тогда подвиглась Варда на труд, равному которому не было среди дел Валаров. Из серебряной росы Телперииона начала она создавать к приходу Перворожденных новые, яркие и чистые звезды, и за то имя ей на языке эльфов — Элентари, Королева Звезд. Создала она Карнил и Луиниль, Ненар и Лумбар, Алькаринквэ и Элеммире, а множество древних звезд собрала вместе и расположила на небе Арды заново: были там Вильварин, Телумендиль, Соронумэ и Анаримэ. Предвестником Последней Битвы, предначертанной в конце Дней, встал над горизонтом Менельмакар в блистающем поясе. А высоко на севере, бросая вызов Мелькору, поместила она корону из семи ярких звезд — Валакирку, Серп Валаров и знак рока.

Говорят, что в час, когда завершился долгий труд Варды, когда Менельмакар впервые шагнул в небо, когда вспыхнул над гранью мира синий огонь Хэллуина, в этот самый час пробудились Перворожденные. На берегах спящего озера Куивизнен, отражавшего свет новых звезд, очнулись от сна Дети Илуватара и молча жили у тихих вод, не отрывая глаз от звездного света. С той поры Небесные Огни милее всего для эльфов, а первой среди Валаров почитают они Варду.

С тех пор не раз изменялся облик морей и земель, реки покидали прежние русла ради новых, горы меняли свои очертания, и теперь уже нет возврата к берегам Куивизнен. Но в памяти эльфов место священного озера — на северо-востоке Среднеземья. Когда-то плескалось там Внутреннее Море Хелкар, ложе которого рождено падением Иллуина, Столпа Света, повергнутого Мелькором. Тогда в огромную впадину хлынули воды с окрестных мест и стали морским заливом. Поэтому первым светом для эльфов стали звезды, а первыми звуками мира — плеск и шорох вечно бегущих волн.

Долго жили эльфы в своем первом доме у воды под звездами, бродили, удивленные, по земле. Со временем они научились говорить и стали давать имена всему, что видели. Себя они именовали Квэнди, «Те, кто говорит», ибо не было вокруг других существ, способных произносить слова и складывать их в песни.

Случилось раз Оромэ заехать далеко на восток. У побережья Внутреннего Моря он повернул на север, к подножию Восточных Гор. Внезапно заржал его Нахар и остановился как вкопанный. Прислушался Оромэ и с удивлением различил в подзвездной тишине доносившиеся издали звуки песни.

Так Валары, как бы случайно, нашли долгожданных гостей. Оромэ тогда первым увидел эльфов, увидел и изумился: странным, дивным и неожиданным показался ему облик Детей Илуватара.

Так уж суждено Валарам: что бы ни звучало в Музыке, что бы ни предсказано было Видением, каждый раз новое будет казаться им неожиданным и странным.

В те времена Старшие Дети Илуватара были сильнее и выше теперешних эльфов, но красота их и поныне не померкла, ибо была совершенным созданием Илуватара. Долгая жизнь на Западе, печаль и мудрость только углубили ее сияние.

Оромэ сразу полюбил Квэнди и дал им другое имя на их собственном языке: Эльдары, Звездный Народ. Позже так стали зваться те, кто последовал за Оромэ на Запад.

Но тогда, в первый раз, Квэнди испугались Оромэ, и здесь не обошлось без Мелькора. Много позже Мудрые поняли, что Мелькор первым узнал о пробуждении Квэнди и тогда же приказал призракам и злым духам следить за ними. Если эльфы уходили поодиночке или даже небольшими группами от берегов озера, они пропадали бесследно и больше никто и никогда не видел их. Квэнди говорили, что ушедшие попадались в руки Охотнику. В древнейших эльфийских песнях упоминаются призрачные тени, бродившие в холмах вокруг Куивизнен, — иногда они затмевали звезды. И еще пелось в них о Темном Всаднике на диком коне. Он будто бы преследовал и пожирал неосторожных. Мелькор так ненавидел и боялся Оромэ, что посылал своих демонов в его облике пугать эльфов, распускал о нем лживые слухи, лишь бы отвратить сердца Квэнди от Оромэ при встрече.

Поэтому, когда Нахар заржал и остановился, а Квэнди узрели могучего всадника, одни из них попрятались, другие бросились бежать и не нашли дороги назад. Но самые смелые остались и скоро поняли, что Великий Всадник, стоящий перед ними, — не призрак из Тьмы. На его прекрасном челе сиял свет Амана, и благороднейшие из эльфов потянулись к нему.

Мало что известно о судьбах тех несчастных, которые попали в руки Мелькора. Кто из живущих сходил в подземелья Утумно? Кто проник во мрак дум Мелькора? По словам Мудрых, Мелькор собрал своих пленников в подземельях Утумно и постепенно, жестокостью и чарами, сумел подчинить себе, извратить их сущность. Так, в насмешку над эльфами, а больше — из зависти к ним, вывел он отвратительных орков, ставших потом злейшими врагами Перворожденных. Орки живут и множатся, как и Дети Илуватара, ведь даже подобия жизни так и не удалось создать Мелькору со времен его восстания в Айнулиндалэ, Музыке Айнуиров. Поэтому даже на дне темных душ Орков тлеет ненависть к своему господину, ибо он повинен в их уродстве, и только из страха сохраняют они ему верность. Пожалуй, это — самое отвратительное из дел Мелькора и самое ненавистное Творцу.

Оромэ недолго пробыл у Квэнди. Он вернулся в Валинор с радостной вестью, но рассказал и о призраках, нарушающих покой Куивизнен. Велика была радость Валаров, однако к ней примешивалась и тревога. Долго обсуждали они, как оградить Квэнди от мрака Мелькора. Оромэ тем временем снова вернулся в Среднеземье и стал жить с эльфами.

Манвэ в глубоких раздумьях долго сидел на Таниквэтил, обращаясь за советом к Илуватару. Наконец,

спустившись в Валинор, Манвэ созвал Валаров в Круг Судеб. Даже Ульмо пришел на Совет из пучин Внешнего Океана.

Вот слова Манвэ на Совете:

— Илуватар вложил в мое сердце решимость восстановить нашу власть на Арде и любой ценой избавить Квэнди от тлетворного мрака Мелькора.

Тулкас был несказанно рад, а вот Аулэ опечалился. Предвидел он жестокие раны, которые нанесет миру эта битва.

Валары выступили из Амана на штурм крепостей Мелькора. Никогда впоследствии не забывал Мелькор, что война эта началась из-за эльфов и из-за эльфов потерпел он в ней поражение. Но сами эльфы не участвовали в битве. Они не сохранили даже памяти о тех днях, когда могучие Всадники Запада сражались за их будущее.

Первые сражения развернулись на северо-западе Среднеземья, и весь тот край был разрушен. Однако войска Валаров быстро сломали сопротивление темных сил и отбросили их к Утумно. Затем Валары пересекли Среднеземье и прежде всего выставили охрану у берегов Куивизнен. Квэнди даже не ведали о великой Битве Сил, они запомнили только, как тряслась и стонала земля, как огромные волны обрушивались на берег, а на севере непрестанно полыхали зарницы. Долгой и трудной была осада Утумно, жаркие бои шли на подступах к крепости. Именно в это время изменился облик Среднеземья: великое Западное Море стало намного шире, оно затопило побережье и образовало на юге глубокий залив. Берега изрезали бухты и фьорды, особенно на севере, там, где сближаются земли Амана и Среднеземья. Самый большой из заливов, Балар, принял в себя воды Сириона, текущего с появившихся плоскогорий Дортониона и гор, окружавших Хитлум. Весь север пришел в запустение. В подземельях Утумно бушевал огонь, а верхние ярусы заполняли рати прислужников Мелькора.

Нелегкой была эта битва. Но в конце концов пали ворота Утумно, обнажились ее подземелья, а Мелькор попытался укрыться на дне глубокой ямы. Тогда вышел Тулкас, сильнейший среди Валаров, вызвал Мелькора на поединок и одолел его, повергнув ниц. Так был пленен Темный Властелин. Аулэ изготовил цепь Ангэнор, и ей сковали Мелькора. Только после этого в мире воцарился покой.

В радости победы Валары не стали обыскивать всех подвалов и тайных подземелий Ангбанда и Утумно — и напрасно. В них пряталось множество лиходейских тварей. Многие из них бежали, укрылись среди темных пустошей и затаились до времени. Саурана Валары тоже не нашли. Когда окончилась битва, а над разрушенным Севером еще клубились, закрывая звезды, тучи пыли и пепла, Мелькора с завязанными глазами, в оковах доставили в Валинор. Там в Кругу Судеб он униженно молил Манвэ о прощении, но прощения не получил, а был брошен в темницу во владениях Мандоса. На крайнем западе Амана выстроена она, и ни Валар, ни Эльф, ни Смертный не смогли бы вырваться оттуда на волю. Там должен был провести Мелькор три долгих века, прежде чем снова предстать перед судом Валаров.

А Валары опять собрались на Совет. Мнения разделились. Многие, и прежде всего Ульмо, предлагали оставить Квэнди в Среднеземье, дав им возможность своим трудом привести земли в порядок и залечить их раны, но большинство опасалось оставлять Детей Илуватара в полном опасностей мире, освещенном лишь светом звезд. Кроме того, красота эльфов очаровала Валаров, и они не хотели расставаться с ними надолго. Это мнение и победило. На Совете решили переселить Квэнди в Валинор, чтобы отныне жили они при Валарах в свете Дерев. Даже Мандос нарушил молчание, молвив: «так суждено». Спустя века решение это привело ко многим бедам.

Однако эльфы не сразу приняли предложение прибыть в Валинор. Первое их знакомство с Валарами состоялось во время войны, а вид разгневанных Владык едва ли мог внушать какие-нибудь другие чувства, кроме ужаса. Только Оромэ, которого эльфы знали и веселым, и добрым, и мудрым, не пугал их. Поэтому именно ему выпало вновь отправиться к берегам Куивизнен с новым предложением: прибыть в Валинор выборным от родов эльфов. Ими стали Ингвэ, Финвэ и Эльвэ, впоследствии ставшие королями эльфийского народа. В Амане они с благоговением узрели величие и мощь Валаров и страстно возжелали света и красоты Дерев. Когда Оромэ доставил их обратно, они горячо ратовали за немедленное переселение в благословенную землю.

С этого времени единый дотоле народ разделился. Род Ингвэ и многие из родов Финвэ и Эльвэ вняли призывам и решили следовать за Оромэ. С тех самых пор и поныне называют их Эльдарами, тем именем, что дал Оромэ вначале всем эльфам. Но многие предпочли свет звезд и знакомые просторы Среднеземья восторженным рассказам о неизвестной земле. Аварии стало их имя — «Те, кто отказался». Прошли века и века, прежде чем двум этим эльфийским народам суждено было встретиться вновь.

Эльдари начали Великий Поход тремя отрядами. Первым выступил немногочисленный народ Ингвэ. Они благополучно прибыли в Валинор и с тех пор пребывают у ног Стихий, а все эльфы чтят имя Ингвэ, Пришедшего Первым. Путь его к свету Валинора был прям и ни разу не оглянулся Ингвэ на оставленное Среднеземье. Народ Ингвэ — Ваниары, Дивные Эльфы — особенно полюбился Манвэ и Варде. Немногим из людей доводилось встречаться и говорить с ними.

Следом за Ингвэ тронулись Нолдоры, род Финвэ. Это Премудрые Эльфы, друзья Аулэ. Много песен сложено о Нолдорах, об их великих трудах и тяжелых сражениях в северных землях.

Последними двинулись Тэлери, и шли долго. Тэлери всегда тянуло к воде, и, когда в конце концов, они вышли к западному побережью, море очаровало их. В землях Амана имя им — Фалмари, Морские Эльфы. Так называли их Валары, когда увидели поющими и танцующими на фоне бушующих волн. Народ Фалмари был многочислен и управлялся двумя правителями: Эльвэ Сребромантом и его братом Ольвэ.

Эти три народа пришли на Заокраинный Запад во времена Дерев, поэтому общее их название — Калаквэнди, Эльфы Света. Но не всем Эльдарам, вышедшим из Среднеземья, довелось узреть сияние Телперии. Многие рассеялись в пути, а многие остались на берегах Среднеземья. В основном это были Тэлери. Они расселились по взморью, бродили в лесах и в горах, но чаяния их были обращены к Западу. Калаквэнди зовут их Уманиарами. Так и не достигшие Амана, Уманиары вместе с Аварии получили в веках имя Мориквэнди, Ночные Эльфы, ибо никогда не видели Света, что был до прихода Луны и Солнца.

Пути первых, отправившихся на Запад, были проложены Оромэ. Он вел их в обход моря Хелкар, а потом повернул к западу. На севере остались руины недавней войны, над ними клубился плотный мрак, сквозь который не пробивался звездный свет. Некоторые из эльфов устремились и повернули назад. Ныне они забыты.

Долго шли Эльдари на Запад, немеряны лиги Среднеземья и утомительно бездорожье. Да Эльдари и сами не хотели спешить. Они шли, с любопытством озираясь по сторонам и подолгу задерживаясь то возле неизвестной речки, то в просторных долинах. Нет, их желание прийти в Аман не ослабело, но пока путь к цели был для Эльдаров дорожее и интересней самой цели, а окончание пути скорее пугало, чем радовало. Поэтому, если Оромэ отвлекали дела и он покидал отряд, эльфы останавливались, и, вернувшись, он находил их там, где оставил. Сейчас уже не вспомнить, сколько лет они были в пути, когда дорогу им преградила огромная река. Она была шире всех, виденных Эльдарами. За рекой вздымались к небу горы. Казалось, их вершины достигают звезд. Говорят, это была та самая река, что потом была названа Андуин Великий. Она стала границей западных областей Среднеземья. А горы (когда-то их воздвиг Мелькор, преграждая путь Оромэ) звались Мглистые Башни на Рубежах Эриадора.

Намного позже, в Третью Эпоху, имя им стало Мглистые Горы. В те годы были они еще страшнее и выше, чем теперь. Тэлери надолго обосновались на восточном берегу реки, а Ваниары и Нолдоры переправились на другой берег и вслед за Оромэ прошли через перевалы. Тэлери же, когда скрылся из глаз Оромэ, взглянули на мрачные вершины, и сердца их сжал страх. Тогда Ленвэ из рода Ольвэ отвернулся от пути на запад и ушел с небольшим отрядом. Долгие годы об этих ушедших никто не слышал. Их называли Нандорами. По прошествии времени они уже ничем не походили на своих былых сородичей, разве что, как и они, тяготели к воде и всегда селились по берегам рек и ручьев. Никто лучше них не знал трав и деревьев, зверей и птиц. Много времени спустя, перед самым появлением Луны, сын Ленвэ Денетор все же увел часть этого народа на запад, в Белерианд.

Немало времени прошло с начала похода, но в конце концов Ваниары и Нолдоры перешли через Эред Луин, Синие Горы, разделявшие Эриадор и крайний запад Среднеземья (именно эти земли эльфы называли Белериандом), миновали долину Сириона и вышли к берегам Великого Моря между Дренгистом и заливом Балар. Безбрежная водная гладь повергла их в изумление, даже испугала, и в растерянности они отступили назад, в леса и нагорья Белерианда. Оромэ вынужден был оставить их, вернуться в Валинор и

просить совета у Манвэ.

Тем временем Тэлери тоже пересекли Мглистые Горы, миновали обширные долины Эриадора и шли дальше. Эльвэ, Сребромант, торопил их, он не мог забыть свет Валинора и всей душой стремился в землю обетованную. Кроме того, предводитель Нолдоров Финвэ был ему большим другом, и Эльвэ не хотел отставать от него надолго. Так и Тэлери, вслед за Ваниарами и Нолдорами, вступили наконец в восточные области Белерианда. Здесь они остановились и некоторое время жили на берегах реки Гелион.

Глава 4

ТИНГОЛ И МЕЛИАН

Майа Мелиан жила в садах Лориена. Не было среди Майа равных Мелиан в красоте, мудрости и в искусстве Заклинательных Песен. Когда в час общего света пела Мелиан, все стихало вокруг. Валары оставляли свои труды, птицы переставали щебетать, замолкали колокола, а фонтаны никли и приглушали свой звонкий голос. Это Мелиан научила соловьев их песням, и они всегда сопровождали ее веселой стайкой. До создания Мира не уступала Мелиан самой Йаванне и была ей первой помощницей. Когда у тихих вод Куивизьен пробудились Дети Илуватара, Мелиан оставила Валинор и пошла в Покинутые Земли. С ее приходом тишина предрассветного Среднеземья кончилась, и воздух зазвенел от песен Мелиан и от щебета ее птиц.

Сказано, что перед завершением похода Тэлери надолго остановились в Восточном Белерианде на берегах Гелиона. Нолдоры жили дальше к западу, в лесах, названных позднее Нэлдорет и Регион, и Эльвэ часто пробирался через дремучие дебри навестить своего друга Финвэ. И вот однажды он шел под звездами и вдруг услышал громкое соловьиное пенье. Он застыл, расслышав за соловьиными трелями дивные звуки песни, которую пела вдали Мелиан. Эльвэ забыл, кто он и откуда, забыл о великой цели похода. Слово во сне, шел он за птичьими голосами, уходя все глубже в лес, заблудился и не заметил этого, и вышел на поляну под яркими звездами. Там Эльвэ увидел Мелиан. Темнота словно бежала от прекрасной Майа, а лицо ее сияло несказанным светом Амана.

Ни слова не было сказано в эти минуты. Эльвэ приблизился, как в забытии, взял Мелиан за руку и в тот же миг любовь поразила их. Бессчетные годы стояли они так; звезды водили хороводы у них над головами и поднялись ввысь деревья Нан Эльмута, прежде чем они заговорили.

Тэлери искали и не могли сыскать своего предводителя. Любовь остановила Эльвэ Среброманта на его пути в Аман, Любовь задержала до срока возвращение Мелиан в Благословенный Край, и так было, пока длился их союз в Среднеземье. От этой Любви протянулась к эльфам и людям нить от Айнуров, бывших с Илуватаром до создания Эа.

Эльвэ долгие годы во славе правил эльфами Белерианда. Они получили прозвание Синдары, Серые или Сумеречные Эльфы, а Эльвэ принял имя Владыки Среброманта, Элу Тингола на языке Синдаров. Наделенная нездешней мудростью Майа Мелиан разделила правление с мужем. В подземных чертогах Менегрота, Дворца Тысячи Пещер, жили Владыки Дориата. Мелиан дала Тинголу небывалое могущество, но была и другая причина величайшего почета, оказанного правителю его народом: Эльвэ, единственный из Синдаров, видел Светоносные Деревья во дни их цветения. Поэтому он, Владыка Сумеречных Эльфов, сам причислен к Эльфам Света.

От любви Тингола и Мелиан в мир пришла та, прекрасней которой среди Детей Илуватара нет, не было и не будет.

Глава 5

ЭЛЬДАМАР И КНЯЗЬЯ ЭЛЬДАЛИЭ

Ваниары и Нолдоры подошли к западной оконечности Внешних Земель. В те древнейшие дни после Битвы Сил побережье чем ближе к северу, тем больше изгибалось на запад, так что на крайнем севере берег обрывался узким проливом. За ним на горизонте лежали земли Амана. В этих стылых краях царили лютые морозы Мелькора и весь пролив был забит нагромождением ледяных торосов. Оромэ повернул на юг, к приречным лугам Сириона; позже места эти получили название Белерианда. Отсюда в страхе и удивлении смотрели эльфы на безбрежный океан. Долго стояли они на берегу, словно ждали чего-то, и с тревогой вглядывались в темные волны.

По решению Валаров, Эльдаров встретил на побережье Ульмо. Голос Владыки Вод и звуки его дивных раковин совершили чудную перемену в душах Эльдаров: они излечились от страха перед морем и полюбили его...

Ульмо вырвал с корнем остров, служивший когда-то основанием Иллуина, и перегнал его в залив Балар. Ваниары и Нолдоры бестрепетно вступили на этот необычный корабль, пересекли на нем море и наконец вступили на земли Амана. В Валиноре их ожидала радостная встреча.

Когда остров-корабль отправлялся в путь, его восточная оконечность застряла на мелководье против устья Сириона, откололась и осталась в заливе. Так возник остров Балар, излюбленное место отдыха Оссэ.

Тэлери все еще жили на востоке Белерианда, вдали от моря. Они не слыхали сладкозвучных рогов Ульмо, не вняли призыву Валаров, потому что были заняты поисками Эльвэ. Возглавил народ брат Тингола, Ольвэ. Только когда до Тэлери дошла весть об уходе Ингвэ и Финвэ, они тронулись в путь, но вышли к побережью слишком поздно. Тэлери расселились в устье Сириона и долго жили там, тоскуя по ушедшим друзьям. Тогда и завязалась их дружба с Оссэ и Уинен, могучими Майа Ульмо. Оссэ научил Тэлери понимать голоса моря и слагать песни, созвучные его вечному покою. Тэлери и раньше любили воду, и прежде слыли среди эльфов лучшими певцами, а теперь песни их вобрали в себя мудрость Майа, очарование морских просторов и мерный ритм прибоя.

Так минули годы. Финвэ много раз просил Ульмо перевезти в Аман отставших собратьев. Нолдоры были уверены, что Тэлери хотят этого. Ульмо согласился. Тэлери действительно стремились к воссоединению, но, вернувшись за оставшимися на берега Белерианда, Ульмо очень огорчил Оссэ. Вотчиной Оссэ были моря Среднеземья и побережья Внешних Земель, их так оживляли смех и песни Тэлери! Некоторых Оссэ уговорил остаться, имя им стало Фалатримы, Эльфы Фаласа. Позже они перебрались в гавани Бритумбара и Эглареста, Слава лучших мореходов заслужено принадлежит этому небольшому народу, правит которым Кирдэн Корабел.

Родичи и друзья Эльвэ все еще оставались в Среднеземье, хотя их и влекла к себе Благословенная Земля. Наконец Ольвэ счел дальнейшее ожидание напрасным и большая часть Тэлери отправилась в Валинор на острове Ульмо. Оставшиеся друзья Эльвэ называли себя Эглаф, Забытый Народ. Вид моря вызывал у них тоску по несбывшимся мечтам, поэтому они отошли в глубь Белерианда и расселились в его холмах и лесах. Но об Амоне не забыли.

Когда Эльвэ очнулся, они с Мелиан покинули Нан Эльмут, но остались жить в этом лесном краю. Свет Амана, озарявший Мелиан, заменил Эльвэ желанный свет Дерев Валинора. Он встретился со своими родичами и друзьями, а те не могли поверить глазам: Эльвэ и прежде выделялся среди Эльдаров красотой и благородством, теперь же он походил на прекрасных Майа, светлейший из Детей Илуватара, с волосами цвета лунного серебра, он был достоин высокой судьбы, и она не миновала его.

Оссэ сопровождал плавучий остров с Тэлери, и, когда он величественно входил в залив Эльдамар, Оссэ запел. Тэлери узнали его по голосу и стали просить остановиться. Ульмо, хорошо понимавший души Тэлери (ведь это он на Совете возражал против великого переселения), разрешил Оссэ остановить остров и закрепить его на груди моря. Это не могло обрадовать Валаров, опечалился и Финвэ, узнав, что Тэлери не пришли и что увидеться с Эльвэ он сможет теперь только в чертогах Мандоса. Но остров-корабль

незыблемо стоял в заливе Эльдамар, отныне он назывался Тол Эрессеа, Одиноким Остров. Тэлери жили так, как хотели: под любезным им звездным сводом и поблизости от Благословенного Края. Со временем язык, на котором говорил народ Одинокого Острова, претерпел значительные изменения и уже ничем не походил на язык Ваниаров и Нолдоров. Народы эти жили теперь в Валиноре. Но в Дивном Свете Дерев они тосковали по звездам. Конечно это не укрылось от Валаров. В гигантской стене Пелоров был сделан проход, в глубокой приморской долине насыпали высокий холм и назвали его — Туна. С запада был он освещен светом Дерев, а далеко на востоке виден был Одиноким Остров. Дальше лежали хмурые Затененные Моря. На волны залива через Канал Света, Калакирю, пал отсвет Благословенного Края.

Серебром и золотом заискрились темные воды Эльдамара, свет коснулся Одинокого Острова, и его западный берег превратился в вечно зеленеющий сад. Цветы, распустившиеся там, были первыми, расцветшими восточнее Гор Амана.

На вершине Туны к небу поднялись белые стены и башни Тириона, первого города эльфов. Надо всеми постройками высился маяк Ингвэ, Миндон Эльдалиэва. Его яркий свет виден был из туманных морских далей. Мало кому из Смертных привелось увидеть этот тонкий серебристый луч..

Долго жили Ваниары и Нолдоры в прекрасном Тирионе. Из всех чудес Валинора самым дорогим стало для них Белое Дерево, и Иаванна вырастила в Тирионе другое. Синдары назвали дерево Галатилион, оно во всем было подобно Телперииону, только не светилось. Но оно также цвело, и в Эльдаре хранилось множество его семян. Одно из них проросло на Тол Эрессеа, в назначенный срок его отдаленным потомком стало Белое Дерево Нуменора.

Манвэ и Варда больше любили Ваниаров, Пресветлых Эльфов, а вот Аулэ связывала крепкая дружба с Нолдорами. Он часто навещал Премудрых Эльфов, и от этих встреч знания и умение Нолдоров возросли необычайно, но жажда познания не утихала. Они оказались способными учениками и кое в чем сумели даже превзойти учителей. Их язык часто менялся. Они любили слова и стремились для всего найти самые точные названия.

Однажды каменщики из рода Финвэ, славившиеся своим искусством возведения высоких ажурных башен, добывая в горах камень, нашли алмазы. Очень скоро появились инструменты для обработки этих замечательных камней и среди Нолдоров нашлись подлинно непревзойденные мастера-гранильщики. Из их рук выходили бриллианты дивных, неповторимых форм. Никому не приходило в голову копить их, и скоро бриллиант стал традиционным подарком в Валиноре.

Повесть эта посвящена в основном делам Премудрых Эльфов, ведь именно они вернулись потом в Среднеземье. Поэтому надо рассказать о правителях этого народа.

Первым был Финвэ. Его сыновья: Феанор, Финголфин и Финарфин. Но если матерью Феанора была Мириэль Сириндаэ, то братья Финголфин и Финарфин рождены от Индис из народа Ваниаров.

Феанор был самым одаренным из братьев. Беспокойный, огненный дух отличал его. Силой, доблестью и стойкостью славился Финголфин. Мудрость и красота принадлежали Финарфину. Через годы он стал большим другом сыновей Ольвэ, правителя Тэлфи, и женился на его дочери Эарвен, Деве-Лебеди из Альквалондэ.

Семь сыновей было у Феанора: Маэдрос Высокий, Мэглор Певец, Келегорм Светлый и Карантир Темный, Карафин Искусный и младшие — Амрод и Амрос, близнецы телом и душой, которые по возвращению в Среднеземье стали знаменитыми охотниками, как и их старший брат Келегорм, часто сопровождавший в Валиноре Оромэ.

Сыновьями Финголфина были Фингон, ставший впоследствии королем северных Нолдоров, и Тургон, владыка Гондолина. Их младшая сестра, Аредель Светлая, выросла прекрасной, высокой и сильной девой-охотницей и подолгу пропадала в лесах с братьями и сыновьями Феанора. Никому не отдавала она предпочтения и звалась Ар-Фэйниэль, Светлая Дева Нолдоров. Темноволосая, с кожей необычайной белизны, она всегда одевалась в белое с серебром.

Четверо сыновей Финарфина: Финрод, прозванный потом Фелагундом, Владыкой Пещер, Ородред, Ангрод и Аэгнор, были дружны с сыновьями Финголфина, как с родными братьями. В роду Финвэ не было девы прекрасней их сестры, Галадриэль; ее дивные золотые волосы словно вобрали в себя свет Лаурелина.

Теперь надо сказать о том, как Тэлфи пришли наконец в земли Амана. Веками жили они на Тол Эрессеа, и веками их души тянулись к свету, струящемуся из-за моря к берегам Одинокого Острова. Долго выбирали они и не могли выбрать между любовью к морю и любовью к своему народу и свету Валинора. Победило стремление к свету. Ульмо, покорный воле Валаров, послал за Тэлфи их друга Оссэ. Скрепя сердце, Оссэ научил народ Тэлфи строить замечательные корабли, а когда флот был готов, прощальным даром Оссэ стали огромные, белые как снег, лебеди, повлекшие корабли Тэлфи к берегам Эльдамара. Так Тэлфи, последними из эльфов, пришли в Благословенную Землю. Теперь они могли сколько угодно любоваться светом Дерев, гулять по золотым улицам Валимара или по хрустальным ступеням Тириона. Часто на своих быстрых судах бороздили они воды залива или бродили в пенном прибое по берегу. Нолдоры подарили им множество опалов, алмазов и горного хрусталя, и Тэлери с любовью устилали сверкающими камнями берега и дно озер и ручьев. Они сами добывали жемчуг и украшали им свои жилища. Это они убрали жемчугами покои Ольвэ в Альквалондэ, Лебяжьей Гавани, освещенной множеством разноцветных фонарей. Здесь жили они, здесь строили корабли, похожие на белых лебедей с золотыми клювами и глазами из темного янтаря. Городскими воротами служила арка, проделанная морем прямо в скале. Гавань лежала на севере Калакирьи, на границе Эльдамара; звезды ярко и чисто сверкали над ней.

Проходили века и любовь Ваниаров к Благословенной Земле и дивному свету Дерев становилась все сильнее. Они покинули Тирион и переселились на склон Таниквэтил, поближе к Манвэ. Нолдоры, не забывшие звезд Среднеземья, жили в горах и долинах или на склонах Калакирьи, внимали отдаленному рокоту Западного Моря и свободно бродили по землям Валаров в поисках знания о живой природе. В те дни они сблизились с морями Альквалондэ. Нолдорами правил Финвэ, Тэлери — Ольвэ, но Верховным Владыкой Эльфов называли Ингвэ. Теперь он почти не покидал Таниквэтил, всегда пребывая рядом с Манвэ.

У Феанора с сыновьями не было постоянного пристанища. В поисках непознанного они уходили к границам света, к холодным берегам Внешнего Моря, часто гостили в чертогах Аулэ, собирая знания обо всем на свете. Келегорм подружился с Оромэ и перенял у него удивительную способность понимать живую природу. Он понимал голоса деревьев, знал языки зверей и птиц; их множество обитало на землях Амана, таких же как в Среднеземье, но никогда не знавших черной власти Мелькора. Впрочем, немало здесь было и таких существ, которых в Среднеземье никогда не видели и уже не увидят, ибо мир с тех пор изменился неузнаваемо.

Глава 6

ФЕАНОР И ОСВОБОЖДЕНИЕ МЕЛЬКОРА

Свершилось то, чего хотели Валары. Все три народа Эльдаров жили в Валиноре, Мелькор пребывал в заточении, мир царил повсюду. Настал золотой день Благословенного Края. Долог он в Повести Лет, но краток в памяти Вечных. Это было время расцвета Эльдаров. Нолдоры преуспели в знаниях и делах, годы были наполнены радостным трудом во славу Валинора. Множество чудесных творений родилось тогда. Нолдоры обрели письменность. Румил из Тириона начертал знаки для записи песен и преданий: одни — для резца и зубила, другие — для пера и кисти.

Именно в это время в Эльдамаре, в семье правителя Финвэ, родился первый и самый любимый сын. При рожден и он получил имя Карафинвэ, но мать звала его Феанор, Пламенный Дух. Под этим именем и остался он в сказаниях Нолдоров.

Матерью Феанора была Мириэль. В искусстве шитья и ткаческой работы не было ей равных среди Нолдоров. Великой и радостной любовью любили друг друга Финвэ и Мириэль, ибо встретились в Благословенном Краю в Благие Дни. Но так много отдала Мириэль своему сыну, что ничего не оставила для себя. Сразу после рождения ребенка она позвала Финвэ и сказала так:

— О муж мой! Силы жизни, способные произвести на свет многих твоих детей, отдала я одному Феанору. Никогда больше не будет у меня другого ребенка.

Опечалился Финвэ, ибо во дни юности Нолдоров и в блаженстве Амана хотел видеть свой род многочисленным и процветающим, и так ответил на слова Мириэль:

— В блаженном Амане проходит любая усталость, исцеляется любая боль. Отдохни, и все пройдет.

Но Мириэль день ото дня теряла силы и Финвэ вынужден был просить совета у Манвэ. Манвэ поручил Мириэль заботам Ирмо в Лориене. Печальным (хоть и недолгим, как думалось) было расставание Финвэ и Мириэль. Отец сожалел, что детство сына пройдет без материнской ласки.

— Да, это жаль, — промолвила Мириэль, — и будь у меня чуть больше сил, я пролила бы немало слез. Прости, не моя вина в том, что уже было и еще будет.

И она ушла в сады Лориена, легла на траву, и веки ее смежил сон. Долго лежала она и казалась спящей, хотя дух ее давно пребывал в чертогах Мандоса. Девы Эстэ ухаживали за нетленным телом Мириэль, но она не вернулась больше. Финвэ, скорбя, часто приходил в сады Лориена, садился под серебристыми ивами возле тела жены и звал ее, но тщетно. Наверное, он был единственным в Благословенном Краю, кто предавался тогда скорби. Но время лечит любую рану, и через годы Финвэ перестал приходить в Лориен. Всю свою нерастрченную любовь он отдавал теперь сыну. Феанор рос быстро и по временам казалось, что в нем действительно пылает тайный огонь. Высокий, черноволосый, прекрасный собой, с пронзительными ясными глазами, был он настойчив, упорен, порывист и тверд. И какую бы цель ни ставил перед собой, шел к ней, не сворачивая. Мало кто мог поколебать его решимость советом, а уж силой — никто и никогда. Ни до него, ни после не рождалось среди Нолдоров эльфа талантливее и искусней. Еще в юности улучшил он письма Румила. С тех пор все Эльдары пользовались знаками Феанора. Он первым научился создавать самоцветы, крупнее и красивее порожденных землей. Они казались прозрачными, но в свете звезд вспыхивали голубыми и серебряными огнями. Потом он сотворил Палантиры, кристаллы, в которых можно было видеть отдаленные края и предметы так, как видят их из поднебесья Орлы Манвэ. Чудесные руки и острый ум Феанора никогда не знали покоя.

Еще юношей он женился на Нерданель, дочери прославленного кузнеца Махтана, любимого ученика и помощника Аулэ. У него учился Феанор работе с металлом. Нерданель в твердости характера не уступала Феанору, но терпением и стремлением понимать, а не подчинять ей удавалось поначалу сдерживать мужа, когда его внутреннее пламя разгоралось слишком ярко. Но впоследствии дела Феанора часто печалили Нерданель, и они охладели друг к другу. Семерых сыновей родила она Феанору, но немногие из них унаследовали характер матери.

Второй женой Финвэ стала Индис Ясная из народа Ваниаров. Она была в родстве с Ингвэ. Высокая, златовласая, она ничем не походила на Мириэль. В этой любви Финвэ снова обрел радость, но память о Мириэль не покидала ни его дома, ни его сердца, и Феанор всегда оставался для него любимцем. Сам Феанор не принял второй жены отца, не расположен он был и к своим сводным братьям — Финголфину и Финарфину. Дома он бывал редко, отдавая все время наукам, ремеслам и путешествиям по землям Амана. Позже многие искали объяснения бедам, виновником которых стал Феанор, в его отношениях с домом отца, полагая, что, если бы Финвэ хранил верность памяти Мириэль и все внимание отдавал сыну, беду можно было бы отвести. Но дети и внуки Индис тоже стяжали себе немалую славу, без них история Эльдаров была бы неполной.

Феанор и другие мастера Нолдоров работали без усталости, работа приносила им радость, а между тем заканчивалось время расцвета Валинора.

Близился к концу определенный Манвэ трехсотлетний срок заключения Мелькора. И вот, как и было обещано, он снова предстал перед судом Валаров. Мелькор узрел величие и благодать Стихий — и зависть охватила его сердце, увидел Детей Илуватара у ног могучих Валаров — и возненавидел их, взглянул на груды драгоценных камней вокруг — и возжелал их, но скрыл свои чувства, ибо понимал, что время для мести пока не пришло.

Наоборот, у ворот Валмара он униженно просил Манвэ о прощении, обещал стать усердным помощником в трудах Валаров, умолял дать ему возможность исправить содеянное зло. Ниэнна тоже просила за него тогда, но Мандос молчал.

Манвэ даровал Мелькору прощение. Однако Валары не доверяли бывшему врагу, и их решением Мелькору определено было не покидать пределов Валмара. За ним внимательно наблюдали — и что же: все, сделанное Мелькором в те дни, казалось правильным и разумным. Он действительно помогал эльфам и Валарам словом и делом и скоро уже свободно ходил по всей стране. Манвэ, благороднейший и благой Манвэ, незнакомый со злом, полагал, что Мелькор исправился. Он помнил давнее величие Мелькора, знал, что в замысле Илуватара Мелькор подобен ему самому, и не видел черных глубин ожесточенного сердца, навсегда покинутого любовью. Но не обманулся в Мелькоре Ульмо, и Тулкас, сжимая кулаки, по-прежнему провожал бывшего врага гневным взглядом. Непросто было вызвать гнев Тулкаса, но, однажды разгневанный, он не забывал ничего. Когда Манвэ вынес свое решение, они подчинились, но лишь потому, что судили бунтовщика и не могли позволить себе уподобляться подсудимому в несправедности.

Никто не вызывал у Мелькора столь страшной ненависти, как прекрасные и радостные Эльдары. В них полагал он причину возвеличивания Валаров и своего падения. Но чем больше он ненавидел их, тем больше выказывал любви и восхищения, стремился заслужить их дружбу и в любом деле был им первым помощником. Ваниары не доверяли ему — Свет Дерев сделал их почти ясновидящими, — а на Тэлери сам Мелькор не обращал внимания, считая их слишком слабыми для исполнения своих замыслов. Зато Нолдоры были в восторге от тайных знаний, которыми Мелькор щедро делился с ними. Находились среди Нолдоров такие, кто с самого начала подпал под обаяние коварных речей врага. Позже Мелькор заявлял, что и Феанор многому научился от него, получая советы в самых главных своих делах, но это явная ложь, ибо никто из эльфов не испытывал к Врагу такой открытой неприязни, как Феанор. Именно он первым назвал Мелькора Морготом, Врагом Мира, и хоть попался в злобные сети, замыслив против Валаров, в учениках Мелькора никогда не был и никаких его советов не принимал. Только пламень собственной души направлял Феанора в трудах. Работал он быстро и всегда один, не прося помощи и не советуясь ни с кем из живущих в Амане, великих или малых, разве что — с благоразумной Нерданель, да и то лишь в первое время.

Глава 7

СИЛЬМАРИЛЛЫ И ТРЕВОГИ НОЛДОРОВ

То было время удивительных творений эльфов. Однажды Феанор, овладевший вершинами мастерства, задумался о том, как сохранить славу Благословенного Края — Свет Дерев Йаванны. Возможно, он провидел близость рока, а может быть, решил испытать силы в подлинно великом деле. И вот, собрав все свое знание и умение, он принялся за долгий труд в тайне ото всех. А по окончании его в мир явились Сильмариллы.

Феанора нет здесь. Он ушел еще до рождения Солнца и пребывает в чертогах Мандоса, не воплощаясь больше среди своего народа. И покада не погаснет Солнце, и Луна не уйдет с небосвода навеки, не вернется в Мир искуснейший из эльфов, и значит, никому не узнать тайны создания Сильмариллов. Подобные огромным бриллиантам, они были крепче адаманта, и ничто на Арде не способно было разрушить их или замутнить чистую глубину. Сами камни подобны телу Детей Илуватара: оно лишь вместилище внутреннего огня, наполняющего его жизнью. Внутренним пламенем Сильмариллов стал, по замыслу Феанора, благой свет Дерев Йаванны.

Давно умерли Деревья Амана, но жив их свет в непостижимой глубине Сильмариллов. Даже во тьме глубочайшей сияли они из сокровищниц подобно звездам Варды. Они не мертвы. Как живые, любят Сильмариллы свет, вбирают его и изливают в лучах еще более прекрасным.

Такого чуда не видели в Амане; Варда благословила дивные камни, и с тех пор любая нечистая рука, коснувшаяся их поверхности, обуглится и отсохнет. Наконец и Мандос молвил слово. Так узнали, что совершенные творения Феанора заключают в себе судьбы земли, воды и воздуха Арды.

Сам Феанор больше жизни полюбил дело своих рук. Сияние дивных камней лишило покоя и Мелькора. Теперь он думал только об одном: как погубить Феанора, как посеять вражду между Валарами и Перворожденными и завладеть этим величайшим сокровищем. Но до времени прятал он свои замыслы под благообразной личиной и трудился без устали. Поначалу тщетными казались его старания. Но сеятель лжи непременно дождется всходов и тогда сможет отдохнуть, пока другие будут пожинать урожай. Для коварных речей Мелькора находились и внимательные слушатели, и болтливые языки, разносившие ложь дальше. Тонкая ложь, тайная, она походила на знание, придававшее видимость мудрости словам простодушных. Нолдорам пришлось жестоко поплатиться за свою глупость и доверчивость.

Мелькор искусно привлекал к себе многих. В его умных речах почти все было истинно, почти... Он умел говорить так, что слушатели потом считали его мысли своими собственными. Он смущал Нолдоров видениями бескрайних земель на востоке, которыми они, сильные и свободные, могли бы править по собственному усмотрению. И вот уже поползли слухи, что Валары из зависти привели Квэнди в Аман, они боятся, как бы красота и творческая сила, данная Илуватаром своим Детям, не возвысила эльфов над Валарами, как бы не расселились эльфы по всему лику Арды...

Валарам ведом был грядущий приход людей, но эльфы ничего не знали об этом. Манвэ не спешил посвящать их в планы Эру. Тогда Мелькор под большим секретом поведал Перворожденным о приходе Смертных. Правда, он и сам почти ничего не знал о людях, ведь тогда, в Довременье, он был слишком увлечен своей музыкой и не вслушивался в Третью Тему Илуватара. И вот эльфы уже говорят, что Манвэ специально держит их в плену, дабы позволить людям прийти и беспрепятственно занять Среднеземье. Валарам-де, легче покорить и держать в подчинении этот недолговечный народ, а эльфы, по милости людей, лишатся земель, дарованных Илуватаром. Правдой тут и не пахло. Валары не думали подчинять себе людей, однако многие Нолдоры поверили злым наветам, а те, кто не поверил, все же внимательно прислушивались к этой клевете.

Прежде чем Валары заподозрили неладное, мир Валинора был отравлен. Нолдоры начали роптать, гордыня заставляла их забыть, кто дал им знания, от кого получили они в дар искусство высокого труда.

Но сильнее других зажглось жаждой свободы и новых земель неукротимое сердце Феанора. Мелькор был доволен: к этому он и стремился, больше всего ненавидя старшего сына Финвэ и подбираясь к

Сильмариллам. Но пока они были недостижимы для него. Феанор выносил камни только по праздникам. Тогда они сияли в легком обруче, охватывавшем его высокий лоб. Остальное время Сильмариллы были скрыты в глубокой сокровищнице Тириона. Ревнивой стала любовь Феанора к камням, он уже прятал их от чужих взоров, позволяя смотреть на них только отцу и сыновьям. Теперь он все реже вспоминал, что свет, заключенный в Сильмариллах, не его собственность...

Немалым почетом пользовались старшие сыновья Финвэ — Феанор и Финголфин, но возгордились они и, возгордившись, стали оспаривать друг у друга право первенства. Этого случая не мог упустить Мелькор. И вот до Феанора стали доходить слухи о том, что Финголфин с сыновьями задумал лишить власти Финвэ и род Феанора и с ведома Валаров, стать владыкой Нолдоров. Валары якобы недовольны тем, что Сильмариллы упрятаны в подвалах Тириона, они хотят завладеть ими. А до Финголфина дошли такие слова: «Будь настороже! Не жалует сын Мириэль сыновей Индис. Влияние Феанора растет, отца он уже прибрал к рукам и скоро прогонит вас из Тириона».

Эта двойная ложь особенно удалась Мелькору. Гордость и гнев поднимались в душах Нолдоров, ослепляя их. Тут, опять вовремя, Мелькор завел речь об оружии, и Нолдоры бросились ковать мечи, топоры, копья. Много было изготовлено в то время щитов, украшенных гербами соперничавших родов. Про мечи помалкивали пока, и каждый считал, что об опасности ведомо лишь ему одному.

Феанор в своей тайной кузнице (о ней не знал даже Мелькор) выковал и дивно закалил мечи для себя и сыновей, сделал он и высокие шлемы с алыми гребнями. Не раз пожалел Махтан о том дне, когда он открыл зятю секреты кузнечного дела, полученные от Аулэ.

Вот так, слухами, ложью и коварными советами Мелькор разжег междоусобицу в народе Нолдоров. Благоденствию Валинора пришел конец. Феанор открыто роптал, грозился покинуть Валинор и увести Нолдоров из рабства в свободный внешний мир.

Тирион полнился слухами и глухим недовольством. Встревоженный Финвэ собрал родичей на Совет. Еще до начала Совета вышел вперед Финголфин и сказал:

— Отец! Ты владыка Нолдоров! Ужели не смиришь гордыню нашего брата? Не напрасно прозвали его Пламенным Духом, но это не дает ему права говорить так, будто он правит народом. Ты, отец, призывал Квэнди покинуть свои земли и отправиться за море. Ты вел Нолдоров к свету Эльдамара. Скажи, что ты не раскаиваешься в этом, и мы, твои сыновья, поклянемся в верности тебе.

В это время в зал Совета вошел Феанор. Сияющий доспех облакал его, у пояса висел длинный меч, а голову покрывал боевой шлем.

— Так я и знал, — зловеще произнес он, — мой сводный братец решил опередить меня и здесь! — С этими словами он обнажил меч и громко приказал Финголфину. — Прочь! Убирайся, и впредь знай свое место!

Финголфин даже не взглянул на брата, молча поклонился Финвэ и направился к выходу. Но у самых дверей Феанор заступил ему дорогу и, приставив к груди сверкающий меч, заносчиво сказал:

— Смотри, братец! Он поострее твоего языка. Если ты еще раз попробуешь возводить на меня напраслину перед отцом, клянусь, мой меч избавит Нолдоров от того, кто так жаждет править рабами!

Дом Финвэ стоял на большой площади под маяком, и многие собравшиеся слышали слова Феанора. Финголфин и тут ничего не ответил, молча прошел сквозь толпу и отправился искать младшего брата.

Валары не могли не заметить волнений, но подлинной причины не знали. Поэтому, раз Феанор первым возвысил голос против них, они сочли его зачинщиком, решив, что причиной послужила его надменность и своеволие, хотя и остальных Нолдоров обуяла гордыня. Манвэ был удручен, но до поры лишь молча наблюдал за происходящим. Ведь Эльдары сами пришли в земли Амана и вольны уйти, когда захотят. Если бы они решились на такую глупость, Валары не стали бы им препятствовать. Однако то, что произошло на Совете у Финвэ, не могло остаться безнаказанным. Слова и поступки Феанора возмутили и огорчили Валаров. Его призвали в Круг Судеб и потребовали ответа. Множество Нолдоров собралось там же. Феанор стоял перед Мандосом и отвечал на вопросы Валаров. Только здесь тайное стало явным, только теперь раскрылись козни Мелькора. Тулкас немедленно отправился за злодеем. Но какова бы ни

была роль Мелькора в происшедшем, Феанор все равно оставался виновным в нарушении мира Валинора и в том, что осмелился поднять руку на брата. Мандос изрек:

— Ты говоришь о рабстве. Тогда и ты раб и будешь им везде. Манвэ — повелитель всей Арды, а не одного только Амана. Ты нарушил закон, выслушай приговор: ты покинешь Тирион на двенадцать лет. Обратись к себе, вспомни, кто ты и как пришел сюда. По истечении двенадцати лет дело твое будет предано забвению, если обиженные тобой простят тебя.

Тогда сказал Финголфин:

— Я прощаю брату моему. — Но молча стоял Феанор перед Валарами. Потом он повернулся, покинул место Совета и ушел из Валмара. Его сопровождали сыновья. На севере Валинора, высоко в горах, возвели они гордый дворец-крепость Форменос. Там хранились их сокровища и оружие, там, в глубокой кладовой, окованной металлом, заперты были Сильмариллы. Спустя время пришел к любимому сыну и Финвэ. Правление Нолдорами он передал Финголфину. Так ложь Мелькора обрела видимость правды, и случилось это по вине самого Феанора; раздор же, посеянный Мелькором, остался надолго и спустя многие годы все еще жил меж сыновьями Финголфина и Феанора.

Мелькор, узнав о том, что его намерения раскрыты, прикинулся облаком, медленно плывущим над горными вершинами, и так ускользнул от Тулкаса. Многим показалось, что свет Дерев с тех пор померк, а тени вытянулись и потемнели.

Долго не показывался Мелькор в Валиноре. Даже вестей о нем не было слышно. Но однажды, неожиданно, он возник перед воротами горного дома Феанора и вызвал его для беседы. Используя весь свой ум и хитрость, заверял он гордого сына Финвэ в дружбе и убеждал бежать из-под власти Валаров.

— Видишь, насколько я был прав, — говорил он. — Тебя несправедливо изгнали, а Нолдорами правит Финголфин. Но если твой дух не утратил стремления к свободе, я готов помочь. Я могу унести тебя с этого маленького клочка земли. Разве перед тобой не Валар? Да, я такой же, как и те, кто восседает в Креслах Совета Валинора, разве что сильнее многих из них. Но я всегда был другом Нолдоров, самых умелых и доблестных на Арде.

Молча слушал Феанор речи Мелькора. Ожесточенный и оскорбленный изгнанием, он не мог решить, принять ли помощь Мелькора, довериться ли ему? А Мелькор, видя сомнения Феанора и зная, что он давно стал рабом Сильмариллов, решил подлить масла в огонь.

— Вижу, надежный оплот ты возвел. Только не надейся, что в пределах владений Валаров какая-нибудь сокровищница будет достаточно крепка, чтобы уберечь Сильмариллы!

Здесь Мелькор перестарался. Упоминание о Камнях разбудило дремавшее пламя. Феанор словно прожег взглядом прекрасную оболочку Мелькора, проник в его помыслы и узрел страстную жажду обладания Сильмариллами. В гневе проклял он Мелькора страшными словами и выгнал вон, захлопнув ворота перед одним из самых могучих духов Эа.

И Мелькор с позором удалился. Отовсюду грозила ему опасность, не время было мстить, но черный огонь мести кипел в нем. Финвэ, узнав о случившемся, в великом страхе поспешил отправить гонцов в Валмар.

Гонцы застали Валаров в Креслах Совета. С беспокойством взирали Стихии Арды на удлинившиеся тени.

Едва прозвучали первые слова, Оромэ и Тулкас вскочили и собрались в погоню, но в это время прибыли вестники из Эльдамара. Они сообщили, что Мелькор объявился. С вершины Туны видели эльфы, как он разгневанным смерчем неся через Калакирию, а потом повернул на север. Тень его накрыла Альквалондэ и умчалась к границам Арамана.

Да, Мелькор покинул Благословенный Край. Валары напрасно ждали вестей о нем. Все было спокойно, и незамутненным светом сияли Два Древа. Но черная туча сомнений словно бы напозла с севера и к радости обитателей Амана отныне примешивалась тревога и предчувствие близкой беды.

Глава 8

ЗАТМЕНИЕ ВАЛИНОРА

Манвэ считал, что Мелькор укрылся в своих старых владениях на севере Среднеземья. Оромэ и Тулкас обыскали весь север от берегов Тэлери до ледяных пустошей, но не обнаружили даже следов Врага. Мелькор исчез. Валары усилили охрану северных границ, но и она оказалась втуне, ибо на самом деле Мелькор, миновав земли Тэлери, повернул назад и незримым перенесся далеко на юг. Он все еще продолжал оставаться Валаром и мог менять облик и бродить невидимым, хотя уже близилось для него время утраты этой способности.

Так безвидным и прибыл Мелькор в мгlistый Аватар. Далеко к югу от Эльдамара, у подножия Пелоров, тянулись мрачные берега этого темного, неизведанного края. Там между черным холодным морем и отвесными кручами гор лежали самые непроглядные темени в мире. Там, в Аватаре, никому неведомо, жила Унголианта.

Эльдары не знают, откуда она пришла в мир, но, говорят задолго до того, как Мелькор поднял руку на владения Манвэ, она выступила из тьмы, окружающей Арду, а родом была из первых сильных духов, чью сущность исказил Мелькор. Унголианта не знала и знать не хотела никаких хозяев, никаких условий и договоров, ничто не существовало для нее, кроме собственного вожделения, кроме жажды насытить свою пустоту. Когда Оромэ очищал север от всякой нечисти, Унголианта перебралась на юг, а потом прокралась обратно, к границам Благословенного Края. Дело было в том, что она больше всего в мире ненавидела свет и одновременно больше всего жаждала света как самой лакомой пищи.

В облике чудовищного паука жила она в горах, заплетая ущелья черной паутиной, улавливающей даже малую толику света. Им питалась Унголианта, извергая смрадную мглу, расползавшуюся вокруг ее логова. Давно сидела она здесь, все вокруг пропиталось ее тлетворными миазмами, и ни единый луч света не проникал сквозь них. Унголианта голодала.

И вот в Аватар явился Мелькор. Здесь он снова принял облик грозного тирана, внушающего ужас Владыки Тьмы. Отныне и навеки облик этот стал его единственной и настоящей формой. Здесь, среди черных теней, непроницаемых даже для всевидящего Манвэ, Мелькор нашел Унголианту и посвятил в планы своей мести. Унголианта страшилась мощи Владык, но голод терзал ее невыносимо. Тогда Мелькор пообещал: «Если ты будешь послушна моей воле, я сумею унять твой голод. Сделай, как я велю, и, клянусь, ты получишь все, что будет в моих руках». Он легко клялся, этот Мелькор, легко, потому что смеялся над любой клятвой.

Унголианта согласилась. Она окутала себя и Мелькора в Ничто, потом стала быстро плести сеть, перебрасывая нити с утеса на утес, через пропасти и трещины, все выше и выше, пока не дотянулись они до вершины Хиарментира, высочайшей горы на всем юге.

Валары не интересовались этим бесплодным, позабытым краем, но, если бы теперь, они устремили взор на юг, там, на далекой вершине они заметили бы стоявших рядом Мелькора и Унголианту.

Перед ними расстились леса Оромэ, западнее — золотились высокой пшеницей поля Йаванны, а еще дальше к северу в дивном свете Телперииона и Лаурелина сверкали серебром дворцы Валмара. Расхохотался Мелькор, сорвался вниз и вихрем понесся на север. Рядом бесшумно струилась Унголианта, прикрывая их обоих завесой тьмы.

Мелькор остался верен себе и снова выбрал время праздника. Конечно, подвластны времена года могучим Валарам, конечно, не знает Благословенный Край мертвящей зимней стужи, но и Валары, и Майа, и Эльдары живут на Арде, маленьком царстве на просторах безграничной Эа, а жизнь Эа — это Время, вечно длящееся от первой ноты Музыки Айнуиров до последнего звука Великого Хора Илуватара. С тех пор как Валары приняли зримый облик, они старались походить на Детей Эру: так же ели и пили, собирали плоды, выращенные Йаванной на земле, сотворенной ими по воле Единого.

Время цветения и сбора урожая установлено Йаванной. Когда поспевали первые плоды, Манвэ устраивал великое пиршество во славу Эру. Тогда все народы, населявшие Валинор, собирались на склонах

Таниквэтил, пели и веселились.

И вот Манвэ повелел объявить, что предстоящий праздник будет особенно торжественным и пышным. Бегство Мелькора сулило в будущем многие труды и беды, никто не мог предвидеть, какие раны нанесут земле грядущие битвы и когда удастся сломить супостата. А пока Манвэ решил, не откладывая, исцелить Нолдоров от гордыни и распрей. Он пригласил всех собраться в чертогах Таниквэтил, чтобы покончить с враждой, разделившей славнейших среди Нолдоров, и предать забвению козни Врага.

На праздник пришли Ваниары, Нолдоры и многие Майа. Валары являли подлинную красоту и величие. На зеленых склонах Таниквэтил было много песен и танцев. Опустели в тот день улицы Валмара, затихли лестницы Тириона и земли покоились в мире. Только Тэлери распевали песни у себя на побережье. Их мало заботили времена года, они не думали о бремени Владык Арды и об угрозе, нависшей над Валинором.

К сожалению, Манвэ не удалось полностью осуществить свой замысел. Хотя Феанор и пришел на праздник (единственный, кому повелели прийти), но ни Финвэ, ни Нолдоры Форменоса не явились. Передавали слова Финвэ: «Пока Феанору запрещено появляться на Туне, я не считаю себя правителем и не хочу встречаться с моим народом». Феанор пришел, но пришел в повседневном платье, без украшений и без Сильмариллов, скрыв их в железной кладовой Форменоса и от Валаров, и от Эльдаров. Перед троном Манвэ он встретился с Финголфином и даже выказал ему на словах дружелюбие, а Финголфин поклялся забыть о мече, приставленном к его груди.

— Я держу обещание, — громко сказал он, — прощаю тебя и не помню обиды.

С этими словами Финголфин протянул руку Феанор молча пожал ее, а Финголфин пылко воскликнул:

— Мы только наполовину братья по крови, но по духу я — твой истинный брат! Веди, я последую за тобой. Да не разделят нас впредь никакие обиды!

— Я слышал твое слово. Быть посему, — сдержанно ответил Феанор. Никто тогда не предполагал, каким смыслом наполнятся вскоре его слова.

Говорят, это было в час слияния света Дерев. Тихий Валмар тонул в золотом и серебряном блеске, когда над Валинором, подобно гонимой ветром черной туче, пронеслись две зловещие тени — Унголианта и Мелькор. Они опустились у подножия Эзеллохара и мгла Унголианты тотчас стала расплзаться вокруг, сгущаясь у подножия Дерев. Мелькор вступил на холм и черным копьём прошёл оба Светлых Древа. Сок их заструился подобно крови из глубоких ран, и тяжелые светонесущие капли упали наземь. Унголианта приникла к стволам, высосала соки, яд смерти проник в корни, ветви и крону, и на глазах Деревья иссохли и умерли. Но страшная тварь еще не насытилась. Она подползла к светящимся родникам Варды и вылакала их до дна. Она пила свет, а мгла вокруг становилась угольно-черной, и сама Унголианта росла и росла, пока не превратилась в исполинское чудовище, устранившее даже Мелькора.

Великая тьма пала на Валинор. Элеммирэ из Ваниаров сложил песню о том дне, и все Эльдары знают ее. Но даже песне самого искусного певца не дано передать скорбь и отчаяние, охватившее Валинор, когда угас Дивный Свет. Тьма, пришедшая на смену ему, уже не была просто отсутствием света, теперь она стала одушевленной. Злоба создала эту Тьму из Света; она ослепляла, угнетала душу, тисками сжимала сердце и подавляла волю.

Варда с высоты Таниквэтил увидела огромную Тень, бастионами черноты высилась она над опустевшим Валмаром. Казалось, весь мир канул в пучину непроглядной ночи и только вершина Горы последним оплотом стоит во мраке. Смолкли песни. Тишина окутала Валинор, только издали, сквозь брешь в Пелорах, ветер доносил плач Тэлери, похожий на крик чаек. С востока пахло холодом, а из морских далей начали подниматься, наплывая на берег, промозглые туманы.

Один только Манвэ пристально всматривался вдаль, и только его взор смог уловить далеко на севере быстро удалявшийся сгусток истинной Тьмы. Так понял Манвэ, что Мелькор приходил и ушел.

Валары снарядили погоню. Кони Оромэ сотрясали землю, снопы искр летели из-под копыт Нахара — они были единственными проблесками света в новой ночи Валинора. Грозным, неотвратимым возмездием мчались они, но, достигнув тьмы Унголианты, ослепли вдруг Валары, растерялись и сбились со

следа. Смолк могучий глас Валаромы, Тулкас напрасно поражал копьем темноту вокруг, и его могучие руки наливались незнакомой усталостью. Наконец Тьма отхлынула, но теперь нигде не было ни следа Мелькора. Он отомстил и ушел, скрылся неизвестно где, затаился, и никто не знал — надолго ли.

Глава 9

ИСХОД НОЛДОРОВ

Непроглядная ночь окружала Круг Судеб. Валары сидели в Креслах Совета, и высоко в небе горели над ними чистые звезды Варды. Ветры Манвэ разогнали мертвящую мглу, развеяли промозглые морские туманы.

На темную вершину Эзеллохара поднялась Йаванна. Она возложила руки на стволы Дерев, но темными и мертвыми оставались стволы, она трогала ветви — ветви ломались и падали к ее ногам. Велика была скорбь Валаров. Но еще не до дна осушили они чашу горя, поднесенную Мелькором.

Вот что сказала Йаванна Валарам:

— Свет Дерев погас и живет теперь только в Сильмариллах Феанора. Провидцем оказался сын Финвэ... Даже самым могучим из нас лишь единожды выпадает в жизни Час Творения. Он не повторяется на просторах Эа. Мне не создать Света Дерев вновь, но будь у меня хоть капля Света, я вернула бы их к жизни. Корни еще можно исцелить, тогда раны затянутся и зло Мелькора будет забыто.

Тогда зазвучал голос Манвэ:

— Феанор, сын Финвэ! Ты слышал слова Йаванны. Готов ли ты выполнить ее просьбу?

Тишина повисла над Кругом Судеб. Молчал Феанор. Пылкий Тулкас вскричал:

— Говори, о Нолдор! Да или нет? Кто откажет Йаванне? Разве не ею создан свет, заключенный в Сильмариллах? Ауле-мастер остановил его:

— Не спеши! Мы просим о большем, чем ты думаешь. Пусть решает сам.

Долго молчали все. Наконец Феанор с горечью произнес:

— Не только могучим Валарам выпадает Час Творения. Для малых сих он тоже наступает однажды, и тогда они способны на дела, в которых успокаивается их сердце. Да, я могу отдать вам Сильмариллы, но никогда не сотворить мне подобных им. Чтобы вернуть Свет, придется разрушить Камни, но тогда погибну и я — первым из Эльдаров Амана.

— Нет, не первым, — подал голос Мандос, и многие удивленно посмотрели на него.

Снова стало тихо. Феанор напряженно думал. Ему казалось: он окружен врагами; вспоминались речи Мелькора о том, что Валары хотят завладеть чудесными Камнями. «Ведь и Мелькор Валар, — думал он, — разве не доступны ему их замыслы? Как видно, вор выдает вора!» И тогда вскричал он:

— Нет! Не отдам я по своей воле Сильмариллов! А если меня принудят — что ж, это только докажет, что и Мелькор из рода Валаров!

— Ты сказал, — бесстрастно произнес Мандос. Ниэнна поднялась на вершину Эзеллохара, отбросила серый капюшон и слезы полились у нее из глаз. Слезами смысла она грязь, оставленную Унголиантой. Плакала Ниэнна и пела о жестокости, пришедшей в Мир, пела о прекрасной Арде, оскверненной злом.

Но беды злосчастливого дня еще не кончились. Плач Ниэнны звучал над Кругом Судеб, когда явились гонцы из Форменоса, неся новые страшные вести. Они поведали о том, как на северные земли хлынула тьма, в сердце тьмы крылась неведомая сила. Укрытый Тьмой, Мелькор подступил к дому Феанора. Он убил Финвэ, не отступившего перед темным ужасом, разрушил Форменос, опустошил сокровищницы и похитил Сильмариллы. Так в Благословенном Краю пролилась первая кровь.

При этих горьких словах встал Феанор перед Манвэ и проклял Мелькора, впервые назвав его Морготом, Черным Врагом Мира. Он проклял день и час, когда откликнулся на призыв Манвэ и пришел сюда, на склоны Таниквэтил. Видно, в ослеплении подумалось Феанору, что, останься он в Форменосе, Сильмариллы удалось бы отстоять и предотвратить убийство. Выбежал Феанор из Круга Судеб и исчез в ночи. Дороже света Валинора, дороже ненаглядных Камней был для него отец...

Все собравшиеся разделяли горе Феанора. Йаванна плакала — на ее глазах гас во тьме Свет

Валинора. Еще не полностью осознали Валары случившееся, ясно было лишь, что Мелькор призвал на помощь силу, пришедшую на Арду извне. Исчезли Сильмариллы, и теперь казалось неважным, как ответил Феанор на просьбу Йаванны. Но если бы он сказал «да» до прибытия гонцов, его собственная судьба была бы иной. Теперь же рок навис над народом Нолдоров.

Тем временем Моргот, уйдя от погони, явился в пустыне Арамана. Бесплодный этот край лежал далеко на севере, между Пелорами и Великим Морем. Холод сковывал здешние земли. Моргот и Унголианта вихрем пронесли над туманами и льдами пролива, разделяющего Араман и Среднеземье, и двинулись дальше на север. Моргот никак не мог избавиться от Унголианты. Опутанный ее тьмой, он чувствовал на себе пристальный немигающий взгляд множества глаз. Так они достигли залива Дренгист, неподалеку отсюда лежали развалины Ангбанда, давней твердыни Мелькора. Но Унголианту нелегко было провести. Она поняла, что ее соучастник пытается удрать, воспользовавшись знакомыми местами, и тогда она потребовала от Мелькора исполнения обещанного.

— Эй, злосердечный! Я исполнила твою просьбу. Но мой голод не утолен.

— Чего же ты хочешь?! — воскликнул Мелькор. — Неужели ты способна сожрать весь мир? Ну, так я не обещал скормить его тебе. Я ведь владею им.

— Мне и не надо так много, — ухмыльнулась Унголианта. — Отдай мне сокровища, прихваченные тобой в Форменосе, отдай сполна, как обещал.

Пришлось Морготу скормить ей сокровища Форменоса. С великой неохотой, по одному, отдавал он жемчуга и алмазы. Все пожирала ненасытная утроба. Унголианта росла как на дрожжах. Мрак, окружавший ее, становился все непроглядней, но не слабел мучительный голод.

— Не очень-то щедра твоя левая длань, — укорила она Мелькора. — Давай-ка теперь то, что в правой.

В правой руке Враг держал Сильмариллы. Даже заключенные в хрустальном ларце, они страшно жгли ему ладонь, но он терпел и ни за что не хотел отдавать чуда.

— Хватит с тебя! — надменно воскликнул он. — Ты свое получила. Если бы не моя сила, не видать бы тебе и этого. Ты не нужна мне больше. И не зарься на то, что у меня в руке. Оно навеки принадлежит мне и только мне.

Мелькор не учел, что Унголианта уже переросла его самого, он же, наоборот, уменьшился, потеряв часть своей силы. И тут Унголианта бросилась на него, накрыла темной тучей, и вмиг сдавила толстыми, как канат, плетями. В этот момент и исторг Мелькор вопль, отзвуки которого навсегда вросли в окрестные скалы. С тех пор край этот зовется Ламмот, и любой громкий звук пробуждает здесь странные стенания, полные ярости и муки. Страшен был вопль, сотрясший горы, заставивший потрескаться землю. Далеко раз неся он окрест, достиг развалин Ангбанда, и там, в развалинах, под которые не удосужились заглянуть когда-то Валары, его услышали Барлоги, все это время ожидавшие возвращения хозяина. Крик пробудил их. Подобно огненным смерчам перенеслись они к месту жуткой схватки, багровыми мечами разрубили сети, опутавшие Мелькора, и обратили Унголианту в бегство. Выпустив огромное черное облако, помчалась Унголианта на юг, в Белерианд, и затаилась у подножия Эред Горгората, в темной долине, получившей позднее имя Нан Дунгорфеб, Долина Ужасной Смерти. Еще когда Мелькор строил Ангбанд, долину эту населяла нечисть в пауьем обличье. Здесь и поселилась Унголианта. Она выбирала самцов, спаривалась с ними, а после — пожирала. Спустя много лет, когда сама Унголианта затерялась в неведомых краях на юге, ее многочисленное потомство все еще населяло долину, плетя свои мерзкие сети. Ни одно предание не сохранило сведений о судьбе Унголианты, однако кое-кто полагает, что сгинула она давным-давно, сожрав в неутолимом голоде самое себя.

Да, Сильмариллы избежали участи сгнить в ненасытном брюхе Унголианты, но оставались во власти Моргота. Теперь, на свободе, он собрал прежних своих слуг и вернулся на руины Ангбанда, заново отрыл обширные подземелья, выстроил стены, а над воротами вознеслась угрюмая тройная башня Тангородрима. Отныне и навсегда вершины ее окутал клубящийся дым.

Стремительно множилось воинство зловещих тварей, демонов и орков. Так был затемнен Белерианд, и потому темна повесть тех лет. В Ангбанде выковал Моргот железную корону и провозгласил себя Королем Мира. Тяжела была корона и год от года все тяжела, но Моргот никогда не снимал ее, ибо в

ней сияли Сильмариллы. Руки Врага так навек и остались черными и обугленными. Ожоги не заживали, причиняя Морготу сильную боль и тем приводя его в ярость. Теперь он управлял своим воинством, не покидая подземелий. Только однажды вышел он из Ангбанда и только однажды взялся за оружие сам.

Поражение в Утумно поубавило его спесь, но зато прибавило ненависти. Теперь он упивался властью над многочисленными рабами, творя из них беспрекословные орудия злой воли. Величие и мощь Айнуоров, изуродованные злобой, сделали его облик столь ужасным, что немногим из живущих дано было, не теряя разума, созерцать владыку Ангбанда.

Теперь и в Валиноре поняли, что Мелькору удалось скрыться. Погруженные в раздумья, в Круге Судеб сидели Валары, поодаль плакали Майа и Ваниары, а Нолдоры вернулись в Тирион, горько сетуя на темноту его молчаливых улиц. На склоны погруженной во мрак Калакирьи наползали промозглые туманы и тускло мерцал во тьме луч маяка Миндон.

Потом неожиданно явился Феанор. Он не избыл сроков изгнания, и его приход был прямым вызовом воле Валаров.

Феанор призвал эльфов во дворец Финвэ на вершине Туны и вскоре улицы, лестницы и даже окрестные склоны заполнила огромная толпа с факелами. Замечательным оратором был старший сын Финвэ. Речь его приковывала внимание и заставляла слушать даже тех, кто не был согласен с ее смыслом. Слова Феанора, сказанные в ту ночь, Нолдоры запомнили навсегда. Вдохновенно и страшно говорил Феанор, гордость и гнев звучали в раскатах его голоса, и Нолдоров, внимавших ему, охватывало то же безумие. Феанор обвинял Морготу в вероломстве, обличая ложь, посеянную Врагом, не замечая и не думая, что все происходящее и есть исполнение главного вражьего замысла. Он словно обезумел после гибели отца и потери Сильмариллов. Не признавая воли Валаров, Феанор требовал, чтобы Нолдоры избрали его вождем.

— Почему, о великий народ, — восклицал он, — почему мы должны служить замыслам алчных Валаров? Они не в состоянии оградить ни своих границ, ни нас, живущих на их земле, от козней Врага! Да, сейчас они тоже называют Мелькора врагом, но разве он — не один из них? Я уйду, чтобы отомстить, но я бы и без того не стал жить в одной земле с родичами убийцы моего отца и похитителя наших сокровищ! Среди народа отважных я — не единственный храбрец. Нолдоры! Вы лишились своего Короля, вы лишились исконных своих земель и ничего не приобрели взамен. Мы словно в заточении живем на этой узкой полоске земли между морем и горами. Прежде здесь был Свет, в котором Валары отказали Среднеземью, но теперь Тьма уничтожила разницу. Доколе будем мы прозябать в Аманы — сумеречный народ под покровом мглы, — роняя напрасные слезы в равнодушное море? Что мешает нам вернуться домой? Сладки спокойные воды Куивизенен, чистые звезды сверкают над привольными землями нашей милой родины. Она ждет нас, глупых детей, оставивших мать. Я призываю вас вернуться, а слабые пусть остаются и охраняют этот город.

Долго еще говорил он, убеждая Нолдоров следовать за собой, обрести свободу, вернуться на восток и владеть землями, принадлежащими им по праву. Сам не замечая того, он вторил речам Мелькора, заявляя, что Валары обманом увели эльфов на Запад, чтобы отдать Среднеземье людям. Тогда многие Эльдары впервые услышали о Пришедших Следом.

— Да, дорога трудна, — говорил Феанор, — но конец ее будет радостным. Сбросьте оковы! Забудьте о слабости! Оставьте свои сокровища! Мы создадим еще большие. Идите налегке! Пусть только мечи отягощают ваши пояса. Мы пройдем дальше Оромэ, и не прекратим погоню, как Тулкас, пусть нам придется идти хоть до края Земли. Я объявляю Морготу войну, — войну, которая кончится только с возвращением Сильмариллов. Тогда мы и только мы будем владеть непорочным Светом, и тогда Нолдоры станут первым среди народов Арды.

И вот Феанор на клинке меча поклялся страшной клятвой. Сыновья, стоявшие рядом с отцом, повторили слова клятвы, и мечи их кроваво заблестели в свете факелов. Клятву, данную Феанором, нельзя нарушить, никто не в силах освободить от нее, потому что клялись они перед Илуватаром Вековечной Тьмой. В ослеплении безумия, призывая в свидетели Владыку Манвэ, и Варду, и священную вершину Таниквэтил, клялись они ненавидеть и преследовать любое существо, будь то Валар, демон, эльф или Человек еще не рожденный, будь то любое создание, великое или малое, доброе или злое, овладевшее

Сильмариллами или только вознамерившееся овладеть ими. Так говорили князья Нолдоров: Маэдрос, Мэглор, Келегорм, Карафин, Карантир, Амрод и Амрос, а Нолдоры в ужасе внимали роковым словам. Все понимали, какой обет приняли безумцы. Теперь, независимо от исхода, не уйти им до конца Мира от собственной страшной клятвы. Финголфин и его сын Тургон попытались образумить собравшихся, но тщетно. Дело опять чуть не дошло до мечей. Спокойный и рассудительный Финарфин пытался унять Нолдоров, призывая остановиться и подумать, пока не поздно. Ородрей поддержал отца. Своего друга Тургона — Финрод. Но Галадриэль, единственная женщина среди воинственных князей, напротив, поддержала Феанора и призывала Нолдоров выступить немедленно. Правда, клятвы она не давала, но слова о безграничных просторах Среднеземья, где можно править по своему усмотрению, глубоко запали ей в душу. О том же думал и Фингон, сын Финголфина, хотя и не жаловал он Феанора в последнее время. К нему, как обычно, присоединились Ангрод и Аэгнор, сыновья Финарфина, но им удалось сохранить спокойствие и подождать решения старших.

Долго спорили Нолдоры. Наконец Феанору удалось убедить большую часть собравшихся и разжечь их воображение картинками новых земель. Когда Финарфин снова попытался уговорить Нолдоров не торопиться, в ответ ему понеслись крики: «Хватит! Не хотим! Идем скорее!», а Феанор с сыновьями призвали, не теряя времени, готовиться в путь.

Да, не отличались прозорливостью избравшие сомнительный путь. Феанор торопил Нолдоров, он опасался, что многие передумают и останутся. Как бы ни были горды его слова, он не забывал о мощи Валаров и втайне страшился их гнева. Но из Валмара никто не приходил. Манвэ молчал. Он не считал себя вправе удерживать Нолдоров против их воли. Валары хотели для эльфов только добра и не могли действовать принуждением. Да и не верилось Владыкам, что вздорные слова Феанора отвратят сердца Нолдоров от Благословенного Края.

Отчасти они были правы. Стоило Феанору начать подготовку к походу, как пошли раздоры. Далеко не все Нолдоры согласились признать сына Финвэ правителем народа. Финголфин, как оказалось, пользовался куда большим уважением. И он, и его родичи, а с ними большая часть жителей Тириона не хотели подчиняться Феанору, хотя от участия в походе не отказывались. Так случилось, что Нолдоры выступили в путь двумя большими отрядами. Феанор со своими сторонниками шел впереди, а следом Финголфин вел другой большой отряд. Сам он не хотел идти, но еще больше претило ему оставлять народ на произвол Феанора. К тому же он не забыл обещания, данного перед тронном Манвэ. Неохотно уходил и Финарфин, но и его звали в дорогу те же причины, что и брата.

Уходили многие. Оставалась едва ли десятая часть народа Нолдоров. Никто не убоился неизвестного пути, просто одни остались из любви к Валарам, и в первую очередь к Аулэ, другие — потому, что не хотели покидать Тирион, где столь многое было создано их руками.

Но вот пропела труба. Из ворот Тириона вышел во главе отряда Феанор, вышел и был остановлен вестником. Звучным голосом гонец поведал слово Владыки Манвэ. Вот что услышали Нолдоры:

— Народ Нолдоров, поддавшийся глупым затеям Феанора! Выслушайте мой совет. Не уходите. Зол час, и путь ваш — к скорби. Не надейтесь на помощь Валаров — ее не будет, как не будет и помехи. По своей воле вы пришли сюда, так же можете и уйти. Но ты, Феанор, сын Финвэ, изгнан отныне собственной клятвой. Уходи. Но знай, что в гневе не распознал ты коварной лжи Мелькора. Ты говоришь: «Он — Валар», тогда напрасна клятва твоя, ибо никогда и нигде на Эа не одолеть тебе Валара, даже если Эру, имя которого ты помянул, утроит твои силы.

Рассмеялся Феанор, повернулся спиной к вестнику Манвэ и громко сказал:

— Вот, значит, как! Доблестным Нолдорам предлагают изгнать своего правителя и вернуться к оковам? Вот что скажу я тем, кто пойдет со мной. Вам предрекли скорбь? Так мы узнали ее здесь. В Амане мы пришли через блаженство к горю, а теперь уходим от скорби к радости, и если не встретим радости на пути, то обретем хотя бы свободу.

Он повернулся к посланнику и воскликнул:

— Передай Манвэ, Верховному Владыке Арды: может, и не суждено Феанору одолеть Моргота, но он не станет сидеть сложа руки, понапрасну расточая слезы. И еще скажи: кто знает, может быть, Эру зажжет во

мне куда больший огонь, чем думает повелитель. Я настигну Врага, где бы он ни был, и тогда даже Валары, сидящие в Круге Судеб, будут дивиться моему мщению. Посмотрим, что скажут они тогда. Я сказал. Прощай!

Столько властной силы было в голосе и словах Феанора, что вестник Манвэ невольно поклонился ему, словно получил достойный ответ, и ушел.

Феанор торопил отряд. Многие оглядывались назад, где в отдалении еще виднелись стройные башни Тириона, а уж эльфы Финголфина шли и вовсе неохотно. Во главе их шагал Фингон, а замыкали колонну Финарфин и Финрод. И они часто оглядывались на свой любимый город. Но вот уже и свет маяка затерялся в ночи. Эльфы шли, унося в памяти светлые годы Валинора. Многие, вопреки советам Феанора, захватили кое-что из любимых вещей, надеясь найти в них утешение на долгом, многотрудном пути.

Феанор вел Нолдоров на север. Поначалу одно стремление вело его — настичь Моргота, и потому он шел на север, где земли Амана и Среднеземья разделял неширокий пролив.

Когда первое возбуждение спало, Феанор задумался; как переправить отряд через море? Нужны были корабли, но будь даже Нолдоры искусными кораблями, строительство флота заняло бы слишком много времени. Оставалось только одно: уговорить Тэлери присоединиться к походу и воспользоваться их кораблями. Тем самым Феанор намеревался умножить силы для предстоящей борьбы с Морготом и нанести ощутимый удар блаженным Валарам. И он повернул отряды к Альквалондэ. Придя туда, Феанор говорил перед Тэлери так же, как недавно в Тирионе. Однако Тэлери не тронуло его ораторское мастерство и страстные речи. Они были опечалены уходом Нолдоров и, отказав в кораблях, принялись отговаривать друзей и сородичей восставать против воли Валаров. Тэлери не думали о других землях, кроме побережья Эльдамара, и не желали другого правителя, кроме Ольвэ. Ольвэ у себя в Альквалондэ не приветал Моргота, не слышал его коварных речей, он по-прежнему верил Владыкам Арды и не сомневался, что Ульмо и другие Валары сумеют залечить раны, нанесенные Врагом, и новый рассвет засияет над Благословенным Краем.

Феанор был разгневан неожиданным препятствием. В сердцах он крикнул Ольвэ:

— Мы в нужде! И именно сейчас ты рвешь узы старой дружбы. Когда твой народ пришел на эти берега, растерянный, не имевший ничего, разве Нолдоры не помогли вам? Разве не строили эту гавань, эти стены, эти дома вместе с вами?

Удивленный Ольвэ отвечал на это:

— Мы не хотим разрывать старой дружбы. Но если друг поступает опрометчиво, только Враг будет потакать ему. Да, Нолдоры помогали Тэлери обосноваться на этих берегах, но тогда ты говорил по-другому и предлагал жить в землях Амана вечно, как братья, чьи дома стоят рядом. Ты говоришь, что Нолдоры дали нам все, но вот — корабли. Разве у вас учились мы строить их? Нашими учителями были Владыки Моря. Им обязаны мы нашими знаниями и умением. Корпуса кораблей из белого дерева сработаны нашими руками, их белые паруса сшиты руками наших жен и дочерей. Мы не можем отдать корабли, не можем и продать их. Они дороги нам, как Нолдорам их Камни. Мы вложили в них свою душу и вряд ли нам удастся создать еще такой флот.

Феанор получил решительный отказ. Ему пришлось удалиться под стены Альквалондэ, и там он мрачно ожидал подхода основных сил своего отряда. Когда же вокруг собралось его воинство, он отдал безумный приказ, послав вооруженных Нолдоров силой захватить корабли. Однако Тэлери не собирались уступать, и вскоре на причалах, на стенах гавани и на палубах кораблей засверкали мечи. Трижды отбрасывали воинов Феанора от кораблей, но в это время подошли передовые отряды Финголфина и, не разобравшись, бросились в сражение, видя как гибнут их родичи и друзья. К тому же по рядам прокатился слух, что Тэлери хотят силой помешать походу Нолдоров и действуют по приказу Валаров.

Нолдоры, встретив сопротивление, совсем обезумели, и Тэлери были разбиты. Множество моряков Альквалондэ погибли. Их оружие составляли только небольшие охотничьи луки, они не собирались сражаться и не думали о войне. Нолдоры поднялись на корабли и на веслах повели их вдоль берега на север. Ольвэ в отчаянии зывал к Оссэ, но тот не пришел, остановленный запретом Валаров, и теперь не желавших останавливать Нолдоров силой. Но никто не мог запретить Уинен оплакивать безвинно убитых

мореходов из Альквалондэ. Так велика была скорбь Уинен, что море сначала грозно зашумело и нахмурилось, а потом в ярости обрушилось на братоубийц и разбило множество кораблей, поглотив всех, кто был на них.

Подробнее о сражении в Альквалондэ сказано в «Нолдоланте», Плаче о падении Нолдоров, сложенном Мэглором.

Буря кончилась, и уцелевшие Нолдоры продолжали путь. Они двигались вдоль берега, а по суше шли остальные, для кого не хватило места на кораблях. Долго шли они, и чем дальше, тем труднее становился путь во мраке. Так достигли отряды северных пределов Благословенного Края — холодных нагорий Арамана. Там на вершине одинокой скалы их ждала темная величественная фигура. По рядам Нолдоров прокатилось передаваемое шепотом имя Владыки Мандоса. Многие изменились в лице, когда холодные скалы вздрогнули от раскатов могучего и мрачного голоса. Застыло воинство Нолдоров, и в тишине пали медленные тяжкие слова Проклятья. Они навеки остались в памяти народа, как Северное Пророчество или Жребий Нолдоров. Многие были предсказаны в нем, но в то время Нолдоры не поняли большей части и только спустя годы, когда на этот эльфийский народ обрушились тяжкие беды, смысл Проклятия дошел до них. Голос призывал мятежников остановиться, вернуться и просить прощения у Валаров, и это поняли все.

— Опомнитесь, безумцы! — гремело в горах. — Моря слез прольете вы, но ни единый звук ваших стенаний не достигнет Валинора. Вы теряете его навсегда. Гнев Валаров лежит на доме Феанора и падет на всякого, кто последует за ним. Ни Восток, ни Запад не скроют вас от Стихий Арды. Клятва, в ослеплении данная вами, будет вести и предавать вас, а сокровище, ради которого она дана, всегда будет ускользать из ваших рук. Все, что начиналось добром, окончится злом. Брат будет предавать брата, и страх предательства погубит вас. Навек станут Нолдоры изгоями.

Вы запятнали кровью земли Амана. Да падет она на ваши головы! Отныне и навсегда за пределами Амана Тень Смерти простирается над вами. Эру оградил вас от болезней и других напастей, вам не суждено умирать подобно Смертным, но оружие, пытки и скорбь над вами властны. Рано или поздно ваш бездомный дух придет в чертоги Мандоса и восплачет по телу и не найдет ни тела, ни сочувствия, хотя бы все, погубленные вами, просили за вас. Участь тех, кого минует гибель в Среднеземье, будет еще горше. Им суждено смертельно устать от Мира, истомиться от тяжкого бремени жизни и стать скорбными тенями в глазах юного народа, что придет вам на смену. Таково слово Валаров!

В смятение повергло многих услышанное. Только Феанор, отбросив страх, нашел в себе силы сказать:

— Мы не шутили, когда давали клятву, и мы ее сдержим. Многими бедами пугали нас, сулили и предательство, но никто не сказал, что нас погубит страх, что гибель нам принесет трусость. Мы пойдем вперед, и я говорю вам: дела наши будут воспеты в песнях, и память о них будет жива до последних дней Арды!

Горды были слова Феанора, но не всех убедили они продолжать поход. Ушел Финарфин, бывший в родстве с Домом Ольвэ, в гневе на Феанора и в великой печали от содеянного в Альквалондэ, и с ним ушли многие. На обратном пути их вел свет Миндона. Они пришли в Валмар, были прощены Валарами, и Финарфину доверили править остатками народа Нолдоров в Благословенном Краю. Но его сыновья не последовали за ним, они не захотели расстаться с сынами Финголфина, чей отряд продолжал гибельный путь, влекомый волей Феанора и стыдом за пролитую кровь Тэлери. Отвага и гордость не позволяли Фингону и Тургону оставить начатое дело незаконченным, каким бы горьким ни был конец. Снова Нолдоры шли вперед, навстречу своей предсказанной судьбе, и вскоре от начала сбываться.

Нолдоры подошли к проливу, далеко на севере разделявшему земли Амана и Среднеземья. Огромные ледяные глыбы качались в стылых волнах, над водой висели густые туманы, и мгла дышала смертным холодом. До сих пор пролив пересекали только Валары, да еще Унголианта в своем бегстве с Мелькором.

Феанору пришлось остановить отряд. Холод и липкие туманы причиняли эльфам жестокие страдания. Даже лучи звезд не проникали сквозь морозную стынь. Среди эльфов то и дело раздавался ропот, слышались проклятья Феанору: его винили в бедах, постигших Эльдаров. Феанор советовался с сыновьями, но отыскал лишь два способа переправиться на тот берег по льду или на судах. Стоило взглянуть на залив и становилось ясно: пешком не пройти. Кораблей на всех не хватало, но никто не хотел остаться, подождать

второго рейса, — страх предательства уже поселился среди Нолдоров. И вот Феанор с сыновьями замыслил захватить корабли и отплыть внезапно с теми эльфами, которые находились на борту и были преданы Феанору. Тут, словно по их зову, поднялся ветер и корабли вышли в море, бросив Финголфина на берегу Арамана.

Пролив пересекли быстро и без потерь, и вот Феанор первым из Нолдоров снова вступил на берег Среднеземья. Высадились они в заливе Дренгист.

Вскоре к Феанору подошел его старший сын Маэдрос. Он беспокоился о друге своем Фингоне, оставшемся на том берегу, и спросил отца:

— Кто из гребцов поведет корабли назад и кого ты прикажешь привезти первым? Может быть, Фингона Храброго?

Феанор в ответ так расхохотался, что Маэдрос отступил на шаг.

— Никого! — вскричал Феанор. — Я не считаю потерей то, что осталось на том берегу. Они были недовольны мной, ну и пусть остаются со своим недовольством или возвращаются под руку Валаров! Корабли — сжечь!

Маэдрос молча отошел и долго стоял в стороне, глядя как горят гордые белые корабли Тэлери. Перед ним гибли в огне прекраснейшие создания эльфийского народа. Морским волнам никогда уже не качать столь совершенных морских судов, ибо совершенство не часто приходит в мир.

Финголфин с отрядом видели зарево в той стороне, куда ушли корабли, и все поняли: их предали. Так начало сбываться Проклятие Мандоса.

Финголфину оставалось либо сгнуться в Арамане, либо со стыдом возвращаться в Валинор. Горько было у него на душе. Но теперь он, как никогда, хотел добраться до Среднеземья и повстречаться с Феанором. Эльфы долго шли вдоль берега, и чем труднее был путь, тем достойнее переносили они лишения. Могучим народом были Старшие Дети Илуватара, тяготы земной юдоли еще не сломили их дух, юный огонь пылал в сердцах и вел вперед по жестоким морозным окраинам Севера. Впереди шли Финголфин, Финрод и Галадриэль. Когда не осталось иного пути, отряд вступил на вздыбленный лед пролива. Немногим из грядущих свершений Нолдоров дано было превзойти доблестью этот отчаянно тяжелый переход. Таяло воинство Финголфина, погибла жена Тургона Эленвэ, и все же эльфы вступили на берега Внешних Земель. Едва ли надо говорить, как мало любви к Феанору и его сыновьям осталось в сердцах тех, чьи трубы услышало Среднеземье при первом восходе Луны.

Глава 10

СИНДАРЫ

Сказано, что в Среднеземье эльфийским народом правили Эльвэ и Мелиан. Эльвэ звался теперь Элү Тинголом, Королем Сребромантом. Его признавали владыкой и мореходы Кирдэн Корабела, и эльфы Белерианда, и охотники, живущие в Синих Горах за Гелионом. Синдары звались они, Серые Эльфы Белерианда, и хотя происходили из Мориквэнди, но под властью Тингола и учительством Мелиан стали со временем искуснейшим и мудрейшим народом Среднеземья.

В конце первого века заточения Мелькора, когда земли покоились в мире и благоденствии, а слава Валинора сияла над всей Ардой, пришла в мир Лучиэнь, единственное дитя Эльвэ и Мелиан. Обширные просторы Среднеземья были погружены в сон Йаванной, но в Белерианде, под руками Мелиан, жизнь была ключом, радость наполняла воздух, и ясные звезды серебристыми кострами горели высоко в небе. Осиянная их светом, в рощах Нелдорета родилась Лучиэнь. Навстречу ей, подобные земным звездам, тянулись невиданные раньше в этих краях белые цветы нифредила.

На втором веку пленения Мелькора через Синие Горы пришли в Белерианд первые гномы. Сами себя они называли Казад, а Синдары прозвали их Наугримами, Низкорослым Народом; иногда их еще называли Гонхирримами, Повелителями Камня. Древнейшие поселения гномов лежали далеко на востоке, теперь же были созданы прекрасные подземные города в отрогах Синих Гор: Габилгатхол и Тумунзахар. Эльфы называли Габилгатхол Белегостом, Великим Городом, а Тумунзахар — Ногродом, Пещерами Храбрых. Сами гномы столицей своей считали Казад-Дум, Подгорное Царство, на эльфийском языке — Хадходронт, позже, в Темные Годы, названный Морией. Эльфы только слышали о ней от гномов Синих Гор — Мория лежала в Мглистых Горах, за немерянными лигами Эриадора.

Приход гномов несказанно удивил эльфов, ведь они полагали себя единственными жителями Среднеземья, владеющими речью и умеющими работать руками. Но каково же было их изумление, когда они ни слова не смогли понять из языка Наугримов. Звуки наречия гномов казались им слишком медленными, неприятными на слух, и мало кто из эльфов овладел этим языком. Зато гномы учились легко, предпочитая осваивать эльфийское наречие, и не очень-то охотно обучали своему. Считанные эльфы бывали в Ногроде и Белегосте, разве что Эол из Нан Эльмута да его сын Маэглин, а вот гномы часто приходили в Белерианд и даже проложили широкий тракт. Он проходил под горой Долмед, вел вдоль реки Аскар и пересекал Гелион возле Каменистого Брода. Настоящей дружбы между двумя народами не получилось, но выгоды от общения были немалыми, и владыка Тингол привечал гномов. По прошествии многих лет гномы подружились с Нолдорами, видно, потому, что и те и другие почитали Аулэ. Во всяком случае, превыше всех богатств гномы ценили самоцветы Нолдоров.

Немало прекрасного создано было и самими гномами в подгорных глубинах, ведь со времен Праотцов гномы владели искусством работы с металлом и камнем, хотя вначале предпочитали железо и медь; серебро и золото пошли в ход позже.

Мелиан, как и многие Майа, владела даром провидения. На исходе второго века заточения Мелькора она предупредила Эльвэ о скором окончании мирных лет. Тингол задумался. Если в Белерианд придет беда, надо построить укрепленный дворец, и Эльвэ обратился за помощью к гномам Белегоста. Те охотно отозвались, ибо были юным народом и любили новые дела. Гномы никогда не работали бесплатно, однако это не мешало им получать удовольствие от своего труда. Но такой щедрой платы гномы и представить себе не могли. Пока они работали, Мелиан многому научила их, а Тингол одарил жемчугом, которого гномы не знали до той поры. Сам Тингол получал жемчуг от Кирдэна Корабела — возле острова Балар были прекрасные жемчужные отмели. Жемчуг привел гномов в восторг. Одна из жемчужин величиной с голубиное яйцо сияла, как звездный свет на морской пене. Ее называли Нимфелос, и государь гномов Белегоста ценил ее выше груды сокровищ. Так что гномы трудились для Тингола долго и с удовольствием, пока наконец не возвели сказочный чертог, по обычаю их народа скрытый глубоко под землей.

На границе Нелдорета и Региона, среди лесов, высится одинокая гора. У ее подножия протекает

Эсгалдуин. Здесь и возвели гномы врата дворца Тингола. Ажурный каменный мост связал берега реки. Подойти к вратам можно только по нему. От ворот широкие галереи вели в многочисленные и обширные залы, высеченные в камне. Из-за них дворец и получил название Менегрот, Тысяча Пещер.

Эльфы трудились вместе с гномами. Каждый народ по своему отразил слышанные от Мелиан рассказы о Валиноре Заморском. Колонны Менегрота были изваяны в виде буков Оромэ, с листвою и ветвями, залы освещались золотыми лампами. В кронах каменных деревьев, словно в садах Лориена, пели соловьи, в залах били фонтаны, и серебристые струи падали в мраморные бассейны, вырубленные в многоцветных полах. Изображения зверей и птиц покрывали стены и своды, выглядывали из крон каменных деревьев, сиявших цветами из самоцветов. Уже через несколько лет Мелиан и ее девы украсили залы прекрасными гобеленами, рисунок которых заключал не только повесть о делах Валаров, но и всю историю Арды со дня Творения. Несколько неясных тканых узоров повествовали о грядущем. К востоку от Моря не было дворца, способного соперничать с Менегротом.

После окончания строительства гномы по-прежнему посещали владения Эльвэ и Мелиан, но дальше на запад не ходили и к побережью не приближались никогда. Море им очень не нравилось.

Никакие известия из внешнего мира не смущали покой Белерианда. Но вот на третьем веку заточения Мелькора гномы начали проявлять беспокойство. Они отправили к Тинголу посольство и жаловались на то, что оставленные на севере со времен Великой Битвы корни зла дали всходы.

«Жуткое зверье появилось к востоку от гор, — говорили гномы, — ваши древние родичи покидают равнины и ищут укрытия в горах».

Вскоре лиходейские твари перевалами начали проникать и в Белерианд. Попадались волки, а может, оборотни в обличье волков и прочая нечисть, попадались и орки, сначала немногочисленные и осторожные, разнюхивавшие пути в ожидании своего хозяина. Эльфы считали их одичавшими Аvari и, надо сказать, не так уж сильно ошибались.

Пришлось Тинголу думать об оружии, в котором раньше не было нужды. Здесь очень пригодилось искусство Наугримов, особенно кузнецов из Ногрода. Гномы несли в себе высокий боевой дух, они готовы были дать отпор любому обидчику, будь то слуги Моргота, Эльдары, Аvari, дикие звери или даже их собственные сородичи из других мест, так что с оружием они были хорошо знакомы. Вскоре и Синдары научились кузнечному делу, но ни Синдары, ни даже Нолдоры не смогли превзойти кузнецов Белегоста в плетении кольчуг и изготовлении доспехов.

Хорошо вооруженные, Синдары быстро изгнали со своих земель всякую нечисть, и снова настал мир и покой. Но теперь этот мир охранялся арсеналами Тингола, где запасено было достаточно всякого оружия. Копья, мечи, топоры, доспехи ослепительно сверкали: сталь, выкованная гномами, не ржавела. По прошествии времени все это весьма пригодилось Тинголу.

Как было сказано, века назад некий Ленвэ из народа Ольвэ увел часть Тэлери на юг, вниз по Андуну. Их стали называть Нандорами. О скитаниях Нандоров известно мало. Говорят, некоторые из них так и жили в лесистых поймах Великой Реки, другие дошли до ее устья и заселили побережье, а третьи, перевалив Белые Горы, обживали пустоши Эриадора. Они не обрабатывали металл, не ведали оружия, поэтому, когда с севера в их края стали проникать всякие злодейские твари, Нандоры оказались беззащитными перед напастью. Денетор, сын Ленвэ, прослышал о мощи и величии Тингола, с трудом собрал свой бродячий народ и повел в Белерианд. Синдары с радостью встретили блудных родичей и отвели им для жительства изобильные земли Семиречья.

Мало сохранилось сведений о мирном времени в Белерианде после прихода Денетора. Говорят, именно в те годы менестрель Даэрон, мудрейший в народе Тингола, изобрел руны. Гномы, навещавшие Белерианд, освоили их и радовались новому искусству больше самих Синдаров. Именно от гномов письменность распространилась среди других народов Среднеземья. Синдары больше полагались на память и до Войны почти не пользовались рунами. Поэтому множество преданий погибло в развалинах Дориата. О тихих беспечальных днях обычно не говорят, пока они не кончаются. Так и прекрасные творения: они говорят сами за себя, пока существуют и радуют взор, а когда их уже нет, память о них остается лишь в песнях и не дает настоящего представления о том, что было.

В те дни эльфы свободно бродили в Белерианде под ясными звездами по берегам полноводных рек, заросших благоухающими ночными цветами. Летним полднем сияла красота Мелиан, и подобно весеннему рассвету цвела Лучиэнь. Король Тингол восседал на троне Белерианда словно отдыхающий Майа, чья сила скрыта до поры, чья радость проста, как воздух, чьи думы спокойны, как реки на равнинах. Время от времени в Белерианд наезжал Оромэ, и тогда звуки Валаромы наполняли подзвездный мир, а стук копыт Нахара громом отдавался в холмах. Эльфы побаивались могучего Валара, хотя и знали, что при нем никакое лихо не нарушит покоя Белерианда.

Но уже клонился к вечеру долгий день Валинора. Из песен и преданий всем известно о том, как Мелькор убил Свет, вернулся в Среднеземье, схватился с Унголиантой; вопль Врага предвестником гибели пронесся над Белериандом, заставив вздрогнуть населявшие его народы. Унголианта бежала с севера и, окутанная мраком ужаса, объявилась во владениях Короля Тингола. Власть Мелиан не допустила ее в Нелдорет, и страшная тварь поселилась в ущельях южных склонов Дортониона. С тех пор здешние горы получили название Эред Горгорат, Горы Ужаса. Никто не осмеливался посещать эти мрачные места: свет там был тускл, а воды отравлены. Моргот вернулся в Ангбанд, и вскоре к небу вознеслись жуткие дымные башни Тангородрима. От ворот Вражьей Крепости до ворот Менегрота было всего лишь сто пятьдесят лиг...

Орки, во множестве расплодившиеся в подземельях, становились все сильнее и злее. Темный Владыка наделил их дикой жадью к разрушению и убийству. Скоро под покровом туч, насланных Морготом, полчища орков из Ангбанда заняли северные нагорья и оттуда неожиданно вторглись в пределы Белерианда. В обширном королевстве Тингола эльфы в ту пору вольно селились в лесах и долинах и жили обособленно, небольшими общинами и родами. Только возле Менегрота да в краю мореходов обитали многочисленные народы. Орки обошли Менегрот с двух сторон и отрезали его от Эглареста. Тингол отправил гонцов к Денетору, и вскоре из Семиречья подошел большой вооруженный отряд. Он принял бой с орочьим войском, положив начало Войнам Белерианда. Восточная орда была окружена и разбита на полпути между Аросом и Гелионом. Немногие уцелевшие орки бежали на север и там погибли под топорами гномов, вышедших из-под горы Долмед. Едва ли кто-нибудь из лиходеев возвратился в Ангбанд. Правда, первая победа досталась эльфам недешево. Воины Денетора уступали оркам в вооружении, и сам он пал, не дождавшись подхода основных сил Короля Тингола, жестоко отомстившего за его гибель. Народ Денетора горько оплакивал потерю правителя, и с тех пор никто не мог заменить его. Сражение устрало Нандоров. Они стали очень осторожны, теперь их звали Лаиквэнди, Зеленые Эльфы, из-за одежд, прекрасно маскировавших их среди листвы. Однако многие Нандоры подались на север, примкнули к войскам Тингола и смешались с его народом.

Возвратившись после победы в Менегрот, Тингол узнал о тяжелом поражении на западе, где отряды Кирдэна были разбиты и оттеснены к самому побережью. Тингол призвал к себе всех свободных эльфов. Мелиан оградила земли Нелдорета и Региона чарами так, что никто не мог проникнуть сквозь незримую стену против воли ее и Тингола. Отсюда возникло название Дориат, Огражденное Королевство или Закрытые Земли. Под защитой Пояса Мелиан установился настороженный мир, чреватый страхом и опасностями. Орки хозяйничали в Среднеземье, и только укрепленные гавани Фаласа оставались свободными.

Скоро должны были грянуть события, которых не предвидел никто. О них не подозревали ни Моргот в своих мрачных подземельях, ни Мелиан в Менегроте.

После гибели Светоносных Дерев вести с Запада перестали приходить. Не было ни вестника, ни видения, ни сна. В это настороженное время Феанор пересек Море, и белые корабли Тэлери причалили в заливе Дренгист, чтобы затем погибнуть в огне.

Глава 11

О СОЛНЦЕ, О ЛУНЕ И О ТОМ, КАК БЫЛ СКРЫТ ВАЛИНОР

Сказано, что после бегства Мелькора долго сидели Валары в Кругу Судеб. Да, они пребывали в неподвижности, но напрасно Феанор упрекал Валаров в бездействии, ибо они творят охотнее мыслью, чем руками, и для разговора не нужны им звуки речи. Бодрствовали в ночи Валинора Стихии Арды, и мысль их то уносилась вспять, за пределы Эа, то далеко вперед, прозревая Конец Мира, но ничто — ни сила, ни мудрость, ни знание о злодействах Мелькора — не могли утолить их печали. Не столько гибель Дерев вызвала их скорбь, сколько крушение духа Феанора, одного из лучших Детей Илуватара, отмеченного более других отвагой и стойкостью, умом и красотой, силой и мастерством. Именно в падении Феанора видели Валары одно из самых злых дел Мелькора. Ярче и неистовее билось в душе Феанора негасимое пламя Творца. Только Манвэ представлял, какими дивными творениями мог бы прославить Арду Феанор. Может, оттого и плакал Владыка Манвэ, когда слышал от вестников ответ Феанора. Так говорили Ваниары, бывшие тогда вместе с Валарами. И еще говорили они: когда Феанор предсказал, что дела Нолдоров вечно будут жить в песнях, поднял голову Манвэ, будто услышал голос, неслышный никому более, и произнес:

— Быть посему! Сколько бы не пришлось заплатить им за эти песни, пусть не считают, что переплатили. Истинно говорил нам Эру: «Только та красота, которую постигнут сердца Детей Моих, сможет жить на Арде, а Зло пребудет там и без этого».

— И злом останется, — добавил молчаливый Мандос, а после закончил: — Скоро Феанор придет ко мне.

Когда стало окончательно ясно, что Нолдоры покинули Аман и вернулись в Среднеземье, Валары занялись исправлением бед, причиненных Мелькором. Манвэ просил Йаванну и Ниэнну исцелить Деревья. Но ни слезы Ниэнны, ни заклинательные песни Йаванны не могли вернуть их к жизни. Уже начал прерываться голос Йаванны и гасла последняя надежда, когда на безлистой ветви Телпериион раскрылся вдруг единственный огромный цветок, а на Лаурелине зазолотился единственный плод.

Йаванна сорвала их — и это был конец. Деревья умерли. С той поры их безжизненные стволы все еще стоят в Валиноре памятью об утраченной радости.

В «Нарсилионе», Песне о Солнце и Луне, повествуется о том, как Манвэ благословил последние цветок и плод, как Аулэ со своим народом заключил их в прекрасные сосуды, чтобы сохранить дивное сияние, а затем отдал Варде, ибо место им было в небесах. Драгоценные светочи затмевали древние звезды, потому что местом их стал Ильмень, ближний свод Небес. Сила Варды направила новые светила по предначертанным путям, кольцом опоясывающим Землю с запада на восток.

Валары помнили о мраке над Ардой и трудились, чтобы дать свет Среднеземью и воспрепятствовать темным делам Мелькора. Валары не забыли об Авари, так и не покинувших мест первого своего пробуждения, помнили об ушедших Нолдорах, но, кроме того, ведомо было Манвэ скорое появление людей. Ради спокойствия Квэнди начали некогда Валары войну с Мелькором, теперь же отказались они от войны, дабы не повредить ненароком Хилдорам, Идущим Вослед, Младшим Детям Илуватара. Взятие Утumno оставило на теле мира страшные раны; новая война могла принести еще большие беды. Хилдоры будут Смертными, им далеко до бесстрашных, сильных Квэнди, думали Валары. Но даже самому Манвэ не было открыто, где именно должны появиться люди, поэтому и решили Валары осветить весь мир, а вслед за этим начали укреплять Аман.

Изиль, Сияющая, — так называли Ваниары Луну, цветок Телперииона из Валинора; Анаром, Солнцем, называли они золотой плод Лаурелина. Нолдоры называли их Рана, Своенравная, и Ваза, Сердце Огня. Солнце они звали еще Пробуждающей Звездой, а иногда — Закатной, потому что его появление на небе совпало с пробуждением людей и угасанием эльфов; Луна же напоминала им только о прошлом.

Прекрасной Майа Ариен Валары доверили сопровождать светоч пламенного Анара, а за Луной должен был присматривать Тилион. Когда Деревя Валинора еще стояли в цвету, Ариен собирала яркую росу Лаурелина и поливала золотые цветы в садах Ваны. Тилион охотился в лесах вместе с Оромэ, а возвращаясь с охоты, любил отдыхать в Лориене, на берегах мерцающего озера Эстэ, в серебряных лучах Телперииона. Он сам упросил Валаров доверить ему вечно хранить последний в мире Серебряный Цветок.

Майа Ариен силой превосходила Тилиона. Она не боялась жара Анара, ибо сама была духом чистого пламени, которое Мелькор не смог подчинить себе. Даже Эльдары при встречах с Ариен отводили глаза — таким буйным, опаляющим светом горел ее взор. Расставаясь с Валинором, она сбросила как ненужную одежду свой прежний облик, представ в подлинной сущности сияющего и грозного огня.

Изиль уходила в небеса первой, а значит, становилась старшей из новых небесных огней, так же как Телпериион был старшим среди Дерев. На Земле, залитой лунным светом, жизнь начала пробуждаться от долгого сна, в который когда-то погрузила живую природу Йаванна. Приспешники Моргота взирали вверх с растерянным изумлением, и с радостью поднимали голову эльфы, видя Луну, встающую из мрака на западе.

Навстречу ей запели серебряные трубы Финголфина, а перед уходящими в Среднеземье эльфами заколыхались длинные черные тени.

Семь раз успел Тилион обойти вокруг небес и находился далеко на востоке, когда в небо во славе поднялся Авар и свет первого восхода затрепетал на отрогах и башнях Пелоров. Заалели облака над Среднеземьем, и громче стал звук струящихся вод. Вот когда испугался по-настоящему Моргот; он отозвал подручных и ушел в самые глухие подземелья Ангбанда, окутав свой край непроницаемым дымным облаком, стремясь укрыться под ним от света Дневной Звезды.

По воле Варды оба небесных светоча должны были поочередно шествовать в просторах Небес каждый проходил над Валинором и склонялся на востоке, в то время как другой восходил на западе. Так, от первого часа слияния лучей Анара и Изиль, было положено начало новому счету дней. Своенравный Тилион часто отклонялся от предначертанного пути, ему хотелось быть поближе к прекрасной Ариен, и тогда лик Луны темнел, опаляемый огнем Анара.

Из-за капризов Тилиона, а более того по просьбам Лориена и Эстэ, жаловавшихся на потерянные покой и сон, Варда изменила порядок движения светил, и появилось время ночи и сумерек, когда Анар отдыхает в Валиноре, покаясь на прохладной глади Внешнего Моря. Очень красив был заход Анара, им никогда не уставали любоваться в Благословенном Краю. Но вскоре помощники Ульмо уводили Солнце подземными путями к востоку, и оно снова поднималось в небо, прогоняя ночь и распугивая Зло, осмеливавшееся бродить под Луной.

После захода Анара воды Внешнего Моря так нагревались, что еще долго потом перебежали по ним огненные отсветы, но чем дальше уводила Ариен светило на восток под миром, тем темнее становилось в Валиноре, тяжело ложились по просторам Благословенного Края густые тени Охранных Гор, и с грустью вспоминали Валары о смерти Лаурелина.

Луна, по воле Варды, появлялась теперь не раньше захода Солнца, но Тилион то и дело нарушал установление, и часто видели их с Ариен над Землей вместе. Случалось даже, что Тилион заслонял Ариен, и тогда среди дня землю окутывал мрак.

С тех пор до самого Изменения Мира Валары вели счет дням по кругам Анара. Тилион предпочитал не задерживаться в Валиноре; он поскорее пробегал над Аватаром или Араманом, нырял за Внешнее Море, а потом пробирался один меж изъеденных пещерами корней Арды. Светло было в Благословенном Краю, ибо здесь Небесные Огни ближе всего подходили к Земле, да только ни Луна, ни Солнце не могли заменить чудесный свет Благих Дерев, убитых ядом Унголианты. Только Сильмариллы хранили теперь его первозданное сияние.

Моргот, едва увидев, возненавидел новые огни. Деяние Валаров смешало его планы. Однажды он решил напасть на Тилиона, послав на небо духов Тьмы. Там, на звездных тропах Ильмена, подстерегли

они его, но одолеть не смогли. А к Ариен и не помышлял приближаться Моргот, уже не хватало ему сил справиться с чистым пламенем Анара. Все большим злом наполнилась его душа. Зло выходило из него ложью, порождало свирепых тварей, но силы Моргота убывали по мере того, как множились его исчадия. Теперь он навсегда был привязан к земле и страшился покидать мрачные подземелья. Не в силах выносить свет, он окутал свои земли дымными тучами и укрылся под ними от взглядов Ариен.

Валаров встревожило нападение на Тилиона, они знали коварство и злобу Врага, помнили о падении Альмарена, но новой войны в Среднеземье не хотели, поэтому, ограждая Валинор, вознесли стены Пелоров с востока, севера и юга на грозную недостижимую высоту. Темные и гладкие, как стекло, вздымались их башни над облаками, и вершины венчал сверкающий лед. Бессонные дозоры охраняли Благословенный Край. Лишь узкие ворота Калакирьи оставили Валары для верных Эльдаров, ибо на зеленом холме Тириона правил еще частью народа Нолдоров Финарфин. Никто из эльфов не мог бы жить без вольного воздуха и ветра, приносившегося из тех краев, где родились они когда-то. Да, ворота оставались, соединяя Ваниаров и Тэлери, но Калакирья охранялась так, что ни одна живая душа не смогла бы миновать бдительных стражей.

Это было время, называемое в песнях Нурталэ Валинорева, Сокрытие Валинора; время появления Зачарованных Островов; время, когда плывущие на запад неизбежно попадали в воды Затененных Морей, призрачные и странные, преграждавшие подходы к Одинокому Острову. Там вечно вздымаются мерные волны и туман скрывает опасные скалы, а в сумерки неодолимая усталость гнетет моряков и ощущают они, что море недовольно их приходом. Тем, кто рисковал высаживаться на Зачарованных Островах, берега их становились ловушкой: моряки засыпали сном, непробудным до Изменения Мира. Так сбывалось Пророчество Мандоса. Благословенный Край навеки стал недоступен Нолдорам; многие из Среднеземья уходили на Запад, но Валинора достиг лишь один — величайший ценитель моря, прославленный в песнях.

Глава 12

О ЛЮДЯХ

Валары умиротворенно восседали за неприступными горами. Дав Среднеземью свет, они словно забыли о нем. Теперь власти Моргота противостояло только мужество Нолдоров. Один лишь Ульмо вспоминал об ушедших, да и то, видимо, потому, что воды приносили ему вести из всех уголков Земли.

Время теперь отсчитывали по Солнцу. Годы стали короче; они куда быстрее сменяли друг друга, чем во Дни Дерев. Воздух Среднеземья, по-прежнему прозрачный, становился словно плотнее из-за быстрого круговорота жизни. Все бурно росло, цвело, умирало; земля и воды кишели живыми существами, и это была Вторая Весна Арды. Во всеобщем расцвете множились эльфы, и рос под лучами молодого Солнца прекрасный и зеленый Белерианд.

Младшие Дети Илуватара проснулись в Хилдориене с первыми лучами первого восхода. На востоке Среднеземья лежит Хилдориен, Солнце же вставало на западе, и как обратились к нему впервые глаза людей, так уже всю дальнейшую жизнь их помыслы то и дело обращались на запад.

Эльдары дали людям много имен: Атани, Второй Народ; Хилдоры, Пришедшие Следом; Апанонары, Послерожденные; Энгвары, Подверженные Болезням; Фиримары, Смертные; бывало, называли их чужаками, недотепами, детьми Солнца. Эти предания Древних Дней — от них одинаково далеко и до заката эльфов и до расцвета Смертных — содержат о людях мало сведений. Разве что говорится в них об Атанатари, Праотцах Человеческих, о тех, кто в первые годы Солнца странствовали по северным окраинам Среднеземья. Никто из Валаров не приходил в Хилдориен, не предлагал людям переселяться в Валинор, и люди побаивались Валаров, так непохожих на них, не понимали их намерений, не видели и не искали в них поддержки, оказавшись один на один с враждебным и незнакомым миром. Только Ульмо, исполняя волю Манвэ, говорил с людьми голосами ручьев и рек, но и сейчас несведущи Хилдоры в языках Природы, а до общения с эльфами и вовсе не понимали речей Ульмо. Однако воду любили; чем-то она их волновала.

Предания говорят о том, как спустя малое время люди повстречались с Ночными Эльфами и с радостью приняли предложенную дружбу. Люди стали шутниками и учениками древнего народа, издревле странствовавшего по просторам Среднеземья. Для Ночных Эльфов, никогда не искавших дорог в Валинор, Стихии Арды были лишь отголосками полузабытых легенд о Первых Днях Мира.

Моргот тоже оставил Среднеземье на время в покое. Сила его не распространялась дальше границ мрачных владений, скованная внезапно пришедшим в мир светом. Безопасны были холмы и равнины; тут и там прорастали, тянулись вверх посеянные некогда Йаванной ростки жизни. Все вокруг наполнилось цветением, и куда бы ни направляли люди стопы, везде их ждала радость, подобная утру, пока не высохла роса и зелен каждый лист, пока дрожит в цветке слеза и воздух юн и чист.

Но короток рассвет, а день часто не оправдывает утренних обещаний. Приближалось грозное время. Надвигалась эпоха великих войн, в которых Нолдорам, Эльдарам и Людям предстояло сражаться с полчищами Моргота Бауглира и потерпеть сокрушительное поражение. К этому вела ложь, посеянная Мелькором в старину, к этому вели раздоры, неустанно приносимые им в Среднеземье, таким неизбежно должен был стать итог клятвы Феанора и проклятия за кровь, пролитую в Альквалондэ. Мало говорится о подвигах тех дней, а больше — о Нолдорах, о Сильмариллах и о тех Смертных, которым рок сулил разделить их участь. В те поры люди и эльфы были внешне схожи между собой; но только внешне. Силой, мудростью, мастерством и красотой Ночные Эльфы настолько же превосходили Пришедших Следом, насколько сами уступали эльфам, побывавшим в Благословенном Краю, лицезревшим Стихии Арды и свет Благословенных Дерев. Только Синдары, жившие в Дориате под рукой Майа Мелиан, могли сравниться с Калаквэнди Валинора.

Время не докучает эльфам ни болезнью, ни старостью, ни усталостью; мудрость их растет из века в век, но тела сложены элементами Земли. В давние годы духовный пламень еще не настолько преобразил облик эльфов, чтобы он значительно отличался от облика людей. Поэтому и удивляла эльфов людская природа, вроде бы похожая на их собственную, но непрочная и недолговечная. Люди болеют, стареют и

умирают. Эльфы не знают, что происходит с душами людей после. Кое-кто говорил, что они тоже идут в чертоги Мандоса, только отведены им там другие покои. Но что следует за Временем Воспоминаний, проведенным в тишине храма на берегах Внешнего Моря, ведомо лишь Мандосу и Манвэ. За все время существования мира из обители Смерти вернулся только Берен, сын Барахира; только Берен, коснувшийся Сильмарилла, избег общей участи, но после возвращения ему не довелось больше говорить со Смертными. Может быть, судьба людей в посмертии и неподвластна Валарам, может быть, не вся она предсказана Музыкой Айнулов...

Когда стараниями Моргота разошлись дороги людей и эльфов, пробил час Перворожденных, и теперь шли они к закату. Смертные захватывали все больше места под солнцем, а Квэнди уходили, возвращаясь к Началу Мира, к лесам и пещерам, звездному и лунному свету, заселяли глухие края и отдаленные острова, растворялись в пространстве и времени, постепенно становясь тенями и смутными воспоминаниями. А иные снова, как когда-то, оставляли Среднеземье и уходили на Запад. Но это все было позже. А на рассвете Арды люди и эльфы держались вместе. Некоторые из людей постигли мудрость Эльдаров, иные сравнивались отвагой и доблестью с героями Нолдоров. Славу, красоту и горькую судьбу эльфов унаследовали потомки Перворожденных и Смертных — Эрендил и Эльвинг, а вслед за ними и сын их, Элронд.

Глава 13

ВОЗВРАЩЕНИЕ НОЛДОРОВ

Ведомо, что первыми изгнанниками, ступившими на берега Среднеземья, были Феанор и его сыновья. На дальнем побережье залива Дренгист высадились они. Ламмот, Великое Эхо, назывался этот пустынный край. Первые же возгласы сошедших с кораблей Нолдоров подхватили окрестные холмы, и над побережьем, все усиливаясь, словно пошел гулять ропот огромной толпы. Ветер нес с моря треск горящих кораблей; гневно гудело пламя, и звуки эти далеко разносились окрест, вселяя тревогу и недоумение в сердца тех, кто слышал его.

Финголфин, брошенный в Арамане, смотрел на зарево догорающих кораблей. Но видели его и орки на этом берегу, и укрывшиеся в горах дозорные Моргота. Предания молчат о том, как воспринял Моргот весть о приходе своего заклятого врага. Вряд ли он испытывал хоть малейшие опасения, ведь с нолдорскими мечами он еще не был знаком. Может, он думал, что без труда сбросит пришельцев в море.

В безлунной ночи, под холодными звездами, Феанор повел свое воинство вдоль берегов залива Дренгист, окруженного грядой Поющих Гор, Эред Ломин. Остановились они на северных берегах озера Митрим, в обширном пустынном краю Хитлум. Не успели Нолдоры разбить лагерь, как на них напали. Орда орков Моргота, увидев отсветы пожара в Лосгаре, прошла перевалами через гребет Эред Ветрин и внезапно атаковала эльфов. Так на серых берегах Митрима закипело второе сражение в истории войн Белерианда. Память о Дагор-нуин-Гилят, Битве под Звездами, пронесли сквозь время эльфийские песни.

Застигнутые врасплох Нолдоры быстро оправались от неожиданности. В их глазах не успел еще померкнуть Свет Амана, и длинные мечи в мощных руках грозно сверкали, сея ужас и смерть среди вражьих орд. Орки не выдержали первой же схватки и бежали, а Нолдоры нещадно гнали их через Сумеречные Горы, до самой равнины Ард Гален, простиравшейся к северу от Дортониона. Здесь к оркам пришла помощь. Большой вражий отряд, направлявшийся долиной Сириона на юг, для осады Кирдэна в гаванях Фаласа, свернул с пути на выручку соплеменникам и тут же угодил в ловушку. Келегорм, сын Феанора, перехватил их у истоков Сириона и загнал в непролазные топи Сереха.

Ужасные вести пришли в Ангбанд. Войско, которое Моргот готовил к захвату Белерианда, спустя лишь десять дней вернулось к нему жалкой горстью опавших листьев! Но в этом поражении крылась и удача, хоть Враг и не догадывался о ней пока. Слепленный гневом, Феанор, не зная удержу, бросился в погоню за бегущими орками, надеясь прорваться в самое логово Тьмы. Сейчас гордый предводитель Нолдоров, сжимая меч, открыто радовался, что пошел наперекор воле Валаров, преодолел великие тяготы пути, и вот теперь близок час его мщения! Ничего не ведал он об Ангбанде, об огромных полчищах, быстро собранных Мелькором, но даже если бы ведал, не повернул бы назад. Словно в лихорадке, снедаемый пламенем ненависти, далеко опередил Феанор свое войско; увидев это, орки неожиданно развернулись и напали на него, ибо к ним спешили уже из Ангбанда мрачно-огненные Барлоги, направляемые волей Врага. И вот, еще только на подступах к рубежам владений Моргота, Феанор был окружен. Посреди языков пламени, израненный, долго бился бесстрашный эльф, но был повержен на землю предводителем Барлогов — Готмагом (позже, в Гондолине, рука Эктелиона отомстила ему). Так и пропал бы славный Феанор, но, прорвав толпу орков, к нему пробилась сыновья, и Барлогам пришлось отступить в Ангбанд.

Тогда подняли братья отца и хотели вернуться с ним к берегам Митрима. Но неподалеку от Истока Сириона, на перевале, Феанор велел остановиться. Множество тяжких ран получил он в бою и знал, что этот час его — последний. Угасающим взором взглянул он со склонов Эред Ветрин на мрачные, могучие башни Тангородрима, неприступной крепости врага, и предсмертным наитием понял, что никакой силе Нолдоров никогда не одолеть этой твердыни. И заклеил он тройным проклятьем имя Моргота, а с сыновей взял слово отомстить и исполнить данную в Амане клятву. Умер Феанор. Никто не хоронил его, и нигде нет могилы, где покоился бы славный Нолдор; столь великим и яростным был его дух, что покинутое им тело в тот же миг обрати лось в прах, подхваченный и унесенный ветром. Никогда больше не воплощался он на Арде, никогда больше не покидал покоев Владыки Мандоса. Так погиб сильнейший из Нолдоров. Он принес своему народу великую славу, но рука об руку с ней пришло и великое горе.

В те времена побережье Митрима населяли Серые Эльфы. С радостью встретили Нолдоры вновь обретенных родичей, но вскоре с удивлением обнаружили, что едва понимают друг друга. Слишком далеко за эти века разошлись языки Калаквэнди Валинора и Мориквэнди Белерианда. Именно от эльфов Митрима Нолдоры впервые услышали о могущественном правителе Дориата и о магическом Поясе, ограждающем его земли, от них же пришли в Менегрот и в гавани Бритумбара и Эглареста вести о северных сражениях. Тогда сердца эльфов Белерианда прониклись надеждой и изумлением — в самый трудный час вернулись их могучие родичи с Запада; никто не сомневался, что возвращение это — воля Валаров.

Между тем, как только не стало Феанора, к сыновьям его прибыли послы от Моргота. Они неожиданно легко признали победу эльфов и даже предложили вернуть один из Сильмариллов. Маэдрос, старший из Дома Феанора, уговорил братьев согласиться на переговоры с Врагом в условленном месте. Конечно, Нолдоры доверяли Морготу ничуть не больше, чем он им. Поэтому обе стороны явились на встречу с силами, значительно превосходящими условленные. Но Моргот все-таки оказался предусмотрительней, к тому же в его войсках шли Барлоги. Маэдрос попал в засаду. Его воины пали, а сам он по приказу Моргота был схвачен и доставлен в Ангбанд.

Братьям пришлось отступить в Хитлум и укрепиться там. Моргот, у которого теперь появился заложник, предложил эльфам в обмен на его жизнь немедленно прекратить войну и убраться на Запад, а если им это не по нраву, пусть уходят подальше в южные земли. Сыновья Феанора хорошо понимали: что бы они не сделали, Моргот может и не освободить Маэдроса; к тому же прекратить войну означало нарушить данную ими клятву. На предложения Врага последовал отказ. И тогда Моргот повесил Маэдроса за запястье правой руки над пропастью, на высокой скале, защищавшей Тангородрим.

Первый восход Луны совпал с вестями о Финголфине, преодолевшем льды и вступавшем в Среднеземье. А когда он уже приближался к Митриму, на западе в нестерпимом блеске поднялось из-за горизонта невиданное светило — это впервые восходило над миром Солнце. Навстречу ему развернулись голубые и серебряные знамена, запели трубы. Под ногами эльфов из земли тянулись вверх ростки, покрывались бутонами и расцветали прекрасными цветами. В мир пришел Свет и кончились Века Звезд.

Великий Свет обратил в бегство толпы Моргота. Финголфин, не встречая сопротивления, миновал крепости Дор Дэйделота — враги словно сквозь землю провалились (а так оно и было на самом деле). Эльфы подошли к воротам Ангбанда и учинили великий шум, ударяя мечами о щиты и трубя в трубы. От этих звуков дрожали стены башен.

Услышал их сквозь муки Маэдрос и вскричал громко, но голос его поглотили каменные толщи.

Рассудительный и осторожный Финголфин вскоре покинул Дор Дэйделот. Народ его, утомленный тяжелым походом, нуждался в отдыхе. Понимал Финголфин, что твердыню Ангбанда не сокрушить звуками труб, а коварный Моргот способен на все. Поэтому повернул он эльфов назад и повел к Митриму. Рассказывали, что там обосновались сыновья Феанора, да и Сумеречные Горы показались предводителю надежным щитом от Врага. Придя в Хитлум, он встал на северных берегах озера. После великих потерь и страданий ледового пути никаких теплых чувств к Дому Феанора вновь прибывшие не испытывали, считая сыновей равно повинными в делах отца. Вот-вот могла вспыхнуть междоусобица. Но даже теперь, после гибельного перехода, народы Финголфина и Финрода, сына Финарфина, оставались многочисленнее пришедших с Феанором. Они поставили лагерь на северном берегу, а сыновья Феанора перенесли свой на южный берег, так что теперь озеро разделяло их. Многие в народе Феанора стыдились предательства, невольными соучастниками которого они оказались в Лосгаре; переход брошенных ими бывших друзей по Льдам Севера достоин был изумления; они с радостью бы приветствовали отважных сородичей, но от стыда не смели.

Сказывалось проклятие, лежащее на Нолдорах. Время шло, эльфы упустили момент, когда Моргот колебался, а его полчища пребывали в страхе и растерянности под взглядом нового светила. Правда, Моргот быстро пришел в себя. Он узрел раздор в стане своих врагов и расхохотался. По его приказу в копиях Ангбанда срочно изготовили огромные дымы, и вот они поползли с вершин Железных Гор, и даже из долин Митрима видны были зловещие пятна, скрывающие яркие небеса первых рассветов Земли. Восточный ветер гнал их в сторону Хитлума, и тогда меркло солнце, а долины, ущелья и воды Митрима

окутывал мрачный, ядовитый саван. Враг готовился к войне. Днем и ночью содрогалась земля от грохота подземных кузниц Моргота. Пока не поздно, доблестный Фингон, сын Финголфина, решил положить конец вражде, разделившей народ Нолдоров. Давным-давно, в блаженные времена, когда Мелькор пребывал в заточении, а ложь еще не отравила Благословенный Край, был у Фингона близкий друг — Маэдрос. Не ведал Фингон, что Маэдрос совсем недавно вспоминал друга, глядя на пылавшие корабли. Один, ни с кем не советуясь, отправился Фингон на поиски Маэдроса, и подвиг его по достоинству прославлен среди других великих дел вождей Нолдоров.

Под покровом мглы, сотворенной самим Врагом, Фингон незамеченным добрался до стен Тангородрима. Долго пытался он найти хотя бы тропку, ведущую в твердыню Моргота, и отчаяние охватывало его все сильней, ибо не было никакой дороги, а с высоких склонов горного хребта был виден окрест унылый, разоренный край. Орки затаились в глубоких подземных норах, возможно, их было много вокруг, но, презрев опасность, взял Фингон лютную и запел песню о Валиноре, сложенную Нолдорами задолго до того, как вражда разделила единый народ. Чистый голос его звенел в мрачных теснинах, слышавших до этого лишь стоны и крики ужаса. И песня о Благословенном Крае помогла ему найти то, что он искал. Внезапно, где-то высоко над ним, слабый голос подхватил слова песни, а потом позвал Фингона по имени. То был Маэдрос. Мгновенно взобрался Фингон к подножию отвесной скалы, к которой был прикован его друг, но приблизиться к несчастному по зеркально-гладкой стене не смог бы никто. Измученный болью, потерявший всякую надежду, Маэдрос умолял Фингона сжалиться над ним и прекратить невыносимые страдания. Долго колебался отважный Нолдор, но, не видя другого выхода и не в силах выносить муки друга, со слезами поднял лук и вложил длинную стрелу. И прежде чем спустить тетиву, с последней надеждой воззвал он к Владыке Манвэ: «О Ты, Отец птиц небесных! Сжался над бедами Нолдоров. Отдаю оперенную стрелу на волю Твою!»

Скор был ответ на молитву Фингона. Манвэ, отец птиц небесных, восседающий на Таниквэтил, к подножию трона которого птицы приносят вести из самых отдаленных уголков земли, задолго до появления в Среднеземье эльфов выслал вперед племя Орлов, назначив им селиться на вершинах северных гор и присматривать за Мелькором и делами его. Жалость к изгнанникам не покидала сердце Владыки. Часто приходили вести — печально внимал им Манвэ. И вот, как только напряг Фингон свой тугой лук, с высоты небес спустился Торондор, Орлиный Царь, величественнейшая из птиц мира; тридцати фатомов ^[1] достигал размах его крыльев. Легко поднял он Фингона и перенес к скале, где висел прикованный Маэдрос. Но как ни бился Фингон, не смог ни разнять вражий браслет на запястье друга, ни оборвать цепь, ни вырвать ее из скалы. Маэдрос, видя тщетность его усилий, снова просил положить конец непереносимой муке, и тогда Фингон мечом отсек кисть руки исстрадавшегося эльфа, а Торондор быстро отнес их обоих в Хитлум.

Со временем поправился Маэдрос, ибо жарко пылал в нем огонь жизни и тело носило печать совершенства Благословенного Края. Лишь легким следом перенесенных пыток осталась тень боли, временами сжимавшая его сердце. Зато меч в левой руке доблестного эльфа стал еще более грозным, чем когда-то в правой.

Этот подвиг стяжал Фингону великую славу среди Нолдоров; он же положил конец вражде между Домами Финголфина и Феанора. Перед всеми Нолдорами просил Маэдрос прощения за предательство в Арамане и отказался от верховной власти, так сказав Финголфину:

— Если нет меж нами ныне обид, то прошу тебя, старейшего и самого мудрого из Дома Финвэ, принять бремя правления нашими народами.

Так сказал благородный Маэдрос, но братья в душе не согласились с ним.

Сбывалось предсказание Мандоса. Отныне верховная власть перешла к Дому Финголфина, а род Феанора потерял все: лишился власти в Элендэ, не приобрел ее в Белерианде, утратил Сильмариллы, свое великое сокровище. Зато теперь снова единый народ Нолдоров установил неусыпный надзор за рубежами Дор Дэйделота, а Ангбанд оказался осажден с запада, юга и востока. Только после этого Нолдоры разослали во все концы небольшие отряды, чтобы исследовать земли Белерианда и установить связь с народами, их населявшими.

Надо сказать, что Король Тингол не очень-то обрадовался неожиданному появлению в Среднеземье

многочисленных и сильных сородичей. Ведь им надо было где-то селиться. Он не спешил открывать свои владения пришельцам, не торопился снимать Зачарованный Пояс. Вслед за Мелиан не верил Тингол, что Врага удастся долго удерживать в Ангбанде. Приглашение посетить Дориат получили лишь дети Финарфина — ведь их матерью была Эарвея из Альквалондэ, дочь Ольвэ, племянница Тингола.

Первым из Изгнанников переступил порог Менегрота Ангрод, сын Финарфина, посланный в Дориат старшим братом Финродом. Он долго рассказывал Королю о подвигах Нолдоров на севере, о числе пришедших с Запада, о том, как организованы их боевые порядки. Но прямодушный Ангрод полагал, что старые обиды прощены и забыты, поэтому ни словом не обмолвился ни о клятве Феанора, ни об изгнании, ни о братоубийственной стычке в Альквалондэ. Тингол внимательно выслушал Ангрода и так напутствовал его перед уходом:

— Передай пославшим тебя, что Нолдоры могут свободно селиться в Хитлуме и на плоскогорьях Дортониона, и в землях к востоку от Дориата — они сейчас пустынные и дики. А в Белерианде живет мой народ, и я не хочу ни стеснять его свободы, ни лишать насиженных мест. Пусть задумаются вожди Пришедших с Запада, как им держать себя, ибо покуда я — правитель Белерианда, и здесь будут жить по моему слову. Ворота же Дориата закрыты для всех, кроме гостей, приглашаемых мной, или тех, кто в крайней нужде ищет моей помощи.

Тем временем вожди Нолдоров в Митрине собрались на совет. Как раз к его началу вернулся Ангрод с посланием Короля Тингола. Не очень-то приветливым показалось оно Нолдорам, а вспыльчивых сыновей Феанора просто привело в ярость. Но Маэдрос рассмеялся и сказал:

— Королем можно считать только того, кому есть чем править, иначе титул его — пустой звук. Тингол жалуется на земли, над которыми не властен. Не сразись мы с вражьиими силами, Королю Тинголу остался бы сейчас один лишь Дориат. Вот пусть и правит им и почитает за счастье, что в соседях у него сыновья Финвэ, а не орки Моргота. Я считаю, что для нас все складывается удачно.

Тут Карантир, самый грубый и вспыльчивый из сыновей Феанора, никогда не жаловавший наследников Финарфина, громко воскликнул:

— Еще чего! Если сыновьям Финарфина есть охота бегать к этому Мрачному Эльфу из пещер — пусть бегают. Да только никто их не просил вести переговоры от нашего имени! Но уж коли оказались они в Белерианде, то пусть хотя бы помнят, что отец их все-таки правитель Нолдоров, хотя мать из другого рода!

Возмущенный оскорблением Ангрод вскочил и выбежал вон. Маэдрос стал упрекать Карантира, а большинство Нолдоров, еще недавно разделенных враждой, не на шутку встревожились. Всем хорошо знаком был скандальный нрав сыновей Феанора, то и дело грозивший выплеснуться наружу необдуманным словом, а то и прямым оскорблением. Маэдросу удалось кое-как успокоить братьев и увести с совета. Вскоре они покинули Митрим и ушли на восток. Они переправились через Арос и обосновались в обширных землях за горой Химринг. Цепь горных вершин, отделивших их от Белерианда, прозвали позже рубежом Маэдроса. Это была самая северная естественная преграда, защищавшая Белерианд от угрозы Ангбанд. Там несли дозор сыновья Феанора, там собирали вокруг себя всех, кто приходил к ним и мог понадобиться в будущем, а до оставшейся на западе родни им не было никакого дела. Говорили, что Маэдрос нарочно увел братьев так далеко, во-первых, чтобы не допустить новых распрей, а во-вторых, он жаждал принять на себя первый возможный удар Врага. Только он продолжал поддерживать отношения с Домами Финголфина и Финарфина и изредка даже посещал собрания совета. Но проклятия, павшего на Дом Феанора, не избежал и Маэдрос, хотя и не показывало оно себя до срока.

Карантир со своим народом расположился восточнее, в верховьях Гелиона, неподалеку от озера Хелеворн, южнее горы Реир. Временами, поднимаясь на вершины Синих Гор, эльфы с удивлением взирали на восток, на бескрайние, глухие и дикие, неизведанные просторы Среднеземья. Именно здесь однажды встретился народ Карантира с гномами, прекратившими торговые связи с Белериандом сразу после прихода Нолдоров и сражений с Морготом. Поначалу, хотя оба народа славились мастерством и готовностью учиться новым ремеслам, особой дружбы между ними не сложилось. Виной тому отчасти была скрытность и обидчивость гномов, а отчасти — высокомерие Карантира и его эльфов, не скрывавших презрительного отношения к неказистым Наугримам. Но вскоре, перед лицом постоянной угрозы с Севера, оба народа ко взаимной выгоде заключили союз. Благодаря ему кузнецы и каменщики Ногрода и

Белегоста вскоре обрели великую славу. Теперь, когда возобновилась торговля с Белериандом, все изделия из копей гномов проходили через руки Карантира. Так пришло к нему огромное богатство.

Двадцать солнечных лет минуло, и Финголфин, Правитель Нолдоров, устроил великий пир. Место для него выбрали у источника, возле заводи Ивринь, откуда берет начало быстрый Нарог. Светлы и зелены были эти края, защищенные с севера хребтами Сумеречных Гор. Когда на смену тем дням пришли другие, полные скорби и бед, пир этот часто вспоминали как Мерет Адертад, Пир Дружбы. Пришли вожди и воины Финголфина и Финрода; Дом Феанора представляли Маэдрос и Мэглор с воинами Восточного Рубежа; явилось множество Серых Эльфов, вольных скитальцев по лесам Белерианда; прибыли эльфы из Дальних Гаваней со своим правителем Кирдэном. Даже Зеленые Эльфы из Семиричья приняли приглашение. Но из Дориата привет от Короля Тингола принесли лишь два посланца — Маблунг и Дазрон.

На пиру звучало множество клятв в вечной дружбе, заверений в искренних союзах, братских пожеланий и советов. Говорят, даже Нолдоры в тот день пользовались только языком Серых Эльфов. Язык Белерианда давался им куда легче, чем Синдарам наречие Валинора. Тогда благородны и преисполнены самых радужных надежд были сердца Нолдоров. Казалось, оправдались слова Феанора, призывавшего их когда-то на поиски счастья и свободы в далекое Среднеземье. И вот свободны они, и мир царит на всей Земле, потому что мечи Нолдоров берегут его, а Зло надежно заперто в стенах Ангбанда. И радостны привольные края под юными Луной и Солнцем... только где-то далеко на севере не развеялся пока легкий сумрак...

И еще тридцать лет кануло после того. Однажды Тургон, сын Финголфина, покинул зеленый Невраст, чтобы посетить друга своего Финрода, жившего на острове Тол Сирион в верховьях Сириона. Они решили вместе спуститься на юг вниз по течению, потому что обоим прискучили северные предгорья. И вот ночь застала их в пути около Сумеречных Озер, и они уснули у заводей Сириона, под крупными летними звездами. Тогда поднялся по реке Владыка Ульмо, и глубокий сон, наполненный тревожными видениями, сомкнулся над эльфами. С тяжелым чувством проснулись они поутру, но не обмолвились ни словом о ночных видениях. Ведь в памяти у них сумрачными пятнами все еще лежали предательства и раздоры, и каждый счел посланную Ульмо весть предназначенной только ему. С тех пор глухое беспокойство и тревога за будущее не покидали их. Уже поодиночке бродили они по самым исхоженным краям, искали места, отличающиеся скрытой силой, и каждый думал о том, как и где придется встретить страшный день, когда Моргот вырвется из осажденного Ангбанда, сметя заслон на Севере.

Некоторое время Финрод со своей сестрой Галадриэль гостил у Короля Тингола в Дориате. Финрод восхищался мощью и величием Менегрота, его многоколонными мраморными залами, сокровищницами и арсеналами. Он решил построить и себе такие же обширные подземные владения в каком-нибудь тайном месте под горами. Рассказал он владыке Среброманту о своих сновидениях, поделился с ним замыслами, и Тингол поведал ему о пещерах, скрытых в глубоком ущелье на правом берегу реки Нарог, под горой Фарот. И дал ему Тингол проводников, знавших дорогу к тайному месту. Так обосновался Финрод в пещерах Нарога и сразу начал строить глубокие залы, галереи и арсеналы, подобные восхитившим его в Менегроте. Глубоко в недрах гор скрылась крепость Финрода и получила имя Нарготронд. Гномы Синегорья помогали Финроду в его трудах. Щедро вознаградил их Финрод, ибо много сокровищ принес он в свое время из Тириона, больше, чем кто-либо из князей Нолдоров. Примерно тогда же родилось одно из прекраснейших творений Стародавних Дней — Наугламир, Ожерелье Гномов, сделанное ими для Финрода. В золотой оправе дивной работы горели огнем самоцветы Валинора. Кто бы ни надевал его, мягко, словно льняное кружево, ложилось оно на плечи, и уже нельзя было оторвать глаз от этого великолепия.

Вот здесь, в Нарготронде, и обосновался Финрод со своим народом. Гномы прозвали Финрода Фелагундом, Пещерным Ваятелем; так это имя и осталось с ним до самого конца. Да только Финрод Фелагунд не был первым, обжившим пещеры Нарога.

Сестра Финрода, Галадриэль, осталась у Тингола в Дориате. Там повстречала она Келеборна, родича короля, и вспыхнула меж ними великая любовь. Живя рядом с Мелиан, Галадриэль постепенно перенимала от высокой Майа могущественные знания и глубокую мудрость.

А Тургону не давала покоя память о светлом Тирионе на высоком холме в давно оставленном Благословенном Краю. Долго ходил он по земле, но, не найдя того, что искал, вернулся в Невраст и остался

в Винамаре, на морском побережье. Прошел год и снова во сне явился к нему Ульмо и повелел отправиться в долину Сириона. Ведомый Валаром, достиг Тургон уединенной долины Тумладен. Горы кольцом окружали долину, а в центре возвышался большой выступ. Вернувшись в Невраст, Тургон, осторожно советуясь только с самыми близкими друзьями, стал создавать план города, напоминавшего Тирион на Туне, тоска по которому сжимала его сердце.

Соглядатаи доносили Морготу, что предводители Нолдоров бродят по всему Среднеземью и, видно, думать забыли о всякой войне. Тогда Враг решил испытать, не ослабла ли в самом деле бдительность эльфов. Скрытно пробуждалась его мощь, но вот однажды содрогнулась земля, полыхнули огнем Железные Горы, и орды орков внезапно хлынули на равнины Ард-Галена. Одновременно они прорвались сквозь западное ущелье Сириона, затопили земли Мэглора и протиснулись между горами Маэдроса и дальними отрогами Синих Гор. Но Финголфин и Маэдрос были начеку. Пока отряды Нолдоров разыскивали и уничтожали разрозненные орочьи банды, лиходействовавшие по всему Белерианду, они с двух сторон ударили по основной силе Врага, наступавшей на Дортонион, разбили вражьи орды и гнали их по всему Ард-Галену, уничтожая безжалостно, до самых ворот Ангбанда. Дагор Аглареб, Победоносная Битва, стали называть это третье великое сражение из Битв Белерианда.

Да, сражение принесло победу Нолдорам, но оно же послужило им грозным предупреждением, заставило теснее сплотить ряды, усилить дозоры и взять Ангбанд в осаду. Почти четыреста солнечных лет длилась она. Вожди Нолдоров нагнали такого страха на приспешников Моргота, что еще очень долго после Победоносной Битвы ни один из них не смел показаться за воротами мрачной твердыни Севера. Финголфин надеялся тогда, что если не допустят эльфы в своих рядах измены, то Врагу никогда не разрушить эльфийский союз, не заставить Эльдаров врасплох. Правда, Ангбанд стоял нерушимо и Сильмариллы вернуть не удалось, да и война, по сути дела, не затихала во все время осады, потому что Моргот постоянно затевал новые злодейства и не уставал испытывать силы Нолдоров. Кольцо осады по-настоящему так и не замкнулось. Ведь Ангбанд со всех сторон защищали Железные Горы, на склонах и вершинах которых вздымались башни Тангородрима. Непроходимые горные перевалы, снег и лед вставали перед Нолдорами неодолимой преградой. Так что с севера выход для Моргота всегда оставался свободным; им-то время от времени и пользовались его лазутчики, пробиравшиеся в Белерианд. Всеми силами старался Враг посеять страх и рознь среди Эльдаров. Орки его имели строгий приказ хватать живыми и доставлять в Ангбанд всех, кого только удастся. Многие пленники не смогли вынести ужасного взгляда Врага и дальше уже без принуждения, из одного только страха перед Темным Владыкой, выполняли его приказы. От пленников узнал Моргот обо всем случившемся после бунта Феанора, узнал и возрадовался, ибо предвидел в этом семена будущих раздоров среди своих противников.

Спустя еще сотню лет после Победоносной Битвы, Моргот, опасливо сторонившийся Маэдроса, попытался заставить врасплох Финголфина. К белым снегам Севера выслал он немалое войско, повернул его потом на запад, а затем на юг. Оно прошло вдоль побережья к заливу Дренгист почти тем же путем, которым шел в свое время Финголфин по вздыбленным льдам. Отряд пробирался в Хитлум, но был вовремя обнаружен Фингоном. На севере залива он сбросил орков в море. Битва не вошла в летопись великих сражений: орков было немного, и Нолдоры Хитлума обошлись малыми силами. Только после этого Моргот наконец понял, что орки сами по себе не соперники Нолдорам, и принялся искать другие пути, а пока в Белерианде надолго установился мир.

И еще сто лет прошло, пока однажды ночью из ворот Ангбанда не вырвался Глаурунг, первый из породы северных огнедышащих драконов. Совсем еще молодой и не очень большой Глаурунг (драконы живут долго и все время растут) натворил столько бед, что эльфы в ужасе бежали от него к Эред Ветрин и в Дортонион. Дракон успел основательно разрушить и загадить Ард-Гален, прежде чем Фингон собрал своих конных стрелков, вооруженных тяжелыми луками, окружил дракона живым кольцом всадников и засыпал стрелами. Броня Глаурунга еще не окрепла как следует, стрелы больно ранили его, он бежал и на долгие годы пропал за воротами Ангбанда. Нолдоры ликовали и превозносили отважного Фингона. Мало кто из них осознал опасность этих новых исчадий Врага. Сам Моргот был очень раздосадован, что дракон полез на рожон раньше времени и нарушил его планы. И снова долгий, почти двухсотлетний мир снизошел на земли Белерианда. Мелкие пограничные стычки вряд ли стоило принимать во внимание. Край богател и процветал. Под надежной охраной Нолдоры много строили. Удивительные творения украсили землю.

Слагались прекрасные песни и баллады, составлялись книги знаний. Во многих местах Нолдоры и Синдары снова слились в один народ, как это было когда-то на заре Мира под звездами. Они говорили на одном языке, и только искушенный глаз примечал, что одни, ведущие происхождение от Нолдоров, покрепче телом, более сообразительные и умелые, предпочитают селиться по склонам гор и в долинах, а другие — из Синдаров, звонкоголосые, одаренные музыкальным слухом, менее расположенные к воинским делам, обживают леса и речные долины. Ну и еще Серые Эльфы по-прежнему бродили с песнями по всему Среднеземью, нигде подолгу не задерживаясь.

Глава 14

БЕЛЕРИАНД

Здесь повествуется о том, каким застали Нолдоры Среднеземье и каким оно было в Древнейшие Дни, когда вожди Эльдаров и их народы обживали свои владения, заключали союзы и сражались против общего Врага.

В далеком прошлом Мелькор воздвиг на Севере Мира Эред Энгрин, Железные Горы. Огромной подковой по самой границе вечного холода охватили они Утумно, надежно защищая цитадель от любых неожиданностей. За ними, с западной стороны, страшась гнева Валаров, построил Мелькор еще одну крепость, Ангбанд, Железный Ад. Именно здесь нашел он пристанище, вернувшись в Среднеземье. От Утумно давно уже и следа не осталось — разрушили ее Валары в Битве Сил, а вот Ангбанд уцелел, ибо запрятан был глубоко в недрах гор. Оттуда вел на юг длиннейший туннель, запертый мощными воротами. Все пространство перед ним занимали мрачные башни Тангородрима, возведенные из скапливавшегося в подземных кузницах шлака и камней. Черные валы днем и ночью курились едким дымом. Раньше от ворот Ангбанда простиралась грязная, безжизненная равнина, но после прихода Солнца оделась она буйными травами. За время осады, пока ворота не открывались, трава подобралась к самому адскому порогу.

На запад от Тангородрима раскинулась Страна Дымов, Хисиломэ на языке Нолдоров. Здесь пролегал путь дымных облаков, рожденных по приказу Моргота. Синдары стали называть эти земли Хитлум. На протяжении всех столетий осады это был замечательный край, хотя и прохладный, а зимой — так просто холодный. От морских ветров его укрывали Поющие Горы, а с востока и юга замыкали Сумеречные Горы.

В Хитлуме правил Финголфин. Народ его расселился по берегам озера Митрим, а сын Финголфина, Фингон, держал под своей рукой Дор Ломин, расположенный западнее гор Митрима. Но главные их укрепления располагались у Истока Сириона, к востоку от Эред Ветрин, за Ард-Галеном. Конница Нолдоров, бывало, доходила до самых теней Тангородрима. Прекрасные пастбища Ард-Галена позволяли разводить великолепных коней, предки которых прибыли вместе с Эльдарами из Валинора. Позже Маэдрос, в уплату виры за перенесенные во время Ледового перехода страдания, отдал коней Финголфину.

За Поющими Горами, на запад от Дор Ломина, лежали земли, которые Синдары называли Невраст, Ближний Берег. Сначала так звалось все побережье южнее залива Дренгист, но потом название сохранилось только за частью побережья между Дренгистом и горой Тэрас. Там долгие годы правил сын Финголфина, Тургон Мудрый. Земли его с одной стороны омывали морские волны, а с другой замыкали хребты Эред Ломин; дальше на запад они переходили во все более пологие холмы Эред Ветрин и занимали все пространство от Ивринь до горы Тэрас, что высоко вознеслась над морем. Кое-кто считает Невраст частью Белерианда, а не Хитлума, потому что климат здесь мягче, морские ветры влажны, а северные сюда не долетают. Вся территория Невраста расположена выше окрестных равнин, и нет на ней рек, но посреди долины раскинулось озеро с топкими, низкими берегами, незаметно переходящими в обширные болота. Здешние высокие тростники облюбовало множество птиц; имя озеру — Линаэвен. К приходу Нолдоров на взморьях Невраста и у подножия Тэрас обитали Серые Эльфы. Когда-то сюда часто наведывались Ульмо и Оссэ... Здешнее население сразу признало Тургона правителем, Синдары быстро смешались с Нолдорами, и Тургон долго и спокойно правил в своем Виниамаре под сенью горы Тэрас на берегу моря.

К югу от Ард-Галена без малого на шестьдесят лиг с запада на восток протянулось плоскогорье Дортонион, поросшее могучими сосновыми лесами. Южнее оно незаметно переходит в угрюмое плато, испещренное горными озерами и скалистыми утесами повыше пиков Эред Ветрин. На границе с Дориатом плато обрывается ужасающими пропастями. На северных склонах Дортониона селился немногочисленный народ, правила которым сыновья Финарфина, Ангрод и Аэгнор. Они признавали своим князем Финрода. Эти бесплодные угрюмые высокогорья заставили бы призадуматься Моргота, вздумай он ударить с этой стороны.

Между Дортонионом и Сумеречными Горами, в узкой долине меж крутых склонов, поросших

соснами, несет свои быстрые воды Сирион. Ущелье Сириона охранял Финрод. Это он воздвиг посреди реки, на острове Тол Сирион, дозорную башню Минас Тирит. Позже, когда был построен Нарготронд, он передал эту крепость своему брату Ородрефу.

По необъятным просторам Белерианда струится светлый Сирион, чьи воды прославлены в стольких песнях. Минуя Ард-Гален, его русло рассекает скалы, собирает горные ручьи и становится все полноводнее, чтобы спустя сто тридцать лиг разбиться на множество рукавов, образуя огромную дельту у впадения в Бухту Балар. Повторяя плавные изгибы огромной реки, тянется по ее правому берегу через весь западный Белерианд Лес Бретиль. Он занимает все пространство между Сирионом и Тейглином. Дальше лежат земли Нарготронда. Нарог, берущий начало у водопадов Ивринь на южной стороне Дор Ломит, через восемьдесят лиг впадает в Сирион. Место их слияния зовется Нан-Тафрен, Ивовый край. Южная часть его, малонаселенная, покрыта разнотравными лугами, дальше — тростниковые болота и песчаные дюны дельты Сириона. Живут там только морские птицы.

От Нарога до реки Неннин, впадающей в море возле Эглареста, лежат владения Финрода, правителя всех эльфов Белерианда. Только в Фаласе издавна правит мореходами-Синдарами Кирдэн Корабел. С Финродом их связывает тесная дружба. С помощью Нолдоров Синдары заново отстроили гавани Бритумбара и Эглареста. Там, за высокими стенами, укрыты прекрасные города с каменными набережными и молами. На мысу западнее Эглареста воздвиг Финрод башню Барад Нимрас, чтобы наблюдать за морем. Впрочем, это оказалось ни к чему. Моргот никогда не строил кораблей и не пытался вести войну на море. Все его слуги как один страдали водобоязнью и терпеть не могли вольных вод. С помощью эльфов Кирдэна корабли начали строить и жители Нарготронда. Со временем они освоили мореходное искусство настолько, что добрались до огромного острова Балар и собирались превратить остров в последний надежный оплот, если появится необходимость, но этим планам не суждено было сбыться.

В то время Нолдорами правили четыре великих князя: Финголфин, сын его Фингон, Маэдрос и Финрод Фелагунд. Верховная власть принадлежала Финголфину, хотя они с сыном правили только небольшой северной частью Хитлума. Зато не было более стойких и доблестных воинов, чем в войске Верховного Правителя. Орки боялись их до судорог, а Моргот люто ненавидел.

Левый берег Сириона относится к Восточному Белерианду. Здесь, между Сирионом и Миндебом, лежит пустынный край Димбар, где на вершинах Криссаэгрима выют гнезда Орлы Манвэ. Между Миндебом и верховьями Эсгалдуина не живут и никогда не стали бы жить ни люди, ни эльфы. Это — жуткая земля Нан-Дунгорфеб. Южный ее край упирается в Пояс Мелиан, ограждающий Дориат, а северный обрывается пропастями Эред Горгората. Именно здесь укрылась когда-то Унголианта от огненных бичей Барлогов, а после — долго жила, постепенно пропитывая все вокруг мертвящей тьмой. Давно уже нет Унголианты, а вот ее гнусные отпрыски все еще населяют здешние пещеры, плетут злые сети, отравляют воздух, воду и землю. Все ручьи здесь смертельно опасны; сердца тех, кому довелось утолять из них жажду, охватывало отчаянье, а вслед за этим наступало безумие. Поэтому все живое бежало отсюда, и только крайняя нужда могла заставить кого-нибудь из Нолдоров выбрать дорогу через Нан-Дунгорфеб. Но и тогда старались они держаться поближе к границам Дориата. Здесь давным-давно, еще до возвращения Моргота, был проложен тракт. Если идти по нему на восток, сначала выйдешь к каменному мосту через Эсгалдуин, а дальше, через Дор Динен, Страну Безмолвия, и броды Ароса, попадешь к северным пределам Белерианда, во владения сыновей Феанора.

К югу лежат заповедные леса Дориата. Где-то там живет Тингол, Таинственный Король. Без его дозволения путь сюда заказан всем. Северный Дориат, лес Нелдорет, омывают на востоке темные воды Эсгалдуина, а равнина между ним и Аросом покрыта дремучими лесами Региона. На южном берегу Эсгалдуина, там, где русло плавно поворачивает на запад, расположены пещеры Менегрота. Почти все земли Дориата лежат к востоку от Сирион, кроме узкой полосы лесов от слияния Тейглина и Сириона до Сумеречных Озер. Народ Дориата зовет этот лес Ниврим, Западный Рубеж; там стоят, будто на страже, гигантские дубы, и там зачарованный Пояс выгибается, захватывая и лес Ниврим, чтобы присоединить к Дориату хоть кусочек Сириона, в чьих водах разлит дух Ульмо.

К юго-западу от слияния Ароса и Сириона Дориат покрыт большими озерами и болотами. Река здесь становится медленной и пересекает равнину, разбившись на множество рукавов. Это Айлин-юэл, край

Сумеречных Озер. Течение Сириона здесь совсем не чувствуется, а дальше к югу равнина обрывается, словно гигантская ступень. Воды Нарога проложили путь по глубокому ущелью, и река здесь вскипает множеством порогов, нигде, впрочем, не переходящих в водопады. Ниже по течению к воде спускаются дебри Таур эн-Фарот, а еще ниже, там, где русло Нарога принимает воды бурливого пенистого Рингвила, Финрод основал Нарготронд. Неподалеку, всего в каких-нибудь двадцати пяти лигах, Сирион мощным водопадом низвергается вниз и вдруг уходит под землю. Тяжесть его вод, падающих с большой высоты, пробила огромный туннель, и только тремя лигами южнее река снова выходит на поверхность, вырываясь в грохоте и брызгах из каменного грота у подножия холмов, зовущихся Вратами Сириона.

Этот гигантский водопад называют Андрам. Он пересекает уступом весь Белерианд от Нарготронда до Рамдала. К востоку он становится все более пологим, и уже воды Гелиона не знают на своем пути ни стремнин, ни порогов, ни водопадов, хотя по скорости течения он превосходит Сирион. Между Рамдалом и Гелионом среди равнины вдруг вздымается к небу гора Амон Эреб. Она не очень высока на самом деле, но из-за одинокого положения кажется весьма величественной. На склонах Амон Эреба скончался Денетор, правитель Нандоров Оссирианда. Это случилось, когда орки впервые нарушили подзвездный покой Белерианда и Нандоры выступили на помощь своему соседу Тинголу. Здесь же некоторое время жил после своего сокрушительного поражения Маэдрос.

За порогом Андрама, на юге, в непроходимых лесах между Сирионом и Гелионом никто не живет. Край этот дик и первозданен. Только немногие Сумеречные Эльфы странствуют здесь изредка. Зовется этот край Лесным Междуречьем, Таур-им-Дуайнаф.

Одна из величайших рек Среднеземья, Гелион, берет начало из двух источников: Малого Гелиона, стекающего со склонов Химринга, и Большого, текущего от горы Реир. Они скоро сливаются, и дальше на сорок лиг в русло не впадает ни один ручеек. Гелион почти вдвое длиннее Сириона, но не так полноводен. Это и понятно. Ведь в Хитлуме и Дортонионе дождей выпадает не в пример больше, чем на востоке. Синие Горы дают Гелиону шесть быстрых притоков: Аскар (позже его назвали Рафлоризль), Талос, Леголин, Брильфор, Дуилвен и Адарант. Между Аскаром на севере и Адарантом на юге простирается зеленый Оссирианд, Семиречье. В среднем течении Адаранта посреди реки стоит Тол Гален, Зеленый Остров. Это на нем после возвращения с Запада жили Берен и Лучиэль.

В Семиречье, под покровительством Ульмо, любившего Гелион и Сирион больше всех вод западного мира, селились Зеленые Эльфы. Они прекрасно приспособились к жизни в своем лесном краю, и чужеземец мог пройти Оссирианд из конца в конец, не заметив ни одного жителя. Весной и летом носили они зеленые одежды; воздух постоянно звенел от поющих голосов. Потому-то Нолдоры и называли весь край Линдон, Поющая Земля, а горы, впервые открывшиеся им из Оссирианда — Эред Линдон.

Самыми незащищенными оставались границы Белерианда к востоку от Дортониона. Лишь невысокая гряда холмов прикрывала с севера долину Гелиона. Здесь, на Рубеже Маэдроса и в землях, расположенных позади него, жили и правили многочисленным народом сыновья Феанора. Их всадники часто пересекали дозором из конца в конец пустынные равнины Лотлэнна, чтобы не дать Морготу захватить Восточный Белерианд врасплох. Главная крепость Маэдроса была воздвигнута на плоской вершине горы Химринг, покрытой вечными снегами. Между Химрингом и Дортонионом лежал перевал Аглон, ворота Дориата. В ущелье всегда свистел и завывал холодный северный ветер. Келегорм и Карафин укрепили Аглон и с большим отрядом защищали весь Химлад, лежащий в междуречье Ароса и Келона. Между притоками Гелиона нес дозор Мэглор. Здесь холмы неожиданно исчезали, чем не преминули воспользоваться орки, прорвавшиеся в Белерианд. С тех пор Нолдоры держали на равнине сильную конницу. К востоку от Заставы Мэглора высились крепости Карантира, а между отрогом Реира и Эред Линдон в оправе гор мерцало темное и глубокое озеро Хелеворн. Всю обширную область от Реира до реки Оскар Нолдоры называли Таргелион, Край за Гелионом, или Дор Карантир, Земля Карантира. Именно здесь произошла первая встреча Нолдоров с гномами. Было у этой области и другое название, данное встарь Серыми Эльфами, — Талах Рунен, Восточная Долина.

Так сыновья Феанора во главе с Маэдросом правили Восточным Белериандом. Народ их обитал в основном на севере, а на зеленый юг они наезжали разве что поохотиться да проведать тамошних правителей Амроса и Амрода, в годы Осады редко выбиравшихся на север. Бывали здесь, впрочем, и другие правители эльфов, даже издалека, ибо край этот хотя и мало обжит, но очень красив и светел. Чаше

других навевался Финрод Фелагунд, не любивший подолгу сидеть на одном месте. Случалось ему добираться и до Оссирианда. Зеленые Эльфы привечали его и особо отличали среди прочих. Но ни один из Нолдоров не пересекал хребта Эред Линдон, так что вести о происходившем на востоке Среднеземья доходили до Белерианда редко и с большим опозданием.

Глава 15

НОЛДОРЫ В БЕЛЕРИАНДЕ

Сказано, как по настоянию Ульмо Тургон из Невраста нашел скрытую долину Тумладен, расположенную у истоков Сириона в кольце гор, таких крутых и высоких, что ни одно живое существо, кроме Орлов Торондора, не подозревало о ее существовании. Но глубоко под горами воды Ульмо проложили путь, им-то и воспользовался Тургон. Выйдя снова на яркий свет, он оказался в зеленой долине, посреди которой возвышался скальный массив. Стены его были словно отполированы, ибо когда-то, в древние времена, долина была огромным озером, вот вода и поработала над камнем. Тургон нашел то, что искал, и решил основать здесь город в память Тириона на Туне, однако принялся за дело не сразу. Сперва он вернулся в Невраст и долго обдумывал свой замысел.

Но после Победоносной Битвы Тургон с новой силой ощутил беспокойство, навеянное вещим сном Ульмо. Тогда отобрал он самых сильных и искусных из своего народа и тайно увел в скрытую долину. Так началось строительство задуманного им города. Кругом были расставлены дозоры, никто не ведал об их трудах, а могущество Ульмо, разлитое в водах Сириона, хранило строителей ото всех бед. Сам же Тургон большей частью жил в Неврасте, пока в упорном труде не минуло пятьдесят лет и еще два года, и город наконец был построен. Говорят, что сначала Тургон назвал город Ондолиндэ — на языке Ваниаров это означало Скала Поющей Воды, ибо дивной музыкой звучали фонтаны, бившие из камня. Но язык Синдаров искажил первоначальное звучание и смысл, так что город стал называться Гондолин, Тайная Скала.

Тургон уже готовился покинуть Виниамар, когда Ульмо снова посетил его. Так сказал могучий Валар: «Настал срок. Тебе пора уходить в Гондолин. Своей властью я охраню путь, и впредь никто без твоей воли не проникнет в скрытую долину. Дольше всех оплотов Эльдалиэ стоять Гондолину против злобы Мелькора, но не обольщайся неприступностью своих новых владений и не давай им занять слишком много места в твоём сердце. Помни: истинная надежда Нолдоров — на Западе, и прихода ее надо ждать с Моря».

Напомнил Ульмо Тургону, что и на нем лежит Проклятье Мандоса, изменить которое бессилён Владыка Вод. И еще сказал он так «Может статься, рок настигнет тебя, и измена поднимет голову в самом Гондолине. Огонь будет грозить его стенам. Но знай, что в самый трудный час придет из Невраста вестник, чтобы предостеречь тебя, и в нем одном будет надежда и для эльфов, и для людей. Поэтому, покидая дворец, оставь здесь меч и доспехи. По ним сможешь узнать посланца, не боясь ошибки». Подробно объяснил Ульмо, каковы должны быть и шлем, и доспех, и меч, оставленные в Неврасте.

Валар вернулся в свою стихию, а Тургон собрал народ — добрую треть Нолдоров, пришедших с Финголфином, и еще больше Синдаров — и тайно отправил в Гондолин. Группа за группой уходили они, исчезали в тени Эред Ветрин, чтобы незамеченными придти в скрытую долину, и никто не знал, куда они уходят. Последним с близкими и домочадцами двинулся Тургон. Он миновал холмы, прошел сквозь горные врата, и они закрылись за его спиной.

Потянулась длинная вереница лет. Никто не приходил в Гондолин, кроме Хурина и Хуора, ни один отряд не покидал долины вплоть до Горестного Года, но до него оставалось еще триста пятьдесят лет. В кольце гор народ Тургона рос и процветал, совершенствуясь в мастерстве, и скоро Гондолин действительно мог сравниться с Тирионом на Туне. Высокие белые стены, прекрасные лестницы, гордая Башня Правителя услаждали взор. Искрясь и сверкая, повсюду били фонтаны, дворец украшали искусно изваянные самим Тургоном подобия Дерев Амана. Одно, золотое, звалось Глингэл, другое, с серебряными цветами, — Белфил. Но самым большим чудом Гондолина по праву считали Идриль, дочь Тургона. Ее еще звали Келебриндель — Серебрянка, и волосы у нее были, как цветы Лаурелина до прихода Моргота.

Вот так, в блаженстве и покое, жил Тургон в Гондолине, а покинутый Невраст стоял пустым и заброшенным на берегу Моря, и стоять ему предстояло до скончания Белерианда.

Пока строился Гондолин, пока Финрод Фелагунд создавал Нарготронд, его сестра Галадриэль жила в Дориате у Короля Тингола. Иногда они подолгу разговаривали с Мелиан, вспоминая блаженный Валинор, но Галадриэль тут же замолкала, как только разговор их приближался к часу гибели Дерев. Подметив это,

сказала однажды Мелиан:

— Я хорошо вижу, что тебя и твоих родичей постигло какое-то несчастье. Но суть его скрыта от меня. Я не знаю, что происходит на Западе. Непроницаемая тень застилает от моего взора Аман. Почему ты не хочешь рассказать мне о вашем прошлом?

— Там — горе и несчастье, — вздохнула Галадриэль. — Здесь пока одна только радость, так стоит ли омрачать ее памятью? То горе было так велико, что может придти и сюда, даже если сейчас в это не верится.

Мелиан долго смотрела ей в глаза и наконец промолвила:

— Я не верю, что Валары послали Нолдоров нам на помощь, хоть и пришли вы как нельзя кстати. Ни один из князей Нолдоров не принес нам хотя бы слово приветствия не только от Манвэ или от Ульмо, но даже от Ольвэ, брата нашего Короля, уведшего народ за Море. Скажи мне, Галадриэль, за что Нолдоры были изгнаны из Амана на самом деле? Какое зло так ожесточило сыновей Феанора? Разве не близка я к истине?

— Наверное, близка, — отвечала Галадриэль. — Только Нолдоров никто не изгонял из Амана. Мы ушли по собственной воле, хотя и вопреки воле Валаров. Единственная цель привела нас сюда через великие опасности. Мы пришли отомстить Морготу и вернуть то, что было им похищено.

И Галадриэль рассказала Мелиан о Сильмариллах и об убийстве в Форменосе Короля Финвэ, но ни словом не обмолвилась ни о клятве Феанора, ни о братоубийственной стычке в Альквалондэ, ни о сожжении кораблей в Лосгаре.

— Теперь я многое понимаю, — промолвила Мелиан, — и о многом догадываюсь. Ты старалась окутать тайной долгий путь из Тириона, но он слишком явно отмечен злом. Тингол должен узнать об этом.

— Пусть узнает, — пожала плечами Галадриэль, — только не от меня.

Больше они не говорили об этом, но Мелиан, конечно, рассказала Тинголу о Сильмариллах.

— Они — самое важное здесь, — говорила она Королю. — Они важнее, чем полагают сами Нолдоры, важнее всего. Свет Амана и судьбы Арды — в этих творениях ушедшего Феанора. Истинно говорю тебе, всей мощи Эльдаров не хватит, чтобы вернуть Камни. Мир будет разрушен в грядущих битвах, прежде чем удастся вырвать их из рук Моргота. Вглядишься в знаки Судьбы: Феанор пал и многие другие тоже, но первым погиб твой старый друг Финвэ. Моргот убил его, покидая Аман.

Томимый скорбью и дурными предчувствиями, долго молчал Король Тингол и наконец произнес:

— Теперь не удивляет меня больше возвращение Нолдоров. Не на помощь к нам спешили они с Запада, и если оказали ее, то по чистой случайности. Отныне Валары предоставят Среднеземье своей судьбе, и так будет, пока не придет для этих земель роковой час. Нолдоры пришли мстить и возвращать утраченное. Ну что ж... Тем более надежных союзников против Моргота обрели мы. Вряд ли Нолдоры захотят вступить в переговоры с Врагом.

На это отвечала Мелиан:

— Да, ты верно назвал причины их возвращения. Но есть и другие. Остерегайся сыновей Феанора! На них — печать гнева Валаров. Не только Эльдарам, но и всему Аману причинили они великое зло. Теперь затихли распри меж князей Нолдоров, но недалек день, когда они разгорятся вновь.

— Что мне до того! — воскликнул Тингол. — Я слышал о Феаноре, видимо, он действительно был велик. Что же до его сыновей, то я и раньше не знал о них, да и теперь не желаю. Знаю только, что они показали себя заклятыми врагами нашего Врага.

— Их мечи и их намерения могут стать обоюдоострыми, — задумчиво произнесла Мелиан, и больше они об этом не говорили.

Прошло не так уж много времени, и среди Синдаров поползли темные слухи. Говорили о том, почему и как Нолдоры покинули Благословенный Край. Достоверно известно, кто распускал эти слухи. Горькая правда мешалась в них с обильной ложью. Однако простодушные Синдары верили любым словам, они ведь совсем не знали Моргота, вот он и избрал их для своего нового нападения.

Кирдэн Корабел не на шутку встревожился мрачными рассказами. Мудрость помогла ему за правдой и ложью увидеть тень зла, но он решил, что причина — в соперничестве между Домами Нолдоров. Как бы то ни было, Кирдэн сразу послал известить обо всем Владыку Тингола.

Так случилось, что, когда прибыл вестник, в Менегроте гостили сыновья Финарфина, приехавшие навестить сестру. Тингол выслушал посланцев Кирдэна и в гневе обратился к Финроду:

— Как больно обидели вы меня, родичи, скрыв столь важные дела! Но теперь мне ведомы все злодеяния Нолдоров! На это Финрод с достоинством отвечал:

— Чем же обидел я тебя. Повелитель? Скажи, какое зло претерпели твои владения от Нолдоров? Что так огорчило тебя? Ни твоей королевской власти, ни подданным твоим не было от нас никакого ущерба.

— Странно мне слушать тебя, сын Эарвен, — горестно воскликнул Тингол. — Ты пришел в землю своих предков с руками, обогранными кровью родичей твоей матери, и, похоже, совсем не раскаиваешься!

Сильно встревожили Финрода слова Владыки Тингола, но молчал он покуда, нечего ему было сказать в свое оправдание: не мог же он сваливать вину на других князей Нолдоров, да еще перед Тинголом.

Ангрод же, вспомнив слова Карантира, вскочил и воскликнул с обидой:

— Я не знаю, Правитель, что за ложь услышал ты и откуда она пришла. Но наши руки не запятнаны ничем, кроме крови орков! Нет на нас и другой вины, разве что в глупости и поспешности, с какой поверили мы речам гордого Феанора. Словно вино, пьянили они нас, но хмель быстро прошел. Никакого зла не совершали мы в пути, но зато сами испытали великое предательство и простили его. И за все это твои наушники называют нас предателями! Мы не хотим раздоров среди Нолдоров, и потому молчали перед тобой — за это можешь гневаться на нас. Но хватит нам нести груз чужих прегрешений! Ты узнаешь правду!

Долго говорил Ангрод. Он обвинял сыновей Феанора, рассказал о кровопролитии в Альквалондэ, и о Проклятии Мандоса, и о том, как были сожжены в Лосгаре белые корабли Тэлери.

— До каких же пор мы, претерпевшие ужасы Ледового Пути, должны носить имя предателей и братоубийц?! — горько воскликнул напоследок Ангрод.

В наступившей тишине прозвучали слова Мелиан:

— Знак Мандоса пометил ваши судьбы. И снова все долго молчали. Наконец вздохнул Король Тингол и сказал:

— Сердце горит у меня, поэтому сейчас вам лучше уйти. Потом вернетесь, если пожелаете. Вы — родня мне, для вас двери будут по-прежнему открыты. Хоть и попались вы в сети Зла, вы сами к нему не причастны. Финголфин со своим народом тоже останутся нам друзьями, они искупили прошлые ошибки. Наши мелкие размолвки — пустяк по сравнению с ненавистью к источнику всех этих бед и зол! Но слушайте, что я скажу еще. Отныне да не услышат уши мои наречия тех, кто пролил кровь наших братьев в Альквалондэ. Покуда я правитель этого края, не звучать ему в моих землях! Каждый, кто заговорит на нем, каждый, кто ответит на нем, будет причислен к убийцам и предателям.

С тяжелым сердцем покинули Менегрот сыновья Финарфина. Сбывались слова Мандоса о тени, что падет на всех, последовавших за Феанором. Синдары выслушали приказ своего Короля и в тот же день язык Нолдоров перестал звучать во всем Белерианде. Скоро и Изгнанники привыкли общаться между собой на языке Синдаров, а высоким наречием Запада пользовались теперь только князья Нолдоров. С тех пор, и пока живут на свете Нолдоры, язык их остается в мире как язык знания, принесенного из Благословенного Края.

Когда закончилась постройка Нарготронда (а Тургон еще не покидал Виниамара) сыновья Финарфина собрались там на пир. Галадриэль вернулась из Дориата и жила тогда в Нарготронде.

Надо сказать, что у Государя Финрода Фелагунда не было жены, и однажды Галадриэль спросила его, почему он не женится. Пока говорила она, вещее видение посетило Фелагунда. Так ответил он:

— Когда-нибудь и мне придется дать клятву. Я должен быть свободен, чтобы суметь исполнить ее и уйти во тьму. Истинно, не сохранит моя земля ничего такого, что мог бы унаследовать мой сын.

До этого случая подобные мысли не посещали Финрода, ибо на самом деле любил он сильно Амариэ из Ваниаров, но она не захотела отправиться с ним в изгнание.

Глава 16

МАЭГЛИН

Дочь Финголфина, Аредель Ар-Фейниэль, Светлая Владычица Нолдоров, жила в Неврасте вместе с братом Тургоном и вместе с ним ушла в Сокрытое Королевство. Но, живя в Гондолине, она часто вспоминала Валинор и просторы Среднеземья, тенистые леса и бескрайние равнины, по которым можно скакать от восхода до заката, и чем дальше, тем сильнее тяготила ее жизнь в кольце гор. Уже около двухсот лет безбедно жили эльфы в Гондолине, и вот однажды Аредель попросила у Тургона позволения уйти. И раз, и другой отказал ей Тургон, но в конце концов уступил со словами:

— Делать нечего — иди. Мудрость советует мне другое, предчувствие предсказывает недоброе, и я отпускаю тебя только затем, чтобы передать привет нашему брату Фингону. Я дам тебе провожатых, но пусть они как можно скорей возвращаются назад.

На это ответила Аредель:

— Я сестра тебе, а не слуга. За пределами Гондолина никто не может приказывать, куда и как мне идти. А если тебе жалко для меня свиты, то лучше я пойду одна.

— Я не пожалею для тебя и большего, но забочусь о том, чтобы не проведал кто-нибудь дорогу сюда, — твердо ответил Тургон. — Тебе я доверяю, а вот в способности других держать язык за зубами — сомневаюсь.

Выбрал Тургон троих родичей и просил их сопровождать сестру и проводить прямо к Фингону, в Хитлум.

— Хоть Моргот и осажден в своих владениях, — напутствовал их Тургон перед выездом, — но в Среднеземье немало других опасностей, о которых наша Владычица даже не подозревает.

Аредель покинула Гондолин, а Тургон остался, томимый дурными предчувствиями и с камнем на сердце.

Путники уже достигли Бретильских Бродов на Сирионе, когда Аредель неожиданно заявила:

— Давайте-ка повернем на юг, а не на север. Меня совершенно не тянет в Хитлум, а вот навестить старых друзей, сыновей Феанора, хотелось бы.

Как ни старались переубедить ее, ничего не вышло. Пришлось повернуть на юг и разыскивать пути через Дориат. Но стражи на границе преградили им дорогу, объявив, что никому из Нолдоров не позволено пересекать Пояс Мелиан, кроме родичей Владыки Тингола из Дома Финарфина, а уж друзьям Феанора и подавно.

— Чтобы попасть в земли Келегорма, госпожа, — говорили стражи, — вам вовсе не обязательно пересекать королевство Тингола. Лучше обогнуть Пояс Мелиан с севера или с юга. Как минуете Эсгалдуинский Мост и броды Ароса, держите на гору Химринг, тут вам и будут владения Келегорма и Карафина. Но знайте: дорога небезопасна.

Аредель не обратила внимания на предупреждение, и скоро они уже скакали между проклятыми ущельями Эред Горгората и северной границей Дориата. Но вступив в зловещие пределы Нан-Дунгорфеба, всадники заплутали в обманчивых тенях и потеряли Аредель из виду. Долго искали они Владычицу, то обмирая при мысли, что она попала в какую-нибудь жуткую ловушку, то представляя, как она пьет из отравленного ручья, но тут их самих учуяли порядком оголодавшие отродья Унголианты, и эльфы едва унесли ноги. Ничего не оставалось, как возвращаться в Гондолин.

Их рассказ поверг Тургона в великую скорбь. Долго сидел он в дальних покоях, то гневаясь на своевольную сестру, то горюя об ее исчезновении.

Тем временем Аредель, поискав немного своих незадачливых спутников, продолжала путь. Как и все потомки Финвэ, была она бесстрашна и тверда сердцем; это помогло ей благополучно переправиться через Эсгалдуин и Арос и достичь владений Келегорма и Карафина. Однако как раз в это время братья

уехали вместе с Карантиром на восток, в Таргелион. Местный народ хорошо принял Аредель и почтительно просил погостить у них в ожидании возвращения правителей. Аредель охотно согласилась и сначала с удовольствием бродила в лесистом краю, но время шло, а Келегорм все не возвращался, и Аредель снова забеспокоилась. Теперь она все чаще уезжала одна, отыскивая нехоженные лесные тропы и лужайки, где, похоже, никто никогда не бывал. Так на исходе года оказалась она однажды на юге Химлада, пересекла Келон и не успела оглянуться, как попала в чародейские дебри Нан Эльмута.

Многие века назад, когда деревья, тесно стоявшие вокруг, были молоды, здесь гуляла Мелиан, и до сей поры ее чары ощущались в сумрачном лесном воздухе. Теперь деревья Нан Эльмута превратились в мрачных лесных великанов; они были самыми высокими в Белерианде. Густые кроны высоко вверху образовали сплошной свод, совсем не пропускавший солнечного света. Здесь в вечном сумраке жил Эол по прозвищу Темный Эльф. Был он родичем Тингола и когда-то жил в Дориате, но там ему было не по себе — слишком много света; как только Пояс Мелиан охватил лес Региона, он ушел оттуда в Нан Эльмут. Любил Эол ночь и еще звездные сумерки, а Нолдоров не любил вовсе, считая их повинными в возвращении Моргота и нарушении покоя Белерианда. Зато к гномам благоволил как никто в Среднеземье. Это от него узнавали гномы о событиях в землях Эльдаров.

Два торговых тракта синегорских гномов пересекали Восточный Белерианд. Один из них вел через броды Ароса и проходил по самой окраине Нан Эльмута. Здесь и встречался с Наугримами Эол, здесь вели они неспешные беседы. Со временем дружба их возросла и окрепла до того, что Темный Эльф стал навещать друзей и гостил то в Ногроде, то в Белегосте. Было чему поучиться у синегорских мастеров. Скоро Эол достиг редких высот в работе с железом и однажды изобрел новый металл, тверже стали, которую варили гномы, но удивительно ковкий и гибкий. Даже самые тонкие пластины из этого металла прекрасно защищали от меча, стрелы и копья. Эол назвал сплав гэлворн, ибо был он черен и обладал глубоким агатовым блеском. Теперь Эол не покидал жилища, не облачившись в доспех, сработанный им самим из гэлворна.

Работа у наковальни ссутулила плечи Эола, но все же это был высокий, стройный эльф из благородных Тэлери; только черты лица посуровели за долгие годы одинокой жизни, зато глаза легко проникали лесной сумрак и ночную мглу. Поэтому он еще издали увидел Аредель Ар-Фейниэль, блуждавшую среди лесных исполинов подобно белому блику в вечном полумраке. Прекрасной показалась Аредель Эолу, он возжелал ее и чарами закрыл дорогу назад, подводя ее все ближе и ближе к своему дому в самом сердце леса. Там, в просторной темной кузнице, бесшумно сновали скрытные, молчаливые, под стать хозяину, слуги.

Скоро, усталая от долгих блужданий в этом странном лесу, Аредель подошла к жилищу Эола. Хозяин вышел навстречу, учтиво приветствовал ее и ввел в дом. Там она и осталась, ибо стала женой Эола. Шли годы, но никто из ее народа не слышал о ней больше.

Нельзя утверждать, что Аредель вышла замуж против воли или что ей не нравилась жизнь в Нан Эльмуте. Хотя Эол не позволял ей выходить на солнце, но под звездами в ночи уходили они вдвоем далеко от дома, и одна она могла бродить где угодно. Только о сыновьях Феанора и вообще о Нолдорах запретил ей и думать Эол.

Прошло время, и Аредель родила сына, назвав его про себя Ломион, что на запретном языке Нолдоров означало Дитя Сумерек. А вот отец до двенадцати лет не называл его никак, а после дал имя Маэглин, Острый Взор, ибо понял, что сын превзойдет его и зоркостью взгляда, и умением различать скрытое в сердцах под покровом слов.

Маэглин рос. Обликом он все более походил на своих родичей Нолдоров, а вот характером и умом пошел явно в отца. Был он немногословен, говорил только о важном, и тогда в голосе его звучала сила, способная повести за собой и преодолеть немалые преграды. Высокий, черноволосый, с темными яркими глазами, отличавшими Нолдоров, был он удивительно белокож, может, оттого, что рос в постоянном сумраке... Часто он сопровождал отца в путешествиях на восток, за Эред Линдон, и там усердно учился всему, чему соглашались учить гномы, а особенно — отыскивать в горах залежи металлов.

Говорят, однако, что мать любил Маэглин больше, чем отца, и, если Эола не было дома, часами просиживал подле нее, с жадностью впитывая рассказы о своих родичах, об их деяниях в Эльдамаре, о

могуществе и доблести князей Дома Финголфина. Рассказы эти глубоко западали ему в сердце, но наипаче со вниманием слушал он о Тургоне, Владыке Гондолина, не имевшем наследников. Жена Тургона Эленвэ пропала в Ледовом Походе, и кроме дочери, Идриль Келебриндель, не было у правителя никого.

Эти рассказы побудили у самой Аредель желание повидаться с близкими; теперь она не понимала, как могла устать от светлого Гондолина, от искрящихся на солнце фонтанов, от зеленого ковра Тумладена, обласканного весенними ветрами под высоким ясным небом. Она теперь часто оставалась одна в вечном сумраке — у сына с мужем были свои дела. Но именно с ее рассказов начались у Маэглина с Эолом первые размолвки...

Мать ни за что не хотела открыть сыну заповедного пути в Гондолин, хотя он часто спрашивал ее об этом. Впрочем, Маэглин не огорчился. Он был уверен, что со временем сумеет вывести у нее и этот секрет, а нет — так прочтет в неосторожных мыслях. А пока решил он во что бы то ни стало повидаться с Нолдорами, поговорить с сыновьями Феанора, которые и жили-то по соседству. Однажды сказал он о своем желании отцу. Не сдерживая гнева, ответил Эол сыну.

— Ты из Дома Эола, Маэглин, а не из каких-нибудь Голодримов. Край этот исстари принадлежит Тэлери, и я не стану иметь дела с убийцами наших родичей, с захватчиками, пришедшими сюда незваными. Того же требую и от тебя. Будь покорен моей воле, а не то придется заковать тебя и держать взаперти.

С отчужденным видом выслушал Маэглин отца, промолчал и с тех пор не сопровождал его больше, а отец перестал доверять сыну.

Однажды в середине лета гномы по обычаю пригласили Эола в Ногрод на пир. На некоторое время Маэглин и Аредель вольны были распоряжаться собой по своему усмотрению. Все чаще направляли они коней к опушке леса, где уже пробивался меж ветвей солнечный свет. Постепенно росло и крепло в сердце Маэглина желание проститься навсегда с сумеречным Нан Эльмутом. И вот однажды обратился сын к матери с такими словами:

— Госпожа моя, матушка! Не уйти ли нам, пока еще есть время? На что надеяться и чего ждать нам здесь, в лесу? Чему еще я могу научиться от отца моего или от Наугримов? И почему бы не вернуться нам в Гондолин? Ты будешь проводником, а я буду охранять тебя в пути.

С радостью и гордостью посмотрела Аредель на сына. Сказав слугам в доме, что отправляются в гости к сыновьям Феанора, они повернули коней к северным границам Нан Эльмута. Быстро миновав неширокий Келон, они пересек ли Химлад и через броды Ароса двинулись вдоль границ Дориата.

Но случилось так, что на этот раз Эол вернулся домой раньше обыкновенного. Узнав о том, что жены с сыном уже два дня нет дома, он впал в такой гнев, что помчался за ними, невзирая на дневной свет, однако уже в Химладе поумерил свой пыл и дальше двигался осторожно. Перед ним лежали владения Келегорма и Карафина, могучих правителей, не испытывавших к Эолу никаких теплых чувств. К тому же все прекрасно знали вспыльчивый нрав Карафина.

Карафину уже успели доложить о миновавших броды Ароса Аредель и Маэглине. Правитель решил сам посмотреть, что это происходит на границах его владений, и через перевал Аглон спустился к Бродам. Вскоре дозорные доставили к нему схваченного еще в Химладе Эола.

— Что бы это делать Темному Эльфу в моих краях? — полюбопытствовал Карафин. — Видно, немалая забота погнала такого солнцenenавистника в путь среди бела дня.

С трудом сдержал Эол горькие слова, рвавшиеся из сердца, и ответил осторожно:

— Ведомо мне, Правитель Карафин, что к тебе в гости отправилась моя жена, Светлая Госпожа Нолдоров, и сын мой, Маэглин. Я недавно вернулся домой и счел подобающим присоединиться к ним.

— Да уж, — расхохотался Карафин, — будь ты с ними, их бы встретили здесь куда прохладней! Да только не сюда они так спешили. Видишь ли, и двух дней не прошло, как твои домочадцы пересекли Арос и направились дальше на запад. Сдается, ты вознамерился обмануть меня, если только сам не стал жертвой обмана!

Ответил удрученный Эол:

— Раз их нет, позволь мне удалиться. Правитель, и самому разобраться в своих домашних делах.

— Изволь, — недобро ухмыльнулся Карафин. — И чем скорее ты покинешь пределы моих владений, тем больше удовольствия мне доставишь.

Не сдержался Эол, и, садясь на коня, горько произнес:

— Сколь приятно, Правитель Карафин, обратиться в нужде к столь великодушному родичу. Я постараюсь не забыть о достойной встрече, оказанной мне здесь.

Мрачен был взгляд Карафина, которым смерил он Темного Эльфа.

— Напрасно кичишься ты передо мной происхождением своей жены. Те, кто крадут дочерей Нолдоров, а потом без даров и благословения женятся на них, не обретают родства с их Домами. Я позволил тебе уйти — вот и пользуйся моим расположением. По законам Эльдаров ты пока в безопасности. А на прощание вот тебе мой совет: возвращайся-ка ты в свой Нан Эльмут. Ни к чему гнаться за теми, кто больше не любит тебя. А будешь продолжать погоню — вряд ли вернешься домой.

Хлестнул Эол коня и умчался прочь, проклиная в душе всех Нолдоров. Только теперь понял он, что жена и сын направляются в Гондолин. В ярости от испытанного унижения пересек он броды Ароса и продолжал скакать по следам беглецов. Конь под Эолом был быстрый, но ни разу не заметил он тех, за кем гнался, пока не достиг Бретильских Бродов. Там Аредель с сыном бросили коней и вступили на тайную тропу, уволившую в сердце гор. По несчастливой случайности их кони заржали, конь Эола услышал их, повернул, и хозяин его успел заметить издали белые одежды жены и путь, которым она шла.

Аредель же с сыном добралась тем временем до внешних ворот Гондолина и с радостью была встречена Подгорным Дозором. Миновав Семь Врат, предстали они наконец перед Тургоном.

С изумлением слушал Король Гондолина рассказ сестры, с радостью обращал взор к своему неожиданно обретенному племяннику, выглядевшему вполне достойно среди князей Нолдоров.

— Я рад, Ар-Фейниэль, твоему благополучному возвращению, — сказал он. — Я уже не чаял увидеть тебя вновь. Посмотри, с твоим приходом мой город стал еще краше. И тебе, и твоему сыну будет оказан величайший почет в моих владениях.

В ответ Маэглин низко склонился перед Тургоном, отдавая дань его королевскому величию, а потом молча стоял, внимательно поглядывая по сторонам. Рассказы матери не передавали, оказывается, и десятой доли блеска и великолепия Гондолина. Маэглин был поражен мощью стен и зданий, многочисленным населением, прекрасными творениями, окружавшими его со всех сторон. Но особенно часто останавливались его глаза на подлинном чуде Гондолина, на дочери Правителя Идриль, сидевшей подле отца. От матери из рода Ваниаров унаследовала Идриль длинные золотые волосы, и казалось Маэглину, что свет, исходящий от нее, освещает королевские чертоги подобно солнцу.

Тем временем Эол, пробиравшийся вслед за Аредель, вышел к руслу исчезнувшей реки, ступил на тайную тропу и угодил прямо в объятия Подгорного Дозора. Его допросили. Услышав, что пришелец называет Светлую Госпожу Гондолина своей женой, стражи изумились и тут же отправили быстрого гонца в город. Гонец вбежал в тронный зал и воскликнул:

— Повелитель! Стража схватила лазутчика, тайком пробиравшегося в город. Он называет себя Эолом. Это эльф, высокий и мрачный, из народа Синдаров, и он утверждает, что Владычица Аредель — его жена, и хочет предстать перед тобой. Он в гневе и буйствует, но мы не решились убить его, как требует закон, без твоего приказа. Выступила вперед Аредель и сказала горестно:

— Увы! Я опасалась, как бы Эол не выследил нас, — так и случилось. Но мы не заметили его, вступая на Тайный Путь, — и, обращаясь к гонцу, добавила: — Это и вправду мой муж и отец моего сына. Не убивайте его, а приведите сюда. Пусть Правитель решит его судьбу.

Эола привели, и он предстал перед троном Короля с видом дерзким и угрюмым одновременно. Не меньше сына поразило его увиденное, но вызвало в нем совсем другие чувства, лишь умножая ненависть к Нолдорам. Однако Король учтиво обратился к Темному Эльфу, протянул руку и приветствовал так:

— Добро пожаловать в Гондолин, родич. Да, именно родичем я считаю тебя и предлагаю свободно

поселиться в моих владениях. Вот только покидать ты их не должен, ибо таков мой закон: ни один из нашедших сюда дорогу не вернется туда, откуда пришел.

Но Эол спрятал руку за спину и гневно ответил:

— Я знать не знаю твоих законов. Ни у тебя, ни у твоего рода нет права захватывать земли и устанавливать границы в исконных владениях Тэлери. С вашим приходом кончился покой в наших землях. Ничего, кроме войны, не принесли вы сюда. Мне не нужны ваши секреты, и ты знаешь, что не шпионом пришел я в твой город, а потребовать то, что принадлежит мне по праву — жену и сына. Аредель — твоя сестра и ты, наверное, можешь распоряжаться ее судьбой; если ей хочется, пусть остается в клетке, откуда в свое время не чаяла выбраться. Но уж своим-то сыном я буду распоряжаться сам.

И, обращаясь к Маэглину, приказал:

— Идем, Маэглин, сын Эола! Я приказываю оставить дом твоих врагов и убийц твоего народа, иначе будешь ты проклят вместе с ними!

Но Маэглин молчал и не трогался с места.

Нахмурился Король. С высокого трона сурово заговорил он:

— Я не стану спорить с тобой, Темный Эльф. Однако подумай. Твои глухие леса охраняют только мечи Нолдоров. Ты бродишь, где захочешь, потому что мы на страже твоей свободы, а иначе — давно бы трудиться тебе рабом в копиях Ангбанда. Здесь я — Король и, хочешь ты того или нет, слово мое — закон. Твой выбор прост: живи здесь или нигде. То же относится и к твоему сыну.

Поднял Эол глаза и без смущения встретил взгляд Короля Тургона. В зале надолго повисла тишина. Аредель встревоженно встала, ибо знала, как опасен бывает ее муж в такие минуты. И правда. Неуловимо быстрым жестом Эол выхватил спрятанный под плащом дротик и метнул в Маэглина с криком: «Вот мой выбор для меня и для сына!» Но Аредель, разгадав его мысли, бросилась вперед и закрыла собой свое чадо. Дротик вонзился ей в плечо. Эола схватили, связали и увели, а Маэглин по-прежнему не проронил ни слова.

Решено было судить Эола на следующий день. Идриль и Аредель просили Тургона проявить милосердие к пленнику, и еще неизвестно, как повернулась бы судьба Эола, если бы вечером Аредель не почувствовала слабость, хотя рана ее не казалась опасной, а ночью не скончалась. Слишком поздно догадались, что острое дротика могло быть отравлено. Поэтому, когда наутро Эол предстал перед Тургоном, то ни жалости, ни сострадания ни в ком не вызвал. Темного Эльфа привели на высокий обрыв северной стены города и собирались сбросить вниз. Маэглин стоял неподалеку и по-прежнему не произносил ни слова. За минуту до конца вскричал Эол:

— Ты предаешь своего отца и его род, обманом нажитый сын! Но здесь утратишь ты свои надежды и уделом твоим станет такой же конец!

Приговор исполнили, и весь Гондолин счел его вполне справедливым. Только Идриль сильно потрясло происшедшее, с этого дня замкнулась она и стала сторониться родных.

Шло время. Маэглин преуспевал: его влияние среди жителей Гондолина неизменно возрастало, и Тургон все больше ценил его. Маэглин быстро учился; но и сам мог научить многому. Он собрал эльфов, способных к кузнечному и рудному делу, нашел в окрестных горах богатые рудные залежи, организовал добычу железа в копиях Ангабара на севере Гондолина и стал выплавлять замечательную сталь, так что скоро оружие Нолдоров Тургона стало отличаться крепостью и остротой необыкновенной. Это сильно пригодились в грядущие дни.

Мудрость и осторожность удачно сочетал Маэглин со стойкостью и отвагой. Небесполезными оказались эти качества, когда настал ужасный год Пятой Битвы, когда отправился Тургон на север помогать Фингону. Маэглин мог бы остаться наместником в Гондолине, но предпочел уйти вместе с Королем и сражался рядом с ним неукротимо и бесстрашно.

Казалось, удачно складывается судьба Маэглина, поднимавшая его до верховных князей Нолдоров. Впрочем, сам он претендовал на большее, но до поры молчал и никому не открывал своих намерений. Только Идриль могла свободно читать в его сердце, потому что с первых дней прихода в Гондолин

безнадежная страсть лишила Маэглина покоя и радости. Но закон Эльдаров запрещает заключать браки при столь близком родстве, и до сих пор никому в голову не приходило нарушить его. К тому же Идриль совсем не любила Маэглина, а видя его помыслы, относилась к нему все холоднее. Казалось странным ей, чтобы эльф, наперекор закону, стремился к столь противоестественному союзу и не мог смирить своих чувств; может, сказывалась пролитая кровь братьев, погрузившая последний оплот Нолдоров в тень Проклятья Мандоса...

А пока шли годы. Неутоленная страсть Маэглина становилась все сильнее и наконец ожесточила его сердце. Он искал спасения в тяжелой работе, с удовлетворением чувствуя, что хоть металл послушен его воле. Гондолин жил во благости и славе, не ведая о семени зла, уже брошенном в борозду времени.

Глава 17

О ТОМ, КАК ЛЮДИ ПРИШЛИ НА ЗАПАД

Однажды, во Дни Долгого Мира, спустя триста лет после возвращения Нолдоров, Финрод Фелагунд, правитель Нарготронда, отправился на охоту вместе с сыновьями Феанора — Мэглором и Маэдросом. Устав от долгой скачки, правитель отстал и направил коня к сверкавшим вдали вершинам Эред Линдон. Проехав по Гномьему Тракту, он переправился возле Сарн Атрад через Гелион и вскоре оказался в северных областях Оссирианда. Вокруг звенели и искрились ручейки и родники, питавшие Талос, и вдруг, под вечер, ветерок донес до правителя звуки далекой песни. Повернув на голос, Финрод заметил вдали огонек. Это удивило его, ибо не в обычаях Зеленых Эльфов, исстари обитавших в Оссирианде, было жечь костры и распевать возле них по ночам песни. Сначала правитель встревожился: не прорвались ли орки через Северный Рубеж, но, приблизившись, Финрод с изумлением понял, что язык, на котором пели сидевшие у огня, ему не знаком. Осторожно подкравшись, Финрод из-за деревьев принялся разглядывать чудной народ, никогда прежде невиданный в этих краях.

То были соплеменники Старого Беора, как потом стали называть среди людей патриарха первого из Домов Аданов. Не одно поколение сменилось с тех пор, как Беор ушел с востока, и вот теперь, благополучно перевалив через Синие Горы, он привел первых людей в Белерианд. Песня звучала радостно; в ней говорилось о надеждах после трудного пути обрести край, не знающий страха и бед.

Долго наблюдал Финрод — пришельцы нравились ему, и, когда уснул последний, он подошел к костру, удивляясь беспечности этих непонятных странников, не выставивших даже дозора на ночь. Присев возле угольев, Финрод поднял грубо сработанную арфу, осторожно тронул струны и вдруг заиграл. Люди, получившие отдаленное представление о музыке от Ночных Эльфов, встреченных ими в Диких Краях, никогда не слышали ничего подобного. Они проснулись и, затаив дыхание, слушали игру и пение Фелагунда; при этом каждый считал, что видит волшебный сон, пока не замечал своего восторженно слушающего товарища. Дивные звуки музыки очаровали людей, слова песни умудрили их сердце. Финрод пел о Днях Творения Арды, о Благословенном Амане — там, далеко за Морем, — и яркие, отчетливые видения вставали перед взором слушателей, а слова эльфийского языка каждому говорили что-то свое, сокровенное...

Понятно, почему Финрод Фелагунд, первый Эльдар, встреченный людьми, получил от них имя Ном, Мудрость, а по нему и всех Нолдоров стали звать Номин, Мудрые. Сначала люди решили, что сподобились лицезреть одного из Валаров, обитавших, как утверждали их легенды, где-то далеко на западе (некоторые говорят, что именно в надежде на встречу с ними люди и предприняли столь длительное путешествие). Но Финрод остался жить среди них, учил их истинному знанию, заслужил любовь нового народа, и вскоре пришельцы признали его своим правителем и с тех пор всегда были верны Дому Финарфина.

Вскоре Фелагунд обнаружил, что для него не составляет труда понимать мысли людей еще до того, как они облекут их в слова. Кроме того, прирожденная способность Эльдаров к языкам помогла Финроду уже через короткое время свободно общаться со своим новым народом. Немалую роль сыграли и те эльфийские корни слов, которые люди Беора позаимствовали в пору знакомства с Ночными Эльфами по ту сторону гор. Теперь Король подолгу беседовал с Беором, но так и не смог выяснить, откуда взялись люди в Среднеземье и каковы были их первые дни на этой земле. Беор не любил вспоминать прошлое, впрочем, и знал не много. Патриархи его народа не сохранили преданий, на памяти людей лежала печать молчания.

— У нас за спиной — Тьма, — говорил Беор, — и мы не хотим оборачиваться назад даже в мыслях, потому что теперь наши сердца стремятся на запад, мы верим, что там — Свет.

Среди Эльдаров говорили все же, что, когда первый восход Солнца разбудил в Хилдориене людей, Моргот сразу же узнал об этом. Дело показалось ему столь важным, что Темный Владыка бросил на Саурана войну с Нолдорами, а сам тайно покинул Ангбанд и отправился в глубь Среднеземья. Эльдары не знали, что сотворил он с людьми, но ясно различали отпечаток тьмы в сердцах Пришедших Следом (подобно тому, как тень братоубийства и Проклятья Мандоса отмечала самих Нолдоров). Таковы были

даже Друзья Эльфов.

Да, Моргот всегда стремился исказить или уничтожить все прекрасное, что бы ни возникало на Земле. Видно, хотел он страхом и ложью отвратить людей от Эльдаров и повести их войной на Белерианд. Моргот немало страшился возрастающей мощи Нолдоров и ни в коем случае не хотел допустить их союза с другими народами. Но поначалу людей было слишком мало, и вскоре Враг, вспомнив о растущей мощи Эльдаров, вернулся в Ангбанд, оставив при людях несколько своих приспешников из тех, что послабее.

Именно от Беора узнал Фелагунд о существовании других людей, тоже собиравшихся кочевать на запад.

— Весь мой род уже перешел через горы, — сказал Беор, — и скоро придет сюда. Но есть еще Халадины — они говорят на другом языке и ждут вестей в долинах на востоке. Есть и другие — их речь похожа на нашу. Они вышли на запад раньше нас, но отстали, их очень много, идут они медленно, а ведет их предводитель по имени Марах.

Такие известия не могли не встревожить Зеленых Эльфов Оссирианда. Когда же выяснилось, что правит людьми князь Эльдаров из-за Моря, они отправили к Фелагунду посланцев с такими словами: «Повелитель! Если властен ты над новыми народами, вели им возвращаться туда, откуда они пришли, или идти дальше. Мы не хотим, чтобы чужаки нарушали покой нашего края, а эти к тому же охотятся и рубят деревья. Если они не уйдут, мы их выживем отсюда».

После такого предупреждения Беор, по совету Фелагунда, собрал свой разрозненный народ и, переправившись через Гелион, осел на восточном берегу Келона (это были земли Амрода и Амроса), южнее Нан Эльмута, неподалеку от границ Дориата. С тех пор эти места звались Эстолад, Становище.

Прошел год, и Фелагунд решил возвращаться домой. Беор испросил позволения отправиться с ним и всю жизнь верой и правдой прослужил Королю Нарготронда. С той поры его и прозвали Беором: на языке людей слово это означает «слуга», а раньше имя его было Балан. Правление народом он передал своему сыну Борану и больше никогда не возвращался в Эстолад.

Вскоре после ухода Финрода в Белерианде появились те, о ком говорил Беор. Первыми пришли Халадины. Неприветливо встретили их Зеленые Эльфы, тогда пришельцы повернули на север и мирно расселились в Таргелионе, на землях Карантира, который не обратил на них особого внимания. На следующий год с гор спустился народ под предводительством Мараха. Его люди были высоки ростом и воинственны, шли в боевых порядках, поэтому эльфы Оссирианда почли за благо не препятствовать им. Марах, прослышав о соотечественниках, облюбовавших для жизни зеленый изобильный край, провел свои отряды по Гномьему Тракту и остановился неподалеку от селений Борана. Их народы всегда связывала крепкая дружба.

Фелагунд часто возвращался провести своих новых подопечных. Приходили и другие эльфы из западных земель, и Нолдоры, и Синдары. Всем хотелось взглянуть на племя Аданов, чей приход был предсказан еще на Заре Мира. Имя «Аданы» впервые возникло в преданиях Валинора, но там звучало как «Атани» — Второй Народ. Аданами называли только три народа, носивших общее прозвание Друзей Эльфов.

Сам Верховный Король Нолдор Финголфин отправил послов с приветствием людям. Впоследствии многие доблестные Аданы служили королям и правителям Эльдаров. Одним из первых был Малах, сын Мараха. Он четырнадцать лет прожил в Хитлуме, говорил на языке Эльдаров, как эльф, и получил среди них имя Арадан.

Достигнув Эстолада, Аданы не успокоились. Многие намеревались идти дальше на запад. Но никто не знал пути: впереди лежал Пояс Мелиан, южнее раскинулась обширная заболоченная низина Сириона... Короли трех Домов Нолдоров, оценив силу и доблесть сынов человеческих, предложили Аданам переселяться и жить среди эльфов. И началось переселение: сначала поодиночке, потом семьями и родами люди покидали Эстолад, и уже через пятьдесят лет тысячи Аданов расселились на землях эльфийских правителей. Народ Беора осел в Дортонионе, под рукой Дома Финарфина. Отец Арадана Марах так и прожил всю жизнь в Эстоладе, но его люди продвинулись далеко на запад, а некоторые добрались даже до Хитлума. Сын Арадана Магор увел часть людей вниз по течению Сириона, и они

обосновались на южных склонах Эред Ветрин.

Обо всех этих перемещениях людских множеств никто не поставил в известность Короля Тингола. А ведь именно он видел тревожные сны о пришествии людей, когда о них еще и слухом не слыхали в Белерианде. Король Дориата отвел людям для расселения самые северные области и повелел эльфийским правителям нести ответ за дела их новых подданных. Его приказом Дориат был закрыт для всех людей, даже для тех из Дома Беора, кто служил любезному его сердцу Финроду. Мелиан промолчала тогда, но позже сказала Галадриэль: «Теперь уже не долго ждать великих событий. Скоро придет Человек из Дома Беора, его не сможет остановить мой Пояс. Не в моих силах препятствовать Судьбе, направляющей его шаги. Память об этом Человеке переживет века, и песни о нем будут звучать даже под небом другого Среднеземья».

Среди оставшихся в Эстоладе скоро уже нельзя было различить отдельных народов, и так жили они долгие годы, пока беды, обрушившиеся на Белерианд, не заставили их в страхе бежать назад, на восток. Старики считали Белерианд землей обетованной и не хотели ничего больше, но многие, особенно молодежь, стремились идти дальше. Сияющие глаза эльфов пугали их, и постепенно единство Аданов дало трещину, а затем и вовсе сменилось взаимными упреками и раздорами. Вряд ли здесь обошлось без Моргота. Недаром так заботил его приход людей в Белерианд и их растущая дружба с эльфами.

Недовольных возглавили Берег из Дома Беора и Амлах, один из внуков Мараха. Они открыто говорили: «Мы променяли опасное Среднеземье на трудные дороги; мы ушли из земель, населенных сплошь темными, злобными тварями, потому что на Западе был Свет. Мы пришли сюда. Теперь нам говорят: Свет за Морем, а туда нам нельзя, там, дескать, обитают благие боги. Значит, нам остается только князь тьмы, да еще Эльдары, мудрые, конечно, но жестокие. Они ведут бесконечную войну с Врагом, живущим где-то на Севере. Там — смерть и горе, такие же, от которых мы ушли. Что нам делать на Севере?»

Люди созвали Совет. Многие пришли на него. Друзья Эльфов говорили Берегу и его сторонникам: «Истинно, что все зло, от которого мы бежали, — от князя тьмы. Он хочет стать владыкой над всем Среднеземьем. Так куда же уйдем мы из-под его тени? Здесь он, по крайней мере, в осаде, и сдерживает его только доблесть Эльдаров. Может быть, для того мы и пришли сюда, чтобы помочь им!»

На это отвечал Берег: «Вот пусть Эльдары и стерегут его — они живут долго. А наши жизни и без того коротки!»

Тут встал человек, который всем показался Амлахом, сыном Имлаха. Он громко воскликнул:

— Все это сплошные эльфийские рассказы! Они для того и выдуманы, чтобы обмануть нас. Море безбрежно, и нет на Западе никакого Света. Вы готовы гнаться за этим дурацким огнем до края земли, а кто-нибудь из вас видел хоть каких-нибудь богов? Может, кто-то видел князя тьмы с севера? Так вот: если кто и добивается власти над Среднеземьем, то это сами Эльдары. Жадность и корысть заставила их искать подземных богатств, вот они и прогневили тамошних жителей. Это их повадка, они и дальше не успокоятся. А по мне так: пусть орки живут на своих землях, а мы — на своих. На земле всем хватит места, если только Эльдары соизволят потесниться!

Словно громом поразили всех эти слова. Тень страха пала на сердца, и многие решили немедленно уходить из владения Эльдаров. Но уже очень скоро выяснилось, что Амлах не говорил на Совете ничего подобного. Во всяком случае, он горячо отрицал это. И тогда замешательство и сомнения охватили людей. Только Друзья Эльфов доказывали всем: «Ну вот, видите теперь, что князь тьмы есть на самом деле? Это его лазутчик смущал нас на Совете. А почему? Он нас боится, боится нашей силы, если мы будем вместе с его врагами». Другие отвечали им: «Нет, нас он ненавидит только потому, что мы поселились тут и вмешиваемся в его счеты с Королями Эльдаров. А нам-то с этого никакого толку».

Но, как бы там ни было, многие собрались уходить. Около тысячи человек из Дома Беора ушли с Берегом на юг, и с этого момента пропали бесследно; даже в песнях тех дней не сохранилось памяти о них. Но Амлах остался. Слышали люди, как он процедил сквозь зубы, глядя на север: «У меня теперь свои счеты с этим мастером лжи, и, пока я жив, ему со мною не рассчитаться». Амлах отправился в земли Маэдроса и поступил к нему на службу. Многие из его народа, те, кто не ушел вместе с Берегом, настроены были так же, как он. Они избрали себе нового правителя и вернулись назад, в Эриадор. Никто не помнит о них.

Пока в Эстоладе кипели страсти, Халадины жили себе спокойно в Таргелионе. Моргот видел теперь, что одним обманом не вобьешь надежного клина между людьми и эльфами. Он был очень зол и вредил людям, как мог. По его приказу орки отправились в набег. На востоке они просочились через дозоры эльфов, скрытно пересекли Эред Линдон, прошли Гномьим Трактом и неожиданно напали на Халадинов на южной окраине владений Карантира.

Халадинами никто не управлял. Жили они семьями или небольшими родами и объединяться не спешили. Но был среди них один, умный и бесстрашный, по имени Халдад, — прирожденный правитель. Он сумел собрать всех, способных носить оружие, и, отступив в узкую долину между Аскаром к Гелионом, укрепил ее, перегородив от реки до реки крепким частоколом. Форт помог укрыть уцелевших детей и женщин и держать оборону, пока не подошли к концу запасы пищи.

Дети Халдада, близнецы: дочь Халефь и сын Халдор, — не уступали отцу в ратном деле. Халефь, хоть и родилась женщиной, обладала мужественным сердцем и была сильным воином. Ей и пришлось возглавить оборону после того, как в одной из вылазок пали Халдад и его сын, поспешивший на выручку отцу. Положение осажденных становилось безнадежным. Некоторые, отчаявшись, бросались в воды реки и тонули. Неделю держались несчастные, но силы быстро таяли. Орки в очередной раз пошли в атаку и, не встретив отпора, принялись уже разрушать частокол, но в это время запели близкие трубы. С севера подошел с дружиной князь Карантир. Ему не потребовалось много времени, чтобы истребить орков. Много их полегло под мечами Нолдоров, остальным могилой стала река.

Карантир одобрительно разглядывал впервые встреченных им людей. Халефь он оказал подобающие военачальнику почести и великодушно предложил заменить ей павших родных. Оценив доблесть Аданов, князь посоветовал им переселиться подальше к северу.

— А обещаю вам дружбу и защиту Эльдаров, — говорил он. — Там, на вольных землях, вы сможете жить как захотите.

Но гордая Халефь, как и большинство Халадинов, слишком дорожила свободой и независимостью. Она поблагодарила князя за помощь, но не изменила своего намерения увести оставшихся на запад, вслед ушедшим родичам. Халадинам удалось собрать тех, кто в панике бежал в леса после орочьего налета, но, когда увидели они, что стало с их достоянием, разграбленным и загубленным, посмотрели на пепелища сожженных усадеб, все в один голос стали просить Халефь стать их правительницей. Она увела их в Эстолад. Там Халадины и остались жить, только теперь и люди, и эльфы называли их Народом Халефь. Она правила бессменно до самой смерти, замуж так и не вышла, и незадолго до конца передала правление сыну своего брата Халдора — Халмиру. Халадины недолго прожили в Эстоладе; вскоре, по настоянию Халефь, они предприняли еще одно путешествие на запад. Никто из Эльдаров не помогал им, никто не предостерег советом, поэтому, перейдя Келон и Арос, очутились они в опасных местах между Горами Ужаса и Поясом Мелиан. Конечно, потом этот край стал куда страшнее, но и в те времена дорога, выбранная ими, была не для смертных. Однако, Халефь сумела провести по ней целый народ без особых потерь. Воистину, силой духа она не уступала нолдорским витязям. Надо сказать, что инициатива похода полностью принадлежала правительнице — народ не очень-то стремился к перемене мест. Тем больше силы духа и твердости понадобилось Халефь, особенно когда после Бретильских Бродов многие стали роптать, но теперь было уже поздно. Они пришли в новые земли и свободно расселились в лесах Талах Дирнена, ничуть не изменив прежнего своего уклада и образа жизни, а некоторые и вовсе кочевали с места на место, добираясь даже до Нарготронда. Наиболее преданных и стойких Халефь привела в лесные дебри Бретилиа, раскинувшиеся между Тейглином и Сирионом. Позже, когда наступили злые времена, в Бретильских Лесах собрались многие из Халадинов.

Лес Бретиль лежал вне Пояса Мелиан, но Тингол Сребромант считал эти земли своими и не очень-то был расположен делить их с какими-то пришельцами. Однако Финрод Фелагунд, бывший в дружбе с Королем Дориата, заступился за маленький стойкий народ, на долю которого выпало немало испытаний. Он выхлопотал для Халефь право свободно жить в лесу Бретиль с одним единственным условием. Халадины должны были взять на себя охрану Перекрестка на Тейглине от любых врагов Эльдаров и не пускать орков в свои леса. Выслушав условие, Халефь сказала:

— Где сейчас отец мои Халдад? Где мой брат Халдор? Если владыка Дориата опасается, не заключу ли

я союз с убийцами моих родных, то мыслей Эльдаров людям не понять.

Халефь так и жила до самой смерти в Бретильских Лесах, а когда Правительницы не стало, Халадины насыпали над местом ее упокоения, в самом сердце леса, курган. Позже его стали называть Тур Халефь, а на языке Синдаров — Хауд-эн-Арвен, Курган Владычицы.

Вот так и рассеялись Аданы в землях Эльдаров: кто здесь, кто там; кто странствуя, кто ведя оседлый образ жизни, и скоро все уже говорили на одном языке, родном для Серых Эльфов. Язык нужен был Аданам, ибо они стремились перенять знания эльфов и многому учились у них. Однако вскоре короли эльфов, дабы не смешивались Квэнди и Аданы, отвели людям земли, установив четкие границы, и предоставили возможность жить по своему усмотрению, свободно выбирая правителей и устанавливая в своих владениях те законы, которые считали справедливыми.

В войнах люди принимали участие на стороне эльфов, но сражались под началом своих командиров. Аданы гордились дружбой с эльфами, и подолгу, сколько позволяли, жили среди них, а молодежь с охотой отправлялась служить эльфийским правителям. Так, например, Хадор Лориндол, сын Хафола, внук Магора и правнук Малаха Арадана, с юности жил при дворе Финголфина и пользовался любовью Короля. Финголфин даровал ему немалый надел в Дор Ломине, где Хадор собрал множество сородичей и со временем стал сильнейшим из вождей Аданов. В его доме говорили только по-эльфийски, хотя и родного языка не забывали. Позднее из этого сочетания образовалось наречие Нуменора.

В Дортонионе, где жил народ Беора, правил Боромир, сын Борана, внук старого Беора.

У Хадора Лориндола было два сына: Галдор и Гундор, а сыновьями Галдора были Хурин и Хуор; у Хурина, в свою очередь, был сын Турин, прозванный потом Победитель Глаурунга, а сыном Хуора был Туор, отец Эарендила Благословенного. У Боромира был сын Брегор, а у того — сыновья Бреголас и Барахир. Сыновьями Бреголаса были Барагунд и Белегунд. У Барагунда была дочь Морвен, ставшая матерью Турина, а дочь Белегунда Риан стала матерью Туора.

Сыном Барахира был Берен Однорукий, завоевавший любовь Лучиэнь, дочери Короля Тингола, тот самый Берен, которому удалось вернуться из Царства Мертвых и который дал жизнь Эльвинг, будущей жене Эарендила. От Берена ведут свой род Короли Нуменора.

Проклятия Нолдоров хватило на всех этих славных людей, о чьих подвигах до сих пор поют Эльдары. А в те давние дни отвага и доблесть Аданов, умножая силы эльфов, питала высокие надежды обоих народов, и Морготу приходилось совсем туго. Воины Хадора, легко переносившие стужу и тяготы дальних походов, бесстрашно проникали далеко на север и бдительно следили за действиями Врага.

Все три Дома Аданов процветали и множились. Но особенным почетом пользовался Дом Хадора Златовласого, а сам Хадор мало чем отличался от князей Нолдоров. Его люди, рослые, сильные, отважные, стойкие, скорые на гнев и милость, и тогда, на заре рода человеческого, были достойнейшими среди Детей Илуватара. Большинство из них были синеглазы и светловолосы, только Турин, сын Морвен из рода Беора, не походил на них. Народ Беора, наоборот, был темноволос и сероглаз и потому мало отличался от Нолдоров, за что и пользовался их особым расположением. Конечно, дело было не столько во внешнем облике, сколько в пытливом уме и искусных руках. Люди Беора все схватывали на лету и запоминали надолго, но по характеру имели склонность скорее к печали, чем к веселью. Походил на них и лесной Народ Халефь, разве что ростом лесовики не вышли и соображали помедленнее. И те и другие не любили пустой болтовни, многолюдью предпочитали уединение и свободно бродили по зеленым лесам, не уставая удивляться землям Эльдаров. Но короток был их век, и жизнь на западе не принесла им особого счастья.

После прихода Аданов в Белерианд жизнь их по человеческим меркам стала длиннее. Старый Беор умер, прожив девяносто лет и три года; сорок четыре из них он верой и правдой прослужил Королю Фелагунду. Пал он не от ран или горя, а сраженный временем. Так эльфы впервые узрели, сколь короток людской век, как быстро гаснет в людях огонь жизни и какова бывает смерть от старости, неведомая им самим. Сильно горевали эльфы, теряя преданного друга, однако сам Беор расстался с жизнью достойно и опочил с миром. Его смерть и вообще судьба людского рода сильно озадачили эльфов. Ни мудрость, ни обширные знания не помогали разгадать эту тайну, и никто не знал, каков же истинный конец человеческой жизни.

Аданы Белерианда быстро переняли многое из культуры и знаний Эльдаров; их дети, умножая достояние родителей, становились все искуснее и умнее и очень скоро далеко превзошли своих соплеменников, все еще живших на востоке, по ту сторону гор, и в глаза не выдавших ни Эльдаров, ни отсвета Благословенного Края на их лицах.

Глава 18

ПАДЕНИЕ БЕЛЕРИАНДА И ГИБЕЛЬ ФИНГОЛФИНА

Когда Финголфин, Король Севера и Верховный Государь Нолдоров, увидел, что народ его стал велик числом и весьма силен, что союзники его из рода Аданов доблестны и преданны, стал он обдумывать новый поход против Моргота. Король прекрасно понимал: пока Моргот трудится в своих мрачных подземельях, пока никто не ведает тайных замыслов Врага, в Среднеземье не будет мира. Мудр был Финголфин, и по своей мудрости и знаниям принял он, наверное, единственно правильное решение...

Ведь Нолдоры еще ни разу не испытали всей мощи Моргота, они не понимали, насколько бессмысленна война против него без помощи высших сил, а потому — неважно: готовить нападение на Ангбанд сейчас или подождать немного...

Белерианд был прекрасен, земли его изобильны, и большинство Нолдоров вовсе не рвалось в бой, совершенно не видя причин, почему бы и дальше не жить так, как жили. Все понимали: победа их ждет или поражение — пасть придется многим. Вот почему к словам Финголфина не очень-то прислушивались, а уж сыновья Феанора, всегда имевшие свое мнение, и подавно. Среди нолдорских князей Государя поддерживали только Ангрод с Аэгнором, да и то потому, что жили поблизости от Тангородрима и Моргот был их вечной заботой. Финголфину так и не удалось убедить эльфов в своей правоте, и Белерианд продолжал наслаждаться мирными днями.

Подрастало шестое поколение людей после Беора, шел четыреста пятьдесят пятый год со времени прихода Финголфина, когда самые худшие его опасения начали сбываться. И первая же беда оказалась куда страшней, чем мог помыслить Король.

Давно копил силы Моргот; его ненависть к Нолдорам росла день ото дня, и теперь жаждал он не только уничтожить своих врагов, но и стереть с лица земли следы их трудов, разорить владения эльфийских народов, с каждым днем расцветавшие все краше. Моргот так страстно желал этого, что не мог больше ждать. А вместе с тем помедли он еще немного, доведи до конца свои замыслы — и Нолдоры исчезли бы из Среднеземья навсегда. Но в том-то и дело, что ждать ему было не вмоготу. Недооценил Враг доблесть эльфов, а людей и вовсе не принимал в расчет.

Стояла зима. Темная безлунная ночь окутала равнину Ард-Гален, раскинувшуюся от сторожевых башен Нолдоров до самого подножья Тангородрима, звезды холодно сияли и искрились в вышине. На башнях едва мерцали сигнальные костры. Только немногие часовые бодрствовали в эту ночь в Хитлуме, остальные воины спокойно спали, и лошади в конюшнях сонно жевали сено, когда Моргот нанес удар. Железные Горы содрогнулись и разом извергли из своих недр целые реки огня, хлынувшие на равнину быстрее Барлогов, вылетевших из ворот Темной Крепости. Воздух наполнился дымом и смертоносным смрадом. И Ард-Гален погиб в несколько минут, из плодородной зеленой долины превратившись в выжженную пустыню, заваленную удушливой пылью и шлаком. Бушующие потоки огня поглотили коней и эльфов, докатились до предгорий Дортониона и Эред Ветрин, успев выжечь величественные леса, стоявшие здесь от века. Так началась четвертая из Великих Войн, Дагор Бреголлах, Огненная Битва.

Над валом огня летел Глаурунг, золоточешуйный дракон, родоначальник и повелитель всех драконов Среднеземья; следом спешили Барлоги, а за ними — бесчисленные орды орков. Нолдоры даже представить не могли, что их может быть так много. Кольцо эльфийских укреплений, стерегущих Ангбанд, было сметено этим ужасным ударом. Гибли Нолдоры, Серые Эльфы, люди...

В первые же дни пали многие славные воины из тех, кого Моргот считал, и не без основания, наиболее опасными врагами. Нападение было столь внезапным, что эльфы долго не могли собрать силы и организовать оборону.

С тех пор война так и не прекращалась в Белерианде, но считается, что Огненная Битва закончилась с приходом весны, когда натиск Моргота стал ослабевать. Так неожиданным и сокрушительным

поражением завершилась осада Ангбанда. Нолдоры оказались разбиты и рассеяны на большом пространстве. От ужасов войны бежали на юг Серые Эльфы, перед многими из них раскрылись ворота Дориата, так что силы Короля Тингола существенно возросли. Власть Мелиан все еще надежно охраняла Зачарованное Королевство. Пристанищем для других стали приморские крепости и Нарготронд, а третьи и вовсе покинули страну, подались в Семиречье или за Синие Горы, где и скитались бездомные, в глуши и запустении. Слухи о войне и бесславном конце осады докатились даже сюда, в глухомань, так что и люди, никогда не пересекавшие Синих Гор, были в курсе событий.

Самый тяжкий удар обрушился на владения сыновей Финарфина — Ангрода и Аэгнора. Оба они пали в числе первых. Тогда же погиб и Бреголос, предводитель Дома Беора, и множество его воинов. Брат Бреголоса Барахир сражался в отряде, защищавшем ущелье Сириона. К ним на помощь спешил с юга Государь Финрод Фелагунд, однако в Болотах Сереха его небольшой передовой отряд попал в окружение. Плен или гибель — другого выбора не оставила судьба Нолдорам. Но тут во главе сотни отчаянных смельчаков к ним на выручку пробился Барахир. Копья его воинов стеной стали перед нападавшими, и Фелагунд сумел спастись, хотя многие из обеих дружин остались на Болотах. Вернувшись в Нарготронд, Государь поклялся перед Барахиром в вечной дружбе между их народами и в залог ее надел на палец Барахиру свое кольцо. Законным правителем народа Беора вернулся в Дортонион Барахир, да только от народа этого мало что осталось. Многие погибли, другие нашли пристанище в крепостях Хитлума.

Все случилось так неожиданно, что ни Финголфин, ни Фингон не успели прийти на подмогу сыновьям Финарфина. Воинам Хитлума с большими потерями пришлось отступить к Эред Ветрин. У стен крепости Эйтель Сирион, прикрывая арьергард Финголфина, пал Хадор Златовласый вместе с младшим сыном Гундором. Тела их предали земле эльфы, а место павшего отца занял Галдор Высокий. Поднебесные кручи Сумрачных Гор, доблесть эльфов и людей-северян, не дрогнувших перед Берлогами и орками, отстояли Хитлум. Отныне Морготу пришлось считаться с угрозой на своем фланге. Но теперь между Финголфином и другими силами эльфов бушевало море врагов.

Для сыновей Феанора сражения Огненной Битвы оказались роковыми. Первый же удар Врага уничтожил все восточные укрепления; огромное численное превосходство позволило оркам захватить Перевал Аглон, так что Келегорм и Карафин, потеряв множество воинов, не то отступили, не то бежали на юго-запад вдоль границ Дориата и в конце концов нашли убежище у Финрода. С их приходом силы Нарготронда, конечно, возросли, но, как оказалось впоследствии, лучше бы они остались на востоке.

Великую славу стяжал в боях Маэдрос. После перенесенных пыток его сжигал огонь ненависти к Темному Владыке, и теперь орки в ужасе бежали от грозного воина с пылающим взором, выглядевшего так, словно он вернулся из Царства Мертвых. Благодаря доблести Маэдроса крепость на горе Химринг осталась непокоренной. Там удалось собраться многим героям из Дортониона и с восточных окраин. Вместе с ними Маэдрос даже сумел отбить на время Перевал Аглон и закрыть оркам эту дорогу в Белерианд. Зато в Лотлэнне дела Нолдоров шли совсем плохо. Орки разгромили конницу сыновей Феанора. Через Ущелье Мэглора прорвался Глаурунг и разорил всю равнину между притоками Гелиона. Орки приступом взяли крепость на горе Реир, охранявшую дорогу в земли Карантира, опустошили Таргелион и осквернили озеро Хелеворн. Они перешли через Гелион, и восточный Белерианд запылал пожарами, а все живое в ужасе разбежалось. Мэглору удалось соединиться с Маэдросом на Химринге; Карантир присоединил остатки своего народа к дружинам Амрода и Амроса. Им пришлось отступать на юг через Андрам. С помощью Зеленых Эльфов орков остановили на Амон Эреб, не пустив в Оссирианд и южные дебри.

Вскоре в Хитлуме узнали о потере Дортониона, о поражении сыновей Финарфина и о бегстве сыновей Феанора. Со всех сторон приходили безрадостные вести, и наконец Финголфин убедился, что война проиграна, Нолдоры разбиты и никогда уже не смогут подняться. Тогда овладели им гнев и отчаянье. Не помня себя, вскочил Государь на коня и бросился вперед. Никто даже не пытался удержать его, ибо, казалось, нет на свете силы, способной остановить Владыку Нолдоров. Вздывая прах и пепел, вихрем пронесся он через Дор-ну-Фауглиф, и те, кто видел могучего всадника с пылающим взором, в страхе бежали прочь, крича, что явился сам Охотник Оромэ. Финголфин же подлетел к воротам Ангбанда и затрубил в рог, а потом, как уже было однажды, начал бить в медные створы, вызывая Моргота на поединок. И Моргот принял вызов.

Первый и последний раз в войнах Белерианда Темный Владыка покинул стены своей твердыни. Он бы не откликнулся на вызов Финголфина, но рог Нолдора заставлял звенеть скалы, а зычный голос достигал глубин Ангбанда; он бросал Морготу обвинения, одно страшнее другого: трусом называл он Врага, подлым трусом и повелителем рабов. Вокруг стояли военачальники Моргота, и во взглядах их Враг читал ожидание... Не было в Среднеземье никого сильнее Моргота, Валара по рождению, но среди Валаров только ему довелось познать страх. А рог все трубил, и голос все звал... Тогда медленно поднялся Моргот со своего подземного трона; гулом и грохотом отозвались его тяжкие шаги; распахнулись ворота Ангбанда и Темный Владыка, словно огромная башня, увенчанная железной короной, предстал перед Королем Нолдоров. Весь он, с ног до головы, закован был в черный доспех, а от огромного угольно-черного щита, похожего на дыру мрака, вокруг потемнело и нахмурилось, как перед грозой. Государь Финголфин в серебряной кольчуге, с голубым щитом, украшенным самоцветами, подобно звезде у края тучи, сиял у ног исполина. Льдистым блеском метнулся из ножен знаменитый Рингил, меч Короля.

Воздел Моргот Гронд, Молот Преисподней, и обрушил на храбреца. Темной стрелой мелькнул молот, но Король отскочил в сторону и Гронд расколол землю так, что вверх рванулось подземное пламя. Снова и снова пытался Моргот вогнать в землю отважного Нолдора, но Финголфин каждый раз успевал уйти из-под удара. Движения его были подобны молнии, бьющей из-под черной тучи. Но не только уворачивался Король. Семь ран нанес он Черному Властелину, семижды исторгал у него крик боли и ярости, повергавший наземь полчища Ангбанда и громом отдававшийся во всех северных землях.

Однако чем дальше, тем больше одолевала Короля усталость. Моргот ударил воина страшным своим щитом раз, и другой, и третий. По колено уходил Финголфин в землю, но каждый раз поднимался, прикрываясь разбитым щитом. Уже вся земля вокруг изрыта была воронками; ступив в одну из них, споткнулся Король и упал навзничь. Подняться он не успел. Левая нога Моргота, как рухнувшая гора, придавила его к земле. Последним отчаянным усилием сумел герой поднять свой верный Рингил и вонзить в гигантскую ступню по рукоять. Фонтан черной дымящейся крови хлынул из раны, затопив даже воронки, оставленные Грондом. Но Финголфин уже не видел этого.

Так погиб Верховный Правитель Нолдоров, величайший из всех эльфийских правителей древности и самый доблестный из них. Не пришлось оркам хвалиться поединком у ворот Ангбанда, но и эльфы не поют о нем, ибо слишком глубока их скорбь о павшем Государе. Но предание живет. Проведал о поединке Торондор, Орлиный Царь, — от него узнали и в Гондолине, и в Хитлуме, как пал Финголфин. Моргот схватил тело погибшего воина и хотел бросить его своим волкам, но Торондор, паривший в небе, прынул с высоты и ударил Врага когтями в лицо. Крылья исполинской птицы издавали шум, подобный ветрам Манвэ, и, когда Враг от неожиданности выпустил на миг тело героя, Торондор подхватил его и взмыл в небо, недостижимый для стрел и копий опомнившихся орков. Орел унес Короля далеко и опустил на вершину горы, возвышавшейся над Гондолином. Тургон воздвиг над телом отца высокий тур из каменных глыб. Ни один орк не осмеливался приближаться к могиле Государя, пока не пал Гондолин под ударами рока от предательства, пустившего корни в его народе.

Моргот после поединка охромел навсегда; боль от ран, нанесенных Рингилом, не оставляла его, а на лице виднелся шрам от когтей Торондора.

Великий плач вызвала в Хитлуме весть о гибели Государя. Скорбя сердцем, принял Фингон королевскую власть. Своего малолетнего сына Эрейниона (позже его назовут Гил-Гэлад) он отослал в Гавани.

Теперь тень Моргота покрыла все северные земли. Только Барахир со своим народом, отступая шаг за шагом, не покинул Дортонион, споря с врагами за каждую пядь земли. Таяли ряды его дружины, пока не извел Моргот почти всех воинов.

Еще раньше леса на северных склонах плоскогорья стали наполняться такой жутью, такие черные чары напозлали на несчастную землю, что даже орки старались без особой нужды не забредать сюда. Отныне имя этим местам было Таур-ну-Фуин, Лес Ночной Темени. После пожаров деревья на склонах стояли черны и зловещи, и в вечном плотном сумраке корни их походили на выпущенные когти. Если в кои-то веки одинокий путник попадал под их своды, назад он не выходил. Мрак застилал глаза, удушье сжимало сердце, и призраки быстро сводили беднягу с ума.

Вот к этим склонам и оказался прижат Барахир со своими людьми. Положение с каждым днем становилось все отчаяннее. Жена Барахира, Эмельдир, сражавшаяся бок о бок с мужем и сыном, собрала оставшихся в живых женщин и детей, вооружила тех, кто мог держать оружие, и горными тропами с огромными трудностями и потерями привела в Бретиль. Там часть горемык решила остаться с Халадинами, а часть двинулась дальше, опять через горы, в Дор Ломин, где обитал народ Галдора, сына Хадора. Среди изгнанников шли и дочь Белегунда Риан, и Морвен, которую прозвали Эледвень, Эльфийский Свет. Им уже никогда не суждено было свидеться с мужчинами своего народа, оставшимися на Таур-ну-Фуин.

А они, оставшиеся, гибли один за другим, и вот однажды лишь двенадцать воинов насчитал Барахир: сына Берена, племянников Барагунда и Белегунда, сыновей Бреголаса, и девять верных слуг, имена которых остались в песнях Нолдоров, — Радруин и Дайруин, Дагнир и Рагнор, Гилдор и несчастный Горлим, Урфел и Арфад, и с ними совсем юный Хафалдир. Они не хотели сдаваться и не могли спастись, у них не осталось ни родины, ни дома, а жены и дети либо пали в бою, либо затерялись в неизвестности. Помощь не приходила, а враги гнали их, как зверей. Оторвавшись от орков, блуждали они среди скал и озер, по лесам и болотам, где только вереск служил им постелью, а крышей над головой — только небо.

Даже два года спустя после начала Огненной Битвы Нолдоры все еще обороняли западное ущелье в верховьях Сириона. Крепость Минас Тирит продолжала сопротивляться, черпая силы в могуществе Ульмо, сокрытом в водах реки. Но пришел день, когда на Ородрефа, укрепившегося в дозорной башне Тол Сириона, напал Саурон — один из самых сильных и беспощадных слуг Моргота. К этому времени Гортхаур Жестокий, как называли его Синдары, стал грозным чародеем, повелителем рати теней и призраков, в подлости и бесчестии достигший великого искусства, мастер пыток и лжи, способный извратить и осквернить все, чего бы ни касался. Коротким взглядом или скупым жестом управлял он целыми стаями волков-оборотней.

Саурон взял Минас Тирит без боя, сковав темным страхом души и сердца оборонявшихся. Ородреф бежал и укрылся в Нарготронде. С этих пор Минас Тирит превратился в форпост Моргота, оплот темных сил и злых чар, и проклятым Островом Оборотней стал прекрасный некогда Тол Сирион. Сидя в высокой башне, Саурон мгновенно замечал малейшее передвижение в окрестностях. Теперь Моргот безраздельно владел Ущельем Сириона, и черный ужас медленно вползал в поля и леса Белерианда. Руки Врага тянулись все дальше. Немногие оплоты сопротивления эльфов, оставшиеся кое-где небольшие отряды он разыскивал и уничтожал один за другим. Обнаглевшие орки рыскали повсюду, от Сириона на западе до Келона на востоке. Они окружили Дориат, разоряли и уничтожали некогда цветущие земли. Зверь и птица бежали от приспешников зла, безмолвие и запустение, волной шедшие с севера, воцарялись над огромным краем, еще недавно наполненным птичьими трелями и радостными голосами. Множество Нолдоров и Синдаров стали рабами Ангбанда. Моргот сумел использовать их знания себе во благо. Лазутчики Врага, принимая любой зримый образ, свободно проникали везде; коварством, обманом, лживыми посулами, нелепыми обвинениями сеяли они рознь и страх между народами, еще сохранившими свободу. Зависть, подозрительность и предательство давали пышные всходы, ибо ложь падала на благодатную почву, удобренную кровью, пролитой когда-то в Альквалондэ. Но самое страшное заключалось в том, что со временем часть лжи становилась правдой — разум и сердца эльфов все больше затемнялись отчаяньем и страхом, и росло недоверие, приводящее к розни. Всего же более опасались Нолдоры (и не без оснований) своих же сородичей, побывавших в подземельях Ангбанда. Несчастные становились послушными орудиями Врага. Поработив их волю, Моргот отпускал пленников на свободу, но в любой момент мог вернуть неслышным приказом. Изредка случались и настоящие побеги; но как же бывали удивлены счастливые, когда вернувшись к своему народу, встречали прием более чем холодный, вынуждавший их в конце концов покидать родные места и скитаться в полном одиночестве.

Людам, склонным прислушиваться к лживым речам, Моргот внушал, что во всех их бедах повинны бунтовщики Нолдоры, и стоит только оставить их, как под рукой истинного Владыки Среднеземья к ним тут же придут почет и уважение. Справедливости ради надо сказать, что ни один человек из трех Домов Адамов не внял этим речам. Даже пытки Ангбанда не могли заставить их изменить своим союзникам и друзьям. С тех пор Моргот начал преследовать их с особой жестокостью. Гонцы Врага перебирались через горы и там сеяли семена смут и раздоров.

Говорят, что примерно в это время появились в Белерианде, придя, надо думать, из-за гор, Смуглые

Люди. Некоторых из них призвал Темный Владыка, успевший завладеть их душами, других же привлекли разговоры о тучных землях, чистых водах и богатствах этого края, так что многие кочевые народы поворачивали стопы свои на запад.

Невысокие коренастые пришельцы с длинными сильными руками отличались смуглой, а то и желтой кожей. Некоторым из них удавалось куда проще поладить с гномами, чем с эльфами. И Дома их были весьма многочисленны. Маэдрос, видя убывающие силы Нолдоров и Аданов и, наоборот, неисчислимые резервы Ангбанда, извергающего из своих недр — все новые полчища орков, решил заключить союз с пришельцами. Он почтил дружбой двух самых видных вождей — Бора и Улфанга — и сделал это к вящему удовольствию Моргота, который добивался именно такого развития событий. Правда, будущее показало, что кое в чем он ошибся. Сыновья Беора — Борланд, Борлах и Борфанд обманули надежды Моргота, они пошли за Маэдросом и были верны ему. Зато сыновья Улфанга Черного — Улфаст, Улфарт и Улдор Проклятый не подвели Врага. Они поклялись Карантиру в вечной дружбе, но очень скоро вероломно нарушили данную клятву.

Пришельцы осели в Восточном Белерианде и получили от Аданов прозвание Вастаков. Они мало общались с Аданами, особой любви между ними так и не возникло. Народ Хадора не мог покинуть Хитлум, со всех сторон окруженный врагами. Дом Беора почти весь сгинул. Народа Халефь поначалу Северная Война не коснулась, они жили южнее, в лесу Бретиль. Но вскоре орки добрались и туда, однако получили неожиданно сильный отпор. Предания, повествующие о тех временах, воздают должное мужеству и стойкости Халадинов, отважно защищавших свои любимые леса. После падения Минас Тирита орочьи орды хлынули через Ущелье Сириона и неминуемо разорили бы всю страну до самой его дельты, но Халмир, вождь Халадинов, друживший с эльфами, охранявшими границы Дориата, сумел быстро известить о вторжении Владыку Тингола. Огромная дружина Синдаров, которой командовал Белег Тугой Лук, вместе с воинами Халмира неожиданно и страшно ударила по оркам из глубины леса, и орков не стало. Черный вал с севера разбился здесь о сверкающие топоры воинов Зачарованного Королевства. Долгие годы спустя орки не осмеливались даже пересекать Тейглин. Народ Халефь все еще держал оборону в Бретильских Лесах, и под этим прикрытием Нарготронд собирал силы.

С Халадинами в это время жили сыновья Галдора из Дор Ломина — Хурин и Хуор. Незадолго до начала Огненной Битвы два Дома Аданов собрались на великий пир, где отмечались свадьбы Галдора и Глоредель, детей Хадора Златовласого, с Харефью и Халдиром, детьми Халмира, вождя Халадинов. Поэтому сыновья Галдора воспитывались у своего дяди Халдира в Бретиле, как того требовали обычаи людей; мальчики тоже участвовали в битвах с орками, даже тринадцатилетний Хуор — его просто невозможно было удержать. В одном из боев их отряд оттеснили от основных сил, прижали к Бретильским Бродам, и ничего кроме плена и смерти не ждало их, если бы не помощь Ульмо, еще не покинувшего вод Сириона. Сильный туман встал с реки, скрыв воинов от преследователей, и дал им возможность уйти в Димбар. Здесь братья отбились от остальных и долго блуждали у подножья Криссаэгрима, пока совсем не запутались в каменном лабиринте. Выследил их Торондор. Два его могучих родича перенесли несчастных, почти потерявших сознание от голода и усталости, в Гондолин, до сей поры неведомый людям.

Узнав, откуда они родом, Правитель Тургон благосклонно принял неожиданных гостей. Недаром Ульмо в видениях предупреждал его о грядущих бедах и советовал приветить сыновей Дома Хадора, буде таковые появятся. Без малого год прожили Хурин и Хуор во дворце Правителя. Время это не прошло даром для Хурина: он многому научился у эльфов и даже постиг некоторые сокровенные замыслы Короля. Тургону полюбились сыновья Галдора. Он часто и подолгу говорил с ними и ни за что не хотел отпускать из Гондолина смелых и благородных юношей. Кроме того, оставался в силе приказ Короля, по которому никто, отыскивший дорогу в Скрытое Королевство, не покинет его до тех пор, пока Гондолин открыто не вступит в сражение.

Но братья не находили себе места. Они хотели вернуться и разделить со своим народом все беды и тяготы военного времени. И вот однажды Хурин сказал Тургону:

— Повелитель! Мы — простые Смертные, и не чета эльфам. Вы можете спокойно ждать долгие годы и готовиться к великой войне, а наш век короток и каждый день уносит силы и надежды нашего народа. Мы ведь не нарушим закон, потому что и сами не знаем, где расположен твой гордый город. Поднебесными путями несли нас Властелины Ветров и, снизойдя к нашему страху и изумлению, посоветовали закрыть

глаза. Дозволь же нам вернуться и разделить судьбу своих родных и близких.

Опечалился Тургон, однако милостиво отнесся к просьбе юного воина и ответил ему так:

— Мне жаль расставаться с вами, о юноши. Но я провижу скорую (правда, по нашему разумению) встречу. Я позволяю вам покинуть мои владения тем же путем, каким вы пришли сюда. Если, конечно, Торондор согласится помочь вам.

Да, Короля печалило предстоящее расставание, чего нельзя было сказать о племяннике Короля — Маэглине. Он давно уже завидовал расположению Тургона, которым пользовались пришельцы, и к тому же с самого начала невзлюбил за что-то людское племя. Поэтому он остановил выходившего из дворца Хурина такими словами:

— Велика королевская милость. Она больше, чем ты думаешь, потому что даже закон оказался менее строг, чем в былые времена. А иначе пришлось бы тебе с братом доживать здесь свой век.

Хурин с достоинством ответил:

— Действительно, милость Короля велика. Я вижу, ты сомневаешься в нашем слове, ну что ж, изволь, мы дадим тебе клятву, хотя Король не потребовал этого от нас.

И братья поклялись никогда никому не открывать намерений Тургона и держать в тайне все, виденное ими здесь. На этом они распрощались с эльфами; той же ночью Орлы унесли их прочь и перед рассветом опустили осторожно на землю Дор Ломина. Народ обрадовался чудесному возвращению братьев. Их уже давно считали погибшими в Бретильских Лесах. Но даже отцу братья не могли объяснить, где пропадали все это время. Они твердили, что Орлы спасли их во время скитаний по глухим местам и принесли домой. Однако Галдор не очень-то поверил им.

— Вы, значит, так и скитались в глуши весь год? — спросил он. — А потом Орлы, стало быть, поселили вас у себя в гнездах, да? Так это они добывали вам пищу, а заодно и такие красивые одежды, которые под стать эльфийским принцам?

И Хурин ответил на это:

— Отец! Довольствуйся тем, что мы вернулись. Мы поклялись хранить молчание о том, где провели этот год, иначе нам не довелось бы свидеться.

Галдор больше не расспрашивал их ни о чем, но и он, и многие другие смекнули, как все было на самом деле, так что со временем странная история братьев достигла ушей Моргота.

Теперь Король Тургон знал, что осады вокруг Ангбанда больше не существует. Он не допускал и мысли раскрыть тайну своего пребывания, но вместе с тем понимал, что прорыв осады означает начало гибели Нолдоров, если не придет помощь. И он скрытно отправил несколько сильных отрядов в дельту Сириона, к острову Балар. По велению Короля там были построены корабли, отправившиеся потом на Запад, на поиски Валинора. Тургон решил просить прощения и помощи у Валаров. Эльфы умоляли морских птиц показать им дорогу к Благословенному Краю, но на пути кораблей вставали только пенные волны, только тени и чары веяли над мачтами, и скрыт был Валинор. Ни один из посланных кораблей не достиг запретных берегов, и мало кто вернулся назад. Меж тем наступал роковой час Гондолина.

Кое-какие слухи давно уже достигали Моргота. Среди всех побед нет-нет да и охватывала его легкая тревога. Он как-то потерял из виду двух знатных эльфийских князей — Фелагунда и Тургона. Они исчезли, но вестей об их гибели не поступало. Вот Моргот и опасался, не затевается ли против него какой-нибудь тайный подвох. О Нарготронде он слышал, но что он такое и насколько опасен, не ведал. А о Гондолине и вовсе слухом не слыхивал, поэтому Тургон беспокоил его даже больше. Темный Владыка наводнил весь Белерианд шпионами, а орочьи банды стал потихоньку отзывать в Ангбанд. Все равно окончательной победы не получалось; он видел теперь, что ошибся, недооценив силу Нолдоров и доблесть людей, сражавшихся плечом к плечу со своими союзниками. Конечно, он одержал победу в Огненной Битве, нанес врагам жестокий урон и продолжал побеждать, но победы доставались ему недешево. Да, он овладел Дортонионом и Ущельем Сириона, но Эльдары уже оправились от первых поражений и кое-где даже начинали отвоевывать утраченное. Вот в этом неустойчивом полумире-полувойне и жил Белерианд несколько лет. Однако кузницы Ангбанда работали вовсю.

Через семь лет после Четвертой Битвы война вспыхнула с новой силой. Огромное войско Моргота обрушилось на Хитлум. Жестокие бои шли на перевалах в Сумеречных Горах и у крепости Эйтель Сирион. Там от имени Короля Фингона оборонял крепость Галдор Высокий, правитель Дор Ломит, и там пал он, на том же месте, где немногим ранее погиб его отец, Хадор Лориндол. Сын Галдора, Хурин, только вступал в пору совершеннолетия, хотя был не по годам умен и отважен. Он отбросил орков от склонов Эред Ветрин и долго преследовал их через пески Анфауглифа.

Сам Король Фингон с трудом сдерживал натиск полчищ Ангбанда. Теперь битва кипела уже на равнинах Хитлума. Враги настолько превышали числом эльфов, что ни доблестью, ни воинским умением не удавалось восполнить эту разницу. Исход сражения не вызывал сомнений, но в самый трудный час в залив Дренгист вошли корабли из Фаласа. От удара Синдаров, бросившихся в бой прямо со сходней, орки дрогнули, смешались и скоро уже бежали, думая только о спасении, а вослед им мчались конные лучники Фингона, загнавшие их в ущелья Железных Гор. Наконец Эльдары могли праздновать победу.

Теперь Дом Хадора в Дор Ломине возглавил Хурин. Он долго служил Королю Фингону. О нем сказано, что ростом он был невысок, но неутомимостью и быстротой превосходил родичей по линии матери — Харефи из народа Халадинов. Он взял в жены Морвен Эледвень, дочь Барагунда из Дома Беора, ту самую, что спаслась из Дортониона вместе с Риан, дочерью Белегунда, и Эмельдир, матерью Берена.

На полях Хитлума лилась кровь и гремела сталь, а в Дортонионе пал последний из его защитников. Только Берену, сыну Барахира, удалось спастись и с огромными трудами пробраться в Дориат.

Глава 19

ПОВЕСТЬ О БЕРЕНЕ И ЛУЧИЭНЬ

Среди печальных преданий, дошедших до нас из тех скорбных дней, есть некоторые, которым радуется сердце и где из-под мрака беды и смерти пробивается свет. Из них наиболее любима эльфами повесть о Берене и Лучиэнь. Мы перескажем ее вкратце, и не в стихах, как любят эльфы, а прозой.

Сказано было о несчастном Барахире, оставшемся с двенадцатью товарищами в захваченном Врагом Дортонионе. Здешние леса постепенно поднимаются к югу, переходя в нагорье, там на склонах часто встречаются болота, густо заросшие вереском, а неподалеку расположено озеро Тан Айлуин. Даже в годы Долгого Мира края этот оставался диким и безлюдным. О чистейших водах озера — прозрачно-голубых днем и полных отражений звезд ночью — говорили, будто сама Мелиан благословила их когда-то давным-давно. На берегах озера и нашел укрытие Барахир со своим маленьким отрядом. Моргот на время потерял их из виду. Но молва о подвигах и доблести Барахира успела разнестись далеко, и раздраженный этим Враг приказал Саурону отыскать и уничтожить горстку воинов.

Среди соратников Барахира был Горлим, сын Антрима. Была у Горлима жена, Эйлинель. Они очень любили друг друга и жили счастливо, покуда война не погасила и этот огонек радости. Горлим сражался на границе, а когда вернулся, нашел свой дом разоренным и пустым. Что случилось с его женой — никто не знал. Горлим ушел в дружину Барахира и вскоре прослыл одним из самых яростных и отчаянных воинов. Однако днем и ночью терзали его мысли о жене: где она? что с ней? жива ли? Иногда, в тайне ото всех, приходил он к своему дому, надеясь, что Эйлинель вдруг да вернется... Вот об этом-то и прознали слуги Врага.

Однажды осенью, уже в глубоких сумерках, Горлим подходил к лесной поляне, на которой когда-то построил свой дом. И вдруг ему показалось, что в окошке горит свет. Осторожно подкравшись, с бьющимся сердцем, он заглянул внутрь. Там у стола сидела Эйлинель! Но как же изменилось ее лицо! Страдания и голод оставили на нем неизгладимые следы. Горлиму показалось даже, что он слышит ее голос, сетующий на злую судьбу и тоскующий о пропавшем муже. Но лишь позвал он ее — свет будто задуло ветром, где-то рядом взвыли волки, и Саурановы охотники схватили Горлима. Это была засада. Горлима привели в лагерь и пытали, надеясь вызнать, где скрывается Барахир и как пройти к его убежищу. Но молчал воин и под пыткой не проронил ни слова. Тогда ему предложили встречу с женой и свободу в обмен на сведения. Уловка, похоже, удалась. Измученный болью и тоской по жене, Горлим заколебался, и его тут же доставили к Саурону.

— Я вижу, ты задумался. Смелее! Назови цену и ты получишь ее! — предложил Враг.

Горлим глухо ответил, что свобода нужна ему только вместе с женой. Несчастный был уверен, что Эйлинель тоже в лапах Врага; ему страшно было даже представить, какие муки она испытывает. Ухмыльнулся Саурон.

— Мало ты просишь за столь великое предательство. Но будь по-твоему! Говори же!

Был момент, когда Горлим ужаснулся тому, что едва не совершил, и совсем решил отказаться от любых сговоров с Врагом, но было поздно. Глаза Саурана уже вцепились в его душу, подавили волю, и скоро он рассказал все, что знал. Расхохотался Саурон и открыл Горлиму, что на самом деле видел тот лишь призрак своей жены, созданный чарами, чтобы заманить воина в ловушку. На самом-то деле Эйлинель давно нет в живых.

— Но я выполню наш уговор и отправлю тебя к жене. Свободу ты тоже получишь, жалкий глупец! — И Саурон предал воина ужасной смерти.

Вот как удалось Морготу обнаружить убежище Барахира. В тихий предрассветный час орки неожиданно напали на лагерь и перебили всех, кто там находился. Спасти удалось лишь Берену. За несколько дней до этого отец послал его следить за передвижениями отрядов Врага. Поэтому в ночь нападения на лагерь он был далеко в лесу. Во сне привиделись ему стаи грифов-стервятников, плотно обсевших ветви деревьев по берегам озера; с их клювов капала кровь. Видение открыло озерную гладь, и

по воде навстречу Берену скользнул призрак несчастного Горлима. Он заговорил с сыном Барахира и поведал о своем предательстве и мученической смерти. Дух заклинал Берена поспешить и предупредить отца.

Очнувшись, Берен, не раздумывая ни секунды, бросился сквозь заросли к озеру. При его приближении стаи грифов тяжело поднялись с земли и расселись по кряжистым осокорям. Воздух наполнился хриплым клекотом, в котором слышалась Берену гнусная издевка.

Берен схоронил кости отца и его товарищей, воздвиг на могиле надгробие из валунов и произнес над ним клятву мести. Орков, напавших на лагерь, легко было найти по свежим еще следам. Всю жизнь прожив в лесу, Берен по-охотничьи незаметно подкрался почти к самому костру, так что слышал каждое слово, когда вождь орков стал хвастать своими подвигами, подбрасывая в воздух отрубленную руку Барахира. Он прихватил ее, чтобы отчитаться перед Сауроном в выполнении приказа. Свет костра вспыхивал в кольце Фелагунда, сверкавшем на пальце руки. Берен неожиданно вырос перед вождом, сразил его ударом меча, схватил руку отца и исчез во тьме, прежде чем опомнившиеся орки начали осыпать стрелами молчаливые болотные заросли.

Четыре года сражался Берен с Врагом в лесах Дортониона. За это время он подружился со многими зверями и птицами, немало помогавшими ему переносить участь одинокого скитальца и скрываться от глаз Врага; он не ел мяса и не убил ни одного существа, если, только оно не предалось Морготу. Страх смерти был незнаком отважному, дерзкому до отчаяния воину, и скоро о его подвигах заговорили не только в Белерианде, но даже в Дориате. Дошло до того, что Моргот назначил за голову Берена такую же награду, как и за голову Верховного Короля Нолдоров Фингона; однако орки куда охотнее разбежались при одних только слухах о его появлении, чем искали с ним встречи. Наконец Саурон выступил против одного Человека с целой армией, во главе которой шли волки-оборотни — жуткие твари, чьи тела ближайший подручный Врага отдал наиболее злобным и ужасным духам. Они наводнили леса и долины, и скоро все живое бежало оттуда. Пришлось оставить Дортонион и Берену.

В начале снежной зимы он покинул могилу отца и ушел в горы Горгората. Поднявшись на один из перевалов, Берен увидел далеко на юге земли Зачарованного Королевства и ощутил неодолимое желание спуститься туда, куда не ступал еще ни один Смертный.

Страшен был избранный им путь. Отвесны пропасти Эред Горгората, у подножия их лежат предвечные тени. За ними раскинулись дикие земли Дунгорфеба, где борются колдовство Саурана и чары Мелиан; там царят безумие и ужас. Там в жутких щелях еще таятся потомки Унголианты, плетущие паутину, незримую для глаз, но смертельно опасную всему живому; там еще бродят твари, рожденные в досолнечном мире, каждая утыкана десятками глаз — под их взглядом цепенеют и засыпают навсегда люди, звери и птицы. Там нет еды и питья для случайного путника; там только смерть раскинула свои сети. Не удивительно, что путь Берена по таким страшным местам прослыл среди живущих великим подвигом. Но не только ужасы Горгората остались позади. Берена не смог остановить и Пояс Мелиан. Впрочем, сама супруга Короля Тингола так и предсказала когда-то, провидя судьбу, направлявшую отважного воина.

Что встретил в пути Берен, с какими трудностями столкнулся, — неизвестно. Ведомо лишь, что в Дориат он добрался поседевший и согбенный, словно провел в дороге многие годы. Но вот однажды летом, бродя светлой лунной ночью в лесах Нелдорета, он повстречал дочь Короля, Лучиэнь. Стоило ему увидеть дивный силуэт, танцующий на вечно-зеленом холме возле Эсгалдуина, как перед очарованием волшебного видения разом отступили, забылись усталость и муки, перенесенные в пути, ибо волшебна-прекрасна была Лучиэнь, прекраснее всех Детей Илуватара в этом мире. Синий, как вечернее небо, плащ струился за спиной Лучиэнь, мерцая золотым шитьем; темные волосы, словно сгустившийся сумрак, волной ниспадали на плечи, и искрились серые глаза, словно сумерки, пронизанные светом звезд. И вся она была волнующимся бликом в листве, голосом чистых звенящих струй, жемчужным сиянием туманов вечерней земли; нездешним светом, мягким и таинственным, озарено было лицо Лучиэнь.

И вдруг она пропала, исчезла меж ветвей, растаяла в сумерках, оставив очарованного Берена в полной неподвижности. Очнувшись, долго искал он ее, бродил в лесах, крался осторожно к полянам, залитым лунным светом, и не заметил, как пришла осень, а за ней — зима. Не зная имени девушки, он звал ее про себя Тинувиэль, Ночной Соловей — Дочь Сумерек на языке Серых Эльфов. Несколько раз ему

казалось, что он то видит ее образ в летящих по ветру листьях, то представляет ее звездой, сверкающей сквозь траву на вершине холма, но каждый раз нападало на него странное оцепенение и тело отказывалось повиноваться.

В канун весны, перед рассветом, танцевала Лучиэнь на зеленом холме. На душе у нее было так хорошо, что из радости и счастья невольно родилась песня — такая же чистая, как песня жаворонка, когда от ворот ночи взмывает он ввысь и видит солнце, а мир внизу еще дремлет под меркнувшими звездами. Песня звенела, как сама весна, она разбила последние оковы зимы, и окрест просыпались говорливые ручейки, а по следам Лучиэнь поднимались из стылой еще земли первые подснежники.

И Берен наконец обрел голос и позвал ее тем именем, которым давно привык называть в мыслях.

— Тинувиэль! — воскликнул он — и подхваченное эхом нежное слово разнеслось далеко по пробуждающимся лесам.

Удивленная, остановилась Лучиэнь и не исчезла на этот раз мимолетным видением. Глаза их встретились, и она полюбила его. Только с первым лучом солнца Лучиэнь встрепенулась — и вот уже нет ее, словно и не было никогда. Сраженный одновременно блаженством и скорбью, рухнул Берен на землю без чувств и провалился в темное забытие. Очнулся он холодным, как камень, чувствуя в сердце только пустоту и одиночество. Словно слепец, шарил он руками по воздуху, стремясь снова ощутить свет, увиденный им, и несказанная мука стала первым подарком Предначертания, соединившего их судьбы. Ибо на Небесах уже слились дороги бессмертной эльфийской девушки и смертного воина.

Надежда готова была покинуть Берена, когда вернулась его возлюбленная, и с тех пор приходила часто. Рука в руке, блуждали они всю весну и лето по лесам Зачарованного Королевства. Не было среди Детей Илуватара никого, кто мог бы сравниться с ними счастьем; а о том, что будет оно коротким, — не ведали они.

Жил в Дориате менестрель Даэрон, давно уже пылавший чувством к дочке Короля. Он-то и выследил влюбленных и выдал их Тинголу. Разгневался Государь, ибо дороже всех сокровищ мира была ему Лучиэнь; он старался окружить ее князьями и знатными эльфами, а людей даже не допускал ко двору. Гневные упреки обрушил он на дочь, но Лучиэнь ничего не рассказывала, пока не вымолила у Тингола клятвы в том, что Берену не грозит опасность. Слуг Король все-таки послал, наказав им схватить дерзкого и доставить во дворец. Но Лучиэнь опередила их; она сама привела возлюбленного и встала с ним перед троном Короля.

Негодующим взглядом окинул Тингол воина. Мелиан сидела рядом с супругом молча. Грозно спросил Король:

— Кто ты, посмевший явиться сюда, словно вор? Как осмелился ты посягнуть на мой трон?

Смешался Берен. Великолепие Менегрота и величие Короля потрясли его, и не нашел он сразу достойного ответа. Но тут раздался звонкий голос Лучиэнь:

— Отец! Перед тобой — Берен, сын Барахира, великий вождь людей и злейший враг Моргота. О его подвигах эльфы слагают песни!

— Что он, сам за себя постоять не способен? — остановил ее Король и, обратившись к воину, сурово спросил: — Чего ты ищешь здесь, несчастный Смертный? Почему покинул свою страну и как попал в мой край, куда твоим родичам путь заказан? Может быть, есть причина, что спасет тебя от наказания за дерзость и глупость?

Поднял наконец глаза Берен и встретился взглядом с Лучиэнь, потом посмотрел на Мелиан и почувствовал, что дар речи вернулся к нему. Не было больше страха; он снова обрел достоинство и гордость представителя старейшего Дома Аданов и ответил так:

— Мне ничего не нужно было в твоих землях, Правитель. Я просто шел, куда вела меня судьба, а вела она сквозь такие опасности и испытания, с которыми мало кому из эльфов довелось встречаться, и только теперь я понял — зачем. Здесь ждала меня величайшая драгоценность этого мира; я нашел ее и потерять не могу. Ни огонь Моргота, ни скала, ни сталь, ни чары эльфийских королевств не отнимут у меня это сокровище — твою дочь, Правитель, ибо нет ей равных под небом среди Детей Единого!

Мертвая тишина настала в тронном зале после этих слов. Все, кто собрались там, не сомневались, что дерзкому Смертному осталось жить считанные минуты. И в этой напряженной тишине медленно и тяжело упали слова Короля Тингола:

— Смерти достоин любой за такие слова. И она бы не промедлила, не произнеси я клятвы, в чем сейчас горько раскаиваюсь. Это говорю я тебе, жалкий Смертный, хоть ты и научился в окаянной земле искусству прокрадываться в глухие земли не хуже рабов Врага!

Вскинул голову Берен и гордо ответил:

— Заслужил я смерть или нет — сейчас ты волен распорядиться моей жизнью. Это так. Однако оскорблений твоих я не приму. Вот кольцо — дар Короля Фелагунда отцу моему Барахиру после битвы на Севере. Я не безродный, не лазутчик и не раб. Ни один эльф, будь он хоть трижды королем, не вправе бросать моему Дому такие упреки!

Говоря это, Берен высоко поднял кольцо, и глаза всех присутствующих невольно обратились к горящим зелеными огнями самоцветам Валинора. Все тотчас признали работу Нолдоров: тела двух змеек с огромными изумрудными глазами причудливо сплетались в кольцо, одна из них защищала, а другая стремилась поглотить венец из золотых цветов и листьев. Таков был древний знак Дома Финарфина. Наклонилась Мелиан и шепотом посоветовала Тинголу умерить гнев.

— Долог и труден путь этого воина к Свободе. Судьба твоего королевства уже сплетена с его судьбой. Будь осмотрителен!

Но Король словно и не слышал ее слов. Он смотрел на Лучиэнь и думал: «Какой-то ничтожный Человек... сын суетных, недолговечных правителей! Мыслимо ли, чтобы подобный посягал на мою дочь и остался в живых?» Вслух же он произнес:

— Я вижу кольцо, сын Барахира. Вижу я и гордость твою, и если ты считаешь высоким род свой — не стану спорить. Но подвиги отца еще не дают сыну права на дочь Тингола и Мелиан. Ты говоришь, что нашел свое сокровище, а я еще нет. Оно спрятано за огнем Моргота, скалой и сталью, и оно для меня драгоценнее всех чар эльфийских королевств. Говоришь, судьба вела тебя? Так пусть поведет и дальше. Если дочь моя пожелает, я отдам ее тебе в жены, но не раньше, чем ты вложишь мне в руку Сильмарилл из Короны Моргота. Говорят, в нем заключена судьба Арды, но ты, я думаю, не будешь считать себя внакладе.

Нет, гром не грянул, не разверзлись Небеса, но судьба Дориата была решена этими словами, а Тингол прикоснулся к Проклятью Мандоса.

Все, кто был в зале, поняли, что Король, не нарушая клятвы, уготовил Берену верную смерть. Даже во время Осады вся мощь Нолдоров не помогла им хотя бы издали увидеть луч сияния дивных Камней Феанора. Враг вделал Камни в свою Железную Корону и не расставался с ней. В глубинах Ангбанда стерегли ее бессонные Барлоги, мечи бесчисленных орков, неприступные стены, неодолимые запоры и вся темная власть Моргота.

Беспечно рассмеялся Берен:

— Недорого ценят короли Эльдаров своих дочерей. Если они отдают их за самоцветы, созданные их же руками, и если такова воля твоя — я добуду тебе Сильмарилл. И когда мы встретимся, он будет в моей руке. Мы не в последний раз видимся с тобой.

Он взглянул на Мелиан — она по-прежнему молчала, — простился с Лучиэнь, низко поклонился Королю и Королеве, отстранил стражу и покинул Менегрот.

Только когда закрылись за ним резные двери, заговорила Мелиан:

— Коварен твой замысел, супруг мой Король. Но вот что я скажу тебе. Если сила не покинула меня и не обманывает предвидение, то исполнит Берен задание или сгинет, скитаясь, — все едино, добра не жди. Сегодня ты обрек либо себя, либо нашу дочь. Теперь судьба Дориата навеки связана с участью другого, более сильного королевства.

И опять не внял Тингол жене своей.

— Ни эльфам, ни людям, — ответил он, — не продаю я своих сокровищ. Даже если вернется

когда-нибудь Берен живым в Менегрот, не видать ему больше белого света, хоть и клялся я не причинять ему зла.

С этого дня молчаливой стала дочь Короля. Теперь никто не слышал ее звонких песен. Тревожная тишина пала на леса, и длиннее стали тени в королевстве Тингола.

В Предании сказано о том, как Берен без особых приключений подошел к границам Дориата, миновал Сумеречные Озера и Топи, покинул страну Тингола и поднялся к верхнему порогу Водопадов Сириона. Далеко внизу вода с грохотом падала в каменную расселину и уходила под землю. Берен огляделся. Здесь, над скалами, всегда висела кисея водной пыли, часто шел дождь, но все же различил он простиравшуюся на востоке до самого Нарога Охранную Равнину — Талах Дирнен, а за ней, едва видимые вдаль, вставали вершины, защищавшие Нарготронд. Помощи ждать было не от кого, некому было дать добрый совет, и Берен пошел на запад.

Равнину Талах Дирнен держали под неусыпным надзором эльфы Нарготронда. Здесь каждый холм скрывал замаскированный наблюдательный пост, а по лесам и лугам пролегали тропы тайных дозоров лучников. Глаз их был верен, а рука тверда, — даже зверь не прошмыгнул бы незамеченным. Берен к тому же шел не скрываясь. Но он знал об опасности, и, хотя поблизости не видно было ничего подозрительного, чувствовал внимательные глаза, наблюдавшие за каждым его шагом. Теперь он время от времени поднимал вверх свое кольцо и кричал: «Я — Берен, сын Барахира, друг Фелагунда! Мне нужно попасть к Правителю!»

Наверное, это и спасло ему жизнь. Лучники не стали стрелять, но вскоре, собравшись вместе, остановили его. Перед ними стоял изможденный дальней дорогой путник, одичавший в глуши, но та пальце у него действительно сверкало кольцо Короля. Низко поклонились стражи и согласились проводить его.

Шли по ночам, чтобы не видеть тайных троп. В те годы к воротам Нарготронда не вело ли одного моста, и только дальше к северу, у слияния Нарога с Гинглитом, был брод. Перейдя поток, отряд свернул к югу и на закате Луны достиг неосвещенных ворот, ведущие в подземный город.

И вот Берен предстал перед Финродом Фелагундом. Королю не нужно было напоминать о кольцах, он и так сразу узнал сына Барахира из Дома Беора. Наедине Берен поведал Правителю о гибели отца и о том, что было с ним в Дориате. Рассказывая о Лучиэнь, об их счастье, Берен не смог сдержать слез, поэтому и не заметил, как озабочен Король его рассказом. А Фелагунд вспомнил слова, сказанные им когда-то Галадриэль; теперь он понял, что его предвидение начинает сбываться. Тень гибели маячила впереди. С тяжелым сердцем проговорил Фелагунд:

— Проклятье Феанора опять напоминает о себе. Понятно, что Тингол хочет погубить тебя, но не его намерения важны здесь, а пути Провидения. Упомянуть Сильмариллы — значит прикоснуться к Проклятью, пожелать обладать ими — значит пробудить к жизни могучие силы. Ты должен знать, что сыновья Феанора скорее пожертвуют всеми эльфийскими землями, чем отпустят Камни в чужие руки. Проклятье тяжким роком лежит на их Доме. Сейчас Келегорм и Карафин живут у меня, и, хоть я сын Финарфина и Король, они забрали большую власть и продолжают править своими народами. Со мной они дружелюбны, по крайней мере, на словах, но к твоей нужде вряд ли отнесутся сочувственно. Я не отказываюсь от своей клятвы, но, должен признать, мы в ловушке.

На следующий день Король обратился к своему народу. Он напомнил о подвигах Барахира, о клятве, связавшей Нарготронд с Домом Беора, рассказал о просьбе, с которой обратился к нему сын Барахира, и просил князей подумать, чем здесь можно помочь. Едва он договорил, вскочил Келегорм. Потрясая обнаженным мечом, он вскричал:

— Мне наплевать, друг он Морготу или враг, эльф или человек, или какая другая живая тварь! Ни закон, ни колдовство, ни сами Валары не спасут этого бродягу от нашего гнева, если он попытается присвоить Сильмарилл. Пока стоит мир, никто, кроме нас, не смеет посягать на Камни Феанора!

Много еще говорил Келегорм, и собравшимся, казалось, что сидят они на склонах Туны в Тирионе в слышат жаркие речи самого Феанора. Потом встал Карафин. Говорил он спокойнее, но нарисовал в воображении слушателей такую яркую картину гибели Нарготронда и так запугал их, что до самых дней

Турина ни один тамошний житель не сошелся с Врагом в открытом бою, а предпочитал действовать тайком, из засады, пуская в ход магию и отравленные стрелы. С тех пор забыли в Нарготронде об узах родства, и жестоко стали преследовать всех путников, кто бы они ни были. Забыта была древняя честь и доблесть эльфийского народа и потемнело в подгорном королевстве.

А тогда, после речей Келегорма и Карафина возроптал народ. Стали кричать, что Фелагунд не Валар и не указ им, и многие отвернулись от Короля. Проклятье Мандоса снова словно ослепило сыновей Феанора; решили они избавиться от Финрода и захватить власть в Нарготронде по праву старейшего рода князей Нолдоров.

Владыка Фелагунд, видя, что не поддерживает его народ его, снял серебряную корону и швырнул под ноги толпе со словами:

— Дешево стоят ваши клятвы верности Королю. Но свою клятву я ценю дороже и уйду, чтобы сдержать слово, данное другу. Неужели тень Проклятья накрыла всех и никто не пойдет со мной? Или мне уйти, как бродяге, которого выставили за дверь?

Десять эльфов встали рядом с Королем. Старший из них, Эдрахил, поднял корону и сказал Государю:

— Лучше бы до нашего возвращения передать ее наместнику. Пусть, управляет от твоего имени. Ты был Королем и останешься им и для меня, и для своего народа, что бы ни случилось.

Внял Фелагунд и передал правление брату своему, Ородрефу. Карафин с Келегормом переглянулись с усмешкой и, не сказав ни слова, вышли из зала.

Был осенний вечер, когда Фелагунд, Берен и десять их спутников покинули Нарготронд. Вдоль берега Нарога дошли они до Водопадов Ивринь. В Сумеречных Горах наткнулись на стоянку орков и ночью перебили их, забрав одежду и оружие. После этого Фелагунд искусно загримировал свой отряд под банду орков. Это помогло им продвинуться далеко на север, к ущелью между хребтом Эред Ветрин и плоскогорьем Таур-ну-Фуин. Уже некоторое время за ними наблюдал из своей башни Саурон. Сомнения одолевали подручного Врага. С одной стороны — ничтожная ватага орков спешила на север, возможно, по воле Темного Владыки; с другой — всем слугам Моргота, идущим этой дорогой, велено было давать отчет Саурону о своих делах и новостях, собранных в пути. В конце концов Саурон решил не рисковать и послал слуг, наказав доставить непонятных орков пред свои очи.

Теперь поединок Саурана и Фелагунда, прославленный потом в песнях, был предрешен. И он состоялся, причем оружием в нем были заклинательные песни. В древней балладе рассказано, как сила Короля Фелагунда скрестилась с темным знанием Саурана.

Он начал с древнего ведовства.
О вероломстве звучали слова,

Коварном ударе исподтишка,
Который наносит родная рука.

А Фелагунд, покачнувшись, запел,
Что стойкости духа неведом предел.

Отважный вступает в неравный бой
И тайну в могилу берет с собой;

Ему дорога лишь свобода и честь.
Пел, что из плена спасенье есть...

Сплетались напевы, боролись мотивы,
Сияли и гасли речей переливы;

Заклятья Врага нарастали, как шквал,
И Фелагунд, защищаясь, призвал

Всю силу, все чары эльфийских земель...
Птиц Нарготронда слышалась трель;

Море вздыхает за окоемом;
За Западным Краем, Эльфийским Домом,

Волны ласкают жемчужный песок;
Тучи сгущаются, свет поблек

Над Валинором. От нового горя —
Проливной крови хмурится море.

Нолдоры силой берут корабли.
Светлые гавани тают вдали.

Вздыбился лед у чужих берегов...
Черные скалы да волчий зов,

Жалобы ветра, стаи ворон,
В ямах Ангбанда — невольничий стон...

Гром уже грянул, огонь запылал —
И Финрод к подножию трона упал.

Саурон сорвал с путников орочьи обличья, но узнать, кто они и куда шли, так и не смог.

Он бросил пленников в подземелье и угрожал безжалостной расправой, если ему не скажут правду. Время от времени во тьме вспыхивали страшные глаза и волк-оборотень пожирал одного из несчастных, но никто не дрогнул и не выдал тайны.

В далеком Дориате страх сжал сердце Лучиэнь. Она пришла за советом к матери и узнала, что Берен заточен в темнице Саурана и бежать оттуда невозможно. Поняла Лучиэнь, что в целом свете никто не поможет ей спасти возлюбленного. И тогда решила она сама отправиться на выручку. Не ведая прошлого, доверилась она Даэрону, но он опять выдал ее планы Королю.

Удивился Тингол. Не по себе ему стало. Но нельзя же было собственную дочь посадить в темницу. Без света Небесных Огней быстро истаяла бы она и превратилась в тень. Но и на свободе оставлять дочь казалось невозможным. Тогда приказал он построить такой дом, который не повредил бы Лучиэнь, но и убежать из которого было бы нельзя. На севере Дориата росли могучие буковые леса. Среди деревьев особенно выделялось одно, росшее неподалеку от ворот Менегрота. Этот лесной исполин имел имя — Хирилорн. Три его огромных ствола с гладкой корой напускали ветви высоко над землей. По приказу Короля между ветвями Хирилорна построен был деревянный домик, там должна была жить Лучиэнь. Лестницы охрана спускала только для слуг, приносивших необходимое.

Дальше баллада рассказывает, как бежала Лучиэнь из своей древесной тюрьмы. Пустив в ход чары, она отрастила длинные волосы, сплела из них плащ, скрывший ее с головы до пят, и наложила на него сонное заклятие. Остатков хватило на длинную веревку; опустив ее к подножию дерева, она погрузила стражу в глубокий сон. По ней же спустилась она из своего гнезда и не замеченная никем исчезла из Дориата.

Случилось так, что Келегорм с Карафином отправились поохотиться на Охранной Равнине — в последнее время Саурон наводнил ее волками. Братья взяли с собой гончих и поехали поразмяться. Была у них и еще одна забота — разузнать, что слышно о Короле Фелагунде.

Возле стремени Келегорма ровно бежал огромный волкодав Ган. Он, как и Нолдоры, был пришельцем в Среднеземье. Давным-давно в Благословенном Краю Оромэ подарил его Келегорму, и там,

в беспечальном еще мире, пес учился служить хозяину верой и правдой. Не изменил он ему и в долгом путешествии за море, разделил с ним бремя Проклятья, легшего на плечи Нолдоров, и нес его безропотно, не думая о предсказании, давно предопределившем его собственную судьбу: суждена ему была долгая жизнь, и только встреча с величайшим волком, когда-либо рыскавшим по земле, должна будет положить ей предел.

Именно Ган и нашел Лучизнь. Братья устроили привал неподалеку от западных границ Дориата, а пес, не знавший устали, никогда даже не спавший, по обыкновению рыскал вокруг. Никакие чары не могли сбить его со следа, ничто не могло укрыться от зорких глаз и тончайшего нюха. Он поймал Лучизнь, как куропатку, и принес хозяину. Обрадовалась Лучизнь, увидев одного из князей Нолдоров, а значит, врага Моргота, сбросила плащ и назвала себя. Великая красота эльфийской девушки мигом разожгла страсть Келегорма. Однако говорил он учтиво и сулил всяческую помощь, если согласится девушка вернуться вместе с ним в Нарготронд. Ни словом не обмолвился Келегорм, что имя Берена известно ему, но внимательно слушал ее рассказ и ни единым взглядом не выдал, как близко касается братьев судьба воина из племени Аданов.

Конечно, охоту пришлось прервать и возвращаться в Нарготронд. Там с Лучизнь не спускали глаз, за ворота дворца выходить не позволяли, волшебный плащ отобрали и запретили говорить с кем-либо, кроме братьев. Теперь, когда Берен и Король Фелагунд томились в темнице Саурана, нужно было только подождать немного, пока они не умрут. Все складывается как нельзя лучше — считали братья. Лучизнь у них в руках, а Тингола можно, в конце концов, силой заставить выдать дочь за Келегорма. Братья не собирались добывать Сильмариллы ни силой, ни хитростью, пока не захватят всю власть в Среднеземье. Ородреф не мог помешать этому плану — слишком перебаламутили они жителей Нарготронда. Теперь Келегорм слал гонцов к Тинголу, требуя поскорее назвать условия свадьбы.

Только пес Ган, сердце которого не изменилось со времени жизни в Валиноре, полюбил Лучизнь искренне и пылко с первого мига их встречи. Он один горевал, видя ее в плену. Храбрый четвероногий воин давно почувствовал зло, окутывавшее Нарготронд все плотнее, поэтому он каждую ночь верным стражем ложился у порога спальни эльфийской принцессы. Лучизнь, попавшая из огня да в полымя, часто разговаривала с Ганом, рассказывая ему о Берене: о том, каким другом он был зверям и птицам, и всем живым существам, не служившим Морготу. Надо сказать, Ган понимал все до единого слова. Благородный зверь вообще понимал любое существо, обладавшее голосом, и еще там, на Заокраинном Западе, даровано было ему право говорить самому, но только трижды в жизни.

В первый раз заговорил Ган с Лучизнь однажды ночью, принеся ее плащ и посоветовав немедленно бежать. Только ему ведомыми тайными путями он вывел свою обожаемую подопечную из Нарготронда. Гану приходилось видеть, как орки использовали иногда вместо лошадей волков, и вот теперь, смирив исконную гордость, он посадил Лучизнь на спину и помчался от гибнущего королевства на север.

В подземелье Саурана в живых оставались лишь Берен и Король. Приспешник Врага давно уже сообразил, что ему попались не простые пташки. Слишком очевидны были величие и мудрость Короля Фелагунда. Но Саурон твердо решил разгадать тайну безнадежного похода, оставив напоследок одного, самого главного.

И вот во тьме снова вспыхнули горящие глаза волка-людоеда. Собрал все силы Король Фелагунд, разорвал цепи и схватился с оборотнем врукопашную. Голыми руками он убил огромного зверя, но и сам был смертельно изранен в этом поединке. Тогда обратился он к Берену:

— Я скоро уйду. Мне предстоит долгий отдых за Горами Амана, в Залах Безвременья. Может статься, я не скоро вернусь, и я не знаю, встретимся ли мы еще раз в жизни или в смерти. Ведь судьбы у наших народов разные. Прощай!

И он умер, Великий Король Нолдоров, умер во мраке подземелья, в башне, выстроенной когда-то им самим. Ушел за море Финрод Фелагунд, светлейший и благороднейший из Дома Финвэ, ушел, выполнив клятву до конца. Горько оплакивал его Берен.

В этот скорбный час Лучизнь вступила на мост, соединявший остров и сушу. Она запела, и никакие стены не могли заглушить голос любви и сострадания. Дивные звуки достигли слуха Берета, и подумалось ему, что это сон, ибо звезды засияли над головой у него, выросли вокруг дерева, и птицы защебетали на

ветвях. Тогда запел он в ответ песнь, сложенную им когда-то во славу Семизвездья — Серпа Валаров — созвездия, созданного Вардой на северном небе как символ неминуемого падения Моргота. Но тут силы оставили воина, и он упал без чувств.

Лучиэнь услышала голос любимого и запела снова. Но теперь в песне ее звучала такая сила, что взвыли волки на острове и сам остров содрогнулся. Саурон стоял на самом верху башни, окутавшись черными думами, и с улыбкой слушал голос Лучиэнь. Он узнал дочь Мелиан. Давно уже молва о красоте Лучиэнь перешагнула границы Дориата, и теперь Саурон размышлял, как пленить ее и доставить Темному Властелину, дабы получить великую награду. Он послал на мост одного из своих волков. Мгновенно и бесшумно Ган убил его. Ту же участь разделили и другие волки, отправленные недоумевающим Сауроном на мост. Наконец послан был Драуглин — жуткий зверь, воплощение злобы, вожак и прародитель волков-оборотней Ангбанда. Могуч он был необыкновенно и долго бился с Ганом. Жестоко израненный, вырвался оборотень и подох у ног Саурана, успев прохрипеть напоследок «Ган здесь!»

Как и все в этой стране, знал Саурон жребий валинорского охотника. И вот решил он сам сразиться с великим псом. Приняв облик волка, сильнейшего из всех, он отправился на мост.

Столь ужасным было его появление, что в первый миг Ган дрогнул и отскочил в сторону. Саурон бросился на Лучиэнь. Увидев глаза, горящие неуголимой злобой, ощутив смрадное дыхание чудовища, Лучиэнь лишилась чувств. Но падая, она взмахнула полый своего волшебного плаща перед мордой зверя и он споткнулся, ибо мимолетная дрема овладела им. И тогда Ган прыгнул вперед. Началась битва между великим псом и волком-Сауроном. Рев, грозное рычание, лязг клыков достигали слуха часовых на отрогах Эред Ветрин, повергая их в ужас. Всю свою колдовскую силу пустил в ход Саурон. Но и чар, и дьявольской ловкости, и силы оказалось мало, чтобы победить друга Охотника Оромэ. Ган схватил врага за горло и пригвоздил к земле. Саурон обернулся змеей, но это не помогло — Ган мертвой хваткой сжимал челюсти на горле противника. Тогда стал Саурон самим собой, но и тем не поправил дело, понимая уже, что придется покинуть тело, пока не задушил его окончательно проклятый пес. А тут еще Лучиэнь, пришедшая в себя, встала над ним и сурово пообещала содрать с него шкуру, какой бы она ни была, чтобы жалкий, голый дух предстал перед Морготом на вечное посрамление.

— Там до конца времен трястись тебе под презрительным взглядом своего хозяина, если не отдашь мне сейчас же власть над островом! — молвила разгневанная принцесса.

И Саурон покорился. Ган нехотя разжал челюсти, и с моста рванулся вверх огромный упырь. Силуэт его мелькнул на лунном диске и умчался в неровном полете, капая кровью из жестокой раны на горле. Он затаился в Таур-ну-Фуин и жил там в постоянном ужасе, вздрагивая от малейшего шороха.

Лучиэнь провозгласила свою власть над бывшим владением Саурана. В тот же миг исчезли черные чары, рассыпались стены, рухнули ворота и обнажились подземелья. Распались узы пленников и рабов, закричавших от неожиданной боли, — это лунный свет после долгого мрака ударил им в глаза. Узники выбирались на поверхность земли, и только Берена не было меж ними. Долго искали Ган и Лучиэнь, пока не нашли его скорбящим у тела Короля Фелагунда. Он так глубоко погрузился в страдание, что лежал недвижимо и не слышал шагов своей любимой. Она же, испугавшись его неподвижности, сочла его мертвым и, обвив шею друга руками, упала в обморок. Берен с трудом вернулся из глубин скорби, увидел небо над головой и Лучиэнь у себя на груди. Он бережно поднял ее на руки, она открыла глаза, и наконец взгляды их встретились. В этот миг первый луч солнца вырвался из-за гор, и над темными хребтами занялся новый день.

Короля Фелагунда похоронили на вершине холма, на острове, принадлежавшем когда-то ему. Остров снова был чист; зеленая могила светлейшего эльфийского государя Финрода, сына Финарфина, оставалась в покое до тех пор, пока вся эта земля не была разрушена и не опустилась навеки на дно морское. Государь же Финрод и поныне бродит рядом с Финарфином в лесах Эльдамара.

Берен и Лучиэнь Тинувиэль снова были свободны. Они вместе бродили в лесах, и счастье вернулось к ним. Даже зима не могла остудить жар их любви. По следам Лучиэнь и среди снегов распускались цветы, и птицы пели меж заснеженных ветвей. А отважный Ган вернулся к хозяину. Правда, привязанность их друг к другу теперь остыла.

Нарготрондом овладел гнев. Множество эльфов вернулось из плена с острова Саурана. Не смолкал

ропот негодования, который не могли унять самые пылкие речи Келегорма. Все оплакивали гибель Короля Фелагунда. Многие говорили, что слабая девушка свершила то, на что не отважились горластые сыновья Феанора, а другие открыто обвиняли братьев уже не в трусости, а в предательстве. Народ больше не хотел повиноваться им, а снова повернулся к Дому Финарфина, считая законным правителем Ородрефа. Некоторые даже требовали казнить братьев, но Ородреф понимал, что, вновь пролив кровь сородичей, он лишь ту же затянет петлю Проклятья Мандоса. Тогда отказал он братьям в хлебе и крове и поклялся никогда больше не иметь дело с Домом Феанора.

— Будь по-твоему! — с угрозой процедил Келегорм, а Карафин только улыбнулся зловеще. Они сели на коней и усаkali, рассчитывая на востоке разыскать своих родичей. Примечательно, что из их собственного народа за ними не последовал никто. Теперь все видели, что Проклятье, тяготевшее над братьями, сеет зло. Даже Келебримбер, сын Карафина, отрекся от отца и остался в Нарготронде. И только угрюмый Ган по-прежнему ровно бежал у стремени хозяина.

Они скакали на север, стремясь как можно быстрее пересечь Димбар и отыскать кратчайшую дорогу к Химрингу, во владения их брата Маэдроса. Путь пролегал неподалеку от границ Дориата, а рядом простиралась мрачная равнина Нан-Дунгор-феб, где отчетливо ощущалось дыхание Гор Ужаса.

Меж тем, Берен и Лучиэнь добрались до Бретильского Леса. Дориат был рядом, и Берен вновь задумался о своей цели. Ведь он поклялся Тинголу добыть Сильмарилл. Хотя и не хотелось ему теперь отправляться в дорогу, но лучше уж было идти сейчас, оставив Лучиэнь в ее собственной стране, а значит — в безопасности. Лучиэнь же ни за что не хотела расставаться с любимым. Долго уговаривала она воина.

— Тебе надо решить, — говорила она, — либо оставить мысли о невозможном и скитаться по лику Земли без пристанища, либо сдержать слово и бросить вызов самой Тьме в ее логове. Но знай, какую бы участь ты ни выбрал, — на всех дорогах я буду с тобой и судьба у нас будет одна на двоих.

Уже не в первый раз говорили они об этом и так увлекались, что не видели ничего вокруг. Поэтому скакавшие стороной сыновья Феанора заметили и узнали их первыми. Тотчас Келегорм повернул и поскакал на Берена, рассчитывая растоптать его конем, а Карафин пришпорил лошадь и на скаку подхватил Лучиэнь в седло. Это он проделал легко — недаром слыл лихим наездником. Берен сумел увернуться от коня Келегорма и, коротко разбежавшись, прыгнул на пролетавшего мимо Карафина. Это был великолепный прыжок — так поют о нем люди и эльфы. Оказавшись за спиной Карафина, он схватил его за горло и сбросил с лошади, рухнув на землю вместе с ним. Конь заржал и встал на дыбы, выбросив Лучиэнь в траву, где и осталась она лежать без движения.

Берен душил Карафина и не видел, что смерть летит к нему во весь опор. Келегорм уже отводил копьё для удара, но в этот миг Ган окончательно порвал со старой службой и, оскалив страшные клыки, прыгнул наперерез лошади хозяина. Конь шарахнулся в сторону, хрипя и кося глазом на разъяренного пса. Проклял Келегорм и коня, и собаку, но Ган и ухом не повел, не подпуская его к Берену. Лучиэнь поднялась с земли и просила возлюбленного не убивать Карафина. Послушал ее Берен. Он отобрал у обидчика доспехи и оружие, забрал тяжелый кинжал Ангрист, выкованный когда-то гномом Телкаром из Ногрода. Клинок этот резал железо, словно сырую древесину. Потом он поднял Карафина за шиворот и пинком отшвырнул от себя, посоветовав поискать родичей, которые научили бы его находить более достойное применение воинской доблести.

— А коня твоего я оставляю себе, — уже спокойно добавил Берен. — Пусть служит Лучиэнь. Думаю, он будет только счастлив избавиться от такого хозяина.

Карафин, с трудом придя в себя, проклял Берена и хрипло пробормотал:

— Чтоб тебе бегом бежать к самой мучительной гибели, проклятый Смертный!

Келегорм взял брата к себе на седло и они сделали вид, что двинулись прочь. Берен уже уходил, не обращая внимания на ворчание соперника. Тогда Карафин, кипя от стыда и злобы, схватил лук Келегорма и выстрелил через плечо, целясь в Лучиэнь. Как молния прыгнул верный Ган и поймал стрелу зубами. Вновь зазвенела тетива, но теперь уже Берен рванулся и закрыл собой любимую. Стрела вонзилась ему в грудь.

Громоподобный рык пронесся над равниной. Ган, страшный, как демон, бросился вдогонку за братьями. Им едва удалось удрать. Впрочем, пес скоро вернулся и принес госпоже из леса несколько

целебных листьев. Кровь остановили, а дальше искусство Лучиэнь и любовь быстро залечили рану. Скоро они смогли вернуться в Дориат.

И снова мучился Берен, разрываясь между долгом и любовью. И вот однажды, поднявшись до света, Берен поручил мирно спящую Лучиэнь заботам Гана и ушел.

Снова скакал Берен к проходу Сириона. Позади осталась равнина Таур-ну-Фуин, впереди лежала пустыня Анфауглиф. За ней, в дрожащем мареве на горизонте, высились пики Тангородрима. Здесь спешился Берен, потрепал по холке коня Карафина и отпустил пастись на тучных приречных лугах, посоветовав забыть о рабстве и стать свободным конем. Предстояло сделать следующий решительный шаг. Но допредь сложил он Прощальную Песнь во славу Лучиэнь, потому что чувствовал: настала пора прощаться с любовью и светом.

Прощай, цветущая страна.
Навеки благословлена
С тех пор, как под твоей звездой
Творила легкий танец свой
Возлюбленная Лучиэнь...

Пусть землю поглощает мгла
И мир стремится к бездне зла,
Грозящей гибелью времен —
Он для благого сотворен!
Блажен тот мир, где хоть на миг
Тинувизель явила лик...[\[2\]](#)

Далеко разносилась его песня. Берен не думал о том, чьи уши услышат его; теперь ему было все равно.

Но сердце Лучиэнь уловило голос любимого; запела она в ответ, а потом подозвала Гана. Пес молча подставил спину и вот уже неслись они вперед по свежим следам Берена. Дорога не мешала Гану думать, как помочь этим двоим, ставшим для него дорожке жизни, как избежать опасностей безумной затеи. И кажется, он придумал. Возле бывшего Сауронова острова Ган свернул с дороги, а когда снова выскочил на нее, вид его неузнаваемо преобразился. Теперь он принял облик Драуглина, Сауронова прихвостня, а на плечи Лучиэнь была наброшена шкура жуткой твари — летучей мыши-вампира Турингвэтиль, до недавнего времени служившей Саурону почтовым голубем для связи с Ангбандом. Ее огромные перепончатые крылья оканчивались железными когтями, отточенными и длинными, как ятаганы. Неудивительно, что, когда невиданная всадница на столь же невиданном коне вылетела на равнину Таур-ну-Фуин, все живое в ужасе разбежалось и попряталось.

Даже Берен вздрогнул при виде несущихся к нему чудовищ. Ведь он слышал голос Лучиэни, а теперь, вместо нее, увидел кошмарное создание. Он совсем уже решил, что это — ловушка, но тут шкура отлетела в сторону и Лучиэнь упала к нему в объятия, а верный Ган дружески толкнул головой в грудь. Конечно, в первую минуту воин был счастлив, но потом снова попробовал отговорить Лучиэнь от опасного похода.

— Будь трижды проклято мое дурацкое обещание! — в сердцах воскликнул он. — Уж лучше бы Тингол убил меня в Менегроте, чем теперь рисковать твоей жизнью под тенью Моргота.

И тогда второй раз в жизни заговорил Ган и сказал Берену:

— Больше ты не властен отворотить от Лучиэнь тень смерти. Своей великой любовью стала она под ее стрелы. Конечно, ты можешь отказаться от своей судьбы, и Лучиэнь уйдет с тобой в изгнание. Но мира на этом пути вам не сыскать до конца дней своих. Если же ты примешь назначенное один, твоя возлюбленная умрет от горя. Только вместе способны вы бросить вызов Судьбе — и пусть этот путь не кажется тебе таким уж безнадежным. Больше мне нечего сказать, и идти дальше с вами я не могу. Но сердце подсказывает — я еще увижу вашу находку и, может статься, дорогам нашим суждено сойтись в Дориате раньше, чем настанет конец. Дальнейшее темно для меня.

Берен понял, что неразделимы их с Лучиэнь судьбы, и больше не пытался отговорить ее следовать за

собой.

По совету Гана надел Берен на себя шкуру Драуглина, а Лучиэнь снова облачилась в шкуру Турингвэтиль. Теперь воина нельзя было отличить от здорового волка-оборотня; только дух, горевши в глазах, неукротимый, но ясный, выдавал его. Правда, когда он взглянул на Лучиэнь, во взгляде его ясно промелькнул ужас — так совершенно было превращение.

Здрав голову, взвыл на Луну огромный волчище и ринулся вниз с холма; редко взмахивая крыльями, закружилась над ним жуткая летучая мышь.

Через многие опасности пришлось пройти нашим героям, прежде чем, покрытые пылью дорог, достигли они долины, лежащей перед Вратами Ангбанда. По обе стороны дороги все чаще зияли провалы, оттуда змеился едкий дым. Тут и там торчали высокие утесы с зазубренными вершинами. На них сидели грифы-могильщики и орали резкими, зловещими голосами. Дорога ныряла под темную арку Ворот в тысячефутовой скальной стене.

И тут Берен и Лучиэнь остановились как вкопанные, ибо Врата охранялись. О таком страже в Среднеземье еще не слыхали.

Когда до Моргота стали доходить вести, что по лесам и долинам разносится лай Гана, огромного боевого пса, отпущенного Валарами на волю, Темный Властелин вспомнил древнее пророчество. Тогда выбрал он из породы Драуглина волчонка и сам вскормил его живым мясом, наделил частью своей силы. Очень скоро волчонок вырос в громадного зверя; он уже не помещался ни в одной пещере и, вечно голодный, проводил время у ног Моргота. Хозяин вселил в него адский, неукротимый дух и отправил стеречь Врата Ангбанда. Предания тех дней называли его Анфауглир — Лютый Зверь. Сам Моргот дал ему имя — Каргарот (от «исчадие зла»).

Его-то ж увидели наши путники. Каргарот заметил их еще раньше и теперь пребывал в сомнении. В Ангбанде давно прослышали о смерти Драуглина, значит, тут на дороге стоит либо его призрак, либо... Нет, большой сообразительностью Каргарот не отличался, поэтому просто преградил дорогу пришельцам. В этот миг сила древней могучей расы пробудилась в Лучиэнь. Отбросив шкуру летучей мыши, она предстала перед огромным зверем, маленькая, но сияющая и грозная в своей решимости. Воздев руку, она повелительно произнесла:

— В темное забвение повергаю тебя. Забудь о бремени жизни! Спи!

И Каргарот рухнул, словно пораженный молнией.

Берен и Лучиэнь вошли в ворота и долго спускались в подземелье. Они совершили величайший подвиг, равного которому не знали ни люди, ни эльфы. Добравшись до самого нижнего зала, пройдя через завесу ужаса, они оказались перед тронном Моргота, где по стенам, увешанным орудиями пыток, перебежали багровые сполохи. Берен по-волчьи скользнул вдоль стены и затаился под тронном. К счастью, Моргот не заметил его, ибо смотрел на Лучиэнь. Под взглядом Врага обманчивый облик мыши исчез, но принцесса бестрепетно вынесла страшный взор, назвала себя и, словно бродячий менестрель, предложила спеть перед хозяином. В черной душе Моргота заворочался замысел, самый гнусный с тех пор, как покинул он Благословенный Край. Отдавшись сладострастным видениям, он на миг выпустил девушку из вида. Неуловимым движением она переместилась в тень и запела. Столько несказанного очарования, столько слепящей силы было в звуках этой дивной песни, что Моргот невольно вслушался и тут же глаза его застлала пелена, а взор напрасно блуждал по залу, силясь отыскать светлую фигурку.

Весь Ангбанд неудержимо клонило ко сну. Огни факелов приугасли, но зато вспыхнули белым пламенем Сильмариллы в Короне Моргота. Казалось, все тяготы, страхи и страсти мира вобрали в себя дивные Камни. Их неимоверная тяжесть стала медленно пригибать голову Темного Владыки, и не было у него сил противиться этому. А тут еще Лучиэнь, снова принявшая облик летучей мыши, прыгнула вверх, незримая во мраке, клубившемся под потолком, и оттуда голос ее пролился каплями дождя, падающего на водную гладь. Монотонным и усыпляющим оказался этот звук; и тогда взмахнула Лучиэнь волшебным плащом перед глазами Врага, и канул он в забытие, подобное Довременному Ничему, где странствовал когда-то в одиночестве Мелькор. Словно великий горный обвал, рухнул Черный Властелин со своего трона, побежденный чарами, и застыл, распростертый на дне своего ада. Железная Корона с дребезжанием

скатилась с его головы. И настала тишина.

Берен тоже лежал возле трона в оцепенении, но Лучиэнь коснулась его, и он вскочил на ноги, сбросив волчий облик. Выхватив Ангрист, он быстро освободил из железных когтей Короны Сильмарилл. Когда он сжал в ладони дивный Камень, рука его стала подобной небывалому светочу, но — чудо! — Камень не обжег смельчака. И Берен тут же подумал: а что мешает ему вынести из Ангбанда все три Камня Феанора? Но, видно, судьба Камней была иная. Кинжал в руках Берена сорвался с зубца Короны, скользнул вниз и задел щеку Моргота.

Это так напугало наших храбрецов, что они бросились бежать, не помышляя ни о чем другом, кроме как выбраться наружу и еще раз увидеть белый свет. Однако их никто не преследовал. Ангбанд спал. Но путь на свободу был закрыт. Каргарот давно очнулся и в ярости поджидал их на пороге.

Лучиэнь слишком устала, у нее уже не было сил унять чудовище, бросившееся к ним. Тогда Берен шагнул вперед и высоко поднял Сильмарилл. Каргарот, присев на лапах от неожиданности, остановился.

— Убирайся прочь! — крикнул Верен. — Этот огонь испепелит тебя! — И поднес Сильмарилл к самым глазам волка.

Но, вопреки ожиданиям, Каргарот вовсе не был ни испуган, ни очарован. Разинув пасть, он щелкнул зубами и откусил кисть воина вместе с Камнем. В тот же миг нестерпимое пламя вспыхнуло у него в утробе. Дикая боль затмила и без того невеликий разум, и он помчался гигантскими прыжками прочь, не разбирая дороги. От неслыханного воя дрожали и звенели скалы, живые твари в ужасе разбежались, потому что взбесившийся волк все сметал на своем пути. Как демон разрушения вырвался он с севера и ураганом пронесся по Белерианду. Скрытая в нем сила Чудесного Камня делала Каргарота самым ужасным бедствием, когда-либо падавшим на эти земли.

Берен же лежал у ворот Ангбанда, и смерть приближалась к нему, потому что волчьи зубы были ядовиты. Лучиэнь отсосала яд и, собрав последние силы, остановила кровь и заговорила рану. Тем временем в недрах Ангбанда нарастал ропот. Пробуждались рати Моргота.

Казалось, отчаянное предприятие окончилось полным крахом. Но над ущельем уже плыли в воздухе три величественные птицы. Всем живым существам известно было дерзкое намерение Берена, да и Ган многих просил следить за воином и его подругой и помочь им, если будет нужда. Высоко в поднебесье, невидимые с земли, давно парили над царством Моргота Орлы Торондора. Последний эпизод Великого Приключения разыгрался у них на глазах, и, когда безумный волк умчался прочь, они мгновенно спустились вниз и, подхватив Берена и Лучиэнь, взмыли ввысь. И вовремя.

Могучий гром прокатился под землей. Горы содрогнулись. Из жерла Тангородрима вырвалось багровое пламя; раскаленные обломки начали рушиться на равнину. В испуге вздрогнули Нолдоры в Хитлуме. А Торондор летел над облаками, и уже остались позади Дор-ну-Фауглиф, и Таур-ну-Фуин, и теперь под ними проплывала долина Тумладена. Здесь не было ни дыма, ни облачка. Далеко внизу Лучиэнь увидела волшебное зеленоватое сияние Гондолина. Смотреть ей мешали слезы. Она очень боялась, что Берен умрет, — за всю дорогу он не произнес ни слова и безвольно висел в могучих лапах, смежив веки.

Наконец Орлы опустили их на землю у границ Дориата, на краю той самой поляны, откуда начал путь Берен, покинув спящую Лучиэнь. Птицы взмыли в воздух и унеслись к заоблачным кручам Криссаэгрима, а Лучиэнь немного успокоилась, потому что примчался радостный Ган, и они вдвоем, как уже было когда-то, начали выхаживать Берена. Но нынешняя рана была куда страшнее той, нанесенной стрелой Карафина. Долго пробыл Берен в беспмятстве, дух его блуждал у рубежей смерти, но даже в забытии терзала его лютая боль. Лучиэнь уже потеряла надежду вернуть любимого к жизни, когда он неожиданно открыл глаза, увидел молодую листву над головой, услышал тихое, нежное пение Лучиэнь и успокоенно вздохнул. Была весна.

С тех пор Берена стали звать Эргамион — Однорукий. Следы перенесенного страдания навсегда запечатлелись на его лице. Но любовь Лучиэнь снова подняла его на ноги, и снова бродили они рука об руку по лесам, звеневшим птичьими голосами, задержавшись надолго в этих местах, потому что Лучиэнь совсем не хотела возвращаться, предпочитая жизнь в скитаниях родному дому и блеску эльфийской

принцессы. Берен на время успокоился, но обещание вернуться в Менегрот занозой засело у него в душе. К тому же он не хотел навсегда лишать Короля и Королеву дочери. По людским законам с волей отца нельзя было не считаться, разве что в исключительных случаях. Еще смущало Берена, что его прекрасная Лучиэнь вынуждена жить в лесах, словно какой-нибудь охотник, лишенная почестей, одежд и украшений, подходящих эльфийской принцессе. Мысли эти не давали ему покоя, и спустя некоторое время он все-таки увел Лучиэнь в Дориат. Видно, такова уж была воля судьбы.

Когда Лучиэнь исчезла из своей древесной тюрьмы, в Дориате надолго воцарилось уныние. Ее искали, но безуспешно. Даэрон, менестрель Тингола, ушел из страны и никто больше не видел его. До прихода Берена он часто сочинял музыку для Лучиэнь, вкладывая в нее всю свою любовь. Его считали величайшим эльфийским менестрелем и часто ставили даже выше Мэглора, сына Феанора. В поисках Лучиэнь Даэрон исходил много дорог, перебрался через горы и, скитаясь по Восточному Среднеземью, долго сочинял элегию о прекраснейшей на свете эльфийской деве.

Примерно в это время Тингол, уставший от неизвестности, пришел к Мелиан, прося помочь в поисках дочери. Но Мелиан сказала: «Ты пробудил могущественные силы. Теперь можно только ждать, пока не исполнятся сужденные сроки».

Однако скоро к Королю прибыл гонец от Келегорма. Тингол узнал о странствиях дочери вдали от дома, о гибели Фелагунда и Берена, узнал и о том, что сейчас Лучиэнь в Нарготронде и Келегорм хочет взять ее в жены. Разгневался Тингол и даже хотел пойти войной на Нарготронд, но вот уже новые вести: Лучиэнь нет в Нарготронде, а сыновья Феанора изгнаны. Призадумался Король. Вряд ли смог бы он воевать против всего Дома Феанора. Пока же отправил он гонцов в Химринг и потребовал помочь отыскать дочь, обвиняя Келегорма в том, что он не отправил Лучиэнь домой сразу и не сберег ее. Гонцы выехали, но уже возле северных границ королевства подверглись неожиданному нападению обезумевшего Каргарота. Не помня себя от пожиравшей его изнутри боли, он смерчем пронесся через Таур-ну-Фуин и спустился к истокам Эсгалдуина. Пояс Мелиан не остановил его, а рок и сила Камня все гнали и гнали вперед. Словно огненный вихрь, ворвался он в неприкосновенные дотолы леса Дориата, и все живое бежало от него, как от огня.

Только Маблунг, военачальник Дориата, сумел спастись и сообщить Королю ужасные новости. И вот, когда весь Дориат был охвачен беспокойством, с запада вернулись Берен и Лучиэнь. Весть об этом далеко опередила их, входя радостной музыкой в темные дома, где поселились скорбь и страх. Когда подошли они к воротам Менегрота, огромная толпа следовала за ними. Берен спокойно вошел во дворец и подвел Лучиэнь к трону Тингола. Король растерянно смотрел на него, ибо давно считал мертвым; впрочем, вспомнив, сколько горестей и бед принес в Дориат этот Смертный, он нахмурился и вот уже снова гневно глядел на похитителя любимой дочери. Берен, не смутясь, преклонил перед троном колени и звучно сказал:

— Я вернулся и теперь требую то, что принадлежит мне по праву.

— А как же твое обещание? — воскликнул Король.

— Оно выполнено, — ответил Берен. — Даже сейчас Сильмарилл у меня в руке.

— Так покажи его мне! — дрогнувшим голом произнес Тингол.

Медленно вытянул Берен левую руку и разжал пальцы. Ладонь была пуста. Тогда протянул он правую руку...

Ужаснулся Король, видя недавнюю еще страшную рану вместо кисти руки. Гнев его утих. Он пригласил Берена и Лучиэнь сесть, и они рассказали ему историю своих невероятных странствий. В немом изумлении слушали ее собравшиеся в зале дворца. Наконец-то начал понимать Король Тингол, что не простой Смертный перед ним, а один из величайших героев Арды, и еще понял, что никакая сила в мире не помешает этой невиданной Любви, в которой ясно различим промысел Единого. Не стал он искушать судьбу и упорствовать, и Берен получил руку Лучиэнь перед троном Короля Дориата.

Но радость от помолвки была омрачена бесчинствами Каргарота. Когда народ узнал причину его бешенства, он испугался еще сильнее, справедливо полагая, что силу Великого Камня не укротить ничем. Рассказы о Безумном Волке напомнили Берену, что клятва не исполнена до конца. Неумолимый рок гнал

волка к Менегроту, и Берен начал готовиться к великой охоте.

Не было еще под небом охоты более опасной. Предание называет тех, кто принял в ней участие: Ган — Великий Пес из Валинора; Маблунг Тяжелая Рука, Берен Эргамион и Тингол, Король Дориата. Они выступили рано утром, и на этот раз Лучиэнь осталась ждать их у ворот Менегрота. Когда охотники перешли Эсгалдуин, почувствовала она свинцовую тяжесть на сердце, а солнце будто почернело в небе.

Охотники повернули на северо-восток, и там, где Эсгалдуин обрушивал свои воды в глубокое ущелье, настигли Каргарота. Волк лакал воду, стремясь хоть ненадолго притушить палящий огонь внутри, и при этом выл не переставая. Вой предупредил охотников, и они двинулись дальше со всей осторожностью. Однако волк все-таки заметил их первым. Может быть, холодные воды Эсгалдуина на миг принесли ему облегчение, а может, опасность пробудила в нем былую хитрость, но только зверь мгновенно метнулся в чащу и залег в густом кустарнике, покрывавшем склоны ущелья. Напрасно рисковать не было нужды, поэтому охотники окружили заросли и стали ждать, готовые к любым неожиданностям. Тени в ущелье постепенно удлинялись.

Берен стоял неподалеку от Тингола. Посмотрев в другую сторону, он встревожился, обнаружив исчезновение Гана. Вдруг громовой лай раскатился над зарослями. Ган не вытерпел и отправился вперед, рассчитывая поднять волка и выгнать на чистое место. Однако Каргарот не принял боя, а внезапно выскочив из кустов с другой стороны, бросился прямо на Тингола. Но Берен с копьем в руке преградил ему дорогу. Каргарот сбил его с ног и ударил клыками в грудь; в тот же миг Ган огромным прыжком вылетел из зарослей и обрушился всей тяжестью на спину волка. Оба покатались по камням, и началась великая битва. В яростном лае и рычании Гана слышались отзвуки рога Оромэ и гневные голоса Валаров, а в жутком вое Каргарота — ненависть и злоба Моргота. От бешенства чудовищной схватки рушились скалы и сходили камнепады, заглушая грохот порогов Эсгалдуина. Они бились насмерть. Но Король Тингол даже не смотрел на этот небывалый поединок. Он опустил на колени подле Берена, лежащего на земле с рваной раной в груди.

Ган одолел Каргарота. Но здесь, в торжественно шумящих лесах Дориата, пробил час и его судьбы. Свершилось предначертанное. Множество ран получил в поединке отважный пес, и яд Моргота проникал все глубже и глубже в его жилы. Ган с трудом подошел к распростертому Берену и упал рядом с ним на землю. В третий и последний раз в своей жизни заговорил пес, прощаясь с воином. Берен не смог даже ответить, лишь молча положил руку на голову Гана. Так расстались они, и теперь, увы, навеки.

Маблунг и Белег, прибежавшие на шум схватки, стояли, уронив оружие, и плакали. Потом Маблунг ножом вспорол брюхо волка и все увидели выжженные, почерневшие внутренности, среди которых правая рука Берена все еще сжимала Дивный Камень. И — странно, среди обугленных тканей она осталась совершенно нетронутой. Но стоило Маблунгу потянуться к ней — и она исчезла, а Сильмарилл засиял так ярко, что свет его мгновенно разогнал сгущавшиеся сумерки. Со страхом коснулся Маблунг Камня, взял его и вложил в левую руку Берена. От этого прикосновения привстал Берен, поднял над головой Чудесный Светоч, потом протянул его Тинголу, говоря: «Вот, исполнено теперь мое обещание, и долг мой избыт, и судьба завершена». После этого он замолчал и уже не говорил больше.

Назад Берена, сына Барахира, несли на носилках вместе с телом Гана. Только поздно ночью вернулись они в Менегрот. У подножия Хирилорна встретила печальную процессию Лучиэнь. В свете факелов обняла она и поцеловала недвижимого Берена, прося подождать ее за Морем. Он услышал, успел взглянуть в глаза любимой, и дух его отошел. А для Лучиэнь Тинувиэль погасли ясные звезды в небе, и мрак лег ей на сердце.

Так завершилась история возвращения Сильмарилла. Но древняя баллада на этом не кончается.

Дух Берена, послушный просьбе возлюбленной, не покидал Чертогов Мандоса, ожидая обещанного последнего прощания на мгlistых побережьях Заокраинного Моря. Отсюда души умерших Адамов отправляются в путь без возврата. И вот там, в далеком Среднеземье, душа Лучиэнь Тинувиэль ушла на Запад, а тело, как подрезанный колос, опустилось на землю и покоилось, нетленное, в зеленой траве.

Словно снег убелил голову Короля Тингола, и, как будто на лице смертного, означились в его чертах долгие прожитые годы. А Лучиэнь уже шла по залам чертогов Владыки Мандоса, где отведено место Эльдалиэ, в западных покоях, за рубежами мира. Там ждут они продолжения своих судеб, погруженные в

молчание, под сенью собственных мыслей. Лучиэнь, красотой и здесь превосходившая всех, в скорби большей, нежели их печали, прошла по залам, преклонила колени перед тронном Мандоса и запела.

О, что за песню она пела! Никогда доселе слова ни одной песни не были столь прекрасны, и никогда от сотворения мира не звучали они столь скорбно. Так поют эту песню теперь в Валиноре, и Валары с неизменной грустью внимают ей. Две темы сплелись в песни Лучиэнь, как неразрывно слиты они и в жизни: печальная судьба Эльдаров и скорбный удел Людей, двух Народов, посланных Илуватаром обживать Арду, прекрасное Земное Королевство, затерянное среди бесчисленных звезд. Пела Лучиэнь и плакала; слезы, как теплый дождь, орошали ноги Мандоса, и Великий Валар впервые от века был растроган.

Мандос призвал Берена, и, как обещала Лучиэнь, они снова встретились здесь, за Западным Морем. Но Владыка Мандос не властен был ни изменить сроки ожидания для душ умерших Аданов, ни предначертания судеб Детей Эру. Тогда отправился он к Владыке Манвэ, Повелителю Валаров, правящему миром по воле Илуватара. Манвэ выслушал брата-Валара и глубоко задумался, открывая свои мысли взору Единого.

Вот какой выбор предложен был Лучиэнь. За то, что свершила она, за великую ее Любовь и за великую Скорбь, принцесса вольна уйти из Чертогов Мандоса и жить в блаженном Валиноре до скончания мира среди Валаров, забыть все печали, выпавшие ей в жизни. Но Берену этот путь закрыт. Никто не вправе лишить его Дара Илуватара людям — смерти. Был и другой выбор. Оба они могут вернуться в Среднеземье и жить там, но в этом случае Лучиэнь должна будет избрать удел Смертных, так что недолгим станет для них обоих это второе воплощение, а затем ей придется навсегда покинуть Землю, и память о ее красоте, ее любви и подвигах останется лишь в песнях.

Не раздумывая, выбрала Лучиэнь именно эту судьбу: покинуть Благословенный Край, утратить узы родства с его обитателями и взамен принять неизвестность и опасности новой жизни, но только вдвоем с любимым, живя одной с ним судьбой, которая рано или поздно уведет их обоих за грань мира.

Так случилось, что Лучиэнь, единственная из рода Эльдалиэ, действительно умерла, когда пришел срок, и давным-давно покинула Землю. Но своим выбором она положила начало великому единению двух народов. Союз этот дал жизнь многим, в ком видели Эльдары и видят доныне знакомые черты прекрасной, любящей и любимой Лучиэнь Тинувиэль, утраченной ими навеки.

Глава 20

ПЯТАЯ БИТВА

Как говорят старые предания, Берен и Лучиэнь вернулись в Среднеземье и стали жить, как живые среди живых, в Дориате. Везде встречали их с радостью и благоговейным страхом. Лучиэнь пришла в Менегрот, и прикосновение ее рук прогнало зиму, убелившую чело Тингола. Мелиан долго глядела в глаза дочери, а потом отвернулась. Ей открылась вечная разлука за концом Мира, поэтому горькой печалью наполнилось сердце Майа Мелиан в этот час. Вскоре Берен и Лучиэнь покинули Дориат. Их не пугали лишения и трудности; переправившись через Гелион, они обосновались в Оссирианде, на зеленом острове Тол Гален посреди Адаранта, и вскоре от них перестали приходить какие-либо вести. Позже Эльдары назовут эту страну Краем Победивших Смерть. Именно здесь предстояло родиться их сыну Диору. В истории он останется под именем Диор Элучил, Наследник Тингола. Ни один Смертный никогда больше не говорил ни с Береном, ни с Лучиэнь. Никому не привелось видеть, как покинули они этот мир, и никто не ведает, где упокоились их тела.

Около этого времени сын Феанора Маэдрос воспрял духом. По всему Белерианду пелись песни, прославляющие подвиги Берена и Лучиэнь; из них следовало, что Моргот не так уж непобедим и всесилен. Конечно, соображал Маэдрос, Враг может уничтожить эльфийские королевства одно за другим, но если объединиться, создать новый союз, созвать всеобщий совет... то, кто знает? И Маэдрос с присущей ему энергией принялся за дело. Плоды его трудов эльфы называли Союзом Маэдроса.

Но зло, принесенное в мир клятвой Феанора, преуменьшило результаты его стараний. Ородреф, к примеру, и слушать не хотел никого из сыновей Феанора. Конечно, виной тому были злые дела Карафина и Келегорма.

Эльфы Нарготронда по-прежнему уповали на скрытое положение своего королевства и не беспокоились о будущем. Только небольшая дружина под командой Гвиндора, сына Гейлина, пришла оттуда на Северную войну. Гвиндор ушел против воли Ородрефа, ибо сильно горевал о пропавшем без вести в Огненной Битве брате Гелмире. Дружина шла под знаменами Фингона, и знаки Дома Финголфина украшали щиты и хоругви. Назад вернулся только один из них, но об этом речь впереди.

Дориат тоже не спешил откликнуться на призывы Маэдроса. Связанные клятвой, сыновья Феанора не раз посылали гонцов к Королю Тинголу, угрожая чуть ли не войной, если он не отдаст Сильмарилл, Мелиан советовала супругу отказаться от Камня, но уж слишком надменно и грубо вели себя братья. Король Тингол преисполнялся гневом, вспоминая, каких невероятных мук и лишений стоил Камень Берену и Лучиэнь, даже если не считать злых козней Карафина и Келегорма. Каждым день Король смотрел на Сильмарилл к скоро заметил, что совершенно не может без этого обходиться — такова была притягательная сила Камня. Гонцов он отослал, и ответ его братьям мало отличался по тону от их собственных к нему посланий. Маэдрос сдержался — он уже с головой ушел в создание нового союза; Зато Карафин с Келегормом сдерживаться не желали и не раз клялись забрать Камень силой, даже если для этого придется переступить через труп Тингола. До Короля дошли их угрозы и он, не мешкая, принялся укреплять границы Дориата. Излишне говорить, что ни сам Тингол, ни кто-либо другой не выступили из Зачарованного Королевства на войну, исключая Маблунга и Белега, прирожденных воинов, без которых не обходилось ни одно сражение. Тингол разрешил им уйти, взяв с них обещание не служить под знаменами Дома Феанора. Воины присоединились к войску Фингона.

Зато гномы оказали Маэдросу весьма ощутимую помощь и живой силой, и оружием. Кузнецы Белегоста и Ногрода в эти дни не сидели без дела. Пришло время — и на призыв Маэдроса собрались братья со своими дружинами. К ним присоединились Бор и Улфанг, они привели с востока многочисленные рати людей. На западе готовился поддержать Маэдроса всегда расположенный к нему Фингон, а в Хитлуме вместе с Нолдорами собирались на войну люди из Дома Хадора. В Бретильском Лесу точил топоры Халмир, правитель Народа Халефь. Но самому Халмиру не довелось выйти на поле боя — он не дожил до начала войны, и правление перешло в руки его сына Халдира. В Гондолине тоже знали о предстоящей битве.

К сожалению, Маэдрос не скрывал своих намерений, предпочитая действовать в открытую. Хотя к этому времени орков выбили не только из северных областей Белерианда, но даже Дортонион на какое-то время стал свободным, Моргот узнал о готовящейся войне и предпринял ответные шаги. Он наводнил земли, подвластные Нолдорам, шпионами и предателями. Братья не догадывались, что среди их союзников полно людей, покорных Темному Владыке.

Наконец, собрав все силы эльфов, людей и гномов, какие только мог, Маэдрос решил скрытно обойти Ангбанд с востока и с запада, а сам, не таясь, с развернутыми знаменами, начал наступление через Анфауглиф. По его замыслу такой парад мог выманить основные силы Моргота, а Фингону предстояло пройти горными перевалами, взять Врага в клещи и уничтожить по частям. Сигналом для его выступления должен был стать большой костер в Дортонионе.

В середине лета, в назначенный день, приветствуя восход солнца, запели трубы Эльдаров. На восточном фланге поднялись стяги сыновей Феанора, на западном качались знамена Великого Князя Нолдоров Фингона. С высоких крепостных стен Эйтель Сирион окинул Фингон взглядом леса и долины к востоку от Эред Ветрин. Войско его было надежно укрыто от глаз Врага, и никто, кроме самого Государя, не представлял, насколько оно велико. В него входили Нолдоры Хитлума, эльфы Фаласа, дружина Гвиндора из Нарготронда и несметное людское воинство: силы Дор Ломит, рати Хурина и Хуора; накануне к ним присоединилось множество воинов из Бретиля под командой Халдира.

Фингон обратил взор к Тангородриму: его окутывала черная туча. Враг принял вызов. Тень сомнения закралась в душу Короля Фингона. Зоркие глаза эльфа вглядывались в туманную даль на востоке, но не видели и признака пыли, которую неизбежно должны были поднять рати Маэдроса. Государь Фингон не мог знать, что выступление союзных войск сорвано предательством Улдора Проклятого, сбившего Маэдроса известием о выдуманной атаке со стороны Ангбанда.

В этот момент с юга донесся гул множества голосов, в котором слились восторг и удивление. Это, незванный и нежданный, пришел из Гондолина Тургон и с ним десять тысяч воинов в сверкающих кольчугах, с длинными мечами и тяжелыми копьями. Стоило Фингону услышать могучий рог брата, как всякие сомнения покинули его и он громко воскликнул:

— Атулиен ауре! Айя Эльдалие ар Атани — тари атулиен ауре! День пришел! Вперед, народ Эльдаров и Отцы Людей, день настал!

Этот громкий клич многократно повторили скалы, а вслед за эхом пришел ответ Тургона:

— Аута и ломе! Ночь прошла!

Моргот был прекрасно осведомлен обо всех замыслах своих врагов. Поручив подручным задержать выступление Маэдроса, чтобы не допустить объединения двух армий, он бросил против Финголкина силы, казавшиеся огромными, а на самом деле составлявшие лишь часть его войска. Теперь они, одетые в серо-коричневые плащи, ни разу не блеснув на солнце сталью, уже приближались к Хитлуму, скрытно преодолев пески Анфауглифа.

Как только их появление было обнаружено, в сердцах Нолдоров вспыхнуло боевое пламя. Они приготовились ударить на Врага, но вняли отчаянным предостережениям Хурина. Опытный воин призывал помнить о том, что силы Моргота всегда оказывались больше, чем представлялось вначале, а намерения, ясные поначалу, потом оказывались совсем иными. Сигнала от Маэдроса все не было, войска рвались в бой, но Хурин заклинал подождать еще и дать оркам хотя бы подойти к холмам, где им волей-неволей придется нарушить боевой порядок.

Предводитель орков получил приказ во что бы то ни стало втянуть Фингона в бой. Авангард орочьих войск подошел к берегу Сириона и растянулся вдоль реки, заняв все пространство от крепости до Топей Сереха. Теперь бойцы Фингона могли различить выражение глаз противника. Орки шли вызывающе, громко орали, выкрикивали насмешки и издевательства, свистели, но подойдя ближе, сбились с шага, крики стали звучать менее уверенно, потом растерянно и наконец смолкли совсем. Перед ними стояла безмолвная грозная стена эльфов, и в молчании окрестных холмов тоже чувствовалась немая угроза. Вожак орков выслал парламентаров. Они долго гарцевали перед внешними укреплениями, а потом вытолкнули вперед захваченного в плен еще в Огненной Битве Гелмира, сына Гейлина, — он командовал

тогда одной из дружин Нарготронда. Эльфы с содроганием увидели на месте глаз воина две страшные раны. Он был ослеплен.

— Вот! Посмотрите на него! — надсаживаясь, словно издали, заорал вражий вожак. — У нас дома полно таких! Если хотите повидаться с ними, придется поспешить, а то, вернувшись, мы с ними вот что сделаем! — С этими словами орки вмиг схватили Гелмира и отрубили ему руки, ноги, а потом и голову, а труп бросили посреди предмостного укрепления. Все это произошло на глазах тысяч потрясенных бойцов.

По несчастью здесь же находился брат Гелмира, Гвиндор. Обезумев от гнева, воин вскочил на коня и бросился на послов, увлекая за собой много других горячих голов. Изрубив парламентаров, они с разгона влетели в гущу основных сил врага. Теперь уже ничто не могло удержать Нолдоров. Видя это, Фингон надел на голову белый шлем и взмахнул рукой. Высоко и чисто запели трубы, и войско Хитлума лавиной хлынуло с холма. Словно огонь, охватывающий сухой тростник, вспыхнули на солнце светлые мечи эльфов. Атака получилась столь стремительной и яростной, что едва не расстроила все планы Моргота. Он еще только собирался бросить в бой запланированные резервы, как помогать было уже некому, а знамена передового отряда Фингона заплескались на ветру перед воротами Ангбанда. В первых рядах авангарда неумоимо рубились Гвиндор и эльфы Нарготронда. Ворота были взяты с ходу, охрана полегла до единого, и теперь бой кипел уже на ступенях Ангбанда. Морготу на его глубинном троне пришлось пережить очень неприятные минуты, когда сверху стали доноситься тяжелые удары по дверям, ведущим в подземные галереи. Но смельчаки поплатились за свое безрассудство. Из подземелий хлынула лавина орков (это и были основные силы, ожидавшие приказа), и нападавшие пали, а Гвиндора схватили живым. Фингон ничем не смог им помочь. Неся жестокие потери, он поспешно отошел от стен Ангбанда.

И вот на равнинах Анфауглифа закипела битва, получившая позже название Нирнаэт Арноэдиад, Море Слез, потому что ни предания, ни песни не способны описать всю скорбь тех дней. Войско Фингона отступало через пустыню. Пал один из командиров арьергарда — Халдир, правитель Халадинов, огромные потери несли молчаливые воины из Бретиля — многим из них не довелось вернуться в родные леса. На пятый день битвы орки окружили войска Хитлума, и бой продолжался под звездами, но кольцо окружения прорвать не удалось. Только утро принесло надежду. Она пришла вместе со звуками труб Тургона, спешившего на выручку брату. Воины Гондолина охраняли Ущелье Сириона и теперь шли в бой со свежими силами.

Словно река из стали, сверкающая на солнце, передовая фаланга Тургона прошла сквозь рати орков, и братья-Короли встретились посреди битвы. Радостной была их встреча. В сердцах эльфов с новой силой вспыхнул боевой пыл. А в третьем часу утра с востока запели трубы, — это приближалось долгожданное войско Маэдроза. Показались знамена сыновей Феанора, ударивших на врага с тыла. Многие говорили потом, что в этот день Эльдары могли победить, если бы не предательство в их рядах. Орки дрогнули, а некоторые стали поворачивать, готовые бежать с поля боя. Когда Маэдроз ввел в бой передовые отряды, Моргот бросил в сражение последние резервы, но резервы эти были огромны. Там шли волки-оборотни, и волчья конница орков, и Барлоги, и драконы, которых вел Глаурунг. Ангбанд опустел. Великий Змей вклинился между войсками Маэдроза и Фингона, сея по сторонам гибель и разрушения. Но ни волки, ни Барлога, ни драконы не принесли бы Морготу желанной победы, если бы не предательство людей. Вастаки ушли с поля боя, а сыновья Улфанга переметнулись к Морготу и вероломно ударили в тыл наступавшим порядкам Дома Феанора. Им удалось пробиться почти к самому знамени Маэдроза, но до обещанной Врагом награды дело не дошло. Маэдроз могучим ударом меча разрубил надвое зачинщика заговора Улдора, а сыновья Бора, прежде чем пали сами, покончили с Улфастом и Улвартом. Однако коварство Улдора продолжало приносить плоды. Сильный отряд, укрытый им в восточных холмах, ударил во фланг Маэдросу. Теперь уже его войско оказалось атаковано с трех сторон и в конце концов не выстояло и обратилось в бегство. Однако судьба сохранила жизнь сыновьям Феанора. Все они были ранены, но живы. Держась вместе, им удалось собрать вокруг себя остатки Нолдоров и Наугримов и с ними пробиться через море орков. Далеко ушли они, к самой горе Долмед на востоке.

Самыми стойкими бойцами показали себя гномы Белегоста и снискали заслуженную славу. Наугримы привычны к огню, а в бою обычно надевают страшные маски. Они-то и выручили гномов в трудный момент. Когда Глаурунг кинулся на них, они мгновенно перестроились, взяли дракона в кольцо, и даже броня не смогла защитить чудовище от могучих ударов огромных топоров. В ярости заметался дракон и

сбил с ног Азагала, Государя Белегоста. Но и смертельно раненый, отважный гном сумел всадить длинный кинжал в брюхо огнедышащей твари. Рана была столь глубока, что дракон совсем потерял голову от боли и бежал, а за ним бросился весь его гнусный выводок. Подняли гномы своего владыку и, не обращая внимания на врагов, медленно вынесли из боя.

Низкими глубокими голосами пели они погребальную песнь и шли так, что никто не осмелился заступить им дорогу.

Круто пришлось Фингону и Тургону. Они были атакованы более чем втрое превосходящими силами. Здесь бесчинствовал Готмаг, предводитель Барлогов, командующий войсками Ангбанда. Багровым клином врезавшись в ряды эльфов, он оттеснил Тургона и Хурина к Топям Сереха. Затем он бросился на Короля Фингона. Они сошлись в жестоком поединке и бились долго. Под конец рядом с Фингоном не осталось никого. Тут со спины подкрался еще один Барлог и хлестнул Фингона огненной плетью. Пошатнулся Король, и в этот момент его достал удар черного топора Готмага, Белое пламя рванулось к небу от разбитого шлема Фингона. Погиб Великий Король Нолдор. Долго вздымались и опускались булавы Барлогов над его телом. Серебряное с синим знамя Короля нашли втоптанное в грязь, перемешанную с его кровью. Битва была проиграна. Еще сопротивлялись Хурин и Хуор, еще держались из последних сил остатки Дома Хадора и Государь Тургон, не давая врагу захватить Ущелье Сириона. И тогда сказал Хурин Тургону:

— Уходи, повелитель, пока не поздно. Без тебя у эльфов нет надежды. Но куда стоит Гондолин, Морготу не избавиться от страха.

Печально ответил Тургон:

— Теперь недолго стоять Гондолину. Его хранила тайна. Если Враг обнаружит королевство, ему не устоять.

— И все-таки пока он стоит, — воскликнул Хуор, — и, если простоит хотя бы еще немного, оттуда придет надежда и для людей, и для эльфов. Это я тебе говорю, повелитель. Прозрение смерти делает зорким мой взгляд. Мы расстаемся навсегда, и больше мне не увидеть белых стен твоего города, но ты и я, мы зажжем новую звезду в небе Среднеземья. А теперь — прощай!

Рядом с Тургоном стоял его племянник Маэглин. Он внимательно прислушивался к словам Хуора, но ничего не сказал.

Собрав остатки своих войск, призвав воинов Фингона, Тургон отступил к Ущелью Сириона. На флангах его прикрывали Эктелион и Глорфиндейл, а обеспечивали отступление люди Хурина и Хуора. Они давно решили не уходить из родных краев, если не удастся вернуться домой с победой. Ценой своей жизни они искупили предательство Улдора, и этот подвиг стал в веках наиславнейшим деянием Праотцов Человеческих, совершенным ради спасения Эльдаров.

Тургон пробился на юг. Надежно защищенный от преследования Хурином, он спустился по течению Сириона и затерялся в горах, исчезнув из поля зрения Врага.

А братья на поле боя собрали вокруг себя последних воинов из Дома Хадора и медленно, шаг за шагом, отступали, пока не разверзлись позади Топи Сереха. Между ними и врагами бежал быстрый Рингвил, и здесь встали они насмерть, ибо отступить было некуда.

Вся мощь Ангбанда неудержимо накатывалась на последний островок сопротивления. Подобно темному приливу, поднимающемуся вокруг одинокой скалы, клочкотала вокруг горстки храбрецов сила Моргота. Орки завалили поток телами убитых и окружили последний отряд Хитлума. Шестой день длилось сражение. На закате пал Хуор. Отравленная стрела попала ему в глаз. Доблестные воины Хадора полегли вокруг него все до единого. Орки с диким визгом накинлись на их тела, отрубили головы и навалили из них курган. В лучах закатного солнца он отливал золотом от русских волос воинов.

Но битва не кончилась. Неколебимо, как могучий утес, стоял последний воин. То был Хурин. Вот отшвырнул он в сторону изрубленный щит и перехватил боевой топор обеими руками. В песнях поется, что вражья кровь кипела на его раскаленном лезвии. Каждым ударом он валил тролля из рвавшейся к нему охраны Готмага, и вот уже вся она полегла у его ног. И кричал Хурин: «Аурэ энтулува! День придет снова!»

Семьдесят раз прозвучал этот клич, но не принес спасения. Моргот приказал взять его живым. Орки хватали Хурина лапами, а он рубил их, но и отрубленные, они не разжимали пальцев. Наконец набралось их столько, что рухнул воин, почти погребенный под ними. Сам Готмаг связал его и, издеваясь, поволок в Ангбанд.

С заходом солнца кончилась Пятая Битва. Ночь упала на поля Хитлума и принесла на крыльях бурю с Запада.

Велико было торжество Моргота. Оно еще усиливалось тем, что победа добыта была милыми его сердцу кознями. Люди бились против людей и предавали эльфов. Те, кто еще недавно готовился объединяться против Черного Властелина, теперь смотрели друг на друга врагами. Отчуждение легло между эльфами и людьми, и только три Дома Аданов не посрамили себя ничем.

Не стало королевства Фингона. Сыновья Феанора скитались, словно гонимые по ветру листья. Без дружин, не вспоминая о недавнем союзе, поселились они в лесной глуши у подножия Эред Линдон, среди Зеленых Эльфов Оссирианда. Величие, блеск, слава — все было в прошлом.

В Бретильских Лесах еще жил кое-кто из Халадинов. Правил этими немногими сын Халдира, Хандир. А в Хитлум не вернулся никто. Некому даже было привести весть о поражении и об участии князей и правителей. Моргот отправил туда вастаков, бесцеремонно прогнав из Белерианда, ранее обещанного им в награду. Загнав одураченных союзников в Хитлум, он не выпускал их, заставляя грабить и убивать стариков, детей и женщин Народа Хадора. Оставшиеся в живых Эльдары Хитлума трудились в цепях на северных копях. Бежать удалось лишь немногим.

Весь Север был наводнен волками и орками. Они встречались в Белерианде, доходили даже до Ивового Края на юге и до границ Оссирианда. Теперь ни в лесу, ни на равнинах никто не чувствовал себя в безопасности. Правда, Дориат устоял. Нетронутыми остались и подземные залы Нарготронда, но Моргот не обращал на них внимания. То ли он просто не думал о них, то ли не знал, а может, в его планах их время еще не пришло.

Множество беженцев ушли в Гавани. Мощные стены крепостей Кирдэна Корабела приняли всех. Сами мореходы часто ходили вдоль побережья и, высаживая десанты, наносили Врагу чувствительные удары. Но так продолжалось недолго. Поздней осенью огромная армия Моргота, пройдя через Хитлум и Невраст, обрушилась на Фалас и осадила Бритумбар и Эгларест. В войске были умелые землекопы, кузнецы, мастера огненного дела. Установив стенобитные машины, несмотря на ожесточенное сопротивление, они взяли обе крепости. Гавани обратились в руины, башня Барад Нимрас лежала в развалинах, большинство воинов Кирдэна погибло, многие попали в плен. Однако несколько кораблей успели выйти в море. Вместе с ними покинул берег и Эрейнион Гил-Гэлад, сын Фингона, отправленный в Гавани еще после Огненной Битвы. Флот под командованием Кирдэна Корабела взял курс на остров Балар. Благополучно высадившись, беглецы создали здесь убежище для всех, кому удастся вырваться из-под власти Врага. На юге еще держались несколько крепостей в Устье Сириона. Немало быстрых и легких судов укрывалось в плавнях дельты.

Прослышав об этом, Тургон снова снарядил гонцов к Кирдэну. По его просьбе Правитель Побережья построил семь надежных кораблей. Они ушли на Запад, но ни один не прислал хотя бы весточки о себе на остров Балар. Много позже стало известно о судьбе одного из экипажей. Моряки долго и безрезультатно странствовали по морю и наконец в отчаянии повернули назад. Уже в пределах видимости Среднеземья их застиг ужасный шторм. Погибли все. Ульмо смог спасти от гнева Оссэ только одного. Волны выбросили его на берег неподалеку от Невраста. Это был эльф из Гондолина по имени Воронвэ.

Теперь у Моргота дошли руки до Тургона. Мысль о том, что злейший враг сумел ускользнуть, отравляла Морготу радость победы. Тургон принадлежал к Дому Финголфина, и теперь к нему по праву переходил титул Верховного Князя Нолдоров. Моргот ненавидел род Финголфина, во-первых, потому, что им издавна благоволил Ульмо, давний враг Моргота, во-вторых, потому, что раны, нанесенные мечом Финголфина, все еще мучили Моргота. Но особую ненависть питал Враг к Тургону. Родилась она давно, еще в Валиноре. Там Моргот однажды встретился с ним взглядом и ощутил, как омрачился в ту минуту его дух предчувствием грядущей гибели, каким-то образом связанной с Тургоном.

Враг знал о дружбе Хурина с Королем Гондолина и приказал привести воина. Однако, кроме

насмешек и презрения, ничего он от Хурина не добился. Тогда в сердцах проклял Моргот воина, и жену его Морвен, и их потомство, призывая на голову всего рода горе и разорение. По приказу Моргота на вершине угрюмого пика Тангородрима высекли каменное кресло. Нерушимые чары приковали к нему Хурина. Моргот, стоя рядом, снова проклял его и сказал:

— Сиди теперь здесь, упрямый осел, и смотри, как отчаянье и гибель станут уделом всех твоих близких. Ты посмел смеяться надо мной, ты посмел усомниться в моем могуществе, в силе Мелькора, Властителя Судеб Арды! Смотреть тебе отныне моими глазами, слушать моими ушами и не двинуться с этого трона до самого конца!

Так и было. Но никто никогда не слышал, чтобы Хурин просил Моргота о помиловании или о смерти.

По приказу Моргота орки собрали тела всех павших в битве и возвели огромный курган посреди Анфауглифа. Словно гора, возвышался он на равнине. Эльфы называли его Хауд-эн-Нденгин, Холм Павших, или Хауд-эн-Нирнаэт, Гора Слез. Но уже через год страшный холм покрылся зеленой травой — единственное зеленое пятно посреди безрадостной пустыни; ни одна тварь Моргота не осмеливалась ступить по этому ковру, под которым ржавчина медленно разъедала мечи Эльдаров и Аданов.

Глава 21

ТУРИН ТУРАМБАР

Риан, дочь Белегунда, была женой Хуора, сына Галдора. Они поженились всего за два месяца до начала Пятой Битвы. Хуор вместе с Хурином ушел на войну. Риан, так и не дождавшись вестей от мужа, бежала из захваченного края и скиталась в глуши, пока не нашла приют на берегах озера Митрим у Серых Эльфов. Там у нее родился сын Туор. Риан оставила его на попечение эльфам, а сама из последних сил добралась до Горы Слез и умерла там.

Морвен, дочь Барагунда, была женой Хурина, Правителя Дор Ломина. Их сын Турин родился в год встречи Берена и Лучиэнь. Маленькую сестренку Турина, Лалаиф, Смешинку, в трехлетнем возрасте унесло моровое поветрие, насланное из Ангбанда.

После окончания Пятой Битвы Морвен с восьмилетним Турином пришлось остаться в Дор Ломине. Она снова была в тягости.

Злыми помнятся те дни. В Хитлуме хозяйничали вастаки. Они притесняли остатки народа Хадора, грабили, обращали детей в рабство. Но красота и величие поначалу оберегали Морвен и домочадцев от посягательств захватчиков. Да и побаивались ее, считая опасной колдуньей, знавшей с эльфами. На самом-то деле жила она в бедности. Только дальняя родственница Хурина по имени Айрин, наложница вожака вастаков Бродды, изредка тайком помогала ей. Очень боялась Морвен, как бы и Турин не попал в рабство, и потому решила услатить его подальше, в Дориат, к Королю Тинголу; ведь зять Короля, Берен Однорукий, был ее родичем и другом Хурина.

Осенью, в Скорбный Год, Морвен отослала Турина через горы в сопровождении двух старых слуг, наказав им обязательно разыскать дорогу в Зачарованное Королевство. Так в горестную историю эльфов вплелась и судьба Турина и потому дошла до наших дней в «Нарн и Хин Хурин», Предании о Детях Хурина. Это самая длинная из баллад, сохранившаяся от Стародавних Дней. Мы рассказываем ее здесь, потому что и она связана с судьбой Сильмариллов и эльфийского народа. Печальна эта история. В ней слишком много горя и самых черных злодейств Моргота Бауглира.

В начале года у Морвен родилась дочь. Ей дали имя Ниэнор, Грустинка.

К этому времени, преодолев немалые опасности, Турин и его спутники уже подходили к Дориату. Здесь встретил их Белег Тугой Лук, охранявший границы Короля Тингола, и отвел в Менегрот. Тингол, памятуя о заслугах Хурина Стойкого, принял мальчика на воспитание. Давно уже прошло время, когда Король Дориата с пренебрежением относился к людям; теперь он благоволил Домам Друзей Эльфов. Он даже отправил гонцов в Хитлум, приглашая Морвен пожаловать в Дориат, но она не нашла в себе сил покинуть дом, где все напоминало о Хурине, и только передала посланцам Короля ценнейшую из реликвий Дома Хадора — Шлем Дракона Дор Ломина.

Турин рос крепким и красивым мальчиком, только уж очень печальным. Он тосковал по дому. Девять лет прожил он в Дориате, и постепенно время залечило боль разлуки. Иногда гонцы Короля уходили на север и, если случалось, заворачивали в Хитлум. По возвращении они приносили хорошие вести о Морвен и Ниэнор, но однажды не вернулись, и Король отказался посылать других. Турин был уже сильным, рослым юношей. Он понимал: с матерью и сестрой что-то случилось. Не в силах сидеть в безопасном Дориате, Турин предстал перед Королем и просил дать ему меч и кольчугу. Надев Шлем Дракона Дор Ломина, он ушел на границу и там провел три года в непрестанных стычках с орками, сражаясь бок о бок с Белегом и по-настоящему сдружившись с ним. Наконец он вернулся, грязный, заросший, в потрепанной одежде, в доспехах, носивших следы долгих странствий в глуши.

Жил в Дориате эльф из Народа Нандоров по имени Саэрос, занимавший не последнее место на советах Короля. Турина он давно завидовал, потому что приемный сын Тингола пользовался у всех почетом и уважением. И вот, оказавшись за столом напротив Турина, он пренебрежительно бросил:

— Если уж мужи Хитлума столь неотесаны и косматы, каковы же их женщины? Бегают, поди, как олени, по лесам, одетые только в собственные волосы!

Гнев ударил Турина в голову. Схватил он тяжелый кувшин для вина, запустил им в эльфа и ранил его.

На другой день Турина пришла пора возвращаться к Белегу. За воротами Менегрота его поджидал Саэрос с мечом в руке. Турин быстро справился с заносчивым эльфом и, раздев донага, погнался, улюлюкая, по лесу. Саэрос в ужасе мчался от него не разбирая дороги, сорвался с тропы в ущелье и разбился. Произошло это на глазах других воинов. Маблунг, бывший среди них, советовал Турина пойти к Королю, повиниться и ждать его решения, но Турин, и сам не ожидавший такого исхода, решил, что теперь он вне закона, и, не слушая Маблунга, быстро ушел, опасаясь, как бы его не схватили и не отправили в тюрьму. Он скрылся в лесах к западу от Сириона и примкнул к ватаге бродяг, каких немало скиталось тогда в глуши, добывая пропитание грабежом и разбоем. Они не очень-то разбирали, кто попадался им на дороге: орки, люди или эльфы.

Когда Тинголу доложили о случившемся и все обстоятельства были восстановлены, Король здраво рассудил, что дело темное, и простил Турина. Как раз в это время вернулся с северных рубежей Белег Тугой Лук. Король сказал ему:

— Я в печали, друг Белег. Турин был мне все равно что сын. Так оно и будет, если только не вернется из тени его отец. Никто не изгонял Турина, а говорить-то будут именно так. Хорошо бы он вернулся, я ведь воистину люблю его.

— Мне он тоже дорог, — ответил Белег. — Я найду его и приведу в Менегрот.

Белег ушел и по всему Белерианду искал друга или хоть каких-нибудь сведений о нем, но все напрасно.

А Турин жил среди бродяг, сбитых с толку смутным временем, и даже стал их главарем. Он взял себе новое имя и звался теперь Нейфан, Оскорбленный. Его ватага укрывалась в лесных чащобах южнее Тейглина. И вот, спустя год после досадного случая, сделавшего сына Хурина беглецом, Белег отыскал их логово. Турина в это время пришлось отлучиться из лагеря. Разбойники схватили Белега и обошлись с ним не самым вежливым образом, приняв за лазутчика Короля. Вернулся Турин и увидел друга избитым и связанным. Ужаснулся он, и раскаялся во всех злодействах, и зарекся впредь поднимать руку на кого бы то ни было, кроме слуг Врага. Белег не держал на него обиды. Он рассказал Турина о прощении Короля и стал уговаривать вернуться в Дориат и помочь ему на северных границах.

— В последнее время, — говорил он, — орки нашли лазейку через Анах и с ними все больше хлопот.

— Анах? — задумчиво произнес Турин. — Я что-то не помню, где это.

— А мы и не ходили никогда так далеко, — отозвался Белег. — Но ты ведь видел вершины Криссаэгрима. Там к востоку тянется хребет Горгората. Анах между ними, у истоков Миндеба. Раньше путь этот слыл тяжелым и опасным, а сейчас им многие пользуются. Димбар гибнет под Черной Рукой, и в Бретильских Лесах стало беспокойно. Мы нужны там.

Но слишком горд и упрям был Турин. Он отказался принять прощение Тингола, отказался уйти с Белегом. Наоборот, он стал уговаривать друга остаться, но Белег не мог этого сделать.

— Ты упрям и самолюбив, — сказал он. — Вот тебе мое последнее слово. Если хочешь, чтобы мы, как прежде, сражались плечом к плечу, ищи меня в Димбаре. Я буду там.

На следующее утро Белег уходил. Турин пошел проводить его. Они отошли уже на расстояние полета стрелы, но не сказали друг другу ни слова. Наконец Белег остановился:

— Значит, нам прощаться, сын Хурина?

Турин отвел глаза. Он взглянул на запад, увидел величественную вершину Амон Руд и, не раздумывая, упрямо ответил:

— Ты говоришь, чтобы я искал тебя в Димбаре. А я тебе скажу: давай встретимся на Амон Руд. А нет — так больше нам не увидаться.

На том они расстались, опечаленные друг другом.

Белегу ничего не оставалось, как вернуться в Менегрот и доложить Тинголу о случившемся. Он умолчал только о приеме, оказанном ему товарищами Турина. Тингол выслушал воина и вздохнул:

— Что же я еще могу для него сделать?

— Позволь мне уйти, Повелитель, — попросил Белег. — Я постараюсь направлять и охранять его хоть издали. Пусть никто не скажет, что легковесны слова эльфов. Жаль будет, если такой воин напрасно сгинет в глуши.

— Поступай, как знаешь, — молвил Тингол. — Ты много сделал для Дориата, нашел моего приемного сына, и мне не хочется отпускать тебя, не наградив достойно. Я готов исполнить любое твоё желание, если это в моих силах.

Немного подумав, Белег попросил:

— Дал бы ты мне добрый меч, Владыка! Орков теперь развелось много, доходит до рукопашной, а мой прежний меч порядком поистерся об их доспехи.

— Выбирай любой, — ответил Тингол, — только, прошу тебя, оставь мне мой Аранруф.

Белег выбрал Англахэл. Бесценным слыл этот клинок, выкованный из упавшей с неба звезды. Перед ним не могло устоять никакое земное железо. Сравниться с ним мог только один меч в Среднеземье, сделанный из того же куска тем же мастером — Элом, Темным Эльфом. Когда-то он расплатился Англахэлом с Тинголом за дозволение поселиться в Нан Эльмуте и потом долго жалел об этом. Второй клинок он оставил у себя, но Маэглин, покидая родной дом, тайком унес его.

Тингол подал Англахэл Белегу, как это принято, рукоятью вперед. В этот миг Мелиан взглянула на лезвие меча и тихо произнесла:

— Злобу таит этот клинок. В нем еще живо темное сердце кузнеца. Он не будет верен хозяйской руке и недолго послужит тебе.

— Судьбе виднее, — ответил Белег, — а пока я все-таки поработаю им.

— Тогда прими и мой дар, друг Белег, — сказала Мелиан. — Он пригодится тебе в глуши, и твоим друзьям тоже. — С этими словами протянула Королева воину связку лембас, эльфийского дорожного хлеба, завернутого в серебристые листья. Узел шнурка был опечатан королевской печатью в форме последнего цветка Телперии. По обычаю Эльдаров, только Королева может хранить и дарить лембас. Люди никогда не получали его; Мелиан не могла оказать большей почести сыну Хурина.

С этими дарами покинул Белег Менегрот и, не задерживаясь, отправился к своему отряду, стоявшему на границе северных топей. Казалось, его новый меч радовался работе, и вскоре орков в Димбаре почти не осталось.

Настала зима, война поутихла, и тогда Белег отлучился из отряда, не ведая, что покидает его навсегда.

Расставшись с другом, Турин повел свою ватагу на запад, прочь от долины Сириона. Они устали жить в постоянной опасности и теперь хотели отыскать надежное, логово, где можно было бы перезимовать безбедно.

Однажды вечерней порой им повстречались трое гномов. Гномы бросились бежать, но один из них, видимо, совсем немощный, едва тащился. Его догнали, бросили на землю, а кто-то из отряда послал стрелу вслед убежавшим. Быстро темнело, и преследовать их не стали. Захваченного гнома звали Мим. Он умолял Турина сохранить ему жизнь, а в качестве выкупа обещал показать пещеры, о которых не знает ни одна живая душа на свете. Турин сжалился над Мимом и спросил:

— Ну и где же твои замечательные пещеры?

— Там, высоко над землей, дом Мима, — ответил гном. Амон Руд зовется это место с тех пор, как эльфы напридумывали свои названия.

Долго молчал Турин, глядя на гнома в глубоком раздумье, а потом приказал:

— Проведи нас туда.

На следующее утро Мим повел их к горам. Там, где кончаются вересковые пустоши, раскинувшиеся в междуречье Сириона и Нарога, начинается безрадостное нагорье. Чуть дальше круто поднимаются серые склоны центральной вершины. Ее сплошным ковром покрывают низкорослые заросли цветущего в эту

пору серегона. Цветы у него маленькие, темно-алого цвета. Люди Турина подошли к подножью на закате. Заходящее солнце пробилось между облаками, и Амон Руд заалел под его лучами. Один из товарищей Турина угрюмо заметил:

— Поглядите-ка: вершина словно в крови.

Тайной тропой гном провел их ко входу в пещеру. Здесь он отступил на шаг, поклонился Турину и сказал:

— Войди в Бар-эн-Дэнвед — Дом Выкупа. Так отныне будут зваться эти пещеры.

В это время откуда-то появился другой гном со светильником в руках и взволнованно заговорил с Мимом. Они повернулись и быстро вошли в пещеру, не обращая внимания на своих спутников. Турин пошел следом и вскоре оказался в небольшом гроте в глубине горы. Тусклый свет исходил от подвешенной на цепях лампы. Перед каменным ложем стоял на коленях Мим. Немилосердно терзая бороду, захлебываясь слезами, он безостановочно выкрикивал какое-то имя. Только тут Турин заметил тело третьего гнома, распростертое на ложе. Он подошел встал рядом и предложил свою помощь. Мим взглянул на него снизу вверх и промолвил:

— Нет, ты больше ничего не можешь сделать. Это — Ким, мой младший сын. Стрела твоих воинов достала его. Он умер на закате. Мой старший, Ибун, рассказал об этом.

Турин с болью в сердце проговорил.

— Я не успел остановить руку, пославшую стрелу. Воистину, ты прав: дом твой будет зваться Бар-эн-Дэнвед. Только выкуп теперь за мной. Клянусь тебе если когда-нибудь у меня будет золото, я отдам его тебе, хотя оно, конечно, не заменит сына и не согреет твое сердце.

Мим встал с колен и пристально посмотрел на Турина.

— Я слышу тебя, — сказал он наконец. — Ты говоришь, как в древности говорили правители гномов. Дивно мне это. Ты остудил жгучее горе в моем сердце. Не до сокровищ мне теперь, но как бы ты не поступил со своим выкупом, а я свой заплачу. Живи в моем доме, сколько захочешь.

Так началась жизнь Турина в тайном обиталище гнома Мима. Теперь воин часто прогуливался перед входом в пещеру, поглядывая на все четыре стороны света, благо все они были перед ним как на ладони. Он подолгу смотрел на север. Там вдали расстился зеленый ковер Бретильского Леса, а над ним возвышалась гора Амон Обел. Что-то там притягивало взгляд Турина и он недоумевал: уж если и должно было звать его сердце, так на северо-запад, где на горизонте синели Сумеречные Горы и где, казалось ему, он почти различал стены родного дома. По вечерам воин часто наблюдал, как солнце опускалось в дымку на краю земли и долину Нарога заливали густые тени.

Времени было более чем достаточно. Турин часто разговаривал с Мимом и уже знал историю его жизни, дивясь мудрости низкорослого племени. Род Мима восходил к тем гномам, которых давным-давно выжили с востока. Они пришли в Белерианд еще до возвращения Моргота. С тех пор они постепенно умалились и в росте, и в кузнечном мастерстве. Жизнь украдкой согнула их спины и научила осторожности. Долго, пока не появились в Белерианде гномы из Ногрода и Белегоста, эльфы никак не могли разобраться, кто эти маленькие корявые существа и, бывало, охотились на них. Потом оставили в покое, прозвав Нойгиф Нибин, Крошки Гномы на языке Синдаров.

Никого, кроме себя, они не любили; орков боялись и ненавидели; Эльдаров ненавидели не меньше, а уж Нолдоров и подавно. Ведь именно Нолдоры, по их словам, согнали гномов с их исконных земель и заставили покинуть обжитые дома. Предки Мима нашли пещеры Нарготронда и принялись обживать их задолго до того, как Финрод надумал переправляться через Море. Но вот уже долгие годы в недрах горы Амон Руд неторопливые Крошки-Гномы расширяли и углубляли залы и переходы, охорашивали свой подземный дом, никого не трогая и сами не беспокоимые никем. Народец был хилый, он постепенно вымирал, пока наконец во всем Среднеземье не остались только Мим с сыновьями. Мим, старый даже по гномьему счету, доживал свой не первый век в полном забвении, не имея ни одной родной души на свете, кроме сыновей, одного из которых застрелили люди Турина. В огромной кузнице давно уже было темно и тихо, а по углам ржавели сваленные грудой знаменитые некогда на все Среднеземье боевые топоры, чьи

названия сохранились только в самых древних преданиях Дориата и Нарготронда.

Была уже середина зимы, когда выпал невиданный в этих краях снег. Он толстым покровом укутал Амон Руд и речные долины. Говорят, что по мере того, как росла мощь Ангбанда, зимы в Белерианде становились все суровее. В эту зиму без особой нужды старались не выходить ни люди, ни гномы. Было голодно. В отряде появились больные. Но вот однажды в тусклом сумраке зимнего дня по склону Амон Руд поднялся вроде бы человек огромного роста, закутанный в белый зимний плащ с капюшоном. Ни слова не говоря, он подошел прямо к костру. Люди повскакали в испуге, а он рассмеялся и откинул капюшон. Плащ распахнулся и стал виден большой сверток в руках пришельца. Турин взгляделся. Перед ним стоял Белег Тугой Лук.

Радостной была встреча друзей. Белег принес Турину Шлем Дракона Дор Ломина, надеясь хоть так подтолкнуть его к судьбе более достойной, чем предводитель шайки разбойников. Но Турин уперся и снова отказался возвращаться в Дориат. Тогда Белег, руководствуясь больше любовью к другу, чем мудростью, решил остаться с ним. Первое, что он сделал для отряда, — это вылечил больных и раненых с помощью лембас, данного Мелиан. Конечно, Серые Эльфы уступали в знаниях Нолдорам, но все же знали куда больше людей. Сильный, выносливый, умный Белег скоро стал незаменим. Разбойники уважали его за прозорливость и общительный нрав. Но чем больше рос авторитет Белега, тем сильнее становилась неприязнь к нему Мима. Гном ненавидел эльфа, незванным пришедшего в Бар-эн-Дэнвед, и теперь все чаще отсиживался с сыном, ни с кем не разговаривая, где-то в самых дальних закоулках пещер. Правда, Турин этого почти не заметил. Зима кончилась, а весна несла другие заботы.

Кому ведомы замыслы Моргота? Кто может постичь глубины дум того, кто был Мелькором, могучим Айнуром Великой Песни, а теперь восседал Темным Властелином на подземном троне, взвешивая на весах злобы приходившие вести? Он умел проникать в самые тайные замыслы своих врагов глубже, чем могли предвидеть даже мудрейшие из них, и только мысли Королевы Мелиан оставались недоступны ему.

Сейчас Враг снова привел в движение армии Ангбанда. Словно длинные пальцы зловещей руки, его отряды прощупывали подступы к Белерианду. Они прошли через Анах, снова захватили Димбар и пробирались теперь к северным границам Дориата по древнему тракту, по ущелью Сириона, мимо острова, где Финрод построил когда-то крепость Минас Тирит, и дальше по краю Бретильского Леса к Перекрестку на Тейглине. Отсюда дорога уходила на Охранную Равнину, но орки не рискнули идти дальше в этом направлении, как бывало раньше, потому что впервые почувствовали страх в этом диком краю. А с красной вершины лысой горы следили за их продвижениями внимательные глаза.

Турин снова надел Шлем Хадора. По всему Белерианду, по лесным чащам и речным излучинам, по горным ущельям и плоскогорьям ползли упорные слухи о том, что сгинувшие когда-то в Димбаре Шлем и Лук снова в бою. Множество бесстрашных воинов, потерпевших поражение в Пятой Битве, лишившихся цели и руководства, но не сломленных духом, потянулись в Дор Куарфол, Землю Лука и Шлема.

Теперь у Турина опять было новое имя — Горфол звался он, Грозный Шлем. Сердце его снова билось высокими помыслами, как подобает воину, а не жалкому разбойнику. Молва о подвигах Двух Вождей достигла и Менегрота, и подземных залов Нарготронда, даже в Гондолине слышали об их делах. Наслышаны были и в Ангбанде... Моргот потирал руки. Он понял, кто носит Шлем Дракона! Теперь сыну Хурина несдобровать! Вокруг Амон Руд шныряли шпионы Врага.

Год уже кончался, когда однажды Мим и Ибун ушли из Бар-эн-Дэнвед, чтобы запасти кореньев на зиму, и попали в лапы оркам. Снова пообещал Мим провести обидчиков к своему жилищу на Амон Руд, но решил из хитрости поволынить немного. Он стал хныкать и клянчить, чтобы ему пообещали не убивать Горфола. Вожак орков расхохотался и хлопнул гнома по плечу, едва не пришибив его.

— А как же! Ну конечно! С какой стати нам убивать Турина, сына Хурина!

Так Врагу стало известно убежище Бар-эн-Дэнвед. Мим привел орков, и ночью они напали на лагерь двух вождей, захватив их врасплох. Многих воинов убили во сне, другие сумели выбраться по внутренней лестнице на вершину горы и там бились насмерть. Кровь стекала вниз ручьями, смешиваясь с алыми цветами серегона, покрывавшими склоны. На Турина, дравшегося так, что к нему боялись подойти, набросили сеть, он запутался в ней, упал, был связан, и его увели.

Когда все кончилось и наступила тишина, из какой-то темной щели вылез старый Мим. Над туманами Сириона вставало солнце и освещало вершину, усеянную телами павших воинов. Гном ковылял от одного к другому и вдруг почувствовал, что не все мертвы. Он со страхом начал озираться по сторонам и встретил живой взгляд. На него смотрел Белег Тугой Лук. Долго копившаяся ненависть вспыхнула в маленьких подслеповатых глазках гнома, он боком подскочил к лежащему окровавленному эльфу и потащил к себе Англахэл, выпавший из руки воина. Белег громко застонал, неверной рукой приподнял меч и швырнул в гнома. Мим заверещал от ужаса и бросился бежать, а вослед ему неся голос раненого: «Месть Дома Хадора найдет тебя, плешивый сморчок!»

Жестокие раны получил в этом бою Белег. Но недаром слыл он одним из самых могучих воинов Среднеземья и вдобавок искусным врачом. Он выжил, а когда силы наконец вернулись к нему, долго разыскивал среди погибших друга Турина, чтобы похоронить достойно. Однако поиски оказались тщетными. Тогда эльф понял, что Турин жив и захвачен в плен.

Ни на что особенно не надеясь, Белег спустился с горы и двинулся на север, к Перекрестку Тейглина, высматривая следы орочьего отряда. Так пересек он Бретильский Лес и прошел по опустевшему, разоренному Димбару к перевалу Анах. Шел он не останавливаясь, днем и ночью, и теперь не намного отставал от врагов. Орки, наоборот, не спешили, устраивая длительные привалы для охоты и отдыха. Искусный следопыт, Белег не потерял направления даже в жутких лесах Таур-ну-Фуин. Здесь, ночью, у подножья корявого мертвого дерева, он натолкнулся на спящего эльфа. Белег растолкал его, угостил лембас и стал расспрашивать, какая злая судьба занесла несчастного в эти гиблые места.

Бедняга назвался Гвиндором, сыном Гвилины. Белег с болью смотрел на него. Он знал Гвиндора, могучего воина, в Пятой Битве командовавшего дружиной Нарготронда. Это он с безумной отвагой прорвался к самым воротам Ангбанда и там был схвачен. А здесь, сейчас, перед ним стояла страшная, согбенная тень с потухшим взором.

Мало кому из Нолдоров, попадавших в лапы Врага, выпадала смерть. Моргот слишком ценил их кузнечное мастерство, умение отыскивать руды и самоцветы. Вот и Гвиндор был отправлен в северные копи. За долгие годы узники проложили там несколько длинных тайных штреков, и эльфам удавалось время от времени бежать. Гвиндору тоже посчастливилось. С тех пор он скитался в лабиринтах Таур-ну-Фуина, одичал, отошал и почти потерял надежду, когда его нашел Белег.

Гвиндор рассказал, что совсем недавно на север прошел большой отряд орков и волков. Они бичами гнали впереди человека со скованными руками. «Он был очень высокий, — говорил Гвиндор, — такие люди живут в Хитлуме». Белег, в свою очередь, поведал Гвиндору, какая забота привела его самого в Таур-ну-Фуин. Гвиндор вздрагивал, слушая его, и пытался отговорить от безумной затеи, уверяя, что в лучшем случае Белегу удастся разделить с Туринотом пытки Врага. Но эльф даже не думал о том, чтобы бросить Турина в беде. Больше того — ему удалось заронить надежду в ослабевшем сердце несчастного беглеца. Дальше они пошли вместе.

Лес кончался. За дюнами Анфауглифа вставали предгорья. Здесь, в виду вершин Тангородрима, в мрачной лощине орки выставили волков-часовых и устроили большой привал. День клонился к вечеру. С запада надвигалась гроза, над Сумеречными Горами уже сверкали первые молнии. Быстро темнело, и это было на руку подкрадывающимся эльфам.

Орки уgomонились только к полуночи. Тогда Белег взял свой знаменитый лук и бесшумно, одного за другим, убрал волков-часовых. Воины прокрались в лагерь и скоро отыскали Турина. Скованный по рукам и ногам, он стоял, привязанный к огромному стволу дерева, утыканному ножами. Это орки забавлялись перед сном, испытывая стойкость воина. От неимоверного напряжения и усталости Турин впал в беспамятство. Эльфы осторожно перерезали веревки и на руках вынесли его из лощины. Однако сил у них хватило только добраться до опушки леса.

Здесь, в колючих зарослях, они опустили Турина на землю и под раскаты близкого грома освободили от оков. Белег вынул из ножен Англахэл и легко перерубил цепи на руках и ногах Турина. Но, видимо, не дремала злая судьба в ту ночь. Меч задел ногу Турина и привел его в чувство. Очнувшись, он увидел склонившуюся над ним темную фигуру с обнаженным мечом в руке. Решив, что орки снова пришли мучить его, Турин с диким криком вырвал меч и ударил эльфа.

Ощувив, что руки и нога его свободны, он вознамерился дорого продать свою жизнь воображаемым врагам, но тут сверкнула молния и в ее свете Турин разглядел Белега. Словно окаменев, смотрел он на бездыханное тело друга, не в силах постичь, что натворил. Лицо его в блеске непрерывно вспыхивающих молний было таким страшным, что бедный Гвиндор в ужасе вжался в землю и не смел поднять глаз.

Тут, разбуженные грозой, стали просыпаться в ложине орки, и скоро весь лагерь гудел встревоженными голосами. Орки боялись гроз, приходящих с запада, веря, что это — дело рук великих врагов из-за Моря. По вершинам деревьев пронесся сильный порыв ветра, и хлынул ливень. По склонам тут же зашумели дождевые потоки. Гвиндор, стараясь перекричать гром, пытался предупредить Турина об опасности, но тот словно окаменел над телом Белега, а буря бушевала вокруг него, как вокруг одинокого утеса.

Едва забрезжило утро, гроза унеслась на восток к Лотлэнну. Встало не по-осеннему яркое солнце. Орки, посчитав, что их пленник уже далеко и все следы смыло ливнем, даже не потрудились искать его и поспешили убраться восвояси. Гвиндор видел, как шагали они по прибитым дождем пескам Анфауглифа. Они возвращались к Морготу с пустыми руками, не подозревая даже, что добыча рядом, у них за спиной, сидит неподвижно на склоне Таур-ну-Фуин и на душе ее груз тяжелее всех оков на свете.

Надо было предать земле тело Белега. Гвиндор несколько раз крепко встряхнул Турина, прежде чем тот поднялся и, двигаясь словно сомнамбула, помог уложить тело воина в неглубокую могилу. Рядом с ним положили прославленный лук из черного тиса Белфрондинг, но Англахэл Гвиндор забрал с собой, проворчав, что такому мечу больше пристало мстить за хозяина, чем празднот отдыхать в земле. Взял он и остатки лембас, чтобы хоть как-то поддерживать силы в этой глуши.

Так скончался Белег Тугой Лук. Великий воин, искуснейший следопыт, вернейший друг, он пал от руки того, кого любил больше всех на свете. Следы пережитого в ту ночь горя никогда уже не покидали чело Турина. Трагическая гибель родича встряхнула Гвиндора, вернув ему силы и отвагу. Покинув Таур-ну-Фуин, он повел Турина прочь от одинокой могилы. За весь долгий путь Турин не проронил ни слова. Он просто шел за Гвиндором, равнодушный ко всему на свете.

А год кончался. Надвигалась зима. Без своего вожатого Турин пропал бы, особенно здесь, на севере. Но Гвиндор ни на минуту не оставлял его одного и опекал на каждом шагу. Наконец, переправившись через Сирион, они достигли Сумеречных Гор и остановились у Ключей Ивринь, из которых рождается быстрый Нарог. Здесь Гвиндор воззвал к своему спутнику.

— Очнись же, Турин, сын Хурина Талиона! Посмотри: вот озеро Ивринь. Оно вечно кипит, словно смеется. Говорят, здесь родина смеха. Чистейшие ключи питают его, и Ульмо, Владыка Вод, создавший эту красоту в Древнейшие Дни, хранит ее от всяческой скверны.

Турин медленно опустился на колени и испил из озера; и тут, словно прорвав плотину в его душе, из глаз несчастного хлынули потоки слез, он упал на землю и забился в рыданиях. Это был конец его безумия.

Здесь же, на берегах Ивринь, Турин сложил песню о своем убитом друге. Лаэр Ку Белег называлась она, Песнь о Великом Луке, и он пел ее громко, не боясь быть услышанным. Гвиндор вложил в руку воина Англахэл, и Турин в тот же миг ощутил, что держит не простой клинок. Великая мощь и сила исходили от него. Лезвие с необычной заточкой отливало тусклым, черным блеском.

— Станный клинок! Не видал я подобного ему в Среднеземье, — сказал Гвиндор. — Мне кажется, он скорбит по хозяину, как и ты. Однако не печалься. Я возвращаюсь в Нарготронд. Идем со мной. Ты исцелишься там и окрепнешь духом.

— Но кто ты? — спросил Турин, словно впервые его увидел.

— Бродяга эльф, беглый раб, который совсем пропал бы, если бы не встретил Белега. А когда-то звали меня Гвиндор, сын Гвилина, воевода Нарготронда. Но все это кончилось в Пятой Битве рабством в копиях Ангбанда.

— Не встречал ли ты в плену Хурина, сына Галдора? — с волнением воскликнул Турин.

— Нет, я не видел этого достойного человека, — покачал головой Гвиндор. — Но был слух — об этом говорили даже у нас на рудниках, — что он так и не покорился Морготу, и за это Враг проклял Хурина и

весь его род.

— Да, в это легко верится, — задумчиво кивнул Турин.

Эльф и человек покинули берега Ивринь и начали спускаться по течению Нарога. Скоро их остановил передовой эльфийский дозор и доставил в крепость Финрода. Так Турин попал в Нарготронд.

Поначалу даже друзья не узнали Гвиндора. Он покинул Нарготронд сильным, гордым воином, а вернулся похожим на смертного, стоящего на рубеже старости. Только дочь Короля Ородрефа, Финдуилас, узнала его и обратилась к нему с приветствием. Когда-то она любила Гвиндора и он любил ее, называя Фаэль-Ивринь, Солнечный Блик на водах Ивринь. Вслед за ней Гвиндора признали и другие. Из уважения к несчастному соотечественнику с почетом встретили и его товарища. Но когда Гвиндор готов был назвать его имя, Турин перебил его и представился сам.

— Я — Агарвэйн, сын Умраха, простой охотник, — быстро сказал он.

Может, кому и показалось странным такое имя, ибо означало оно «Запятнавший себя кровью сын Злой Судьбы», но эльфы Нарготронда не стали его ни о чем расспрашивать. Скоро Турин снискал любовь и приязнь не только Короля Ородрефа, но и многих жителей, и неудивительно. Он только что вступил в пору зрелости; в облике его многое напоминало Морвен Эледвень — темноволосый, сероглазый, был он красив, как никто из смертных в Стародавние Дни. Мanners, усвоенные в молодости в Дориате, делали Турина похожим на представителя одного из лучших родов Нолдоров, поэтому не случайно часто звали его Аданэдел, Человек-Эльф. Мастера Нарготронда по его просьбе перековали Англахэл, и теперь лезвие, по-прежнему черное, горело тусклым огнем. Турин дал мечу новое название — Гурфанг, Смертоносная Сталь. В первых же боях на границе Охранной Равнины он стяжал славу удалого воина и новое имя — Мормегил, Черный Меч. Эльфы одобрительно говорили: «Разве что Рок справится с ним, а больше никому не одолеть нашего Мормегила». Они подарили ему кольчугу гномьей работы, а сам Турин, перебирая как-то оружие в арсенале, разыскал вызолоченную гномью боевую маску и часто надевал ее в бою. Враги бежали от него, завидев издали.

Случилось так, что со временем сердце Финдуилас, неожиданно для нее самой, обратилось к отважному воину. Однако Турин, казалось, не замечал этого. Загрустила дочь Короля. Она все больше молчала теперь, и даже красота ее слегка потускнела. Перемены эти не укрылись от любящего взора Гвиндора, и однажды он сказал Финдуилас:

— Славная принцесса! Я не хочу, чтобы между нами лежала тень недосказанности. Моргот разрушил мою жизнь, но тебя я люблю по-прежнему и по праву любви скажу: иди за своим сердцем, но подумай — мудро ли Старшим Детям Илуватара связывать свою судьбу с Младшими? Коротки их дни на этой земле и разлучаемся мы с ними до конца Мира. Конечно, случается всякое, дороги судьбы неисповедимы, но только этот человек — не Берен. Искушенный глаз легко различит знак Судьбы, отметивший его, но это — злая судьба. Не касайся ее! Если ты пойдешь за своим сердцем, любовь предаст тебя на горе и гибель. Выслушай мои слова: человек этот действительно окровавленный сын злой судьбы, его истинное имя — Турин, сын Хурина, заклятого Морготом на вечные муки в Ангбанде. Враг проклял весь их род. Не искушай же понапрасну мощь Моргота! Посмотри! Это ее отпечаток у меня на лице!

Долго думала Финдуилас, но сказала лишь:

— Турин, сын Хурина, не любит меня и, видимо, никогда не полюбит.

Скоро Турин узнал от принцессы, что имя его открыто. В гневе бросился он к Гвиндору:

— Ты спас и охранял меня, привел сюда — я признателен тебе. Но тем горше получить от тебя такой удар! Выдав мое имя, ты навлек на меня проклятье Моргота, которого я надеялся избежать.

Гвиндор резонно возразил на это:

— Но ведь проклятье лежит на тебе, а не на твоём имени!

С этим они и разошлись.

Дошло и до Ородрефа, что любезный многим Мормегал на самом деле — сын Хурина. Король воздал Турину великие почести, и скоро воин стал одним из самых знатных жителей Нарготронда, но при этом все

равно ходил хмурый. Ему не нравилось, как сражаются здешние эльфы. Не по душе были их засады, отравленные стрелы и удары исподтишка. Он стосковался по открытому бою, по честному обмену ударами и постепенно уговорил Короля перейти к прямым боевым действиям. По совету Турина Нолдоры построили широкий крепкий мост через Нарог. По нему большие отряды могли быстро переправляться на другой берег. Скоро весь край от Сириона до Нарога был очищен от слуг Ангбанда. Потом пришел черед Неннина и заброшенного Фаласа. Теперь на Советах Короля Гвиндор неизменно выступал против Турина и открытых атак на врага, но к его словам мало прислушивались, потому что слаб был Гвиндор и не мог подкрепить слова делом. Вскоре Нарготронд утратил все преимущества скрытого королевства и стал доступен гневу и ненависти Моргота. Однако имя Турина вслух не произносилось, и, хотя молва о его подвигах достигла Дориата, для Короля Тингола воин все еще оставался Черным Мечом Нарготронда.

Стянув на себя немалые силы Врага, Мормегил дал передышку другим землям. Морвен наконец удалось бежать из Дор Ломина вместе с маленькой Ниэнор, и она отправилась в долгий путь к границам Дориата. Там ждало ее новое горе, ибо Турин исчез и никто не ведал о его судьбе с тех пор, как пропал Шлем Дракона. Все же Морвен с дочерью остались в Дориате. Король и Королева приняли их с большим почетом.

Весной четыреста девяносто пятого года после восхода Луны в Нарготронд пришли два эльфа, родичи Ангрода. Звали их Гелмир и Арминас. После Четвертой Битвы они ушли на юг вместе с Кирдэном Корабелом и теперь принесли из дальних краев вести о полчищах орков и других злых тварей, скопившихся у отрогов Эред Ветрин и в Ущелье Сириона. Еще они говорили, что Владыка Ульмо являлся Кирдэну и предупреждал о великой опасности, грозящей Нарготронду.

— Мы принесли тебе слова Владыки Вод, — сказали они Королю. — Так говорил он Кирдэну Корабелу: «Зло с Севера коснулось ключей Сириона и отравило их. Моя сила уходит из пальцев текучих вод... Но грядет горшее зло. Передай Правителю Нарготронда: пусть закроет врата крепости и не покидает ее, а камни своей гордости пусть бросит в быстрые воды, дабы ползучее зло не отыскало дорогу к воротам».

Не на шутку встревожили Ородрефа пророчества, а Турин и слушать их не хотел, не говоря уж о том, чтобы дать ни за что ни про что разрушить огромный мост — свое детище. Гордым, надменным и упрямым становился Турин, и во всех делах стремился настоять на своем.

Вскоре после прихода вестников пал в бою Хандир, правитель Бретильских Лесов. Орки вторглись в его владения и оттеснили людей в самые глухие чащи. А осенью огромное войско Моргота неожиданно появилось перед Нарготрондом. Перемахнув через Анфауглиф, в верховья Сириона прорвался Глаурунг, причинив там неописуемые беды. Он осквернил озеро Ивринь и спалил Охранную Равнину.

Воины Нарготронда выступили в поход. По правую руку от Короля скакал Турин. Глядя на прославленного воина, войска укреплялись духом. Однако силы Моргота оказались куда значительней, чем доносили разведчики. А против Глаурунга эльфам и вовсе нечего было выставить. Едва противники сошлись, как Нолдорам уже пришлось отступать. В один день от гордости, славы и военной мощи Нарготронда не осталось и следа. Пал Ородреф, Гвиндор получил смертельную рану. Турин в ужасной гномьей маске, защищавшей от драконьего огня и наводившей ужас на орков, вынес эльфа из боя и на опушке леса опустил в траву.

Гвиндор открыл глаза и сказал:

— Когда-то я нес тебя, теперь — твоя очередь. Но я вынес тебя навстречу злему року, а ты меня и вовсе напрасно. Мне пора уходить из Среднеземья, и, уходя, я проклиная день, когда спас тебя, сын Хурина. Если бы не твоя гордыня, я бы и сейчас любил и жил, а Нарготронд стоял бы еще годы и годы. Теперь все кончено. Заклинаю: поспеши в Нарготронд, спаси Финдуилас. И вот что еще скажу я тебе, сын Хурина; между тобой и проклятьем Моргота осталась только принцесса. Если ты не сумеешь спасти ее, то можешь не сомневаться, проклятье найдет тебя. Прощай!

Турин поспешил в Нарготронд. По пути к нему присоединялись воины из разбитых отрядов. Они шли под метелью из желтых листьев, ибо осень готова была вот-вот перейти в суровую зиму.

В этот день удача отвернулась от Нолдоров. Турин опоздал. В Нарготронде еще не успели получить

вести о тяжелом поражении, а к воротам уже подступили орды орков во главе с Глаурунгом. Вот когда мост через Нарог сослужил свою злую службу. Широкий и прочный, он дал оркам возможность с ходу перейти реку. Глаурунг во всей своей огненной мощи снес Врата Фелагунда и проник внутрь.

Картина полного разрушения предстала глазам подросшего Турина. Его немногочисленный отряд уже ничего не мог изменить. Занятые грабежом, орки попросту не обратили на них внимания. Уцелевших женщин и девушек сгоняли в гурты, готовя к отправке в неволю. Турин словно обезумел. Он шел размеренным шагом по обломкам и осколкам, дымящийся от крови меч был зажат у него в руке, а по сторонам оставались валы вражьих трупов, — его никто не мог удержать. Так он прошел по мосту и прорубил дорогу к пленницам. Из пришедших с ним воинов никого не осталось. В этот момент из пролома в стене выполз Глаурунг и улегся поперек моста, отрезав Турину дорогу назад. Он пару раз дыхнул черным дымом и вдруг, по злему наитию, заговорил:

— Привет тебе, сын Хурина! Вот добрая встреча!

Турин наконец узрел достойного противника. Широкий клинок Гурфанга, пламенея по краям, обрушился на дракона. Глаурунг слегка шевельнулся, подобрал крылья, и подставил под удары грудь, закованную в броню чешуи. Змеиные глаза широко раскрылись и в упор уставились на воина. Турин без страха встретил драконий взгляд и снова занес меч. Но опустить руку уже не мог. Холодные, лишенные век, глаза рептилии, обладавшие гипнотической силой, повергли его в оцепенение. Он стоял на мосту, словно великолепное каменное изваяние, недвижим и безгласен, и так же молча лежал перед ним дракон. Наконец Глаурунг снова заговорил, и в его скрежещущем голосе звучала презрительная насмешка.

— Все твои пути ведут ко злу, сын Хурина! Неблагодарный приемыш, разбойник, убийца друга, похититель любви, захватчик Нарготронда, приведший его к гибели, самовлюбленный, спесивый предводитель, предатель собственного рода. Твоя мать и сестра живут в Дор Ломине как рабыни и ходят в лохмотьях, а ты разодет как князь; они тоскуют по тебе, а ты и думать о них забыл. То-то радости будет отцу узнать о таком сыне. А уж он узнает, непременно узнает.

Голос дракона скрипел и скрипел, зачарованный Турин слушал безжалостные слова и видел себя словно в злом кривом зеркале. Он сам себе был ненавистен в эту минуту. Глаза дракона не отпускали, оцепенение все длилось, а орки, деловито хлопоча, согнали пленниц в кучу и, щелкая бичами, повели по мосту, едва не толкая воина. Среди несчастных шла и принцесса Финдуилас, взывая к Турину и умоляя о помощи. Но скоро голос ее и плач остальных затихли за поворотом дороги, ведущей на север. Не в силах освободиться от леденящих, сковывающих пут драконьих глаз, Турин пытался различить вдали звавший его голос, и не мог. Всю жизнь мучали его потом отзвуки горестных стенаний Финдуилас.

Наконец дракон отпустил его. Турин шевельнулся и вздрогнул, словно от кошмара, увиденного во сне. Огромная тварь перед ним ждала, с любопытством наблюдая. Турин снова взмахнул мечом. В ответ раздался скрежещущий смех.

— Ищешь смерти, недоумок? Ну что ж, я с удовольствием прикончу тебя. Но вряд ли это поможет Морвен и Ниэнор. Правда, на вопли этой эльфийской девицы ты и ухом не повел, так, может, и кровные узы для тебя ничто?

Турин изловчился и попытался ударить дракона мечом по глазам. Но тяжелая голова быстро отдернулась, и с высоты снова зазвучал голос:

— Нет, уж это точно: храбрее тебя я никого не встречал. Это гнусная ложь, что мы не ценим доблести своих врагов. Сейчас ты сам в этом убедишься. Я дарю тебе свободу. Иди к своему народу, иди куда хочешь. Ну, иди же! Может остался какой-нибудь плохонький эльф или человек, чтобы сложить песню об этих днях; они тебя не поймут, если ты сейчас отвергнешь мой дар.

Тогда Турин, еще не оправившийся от оцепенения, решил, что даже драконам ведома жалость. Он повернулся и бросился бежать, а вослед ему несли насмешливый голос:

— Поспеши, поспеши в Дор Ломин, сын Хурина! А то как бы орки еще раз не опередили тебя! И не вздумай догонять пленных, а то тебе никогда не видать ни матери, ни сестры, и ко всему остальному добавится их проклятие!

Турин и так спешил. Глаурунг, проводив воина взглядом, удовлетворенно вздохнул. Он выполнил приказ Хозяина и теперь мог заняться любимым делом. Сначала, не торопясь, он выжег окрестности, потом отобрал у орков всю добычу и, не слушая возражений, погнал их прочь; разломал мост, обрушив его в реку, сгреб все награбленное в кучу и улегся отдохнуть в холодке дальних покоев.

А Турин шел на север. Путь его пролегал по пустынному междуречью Тейглина и Нарога. Он двигался навстречу суровому дыханию зимы, и где бы ни шел, казалось ему, что в лесах и холмах все еще звучит голос зовущей его Финдуилас. Сердце воина разрывалось на части. Ложь Глаурунга жила в нем, вызывая видение орков, громящих дом Хурина, пытающих мать и сестру, и Турин спешил вперед, не оглядываясь.

Вконец измученный долгой дорогой (он прошел без отдыха больше сорока лиг), добрался Турин до озера Ивринь, исцелившего его когда-то. Теперь перед ним лежала скованная первым льдом черная трясина. Здесь уже нельзя было напиться. С трудом преодолев заснеженные перевалы, он спустился в страну своего детства. Голым и бесприютным предстал перед ним Дор Ломин. Отчий дом стоял пуст, разрушен и холоден, поблизости не было ни души. Турин постоял у порога и направился к дому вастака Бродды, мужа своей тетки Айрин. Там от старого слуги он узнал, что Морвен с дочерью давно ушли, а куда — про то ведомо только хозяевам. Турин вошел в дом, выволок Бродду из-за стола и, вытащив меч, потребовал ответа о судьбе жены и дочери правителя. «Они ушли в Дориат, искать Турина! — крикнула перепуганная Айрин, не узнавая его. — Тогда как раз объявился герой с юга, Черный Меч. Он освободил многие земли, вот они и смогли уйти».

С глаз Турина спали последние нити Глаурунговых чар. Боль, ярость, гнев, ложь, на которой его так провели, ненависть к захватчикам, притеснявшим мать и сестру, ударили ему в голову черным неистовством. Он убил Бродду и других вастаков, бывших у него в гостях. Потом, словно затравленный волк, не разбирая дороги, бросился в метель. Его спасли люди из Народа Хадора. Тайными тропами, под прикрытием сильного снегопада, они привели его к южным отрогам Дор Ломина, где ютились другие изгнанники. Оттуда через некоторое время он снова вернулся в долину Сириона. Скверно было у него на душе. Ничего, кроме новых гонений, не принес он своим соотечественникам. Они не стали его задерживать, когда он ушел. Лишь одна мысль хоть как-то утешала: Айрин сказала — именно Черный Меч дал Морвен возможность уйти в Дориат. «Значит, не все, содеянное мной, вело к худу, — успокаивал он себя. — Даже приди я раньше, мне не найти для матери более надежного убежища. Пока держится Пояс Мелиан, не все потеряно. Даже лучше, что меня здесь не оказалось. А то, куда бы я ни пришел, всюду за мной следует тень зла. Пусть уж хранит их могущество Мелиан, а мне лучше оставить своих родных в покое!»

Перебравшись через Эред Ветрин, Турин потратил впустую много времени, разыскивая Финдуилас. Он одичал, скитаясь по лесам, вынюхивая следы и устраивая засады на дорогах. Но он опоздал. Зима вступила в свои права, не оставив ему надежды. Однажды случилось ему вызволить несколько человек из Бретильских Лесов, окруженных орками. Большого труда это не потребовало, потому что орки, признав Гурфанг, в ужасе разбежались. Турин назвался Лесным Дикарем. Люди просили его остаться с ними, но он отказался. Видя их огорчение, Турин стал объяснять, что не выполнил пока своего обета разыскать дочь Короля Ородрефа — Финдуилас. Услышав это, предводитель людей Дорлас рассказал Турину о смерти принцессы. Еще осенью лесовики выследили банду орков, угонявших пленных из Нарготронда, надеясь отбить их. Но как только они напали, орки безжалостно прикончили всех пленников, а Финдуилас пригвоздили копьём к дереву. Многие слышали ее последние слова: «Передайте Мормегилу, что я здесь». «Могила ее неподалеку отсюда, — сказал Дорлас. — Мы называли это место Хауд-эн-Эллеф, Курган Эльфийской Девы». Турин попросил проводить его туда. Поднявшись на холм, он потерял сознание от горя и долго лежал в глубоком обмороке. Дорлас давно уже догадался, кто забрел к ним в лесную глушь. Гурфанг и упоминание об эльфийской принцессе красноречиво называли Мормегила из Нарготронда, а по слухам — сына Хурина из Дор Ломина. Лесовики подняли бесчувственного Турина и отнесли к себе. Жили они на Амон Обел, в самом глухом углу Бретильского Леса. От Народа Халефь осталось немного. Правил ими нынче Брандир, сын Хандира. Был он склада совсем не воинственного, да еще хромой с детства, поэтому рассчитывал больше не на военную доблесть, а на хитрость и тайные укрытия, благодаря чему и сохранил остатки своего народа. Рассказ Дорласа напугал его, а когда увидел Брандир лежащего на носилках воина, нехорошее предчувствие сжало ему сердце. Тем не менее он принял Турина под свой

кров и, будучи искусным целителем, стал выхаживать его. С началом весны больной начал поправляться и скоро встал на ноги. Турин хотел остаться с Народом Халефь, затеряться в безвестности и тем самым попытаться избавиться от своего рока. Он взял новое имя — Турамбар, что на эльфийском наречии означало Претерпевший от Судьбы, и просил лесовиков забыть, что он — не родня им. Однако совсем отказаться от ратных дел не мог. Его мучила и жгла мысль о том, что орки беспрепятственно шляются через Перекресток Тейглина и подходят к самой могиле Финдуилас. Гурфанг он отложил, но с копьем и луком скоро так проучил лиходеев, что они зареклись не соваться туда.

Пришло время, и в Дориате узнали о печальной судьбе Нарготронда. Немногие уцелевшие Нолдоры, проскитавшись зиму в глуши, добрались до владений Тингола. Пограничные дозоры доставили их к Королю, но из сбивчивых рассказов непонятно было, как обстоят дела сейчас. Одни говорили, что враги ушли на север, другие, напротив, утверждали, что Глаурунг до сих пор обитает в развалинах Нарготронда, а Мормегил, зачарованный драконом, так и стоит на мосту, обращенный в камень. Но и те и другие сходились в одном: в Нарготронде знали, что Мормегил не кто иной, как Турин, сын Хурина из Дор Ломина.

Морвен, узнав об этом, словно обезумела. Не слушая уговоров Мелиан, она вскочила на коня и бросилась на поиски. Вдогонку ей Тингол послал Маблунга с небольшим отрядом, наказав охранять Морвен и заодно собирать сведения о том, что же происходит в мире на самом деле. Ниэнор Король приказал остаться дома. Однако не даром у нее в жилах текла кровь Дома Хадора. Ниэнор, надеясь образумить мать, переоделась эльфом и ушла с Маблунгом.

Сначала им повезло, и они отыскивали Морвен на берегу Сириона. Но как Маблунг не убеждал ее вернуться в Менегрот, женщина, почти потерявшая рассудок, не соглашалась. А тут еще в отряде обнаружилась Ниэнор. Морвен велела ей немедленно возвращаться, но дочь оказалась такой же несговорчивой. Пришлось Маблунгу идти вперед. Тайной переправой у Сумеречных Озер они выбрались на другой берег Сириона и на третий день пути поднялись на Амон Этир, Дозорный Холм, давным-давно воздвигнутый Фелагундом на подступах к Нарготронду. Маблунг категорически запретил женщинам трогаться с места, оставив при них охрану, а сам, не заметив в окрестностях никаких признаков врага, осторожно отправился с разведчиками к берегу Нарога.

Глаурунг давно наблюдал за ними, постепенно сатанея от одного вида эльфов. Он так распалился, что решил остыть и заполз в реку, подняв огромную тучу пара. Маблунг с разведчиками сразу потеряли друг друга и не могли отыскать дорогу, блуждая чуть ли не ощупью в густых зловонных испарениях. Глаурунг тем временем выполз из реки на противоположный берег.

Воины, оставшиеся на Амон Этир, заметили дракона и пытались увести Морвен с дочерью, но тут ветер принес к холму злой туман с реки, лошади обезумели, учуяв дракона, и понесли. Некоторые всадники разбились о деревья, прочие были рассеяны по равнине. В Дориате так и не узнали, что случилось с Морвен. Ниэнор же в самом начале упала с лошади, а когда пришла в себя, то вернулась к Амон Этир, надеясь дожидаться там Маблунга. Ей удалось выйти из густых испарений на солнечный свет. Прямо перед ней был склон, поросший зеленой травой. Поднявшись на вершину холма, она взглянула на запад — и вскрикнула от ужаса. На нее в упор смотрели немигающие холодные глаза дракона.

Минуту или две Ниэнор успешно сопротивлялась колдовской силе драконых глаз, но дракон сумел проникнуть к ней в душу, понял, кто она, и поверг Ниэнор в кромешную тьму и беспамятство. Она забыла свое имя, забыла родной язык, забыла, откуда пришла и где жила до этого. Много дней спустя она все еще ничего не видела, не слышала и не могла шевельнуться по своей воле. Глаурунг так и оставил ее стоять на вершине холма, а сам вернулся в развалины Нарготронда.

Маблунг не терял времени. Пока не было дракона, он сумел осмотреть Нарготронд и убраться до возвращения нового хозяина. Вернувшись на Амон Этир уже полночь, Маблунг нашел там только несчастную Ниэнор, каменным истуканом стоявшую под звездами. Она не слышала, не видела, не говорила, но если ее брали за руку, покорно шла, куда вели. Маблунг отчаялся вернуть в чувство бедную девушку. После того, что он увидел в Нарготронде, воин слегка пал духом и теперь был убежден, что и он сам, и Ниэнор сгинут в глуши, где неоткуда ждать помощи.

Однако скоро им повстречалось еще трое воинов, и потихоньку они вместе начали двигаться в

сторону Дориата. Постепенно силы возвращались к Ниэнор. Но только на границе, у самого Пояса Мелиан, она смогла наконец закрыть широко открытые все это время незрячие глаза, и тут же уснула упав на траву. Спутники ее, забыв о всякой осторожности, тоже пристроились отдохнуть рядом с ней. Но в сумерках на них натолкнулась рыскавшая в этих местах небольшая ватага орков. Именно в этот час Ниэнор обрела утраченные зрение и слух. Увидев девушку, злыдни торжествующе заорали и разбудили путников. Ниэнор вскрикнула и легко, словно лань, порхнула в чащу. Орки кинулись было за ней, но в азарте не заметили эльфов. Маблунг с товарищами легко догнал и перебил их всех. Ниэнор они не нашли.

Бедняжка от страха потеряла последние остатки рассудка и мчалась через лес, забыв обо всем на свете. Ветки деревьев изорвали ее одежду, а она все бежала и бежала, нагая, словно дикий олень. После долгих безуспешных поисков Маблунгу ничего не оставалось делать, как вернуться в Менегрот и рассказать о случившемся. Король и Королева были очень опечалены. Маблунг же ушел из Дориата, виня себя в происшедшем и решив не возвращаться, пока не разыщет пропавших женщин.

Когда наконец силы оставили Ниэнор, она в изнеможении упала на землю. Тяжелый сон тут же сморил ее, и только взошедшее солнце заставило открыть глаза. Пятна света лежали на траве, и девушка долго забавлялась с солнечными зайчиками. Все было ей внове, все незнакомо. Она ничего не помнила. Только мрак, потом — свет и страх, и вот теперь — это непонятное зеленое и яркое. Она кралась между деревьев, чувствуя усиливающийся голод, но как и где найти пищу, не знала. Судьба привела ее к Перекрестку Тейглина, она с опаской перешла его и поспешила укрыться под деревьями Бретильского Леса. На открытом пространстве ей было неуютно — напоминал о себе недавний мрак.

С юга заходила сильная гроза. Первые раскаты грома застали бедняжку на вершине кургана Хауд-эн-Эллеф. Она в ужасе упала на траву, зажимая уши руками. Хлынул ливень. Холодные струи дождя больно хлестали тело, и она лежала, словно умирающий зверек.

Так и нашел ее Турин Турамбар, вышедший к Перекрестку проверить слух о появившихся орках. При вспышке молнии на кургане Финдуилас он заметил маленькую обнаженную фигурку, и что-то кольнуло его в сердце. Люди подняли несчастную, Турин набросил на нее свой плащ, а в ближайшей хижине девушку отогрели и накормили. Она во все глаза смотрела на Турина, словно отыскивала наконец что-то важное, утраченное во тьме беспомощности, и не отходила от него ни на шаг. Турин попробовал расспросить, кто она и что привело ее в эти места, но Ниэнор разволновалась, как ребенок, который видит, что взрослые хотят от него чего-то, о чем он не имеет понятия, и вдруг расплакалась. Турин попытался успокоить ее, ласково погладил по волосам и сказал:

— Не беда! Рассказ может и подождать. Но не можешь же ты ходить без имени. Давай я назову тебя Ниниэль, Мокроглазка.

Бедная Ниэнор покачала головой и медленно повторила за ним: «Ни-ни-эль». Это было первое слово, произнесенное ею после встречи с драконом, так оно и осталось ее именем у лесного народа.

На следующий день люди повели ее в Эфел Брандир. Когда они проходили мимо Дождевых Порогов у впадения Келеброса в Тейглин, Ниниэль охватила такая дрожь, что потом это место прозвали Нен Гирит, Дрожащая Вода. Видно, ливень на кургане Финдуилас не прошел даром. Она простыла. До Амон Обел ее пришлось нести на носилках в сильном жару. Там за нее взялись знахарки, выхаживая и одновременно обучая языку, словно малое дитя. Им помогал правитель Брандир, и еще до прихода осени от болезни не осталось и следа. Теперь Ниниэль могла говорить, но все равно ничего не помнила из своей прежней жизни. Брандир полюбил ее, сама же Ниниэль всем сердцем полюбила Турамбара.

В этот год орки почти не беспокоили лесной народ, и Турин подолгу оставался в селении. Он тоже полюбил Ниниэль и как-то раз завел с ней разговор о женитьбе. Незадолго до этого Брандир, предчувствуя неладное, уговорил ее повременить с замужеством, и она отказала Турамбару, хотя и против своего желания. Брандир назвал девушке настоящее имя воина. Оно, конечно, ничего не говорило Ниниэль, и все-таки она почему-то обеспокоилась.

Минуло три года после падения Нарготронда, и вот Турин снова стал просить Ниниэль выйти за него замуж. Он клялся, что, получив отказ, навсегда уйдет в дебри сражаться с орками. На этот раз Ниниэль с радостью согласилась. В середине лета в селении состоялся большой брачный пир.

Осень прошла спокойно. Но в преддверии зимы Глаурунг послал против лесного народа большую банду орков. Турамбар, давший жене обещание не браться за оружие, пока не возникнет угрозы самому поселению, остался дома. Дружина Дорласа потерпела поражение, и Дорлас горько упрекал Турамбара за нежелание помочь народу, принявшему его, как родного. Тогда Турин достал свой Черный Меч, собрал отряд и уничтожил орков. Скоро до Глаурунга дошли вести о том, что Черный Меч объявился в Бретильских Лесах и снова в бою. Глаурунг поразмыслил и задумал новое зло.

Весной следующего года Ниниэль понесла. Она подурнела и стала печальной. В это время пришли первые сообщения о том, что Глаурунг вылез из своего логова в Нарготронде.

Теперь военными делами лесного народа безраздельно ведал Турамбар. Он сразу же разослал разведчиков, чтобы следить за действиями дракона. Вести не заставили себя долго ждать. В конце лета Глаурунг подобрался к самому Бретильскому Лесу и устроил лежку на западном берегу Тейглина. Страх обуял лесной народ. Ясно было, что не сегодня-завтра надо ждать нападения Великого Змея. Если сначала и оставалась надежда на его возвращение в Ангбанд, то теперь она угасла. Лесовики попросили у Турамбара совета. Он сказал, что в открытом бою дракона не победить, рассчитывать можно только на хитрость и удачу, и решил сам попытать счастья, а жителям велел готовиться к бегству, справедливо рассудив, что если у него ничего не получится, то не станет Глаурунг гоняться по лесу за отдельными людьми.

Турин предложил смельчакам пойти с ним, но кроме Дорласа желающих не нашлось. Дорлас, закаленный боями и походами воин, принялся стыдить лесовиков и поносить Брандира, не озаботившегося наследником для Дома Халефь. Брандир стоял как оплеванный. Тогда вперед выступил Хунтор, близкий родич правителя, и вызвался сопровождать Турамбара, чтобы поддержать честь Брандира.

Турин простился с женой. Ниниэль мучали дурные предчувствия, поэтому расставание было тягостным. Наконец Турамбар с двумя спутниками направился к Нен Гирит.

Как только он ушел, невыносимый страх овладел Ниниэль. Она не могла сидеть сложа руки, в ожидании вестей от мужа, и отправилась за ним следом. В остальных жителях, видно, тоже заговорила совесть, и они собрали отряд в помощь Турамбару. Сколько не отговаривал их Брандир, они только смеялись над ним. Тогда он отрекся от власти, не захотев управлять народом, не считавшимся с его волей. Только от любви к Ниниэль он отречься не мог и, опоясавшись мечом, отправился вслед за ней. Однако из-за хромоты сразу и далеко отстал.

Турамбар достиг Нен Гирит на закате. Отсюда было хорошо видно, что дракон обосновался на обрывистом берегу Тейглина и, похоже, к ночи собирается действовать. Под ним, далеко внизу, в ущелье мчался быстрый поток. Берега ущелья здесь сужались, загнанный олень, пожалуй, отважился бы перескочить его. Турамбар решил спуститься вниз, перебраться через реку и напасть на дракона с тыла, откуда он не ожидает опасности. Так он и сделал. Когда они спустились к воде, Дорлас не решился войти в ревущую стремнину и со стыдом повернул назад. Турамбар и Хунтор переправились благополучно. Здесь можно было особенно не бояться. Шум воды покрывал все звуки, да к тому же Глаурунг спал. Но вот перед полночью он пробудился. Шипя и фыркая, чудовище начало перебираться через ущелье. Вытянув вперед шею, оно зацепилось головой за тот берег и стало потихоньку подтягивать туловище. Турин и Хунтор в это время только начали подъем, задыхаясь от жара и вони, исходивших от дракона. Ползущее чудовище вызвало самый настоящий камнепад, и один из камней убил Хунтора. Тело его рухнуло в воду и исчезло, подхваченное стремительным потоком.

Турамбар, собрав волю и мужество, быстро поднялся вверх как раз под серединой драконьего туловища. Не раздумывая, он выхватил Гурфанг и со всей силой давней ненависти вонзил его по рукоять в мягкое брюхо. От этой смертельной раны Глаурунг взревел во много раз громче реки внизу и, подпрыгнув, перемахнул ущелье. Страшный хвост хлестал по сторонам, дробя камни, огонь непрерывной струей рвался из пасти. Но бушевал он недолго и скоро затих.

Меч так и остался в брюхе дракона. Не желая расставаться с ним, Турин снова проделал опасный путь вниз и вверх. Глаурунг лежал, вытянувшись во всю длину и завалившись на бок. Турамбар ухватился за рукоять и, упершись ногой в брюхо дракона, воскликнул:

— Привет тебе, Змей Моргота! Вот добрая встреча! Околевай здесь, мрак тебя возьми! Теперь ты знаешь, какова месть Турина!

Он рванул меч, и из раны ударил фонтан черной, горячей и ядовитой крови. Турин почувствовал страшный ожог, а тут еще Глаурунг открыл глаза и так взглянул на Турамбара, что воин выронил меч и рухнул как подкошенный.

Предсмертный вопль Великого Змея разнесся далеко окрест. Его услышали люди у Нен Гирит. Они видели пожар, видели, как взлетают камни там, где бился дракон, и решили, что он торжествует победу, а воины погибли. Как только голос Глаурунга достиг ушей Ниниэль, ноги ее подкосились и знакомый мрак застлал глаза. Она впала в прежнее оцепенение и не могла шевельнуться.

В таком виде и нашел ее Брандир, когда доковылял наконец до Нен Гирит. Ему рассказали, что дракон перебрался через ущелье, а Турин и его товарищи, видимо, погибли. Брандир преисполнился жалости к Ниниэль, но тут же мелькнула у него и такая мысль: «Турамбар мертв, а Ниниэль жива. Надо увести ее, может, мы еще спасемся вдвоем». Он взял ее за руку и сказал: «Идем! Идем скорее!» Не отвечая, она безвольно поднялась и покорно пошла за ним. В наступившей темноте их ухода никто не заметил.

Они спускались по тропинке к Перекрестку. В это время взошла Луна и на землю лег серый, призрачный свет. Ниниэль очнулась и спросила: «Куда мы идем?» Брандир озабоченно пробормотал, что есть лишь один путь — бежать от дракона со всех ног, но Ниниэль остановилась и вырвала руку.

— Черный Меч был моим мужем. Я пойду только к нему. Куда мне еще идти? — сказала она удивленно, но твердо, и быстро пошла вперед. В лунном свете перед ней поднималась вершина Хауд-эн-Эллеф, и внезапно женщину охватил страх. Она вскрикнула и, уронив с плеч плащ, бросилась бежать. Ее фигура мелькала белым пятном по берегу реки. Брандир поспешил ей наперерез, но куда было хромому угнаться за испуганной женщиной! Он едва доковылял до середины, когда Ниниэль уже добралась до обрыва. Даже не взглянув на тушу поверженного чудовища, она бросилась к Турамбару, неподвижно лежавшему рядом. Она звала мужа, но он не отвечал. Заметив обожженную ядом руку, она омыла ее слезами и перевязала полосой, оторванной от своей одежды, и все время звала Турамбара, плача и причитая. Крики ее дошли до угасающего сознания Глаурунга. Он шевельнулся едва заметно и, чуть приоткрыв глаза, слабо прошелестел:

— А-а, Ниэнор, дочь Хурина! Опять мы встретились... Теперь уж в последний раз. Видишь, я принес тебе радость: ты нашла наконец своего братца. Но ты не знаешь его, послушай, я расскажу... Вот он лежит, подлый ночной убийца, вероломный с врагами и бесчестный с друзьями, проклятие Дома Хурина. Но худшее из его злодеяний ты носишь в себе...

С этими словами Великий Змей затих навсегда. Пелена его злобы спала с разума бедной женщины, и она вспомнила всю свою жизнь... Тогда долгим взглядом посмотрела она на мужа и медленно проговорила:

— Прощай, о дважды любимый! Прощай, Турин Турамбар, побежденный судьбой. Какое счастье быть мертвым!

Все это слышал Брандир, который как раз взбирался на обрыв. Он заспешил, сообразив, к чему ее горькие слова, но и тут опоздал и успел лишь увидеть, как, обезумев от нестерпимой муки, метнулась Ниэнор к краю пропасти и исчезла. Ни крика, ни звука падения не разобрать было в реве бушующей внизу воды.

Брандир осторожно приблизился к краю и заглянул вниз, но тут же отпрянул и отошел подальше. Теперь и он не дорожил жизнью, но тоже искать смерти в пенных водах внизу не собирался.

С тех пор в это ущелье никто не заглядывал. Даже птицы и звери избегали его. Ни дерево, ни былинка не оживляли обрыв, прозванный Кебед Наэрамарт, Утес Обреченных.

Брандир вернулся к Нен Гирит. Там ведь оставался его народ. В лесу он встретил Дорласа и убил его. Это была первая и последняя кровь, пролитая правителем народа Халефь. Когда он подошел к людям, они закричали ему навстречу:

— Ниниэль пропала! Ты не видел ее? Тихо ответил Брандир:

— Ниниэль не придет больше. Дракон мертв. И Турамбар мертв. Это — добрые вести.

Слова его вызвали глухой ропот. Люди решили, что он сошел с ума. Но Брандир поднял руку, требуя внимания, и продолжал:

— Слушайте меня, люди Народа Халефь! Выслушайте меня до конца. Моя любимая Ниниэль мертва. Она бросилась в воды Тейглина, потому что не хотела жить больше, когда узнала свое настоящее имя — Ниэнор, дочь Хурина из Дор Ломит. А еще она встретилась со своим братом. Вы знаете его. Это Турамбар, который раньше носил имя Турина, сына Хурина.

Правитель умолк. Многие плакали. И в этот момент перед ними предстал Турин. Со смертью дракона кончилось действие чар, забытие сменилось глубоким сном, навеянным страшной усталостью. Ночной холод и рукоять Гурфанга, больно упиравшаяся в бок, пробудили его. Прежде всего Турину бросилась в глаза его перевязанная рука. Значит, кто-то позаботился о нем? Но тогда почему же его оставили здесь, на холодных камнях? Он позвал, но ответа не получил. Тогда, страдая от боли в руке, он поднялся и побрел к людям.

Когда он предстал перед ними, от него шарахнулись, как от призрака. Это удивило его. Он громко воскликнул:

— Радуйтесь, люди! Дракон мертв, а я жив! Но зачем вы пришли сюда? И где Ниниэль? Я хочу видеть ее. Неужели и она пришла с вами?

Брандир горестно покачал головой и сказал, что Ниниэль, хоть и пришла вместе с ними, но теперь мертва. Тогда жена Дорласа воскликнула:

— Не слушай его, Турамбар! Он рехнулся! Ведь он только что сказал, что ты тоже мертв! И еще назвал это доброй вестью! Но ты же живой!

Ярость охватила Турина. Он решил, что Брандир лжет из зависти к нему, к его любви и семейному счастью. Гневно заговорил он с правителем, обвиняя в злых кознях и понося за слабость и увечье. В ответ Брандир поведал услышанное на обрыве. Он назвал Ниниэль настоящим именем и с болью выкрикнул в лицо Турину последние слова умирающего Глаурунга, назвавшего Турина проклятьем рода, приносящим зло всем, кто приютит его.

Турамбар совершенно обезумел. Он явственно различил в словах правителя победные шаги Рока, наконец-то настигшего его. Уже не рассуждая, он обвинил Брандира в смерти Ниниэль и в том, что он возвел гнусную ложь, стремясь очернить Турина и прикрываясь словами дракона, которых больше никто не слышал. Все больше распаляясь, Турамбар проклял Брандира и убил его, а потом скрылся в лесу. Некоторое время спустя безумие оставило его. Тогда он пришел на Хауд-эн-Эллеф и сел там, горестно размышляя о своей злосчастной судьбе. Он взывал к памяти Финдуилас, прося у нее совета: идти ли ему в Дориат, к родным, либо искать смерти на поле брани. Долго сидел он на холме, глубоко задумавшись.

Тем временем через Перекресток с отрядом Серых Эльфов проходил Маблунг. Он издали заметил Турина, подбежал и радостно приветствовал его. Прослышав о появлении Глаурунга, он как раз шел предупредить Мормегила, чтобы тот был настороже, и, если нужно, помочь. Турин выслушал его и вздохнул.

— Вы опоздали. Дракон мертв.

Сначала эльфы не поверили, потом сочли это чудом и стали славить беспримерный подвиг, но он равнодушно отмахнулся и только спросил:

— Скажи мне, правда ли, что мои родные в Дориате? Я слышал в Дор Ломине, что они ушли туда...

Смутился Маблунг, но волей-неволей пришлось рассказать, как пропала Морвен, как дракон наслал чары забвения на Ниэнор и как исчезла она возле самой границы Дориата.

После такого рассказа у Турина не осталось сомнений в том, что злой рок настиг его. Напрасно он убил Брандира. Сбывались слова Глаурунга. Словно безумный, расхохотался Турин и воскликнул:

— Вот уж действительно, злая насмешка! Потом он посоветовал Маблунгу убраться в свой треклятый

Дориат.

— Будь проклята твоя помощь! Только ее мне и не хватало! — вскричал он. — Ну, теперь-то чаша полна. Ночь наступает!

С этими бессвязными выкриками он бросился бежать с холма. Эльфы, недоумевая, какая муха его укусила, поспешили за ним. Турин мчался, как ветер и, взбежав на вершину обрыва, услышал рев воды внизу. Тогда он вынул меч — последнее свое достояние и обратился к нему:

— Приветствую тебя, славный Гурфанг! Ни чести у тебя, ни совести. Тебе все равно, чью кровь проливать. Так не возьмешь ли мою, Турина Турамбара? Верным ли будет твой последний удар?

И вдруг клинок отозвался холодным, звенящим голосом:

— Я с радостью приму твою кровь, Турин Турамбар! Она нужна мне, чтобы забыть кровь господина моего Белега, чтобы забыть кровь несчастного Брандира. Да, я убью тебя быстро.

Тогда Турин упер рукоять меча в землю и бросился на него. Черный Меч взял его жизнь. Маблунг, подоспевший с эльфами к скорбному месту, остановился пораженный. Перед ним виселась туша дракона, а рядом лежал несчастный Турин. Подошли люди Народа Халефь и поведали, что знали. Маблунг горько произнес:

— Значит, и я был орудием Судьбы для детей Хурина. Воин, любезный моему сердцу, пал, сраженный моими словами.

Вместе они подняли тело Турина и увидели, что от Гурфанга остались одни обломки. Эльфы принесли на обрыв много дров и, сложив огромный костер, спалили тушу Глаурунга дотла. Турина положили на высоком обрыве вместе с ножнами Гурфанга и затанули над ним долгий погребальный плач. Потом воздвигли над воином большой серый камень. На нем рунами Дориата высечены слова: «ТУРИН ТУРАМБАР, ПОБЕДИТЕЛЬ ДРАКОНА», а чуть ниже «НИЭНОР НИНИЭЛЬ», хотя это и неправда, ибо Тейглин никогда не выдал тайны, где покоится ее тело.

Глава 22

ГИБЕЛЬ ДОРИАТА

Рассказ о Турине Турамбаре закончен, но не закончен перечень злых дел Моргота, и не закончены его счета с Домом Хадора. Ни Хурин, неотлучно находившийся под его присмотром, ни безумная Морвен, скитавшаяся в глуши, не могли утолить злобу Врага к этому роду.

Горькая судьба выпала Хурину, ибо видел он, как воплощается проклятье, но смотрел глазами Моргота и не мог отделить правды от лжи. Любая добрая весть неминуемо искажалась Врагом, но особенно усердствовал он, стараясь очернить Тингола и Мелиан, ибо боялся и ненавидел их больше всех. И вот, когда подошло время, Враг снял заклятие с Хурина и отпустил на все четыре стороны, словно проникся жалостью к поверженному противнику, потерявшему все; на самом же деле Моргот решил, что пора выпустить в мир Хурина, успевшего достаточно возненавидеть и людей, и эльфов.

Прекрасно зная, что жалость неведома Морготу, и поэтому не веря ни единому слову, Хурин тем не менее принял свободу и ушел, унося в сердце семена лжи, умело посеянные Темным Властелином. Со смерти его сына прошел уже год. Двадцать восемь лет провел Хурин в Ангбанде, и, конечно, годы и страдания не сделали его облик краше. С длинными седыми волосами, с бородой, падавшей на грудь, суровый и непокоренный, шел он, опираясь на черный посох, и большой меч покачивался в ножнах в такт его широким шагам. А впереди него летели слухи. Вастакам стало известно, что из Ангбанда выступил большой отряд. Он пересекает Анфауглиф и скоро будет в Хитлуме. С отрядом идет какой-то старик, которому оказывают немалые почести. Теперь вастаки держались подальше от Хурина и он мог свободно ходить по некогда своим Землям. Зато народ Хадора избегал бывшего правителя: ведь он пришел из Ангбанда и там, по слухам, был в чести. Очень скоро такая свобода еще больше озлобила Хурина, и он ушел в горы.

Однажды, разглядев в туманной дали вершины Криссаэгрима, Хурин вспомнил Короля Тургона и решил отправиться в Гондолин. Он и не подозревал, что за каждым его шагом следит не одна пара преданных Морготу глаз. Спустившись с Эред Ветрин, он миновал броды Бретиля, пересек Димбар и подошел к горам, ограждающим Гондолин. Зброшен и дик был этот край: сколько ни вглядывался Хурин, он не мог разглядеть никаких следов былого. Когда-то здесь, по руслу пересохшей реки, был проложен древний тракт, и неподалеку от места, где он стоял сейчас, поднимались сводчатые врата... Хурин взглянул вверх, надеясь, как в юности, на помощь Горных Орлов, но вместо них увидел только призрачные, неверные тени, наплывавшие с востока и клубившиеся вокруг скальных пиков, вздымавших то здесь, то там угрюмые вершины. И над всем этим запустением — заунывный свист ветра в камнях и трещинах.

Хурин не видел Орлов, но они давно заметили его. С некоторых пор их дозоры были даже удвоены. Зоркие глаза царственных птиц разглядели внизу, среди каменного крошева, одинокую фигуру. Сам Торондор, ввиду важности известия, доложил о нем Тургону. Но Король не поверил.

— Что же Моргот, заснул, что ли? — удивленно проговорил он. — Вы, верно, ошиблись.

— Если бы Орлы Манвэ ошибались, — с достоинством ответил Торондор, — твоего королевства давно бы не было, Повелитель.

— Стало быть, вести твои пророчат беду, — промолвил Тургон. — Это может означать только одно — Хурин Талион сломлен Врагом и не страшен ему больше. Но тогда он страшен для нас. Я не могу принять его у себя.

Торондор давно улетел, а Король все сидел в глубокой задумчивости. Чем больше вспоминал он о подвигах правителя Дор Ломина, тем больше росла его тревога. В конце концов он все же попросил Орлов отыскать Хурина и доставить его в Гондолин. Но было поздно. Орлы больше не видели его. Хурин же стоял среди утесов, и закатное солнце красило багрянцем его седую бороду. Проклиная бесчувственные камни, поднялся он на вершину одинокой скалы и, обернувшись в сторону Гондолина, воззвал могучим голосом:

— Тургон! Тургон! Вспомни Топи Сереха! Услышь меня в своих скрытых покоях, Тургон!

Ответом ему был лишь свист и шелест ветра в сухих колючих травах.

— Точно так же шелестели они на закате в болотах Сереха, — горько проговорил Турин, и в этот момент солнце скрылось за Сумеречными Горами, пала тьма и стих ветер. Пустынно и глухо было вокруг.

Пустынно, да не совсем. Нашлись уши, слышавшие горестный призыв Хурина. Скоро Темный Владыка на севере уже принимал подробный доклад одного из своих бесчисленных шпионов. Улыбнулся Моргот: теперь знал он, где обитает враг его, Тургон. До сих пор из-за проклятых Орлов ни одному его разведчику не удавалось заглянуть в кольцо гор. Теперь в этом не было нужды, местонахождение Гондолина открылось. Так освобождение Хурина начало приносить плоды.

Хурин же в темноте спустился к подножью скалы и заснул тяжелым сном. В сновидении услышал он скорбный голос жены своей, Морвен. Она причитала, словно на похоронах, часто повторяя имя Хурина, и воину казалось, что голос доносится со стороны Бретильских Лесов. Проснувшись поутру, он отправился туда. К Перекрестку на Тейглине он вышел ночью, и хотя дозорные заметили его, но остановить побоялись, ибо решили, что это призрак из какого-нибудь древнего кургана бродит, окутанный тьмой, как могильным саваном. Уже под вечер следующего дня Хурин пришел к месту, где был повержен Глаурунг. Там на краю обрыва стоял высокий камень. Старый воин знал, что за слова высечены на гладкой грани. Вдруг Хурин почувствовал, что он не один здесь. У подножья камня, скорчившись, притулилась женская фигура. Хурин долго стоял не шевелясь. Вечерело. Женщина откинула капюшон потрепанного плаща и подняла лицо. Седая, старая, с безумным взглядом, — и все же он узнал в ней гордую прекрасную Морвен Эледвень давних дней.

— Ты пришел наконец, — с трудом произнесла она глухим, надтреснутым голосом. — Я очень долго ждала тебя.

— Темна была дорога, — ответил Хурин. — Я пришел, как только смог.

— Слишком поздно. Их уже нет, — жалко улыбнулась Морвен.

— Я знаю. Зато есть ты.

— И меня почти нет. Близится час. Я уйду с последним лучом солнца. Времени осталось мало. Если ты знаешь, скажи, как она нашла его?

Но Хурин ничего не ответил, и они молча сидели возле камня. Когда солнце скрылось за дальними горами, Морвен вздохнула, слегка сжала руку мужа и больше не двигалась. Хурин понял, что она мертва. В сумерках лицо ее было спокойным, казалось, следы горя и лишений стерлись и сквозь них проступили давно забытые прекрасные черты.

— Ее не смогли победить, — прошептал Хурин и закрыл глаза умершей. Он долго сидел, неподвижный, как изваяние. Спускалась ночь. Ревел внизу сжатый теснинами Тейглин, а Хурин ничего не слышал, ничего не видел, ничего не чувствовал; сердце его окаменело от горя. Но вот порывистый ветер плеснул ему в лицо холодным дождем и заставил очнуться. В груди старого воина, подчиняя рассудок, клубился теперь гнев. Мести требовала душа. Кто-то должен был поплатиться за все несправедливости, выпавшие на долю его самого и его близких. Встал Хурин и похоронил жену с западной стороны от камня, а после высек ниже прежней надписи такие слова: «И Морвен Эледвель покоится здесь».

Говорят, что живший в Бретиле провидец и музыкант Глируин сложил песню о Камне Несчастных, предрекая, что никогда Морготу не осквернить его и не исчезнет камень, даже если Море покроет эти земли. Так и случилось. Одинокий Тол Морвен высится среди волн, вдали от новых берегов, рожденных во Дни Гнева Валаров.

Но Хурина нет под этим камнем. Злосчастная судьба влекла его дальше, и Тень Рока неотступно следовала за ним по пятам.

Хурин переправился через Тейглин и по древней дороге двинулся на юг, к Нарготронду. Далеко на востоке виднелась вершина Амон Руд — он знал обо всем, случившемся там. Дойдя до берега Нарога, Хурин рискнул по упавшим камням моста перебраться на ту сторону. До него здесь же переходил стремнину Маблунг. И вот, опираясь на посох, Хурин стоит перед разрушенными Вратами Фелагунда. Надобно сказать, что после гибели Глаурунга в дальних покоях Нарготронда остались немалые сокровища.

Невесть как пробравшийся в развалины Мим отыскал их и теперь проводил дни, перебирая золото и самоцветы, пересыпая их с ладони на ладонь и без конца пересчитывая. Он не опасался грабителей. Никто и близко не подходил к развалинам, столь страшен был дух Глаурунга и даже само воспоминание о нем.

Но вот кто-то пришел и встал на пороге. Мим заковылял к выходу — узнать, зачем пожаловал пришелец и кто он такой. Хурин, разглядев уродца, грозно осведомился:

— А ты кто таков, что осмеливаешься заступать мне дорогу в дом Финрода Фелагунда?

— Я — Мим, — отвечал гном. — Задолго до того, как Надменный Народ пришел из-за Моря, гномы высекли покои Налаккиздин. Теперь я, последний из моего народа, вернулся взять свое.

— Ну, недолго тебе владеть богатством, — зловеще усмехнулся Хурин. — Теперь, пожалуй, и я назову себя. Я — Хурин, сын Галдора, вернувшийся из Ангбанда. Был у меня сын — Турин Турамбар. Вижу, не забыл ты его. Это он сразил Глаурунга, превратившего Нарготронд в развалины. Хоть и был я далеко, но знаю, кто предал Шлем Дракона Дор Ломина.

В страхе Мим стал умолять воина взять все, что пожелает, забрать вообще хоть все сокровища, только пощадить его, но Хурин не внял мольбе и убил гнома на пороге Нарготронда. Сам он недолго оставался здесь. Во мраке мерцали и искрились богатства Валинора, но, когда Хурин снова вышел на свет, при нем была лишь одна вещь.

Дальше путь его лежал на восток, к Сумеречным Озерам. Там его остановили дозорные Дориата и доставили к Королю в Менегрот. Велико было изумление Тингола, когда он признал в суровом старце Хурина Талиона, пленника Моргота. Однако он достойно приветствовал прославленного воина и оказал ему радушный прием. Ни слова не ответил Хурин. Лишь распахнул плащ и достал взятое в Нарготронде знаменитое Ожерелье Гномов, Наугламир, бесценное сокровище, самое известное из Творений Давних Дней, созданное когда-то мастерами Ногрода для Государя Фелагунда. Сам Финрод ценил его выше всех других богатств Нарготронда. Хурин швырнул ожерелье к ногам Тингола вместе с горьким упреком.

— Вот плата, — воскликнул он, — за заботу о моей жене и моих детях! Это — Наугламир. Я вынес его из мрака Нарготронда, где его оставил твой родич Финрод, уходя вместе с Береном, сыном Барахира, исполнять прихоть Короля Дориата!

Тингол всмотрелся и узнал Наугламир. Он понял намек, но сдержал гнев и не обратил внимания на презрительный тон старого воина. Тут заговорила Мелиан:

— Хурин Талион! — сказала она. — Ты долго пробыл под чарами Моргота. А тот, кто смотрит его глазами, вольно или невольно видит все в искаженном свете. Твой сын Турин воспитывался у нас, в Менегроте, и кроме любви и уважения ничего плохого не видел. Не по нашей воле покинул он Дориат. Твою жену и дочь приняли здесь с почетом, они ни в чем не знали отказа. Мы приложили все силы, чтобы отговорить Морвен идти в Нарготронд. А теперь ты бранишь своих друзей, но устами твоими говорит Враг.

Долго вглядывался Хурин в глаза Королевы Мелиан.

Сквозь Чудесный Пояс не проникала ложь Моргота, поэтому внял он словам Королевы и постиг всю полноту горя, отмеренную на его долю Морготом Бауглиром. Молча шагнул он вперед, поднял Ожерелье и протянул Тинголу со словами:

— Прими, Государь, Ожерелье Гномов в дар от нищего, в память о Хурине из Дор Ломина. Цель Моргота достигнута, судьба моя исполнилась, но я больше не раб ему.

Он повернулся и покинул Менегрот. Эльфы, едва взглянув ему в лицо, расступались, даже не думая преграждать дорогу. Никто не знал, куда он ушел. Но говорят, что, не имея больше цели и желаний, сильнейший из смертных кончил свою жизнь в волнах Западного Моря.

Хурин давно ушел, а Тингол в молчании все разглядывал драгоценность, лежавшую у него на коленях. И пришла ему в голову мысль переделать ожерелье и вставить в него Сильмарилл. Годы шли. Король каждый день смотрел на Дивный Камень Феанора; дошло до того, что даже надежной сокровищнице перестал он доверять и решил постоянно держать камень при себе.

В те дни Синегорские Гномы еще забредали в Белерианд. Древний Гномий Тракт не зарастал. Никто

не мог сравниться с Малым Народом в искусстве работы по металлу и камню, а в Менегроте всегда была нужда в украшениях. Правда, времена были не те, чтобы бродить в одиночку. Гномы являлись теперь большими, хорошо вооруженными отрядами и могли постоять за себя на равнинах между Аросом и Гелионом. В Дориате они останавливались в специально отведенных для них палатах и кузницах, расположенных поодаль от королевских покоев. Вскоре один такой отряд из Ногрода прибыл ко двору. Призвал их Тингол и объявил о своем желании переделать Наугламир и вставить в него Сильмарилл. Когда взглянули гномы на работу своих отцов, они онемели, а когда их глазам предстал Дивный Камень, охватила их страсть к обладанию этими невиданными сокровищами. Однако до поры скрыли они намерение унести их к себе в подгорные дома и не моргнув глазом согласились взяться за эту работу.

Долго трудились гномы. Тингол часто приходил в кузницы и подолгу наблюдал, как постукивают маленькие молоты по разогретому металлу. И вот его желание сбылось. Величайшие творения гномов и эльфов воссоединились в ожерелье небывалой красоты. Свет Сильмарилла дробился и отражался в бесчисленных гранях самоцветов, приобретая волшебные оттенки. Тингол, не раз спускавшийся в кузницу, хотел надеть Ожерелье, но гномы остановили его. Они потребовали отдать Наугламир и говорили при этом: «По какому праву эльфийский король считает своим Ожерелье, сделанное нашими отцами для государя Финрода Фелагунда? Он ведь погиб. Сокровище принес Хурин, человек из Дор Ломина, а где он его взял? Украл в Нарготронде...»

Тингол, конечно, понял их умысел, — понял, что ищут они лишь предлог для ссоры, но в гневе пренебрег опасностью и презрительно бросил им в лицо:

— Вам ли, корявому народу, требовать что-то от меня, Элу Тингола, Владыки Белерианда, чья жизнь началась у вод Куивизнен задолго до того, как проснулись праотцы ваши?

Высокий и надменный, стоял он среди них и стыдил и корил за наглые речи, а потом приказал убираться из Дориата, не помышляя ни о каком вознаграждении.

Уже не жадность, а гнев пробудили в гномах слова Короля. Они столпились вокруг Тингола и убили его. Так погиб в подземельях Менегрота Эльвэ, Элу Тингол, Король Дориата, единственный из Детей Илуватара, связавший жизнь с дочерью из народа Айнуиров, единственный из Мориквэнди, глаза которого видели свет живых Дерев Валинора, а после — их ответ в сияющей глубине Сильмарилла.

Забрав Наугламир, гномы поспешно оставили Менегрот и бежали к востоку через Регион. Но погоня была быстрой и расправа беспощадной. Ожерелье вернулось в Менегрот, а в Синие Горы вернулись только двое убийц Тингола, случайно уцелевших на восточном тракте. Дома, в Ногроде, они рассказывали, как эльфы по приказу Короля Дориата перебили целый отряд гномов, лишь бы не платить мастерам за работу. Трудно описать ярость и плач, царившие в Ногроде после этого лживого рассказа. Гномы рвали бороды, выли и причитали, а потом начали замышлять месть. Они послали за помощью в Белегост, но получили отказ и совет не связываться с эльфами. Совета не послушались, и вскоре огромное войско выступило из Ногрода и, перейдя Гелион, двинулось через Белерианд на запад.

Тягостное оцепенение владело Дориатом. Королева Мелиан молча сидела у тела мужа, и мысли ее витали в далеком прошлом, в звездных годах их первой встречи под пение соловьев Нан Эльмута. Знала она, что разлука с Тинголом — только предвестие еще горшей разлуки, что близится Рок Дориата. Ведь Мелиан была дочерью обладавшего пророческим даром народа Майа, принявшая ради любви к Эльвэ облик Старших Детей Илуватара. Их союз привязал Мелиан к Арде узами плоти, коим обязана была рождением Лучиэнь Тинувиэль. В этом облике достигла Мелиан власти над веществом Арды, и долгие годы ее Пояс ограждал Дориат от внешних зол. Но вот перед ней лежит Тингол, и дух его ушел в чертоги Мандоса. Гибель Короля многое изменила и в самой Мелиан. Ее сила покидала леса Нелдорета и Региона, менялся голос зачарованного Эсгалдуина, и ничто больше не защищало Дориат от врагов.

Только с Маблунгом говорила Королева после гибели Тингола. Она наказала позаботиться о Сильмарилле и немедленно послать весть Берену и Лучиэнь в Оссирианд. Больше Мелиан не видели в Среднеземье. Она вернулась в страну Валаров, чтобы там, в садах Лориена, грустить и размышлять о событиях и делах на Арде. С этого времени предание молчит о ней.

Войско Наугримов, перейдя Арос, не встретило сопротивления и вступило в леса Дориата. Гномы были многочисленны и свирепы, а военачальники Серых Эльфов растерянны и не готовы к войне. Гномы

вошли в Менегрот. Здесь совершилось самое прискорбное из событий Древнейших Дней. В глубинах подземного дворца началась битва; множество эльфов и гномов пало в ней. Победа досталась гномам. Палаты Тингола были разграблены. Маблунг Тяжелая Рука пал перед дверями сокровищницы, пытаясь уберечь Сильмарилл. Но и Дивный Камень Феанора, и Наугламир, неразделимые теперь, оказались захвачены гномами.

В то время Берен и Лучиэнь еще жили на зеленом острове Тол Гален посреди Адаранта, стремящего воды в Гелион. Их сын Диор уже вырос. Он взял в жены Нимлот, племянницу Келеберна, женатого на Владычице Галадриэль. У Диора и Нимлот были дети: сыновья — Элуред и Элурин и дочь — Эльвинг, Звездная Россыпь. Ее называли так потому, что родилась она ночью, в сиянии звезд, сверкавших в брызгах водопада Лантир Ламат у порога отчего дома.

По Оссирианду быстро пронеслась весть об огромной рати гномов, спустившейся с гор в боевых порядках. Узнали о том и Берен с Лучиэнь. Тогда же к ним прибыл гонец из Дориата и рассказал о случившемся. Берен взял с собой Диора и повел на север Зеленых Эльфов Оссирианда.

Сильно поредевшее войско гномов, возвращавшееся из Менегрота, возле Сарн Атрад неожиданно атаковали невидимые враги. Как раз когда гномы, пыхтя и отдуваясь под тяжестью награбленного в Дориате, поднимались по откосу на высокий берег реки, воздух вдруг наполнился пением эльфийских рогов, а потом свистом дротиков и стрел. Множество гномов полегло в этой первой схватке. Собственно, она была и последней. Те из гномов, кому удалось вырваться из засады, с трудом построились и, не принимая боя, поспешно отступили к горам. Их не преследовали. Казалось, опасность миновала. Но на пологих склонах горы Долмед гномов поджидала беда похуже копий и стрел. Против них ополчились Пастыри Деревьев и загнали в сумрачные леса Эред Линдон. Там и закончился поход гномов. Домой они не вернулись.

Сражение у Сарн Атрад стало последним боем Берена. Схватившись в поединке с государем Ногрода, Берен сразил его и вырвал Ожерелье. Однако, умирая, гном проклял все сокровища Дориата.

Берен с изумлением смотрел на Сильмарилл, который сам вынул из короны Моргота. Теперь Камень Феанора сиял среди жемчугов и самоцветов в роскошной золотой оправе, сработанной искусными руками гномов. На камне запеклась кровь. Берен смыл ее в водах реки. После окончания сражения всю добычу гномов бросили на дно. С этих пор река Аскар стала зваться Рафлориэль, Золотое Дно. Только Наугламир забрал Берен с собой, когда возвращался на Тол Гален.

Лучиэнь не обрадовал рассказ о победе над гномами. Однако Ожерелье она носила — так поется в песнях. Бессмертный Камень словно стер ненадолго границы между землями Валаров и Краем Победивших Смерть. Даже спустя много лет эта удивительная область славилась несравненным плодородием и какой-то нездешней красотой.

Диор, наследник Тингола, собрался покинуть Лантир Ламат. Он попрощался с Берегом и Лучиэнь и вместе с женой и детьми перебрался жить в Менегрот. Его приняли с радостью. Синдары немного успокоились после недавних утрат и под руководством Диора взялись отстраивать королевство заново, решив вернуть ему славу и блеск прежнего Дориата.

Как-то поздним вечером, в осеннюю непогоду, в ворота Менегрота постучали. К Королю требовал доступа правитель Зеленых Эльфов Оссирианда. Его провели в королевские покои. Он подал Диору ларец и тут же ушел. Откинув крышку, Диор долго смотрел на хорошо знакомое ему Ожерелье. Сей знак неоспоримо свидетельствовал, что Берен Эргамион и Лучиэнь Тинувиэль навсегда покинули мир и ушли навстречу судьбе путем, предназначенным Младшим Детям Илуватара.

Перед Диором сиял дивным светом Сильмарилл, вырванный его родителями из мрака Моргота, и грустью заволакивался взор Короля Дориата, когда он думал о кратком веке, выпавшем героям. Позже Мудрые говорили, что Камень Феанора приблизил их конец — озаренная Сильмариллом красота Лучиэнь была слишком яркой для земель Смертных. Диор благоговейно взял Наугламир и застегнул на шее. Когда предстал он перед своими подданными, по залам пронесся вздох восхищения, ибо перед ними в образе Короля Дориата стоял прекраснейший из Детей Единого, сын трех великих народов: Эльдаров, Аданов и Майа.

Слухи о том, что Дивный Камень снова сияет на груди Диора, наследника Тингола, мгновенно распространились по Белерианду. «Сильмарилл Феанора снова сияет в лесах Дориата», — шептались эльфы. Пробудилось задремавшее было Проклятье, лежавшее на Доме Феанора. Пока Наугламир носила Лучиэнь, никто не осмеливался ни в чем упрекнуть ее. Теперь же, прослышав о восстановлении Дориата и о гордом его правителе, семеро горемык, скитавшихся невесть где, снова собрались вместе и послали к Диору гонца, требуя вернуть их собственность. Ответа они не получили. Келегорм до тех пор подбивал братьев напасть на Дориат, пока они не согласились. И вот, среди зимы, они неожиданно ворвались в Менегрот. В его подземных залах эльфы второй раз гибли от рук эльфов. Диор сразил в поединке Келегорма, здесь же нашли конец и Карафин, и мрачный Карантир. Но и Диор с женой не избежали печальной участи. Жестокие слуги Келегорма бросили сыновей Короля умирать голодной смертью в зимнем лесу. Маэдрос, узнав об этом, потратил много времени на их поиски, но тщетно. Молчат и предания. В них ни слова не говорится о дальнейшей судьбе Элуред и Элурина.

Дориат снова лежал в руинах, и теперь уже навсегда. Цели своей братья не достигли. Уцелевшие эльфы Дориата бежали, и с ними дочь Диора, Эльвинг. Им удалось спастись самим и спасти Сильмарилл. Спустя некоторое время они объявились на побережье, в Дельте Сириона.

Глава 23

ТУОР И ПАДЕНИЕ ГОНДОЛИНА

Сказано, что Хуор, брат Хурина, пал в Битве Бессчетных Слез. Зимой того же года у его жены Риан родился в глуши Митрима сын по имени Туор. Эльф Аннаэл из Серых Эльфов взял его на воспитание. Туору исполнилось шестнадцать лет, когда последние Серые Эльфы решили покинуть пещеры Андрофа и перебраться на юг, к Гаваням на Сирионе. Но орки и вастаки разгромили отряд, Туор попал в плен, а потом в рабство к Лограну, одному из вожakov вастаков Хитлума. Три года влачил он рабскую жизнь и наконец бежал, вернулся в пещеры Андрофа и жил там один, жестоко мстя обидчикам, да так успешно, что Логран посулил за его голову немалую награду.

Четыре года вел Туор жизнь одинокого разбойника или, лучше сказать, мстителя, но вот однажды Владыка Ульмо избрал его для выполнения важной миссии. По его велению Туор покинул убежище в Андрофе и отправился в долгий путь на запад. Он прошел через Дор Ломин и с трудом отыскал Врата Нолдоров, поставленные народом Тургона, жившим когда-то в Неврасте. Отсюда вел под горами длинный туннель, заканчивающийся в Ущелье Радуг, по дну его неся к близкому морю бурный поток.

Путь Туора не проследил никто. Ни орк, ни человек не донесли Темному Владыке об одиноком путнике.

И вот Туор пришел в Невраст. Здесь ему впервые открылось Великое Море и покорило его навсегда. Отныне волнующаяся стихия и древняя музыка вод властно влекли Туора в дали владений Ульмо. Около года прожил он один в Неврасте на побережье.

Тем временем на просторах Среднеземья пробил час Нарготронда.

Пришла осень. В один из дней Туор увидел в море семь огромных лебедей, неторопливо плывших на юг, и понял, что это — долгожданный знак Владыки Ульмо. Он пошел за ними вдоль берега. Под горой Тэрас его ждали пустынные и заброшенные покои Виниамара и обещанные Ульмо щит, меч и доспех. Это Тургон, уходя в Гондолин, выполнил волю Владыки Вод. Туор облачился и вышел к воде.

С Запада надвигалась великая буря. В громе и грохоте взметенных волн явился Туору сам Валар Ульмо и повелел отправиться в Гондолин. Дабы обезопасить Туора в пути, дал Ульмо своему вестнику магический плащ, отводящий глаза врагам.

А утром, когда стихла буря, Туор встретил на берегу изможденного, обессиленного эльфа. Это был Воронвэ, сын Аранвэ из Гондолина, единственный из моряков, посланных Тургоном на Запад, кому удалось спастись. Шторм разбил их корабль уже в виду берегов Виниамара, но волны вынесли на песок одного лишь Воронвэ. Туор рассказал о воле Владыки Вод и попросил помочь отыскать дорогу в Гондолин. Эльф, видя воина в нолдорском шлеме былых времен и слыша его необычную речь, не посмел отказать посланцу Валаров. Дальше они пошли вместе. Неподалеку от Сумеречных Гор их застала зима. В этом году она была особенно лютой, и путники медленно продвигались на восток, ища защиты от жестокого северного ветра у подножия гор. Так достигли они озера Ивринь. Больно было видеть это некогда чистейшее озеро, загубленное Глаурунгом. С берега Ивринь заметили они высокого человека в черном плаще и с черным мечом, торопливо шагнувшего на север. Путник не обратил на них внимания, и они не стали окликать его, так и не узнав, кого повстречали.

Если бы не сила Ульмо, незримо питавшая в пути Туора и Воронвэ, не одолеть бы им этих заснеженных, скованных холодом лиг. Но с вышней помощью они достигли входа в Гондолин и, пройдя тайным подгорным туннелем, подошли к первым вратам, где повстречались с передовой заставой. Уставших путников вели по дну глубокого ущелья, потом дорога пошла вверх, они миновали семь врат и предстали перед Эктелионом, Стражем Гондолина. Туор сбросил плащ — древний нолдорский доспех и оружие из Виниамара убедили эльфов, что перед ними и впрямь посланник Ульмо. Отсюда Туор впервые окинул взглядом волшебную долину Тумладен, зеленым самоцветом лежащую в кольце гор, а за ней, на невысоком скалистом плато, раскинулся великий Гондолин, воспетый в песнях, прекраснейший из городов эльфов по эту сторону Моря.

По знаку Эктелиона на башнях запели трубы, и окрестные горы отозвались звонким эхом, а издали, с белых стен города, розовевших в лучах рассвета, донесся ответный сигнал.

Туор пересек Тумладен и вошел в ворота Гондолина. По широким лестницам его провели в королевские покои, украшенные изваяниями Дерев Валинора. Здесь предстал он перед Тургоном, сыном Фингольфина, Верховным Правителем Нолдоров. Одесную Короля стоял его племянник Маэглин, одесную сидела дочь Идриль Келебриндель. Туор заговорил, и присутствующие не поверили глазам: Человек ли это из Смертных стоит перед троном и вещает голосом, подобающим Валару? Туор предостерег Тургона, напомнив, что Проклятье Мандоса, словно меч, занесено над головами Нолдоров; он говорил о том, что приходит конец их трудам на этой земле, он повелел именем Ульмо оставить этот прекрасный и могучий город и уходить на юг, к Морю.

Долго обдумывал Король Тургон слова Валара. Многое приходило ему на память, и прежде всего давний совет Ульмо, данный еще в Виниамаре: «Не позволяй делам рук своих занять слишком много места в твоём сердце. Помни: истинная надежда Нолдоров на Западе, и прихода ее надо ждать с Моря». Но с тех пор прошли годы. Слишком горд стал Король Тургон, а Гондолин, память о Тирионе, — слишком прекрасен. Верил Тургон, как никогда, в непобедимую мощь тайной твердыни, и даже слова Валара не могли поколебать его. После Битвы Слез народ Гондолина зарекся вмешиваться в людские, эльфийские или чьи бы то ни было дела за пределами своего королевства; возвращаться на Запад и подвергать себя опасностям долгого пути тоже никому не хотелось. Укрывшись за неприступными горами, эльфы Гондолина никого не пускали к себе, будь то даже простой странник или беглец, претерпевший от Врага и преследуемый орками. О делах Среднеземья вести приходили отрывочные и редкие, так что в конце концов народ Тургона потерял к ним интерес. Разведчики Моргота тщетно пытались отыскать подходы к Скрытому Королевству. О Гондолине многие слышали, но никто его не видел. На совете, созванном Тургоном, против Туора резко выступил Маэглин. Надо сказать, Король благожелательно выслушал племянника, ибо слова Маэглина были по сердцу самому Тургону. В конце концов Король решил поступить по-своему. Тургона смущало только одно. Он помнил, как еще там, за Морем, говорил Мандос о предательстве, от которого произойдут многие беды. Вот предательства Тургон боялся. Но ожидая его извне, Король приказал замуровать даже естественную тайную тропу под горами и успокоился. Больше никто не покидал Гондолина. Гонцы стали не нужны, ибо не получали отныне поручений — ни о войне, ни о мире. Изредка прилетал Торондор. Однажды он принес вести о падении Нарготронда, еще через несколько лет — о гибели Тингола, а потом — о смерти Диора и разрушении Дориата. Но Тургон оставался глух к знакам беды, без промаха поражавшей эльфов и людей. Он только поклялся никогда не оказывать поддержки сыновьям Феанора и усилил гарнизоны горных крепостей.

Туор остался в Гондолине, очарованный красотой города, глубиной познаний здешнего народа и благостью мирной жизни. Теперь это был на редкость сильный и крепкий, мужественный человек, глубоко овладевший знаниями Нолдоров. Вскоре обратилось к нему сердце Идриль, королевской дочери, и сам Туор полюбил ее. Маэглин и раньше не выказывал ему расположения, а теперь племянник Тургона, больше всего на свете желавший обладать единственной наследницей Короля Гондолина, смертельно возненавидел человека. Король, напротив, всячески привечал Туора, во-первых, как вестника Владыки Ульмо, а во-вторых, не забыл Король слов Хуора, сказанных на поле боя, когда Нолдоры Гондолина под прикрытием людей отступили в Битве Слез. Расположение Короля простиралось так далеко, что по прошествии семи лет Туору не отказали даже в руке единственной дочери. По этому поводу состоялся великий пир. Все славили жениха и невесту и только Маэглин с кучкой своих приспешников смотрел на молодых с нескрываемой злобой. Так был заключен второй союз между людьми и эльфами.

Пятьсот три года минуло со дня прихода Нолдоров на восток, и этой весной у Туора и Идриль родился сын Эарендил Эльфинит. Дивной красотой отличался Эарендил, лицо его сияло нездешним светом, красота и разум Эльдаров счастливо сочетались в нем с силой и твердостью Людей Начальной Эпохи. От отца он унаследовал страстную любовь к морю и умение слушать и понимать голос волн.

В радости и мире пребывал Гондолин. Никому не приходило в голову, что тайна Скрытого Королевства, невольно выданная Хурином, уже известна Морготу. Теперь Враг часто уносился мыслью к гористому краю между Анахом и истоками Сириона. Его разведчикам все еще не удавалось проникнуть туда из-за бдительности Горных Орлов, стерегущих перевалы в горах, и это мешало завершению планов

Черного Властелина.

Идриль Келебриндель обладала чутким, вещим сердцем и потому ощущала приближение зла. Она сама, по своей воле, с несколькими преданными ей эльфами, начала прокладывать тайный путь на случай, если придется оставить город. Знали об этом очень немногие, особенно же Идриль следила, чтобы замысел не дошел до Маэглина.

Однажды (Эарендил был еще совсем маленьким) Маэглин пропал. Впрочем, на это никто не обратил внимания. Маэглин часто отлучался в горы. Хороший рудознатец, искусный мастер по металлу, он много сил отдавал поиску новых месторождений, иногда забираясь очень далеко. Бывало, он даже пересекал установленные границы, а Король и не ведал о нарушении своего строжайшего запрета, так случилось и на этот раз, но иначе кончилось. Волей судьбы Маэглин попал в лапы оркам, и его тотчас доставили в Ангбанд. Нельзя сказать, чтобы племянник Короля отличался слабоволием или малодушием, но пытки сломили его дух, и он выкупил жизнь и свободу, выдав Морготу точное местоположение Гондолина и тайные подходы к нему. Вот это был подарок так подарок! На радостях Темный Владыка посулил Маэглину трон Гондолина и Идриль Келебриндель в придачу, если удастся захватить владения Тургона. Не последнюю роль в этом беспримерном предательстве сыграла ненависть Маэглина к Туору и страсть к Идриль. Моргот отправил своего пленника и будущего вассала домой, чтобы в Гондолине не заподозрили измены и чтобы Маэглин был наготове, когда придет время. Он вернулся как ни в чем не бывало и продолжал жить во дворце с улыбкой на губах и черной изменой в сердце. Идриль чувствовала, как сгущаются незримые тучи.

Когда Эарендилу исполнилось семь лет, Моргот двинул рать на Гондолин. Снова впереди шли барлоги, и волки, и драконы из выводка Глаурунга, подросшие, многочисленные, свирепые, как никогда. Войска пробирались наиболее сложным путем — через высочайшие северные горы, охранявшиеся зато намного слабее, чем другие места.

В ночь под ежегодный летний праздник множество эльфов стояло на стенах города, ожидая восхода солнца, чтобы по обычаю приветствовать его восторженным гимном. Наутро должен был начаться великий пир. Но вместо зари на востоке небо неожиданно начало багроветь на севере. Никто не успел ничего понять, а враг уже был под стенами города, оказавшегося в кольце осады.

Множество подвигов совершили воины Гондолина, являя примеры высокой доблести и отчаянной храбрости. Не отставал от них и Туор. В древней балладе «Падение Гондолина» рассказано об этом, а еще повествует она о поединке Эктелиона с Готмагом, предводителем Барлогов, и о том, как могучий воин погиб на глазах Короля, одолев своего соперника, и о том, как мужественно оборонял башню сам Король и как нашел кончину под ее развалинами.

Туор дрался отчаянно. Он видел, как Маэглин схватил его жену и сына, и бросился им на выручку. Туор настиг злодея на стенах и бился с ним, пока не сбросил вниз. Тело Маэглина, падая, трижды ударилось о скалистые выступы Амон Гвареф и рухнуло в огонь, бушевавший под стенами. Среди начавшегося пожара Туор и Идриль с трудом собрали немногих уцелевших защитников города и увеличили тайным туннелем, подготовленным Идриль. Никто не знал о нем, а тем более — военачальники Ангбанда. Они никак не предполагали, что беглецы, буде таковые найдутся, пойдут на север, по направлению к землям Врага. Дым пожаров, пар от исчезающих фонтанов и языки драконьего огня окутали долину Тумладен. Никто не заметил бегства Туора с товарищами, но им пришлось нелегко. Длинным и узким туннелем с трудом пробирались раненые, дети и женщины. И все же они вышли на свет и поднялись в горы по холодным, заснеженным перевалам. По самому труднопроходимому, недаром носившему имя Орлиного, вилась узкая тропа. Справа вздымались отвесные скалы, а слева зияла головокружительная бездна. Вот этим путем и пробирались беглецы, когда неожиданно попали в орочью засаду, возглавляемую Барлогом. Множество таких засад приказал расставить Моргот на подступах к Гондолину. Положение эльфов было отчаянным. Даже отвага и доблесть золотоволосого Глорфиндейла, вождя одного из Домов Гондолина, не спасли бы их, не приди на помощь орлы Торондора.

О поединке Глорфиндейла с Барлогом на узком скальном уступе сложено много песен. Оба нашли свою гибель в бездне. Но с неба спустились Орлы. Мощными когтями и гигантскими крыльями они разогнали злобно визжащих орков, многих убили, а прочих побросали в пропасть. Моргот, конечно, узнал о

том, что из Гондолина кому-то удалось спастись, но значительно позже. А тогда, после окончания стычки, Торондор осторожно поднял из пропасти тело Глорфиндейла, и его предали земле. Над могилой воздвигли каменный курган, обложенный зеленым дерном. До самого изменения Мира здесь всегда цвели желтые цветы, и других поблизости не было.

Туор вывел остатки народа Гондолина в долину Сириона. Отсюда путь на юг был открыт. Но много сил пришлось затратить, пока беглецы достигли Ивового Края. Здесь стало легче. Воды реки еще не покинула сила Ульмо, она ощущалась и в воздухе приречной равнины. Люди и эльфы отдохнули, раны быстро заживали, усталость прошла, и только скорбь не покидала сердца. Нолдоры устроили тризну в память погибшего королевства, в память воинов, жен и дев, павших в Гондолине. Особенно часто в песнях звучало имя Глорфиндейла, которого любили все от мала до велика. Сложил песню и Туор. Он подарил ее сыну Эарендилу. В ней рассказывалось, как когда-то Владыка Вод Ульмо пришел к берегам Невраста. Когда Туор запел, в сердце его с новой силой вспыхнула тоска по морю и нашла отклик в сердце Эарендила. Вскоре Туор и Идриль покинули Ивовый Край и поселились на побережье, неподалеку от устья Сириона, вместе с эльфами из Дориата, которых незадолго перед тем привела Эльвинг, дочь Диора. С падением Гондолина и гибелью Тургона Верховным Правителем Нолдоров Среднеземья стал Гил-Гэлад, сын Фингона.

Моргот решил, что настал час его торжеств! Врагов больше не осталось. Где-то бродили еще сыновья Феанора, но ему было наплевать и на них, и на их клятву, которая так и не принесла ему никакого вреда, пожалуй, даже наоборот Моргот больше не жалел об утраченном Сильмарилле и только посмеивался, представляя, как Волшебный Камень поможет ему избавиться от последних жалких остатков Нолдоров в Среднеземье, сея среди них рознь и раздоры. Если и знал он о маленьком поселении на юге, то виду не показывал, не то выжидая, пока его жителей погубят древнее проклятье и ложь, не то втайне готовя удар. Как бы то ни было, а на побережье, никем не тревожимый, эльфийский народ медленно возрождался, набирая силы, бережно храня крупницы истины, вынесенные из Дориата и Гондолина. Их часто навещали мореходы Кирдэна, и вновь пришедшие эльфы постепенно вспоминали забытое искусство кораблестроения. Могущество Ульмо здесь ощущалось явственно, и под его благословением побережье заселялось и осваивалось.

Говорят, что в это время Владыка Ульмо явился в Валинор и призвал Валаров к состраданию судьбе эльфийских народов Среднеземья; он говорил о том, что нельзя дальше терпеть засилье Врага, нельзя допускать, чтобы Темный Властелин продолжал владеть Сильмариллами, хранящими свет Блаженных Дней. Молча слушал его Манвэ, а о том, что было у великого Валара на сердце, разве может рассказать предание? Мудрые ответили Владыке Вод, что час еще не настал, что изменить решение Сил Арды дано лишь тому, кто придет и по праву станет говорить от имени людей и эльфов, раскаявшись в содеянном зле и прося снисхождения к их бедам. Что до клятвы Феанора, то может и сам Манвэ не властен развязать этот узел судьбы, пока она не избудется в мире, пока не откажутся дети Феанора от своих неправых притязаний, вспомнив о том, что дивный свет, заключенный в Сильмариллах, создан Валарами.

А в далеком Среднеземье Туор почувствовал приближение старости. Чем слышнее становились ее шаги, тем сильнее испытывал Туор непреодолимую тягу к морским просторам. Построил он невиданный доселе корабль — Эараммэ было его название, Морское Крыло, и вместе с Идриль отплыл на Запад. Ни песни, ни предания Стародавних Дней не упоминают о нем больше. Значительно позже стали говорить, что Туор, единственный из Смертных, был причислен к Старшим Детям Илуватара, и судьба его не похожа на судьбы других людей.

Глава 24

ПЛАВАНИЕ ЭАРЕНДИЛА И ВОЙНА ГНЕВА

После ухода Туора Эарендил Светлый стал правителем народа, расселившегося возле устья Сириона. Он взял в жены Прекрасную Эльвинг, у них появились дети эльфиниты — Элронд и Элрос. Но не было Эарендилу покоя. Короткие плаванья вдоль побережья не приносили облегчения. Душа рвалась в Море. Два страстных желания, две мечты томили его: с тех пор как уплыли и не вернулись Туор и Идриль, хотел Эарендил разыскать их, а еще мечтал найти в бескрайних просторах Последний Берег — Край Блаженных Валаров на Западе — и пробудить в сердцах Владык Мира сострадание к горестям Людей и Эльфов Среднеземья.

К этому времени Эарендил крепко подружился с Кирдэном Корабелом. Эльф жил на острове Балар с тех пор, как пали крепости Бритумбара и Эглареста. Он помог Эарендилу построить прекрасный корабль Вингилот, Цветок Морей, воспетый во многих песнях. Корабль был действительно красив: с золочеными веслами, с белыми крепкими шпангоутами, гнутыми из березы, росшей в нимбретильских лесах, с парусами цвета лунного серебра. «Баллада об Эарендиле» рассказывает о многих плаваньях Цветка Морей. Эарендил побывал на дальних островах, в землях, где не ступала нога ни человека, ни эльфа, видел и узнал много нового, но ни Туора, ни Идриль не нашел. Не удалось ему достичь и берегов Валинора: их по-прежнему надежно ограждали чары. Сумрак поднимался над волнами, встречные течения и противные ветра сносили корабль, и в тоске по Эльвинг повернул Эарендил к берегам Белерианда. Сердце подсказывало поспешить, сны предвещали недоброе. Теперь ветра, с которыми он еще недавно спорил, удивляясь их силе и постоянству, казались ему слабыми, а бег корабля по волнам недостаточно быстрым.

Когда Маэдрос прослышал о том, что Эльвинг живет в устье Сириона и по-прежнему владеет Сильмариллом, угрызения совести, мучавшие его после нападения на Дориат, сначала заставили сына Феанора сдержаться. Но шло время, неисполненная клятва мучила братьев и наконец властно собрала их вместе, выманив из лесных дебрей и с охотничьих троп. Они посовещались и отправили на юг послание, с одной стороны, заверяя народ Сириона в Дружеском расположении, а с другой — требуя возврата Сильмарилла. Но ни Эльвинг, ни народ Сириона не хотели расставаться с Камнем, который добыл Берен, носила Лучиэнь, а Диор спас ценой собственной жизни. Они не без оснований полагали, что благоденствие и мир, снизошедшие на их дома и корабли в этом спокойном краю, связаны с благотворным действием этого чудесного камня. Правитель Эарендил был в Море, и пока его народ гадал, как ответить на послание, разразилась последняя из величайших бед, порожденных пресловутой клятвой. В третий раз эльф поднял руку на эльфа.

Сыновья Феанора внезапно напали на беглецов из Дориата и Гондолина и учинили жестокую резню. Здесь, на юге, жили и бывшие подданные братьев, многие из них не стали ввязываться в сражение, а некоторые даже встали на защиту Эльвинг. Не было единства среди Эльдаров в те дни, многие колебались и не знали, какое решение принять. Маэдрос и Мэглор выиграли бой, но Амрод и Амрос пали. Корабли Кирдэна и Гил-Гэлада не успели вовремя прийти на помощь эльфам Сириона. Немногие уцелевшие поведали Верховному Правителю, что сыновья Эльвинг, Элронд и Элрос, захвачены в плен, а сама она бросилась в море с Сильмариллом на груди. Гил-Гэлад повернул корабли к Балару. С ним ушли оставшиеся в живых жители побережья.

Маэдрос и Мэглор опять упустили Камень. Однако он не пропал. Ульмо поднял Эльвинг из морских вод и дал ей облик огромной белой птицы. С сияющим на груди Сильмариллом летела она над волнами в поисках любимого мужа.

Эарендил сам стоял за штурвалом Вингилота, когда в ночном мраке пронеслась, словно падучая звезда, морская птица, озаренная дивным пламенем. В предании сказано, как ударилась птица о ванты и упала на палубу без признаков жизни. Эарендил поднял нежданную гостью и отнес в каюту, а сам вернулся на вахту. Каково же было его изумление, когда утром увидел он свою ненаглядную Эльвинг.

Долго горевали они о великих утратах. Поселения в устье Сириона погибли в огне, сыновья пропали. Хоть и говорили, что они в плену, мать и отец опасались за их жизнь. К счастью, напрасно. Мэглор не

только сжалился над Элрондом и Элросом, но берег и лелеял их, а вскоре крепко привязался к эльфинитам, измученным древней клятвой сердцем.

Теперь Среднеземье стало мертво для Эарендила, возвращаться было незачем, и он снова повернул корабль в открытое море, только теперь рядом с ним на палубе стояла Эльвинг. Легкий обруч с Сильмариллом охватывал лоб Эарендила. Чем дальше уходил корабль на запад, тем ярче светился камень. Мудрые говорят, что именно его сила проложила путь Цветку Морей в заповедные воды, где бывали только корабли Тэлери. Эарендил миновал Зачарованные Острова, пересек Затененные Моря и вскоре ему открылся Тол Эрессеа, Одиноким Остров. Не задерживаясь у его берегов, Цветок Морей шел все вперед и вперед, и вот уже якорь падает на дно в заливе Эльдамар, и Тэлери в огромном изумлении смотрят на корабль с Востока и на капитана, во лбу у которого сияет великим светом легендарный Сильмарилл. Эарендил первым из Смертных ступил на Вечные Берега и, обратившись к жене и товарищам, сказал: «Заклинаю вас не сходить на берег, дабы не навлечь гнев Валаров. Пусть ради спасения двух народов опасность грозит только мне». И любящая Эльвинг ответила ему: «Тогда разойдутся наши пути навечно. Я не вынесу этого и, что бы ни случилось, пойду с тобой!» С этими словами она прыгнула в пену прибоя и встала рядом с мужем. Как ни опасался Эарендил гнева Владык Запада, способного поразить любого пришельца из Среднеземья, переступившего рубежи Амана, делать было нечего. Они простились с товарищами, прошедшими с ними этот беспримерный путь и, как выяснилось позже, простились навсегда.

Эарендил сказал жене: «Жди меня здесь; видно, мне на роду написано доставить Владыкам весть с Востока, но я сделаю это один. Такова моя судьба». И пошел Эарендил по земле Благословенного Края, и дивился, сколь пуста и безмолвна она. Отважный моряк не мог знать, что, подобно Морготу и Унголианте много веков назад пришел он во дни великого праздника, когда весь эльфийский народ собрался в Валимаре, или сидит в покоях Манвэ на Таниквэтил, оставив лишь немногих дозорных на стенах Тириона. Они давно заметили Эарендила, ибо великий свет Сильмарилла предвещал его появление. Немедленно были отправлены гонцы в Валимар. Эарендил тем временем поднялся на зеленую вершину Түны, но и там было пусто. Тогда испугался он — уж не зло ли какое проникло в Благословенные Земли, опустошив их? Он бродил по улицам Тириона, не замечая, как его дорожные сапоги покрывает алмазная пыль и они начинают сиять, словно редкостная драгоценность. Он поднимался по широким белым лестницам, он кричал на всех известных ему языках людей и эльфов. Ответом по-прежнему была тишина. Отчаявшись, он уже собрался повернуть назад, к морю, но тут его остановил сильный мерный голос:

— Привет тебе, Эарендил! Привет прославленному мореходу, настойчиво искавшему то, что всегда приходит неожиданным, взыскующему того, что приходит, когда уже нет надежды. Привет тебе, Хранитель Предвечного Света, благороднейший из Детей Земли, звезда во мраке, алмаз заката, утренний луч!

На вершине ближайшего холма стоял Эонвэ, глашатай Манвэ. Он пришел из Валимара и пригласил Эарендила последовать за ним и предстать перед Силами Арды. И моряк пришел в Валимар, чтобы никогда больше не вернуться на земли, населенные Людьюми. Он говорил перед Валарами от имени Двух Народов и просил прощения для Нолдоров, жалости к их бедам и страданиям, милосердия к эльфам и людям и помощи в трудный час. И Валары вняли мольбе Эарендила.

Эльфы говорят, что, когда Эарендил вернулся к оставшейся на берегу Эльвинг, Владыка Мандос завел разговор о судьбе моряка.

— Может ли смертный, — спросил Повелитель Душ, — ступить на берег Вечных Земель и продолжать жить, как другие из его племени?

Ульмо тут же ответил:

— Но ведь для этого и был рожден в мир этот удалец. Скажи-ка мне, славный Мандос, кем ты считаешь Эарендила — сыном ли Түора из человеческого Дома Хадора или сыном Идриль из эльфийского Дома Финвэ?

— Смертный или Нолдор — все равно, — ответил Мандос — Смертным не место здесь, а Нолдоры сами лишились права жить в Амане.

Спор прервал Владыка Манвэ.

— Над этой судьбой я властен, — сказал Повелитель Ветров. — Вот мое слово. Эарендил из любви к

Двум Народам не остановился перед страхом нашего гнева. Да не падет он на него. И Эльвинг, жена его, из любви к своему суженому разделивша опасности плаванья в неизвестность, может не бояться злого рока. Но больше не жить им ни с людьми, ни с эльфами. Волей Единого даю Эарендилу, Эльвинг и их детям право выбора: с каким народом свяжут они свою жизнь и по каким законам, человеческим или эльфийским, воздастся им.

Тем временем Эльвинг, видя, как долго нет мужа, совсем запечалилась. Страшно и одиноко было ей. В беспокойстве пошла она по берегу и дошла до Альквалондэ, где стояли прекрасные корабли Тэлери. Там встретили ее радушно и в изумлении слушали рассказ о Дориате и Гондолине, о печальной участи Белерианда. Жалость переполняла сердца Тэлери. Здесь, в окружении праведных Эльфов, и нашел ее Эарендил. Вскоре их снова призвали в Валимар, и там выслушали они волю Верховного Владыки.

Наклонился Эарендил к жене и тихо сказал:

— Выбирай ты. Я устал от мира и больше ничего не хочу.

Эльвинг выбрала удел Перворожденных. Эарендил согласился с этим выбором, хотя сердцем склонялся больше к судьбе рода человеческого.

По велению Валаров Эонвэ отправился на берег Амана и предложил товарищам Эарендила, в нетерпении ожидавшим вестей от капитана, пересечь в большую лодку, тут же подошедшую к борту корабля. Моряки спустились в нее; в тот же миг могучее дыхание Манвэ унесло ее прочь, и она растаяла на горизонте в той стороне, где вставало солнце. Цветок Морей ожидала другая участь. Валары освятили его, и там, за дальними пределами мира, миновав Врата Ночи, величаво вышел он в Океаны Небес.

Неземным совершенством радовали глаз очертания корабля. Чист и ярок, полон жемчужным светом, ждал он своего кормчего. И вот Эарендил Мореход поднялся на борт и встал у штурвала, весь в мерцающей драгоценной пыли дорог Амана. По-прежнему с Сильмариллом во лбу, отошел он от берегов Арды в первое звездное плаванье. Далеко водил капитан свой звездный корабль, даже в беззвездное Ничто прокладывал курс, но чаще всего видят Морехода утром или на позднем закате, когда возвращается он в Валинор из своих странствий за пределами Мира.

Теперь Эльвинг не сопровождала его. Она не любила холод и запредельное Ничто, предпочитая им зеленые долины Амана и ветра Манвэ, вольно овевающие моря и горы. Для нее выстроили на севере Амана прекрасную белую башню, туда часто навевались морские птицы. Говорят, что со временем Эльвинг выучила язык птиц; ей помогло то, что когда-то и сама она носилась над морем в птичьем облике. Но птицы научили ее не только языку, они открыли ей тайну полета. Теперь, когда Эарендил возвращался из своих звездных странствий, она снова летела ему навстречу, как летела когда-то, спасенная из морских пучин Владыкой Ульмо. В это время самые зоркие эльфы с Одинокого Острова различают в небесах белую птицу, розовеющую в лучах закатного солнца, радостно стремящуюся ввысь, навстречу Цветку Морей, входящему в небеса Арды.

Когда корабль Эарендила уходил в первое небесное плаванье, когда он, яркий и сверкающий, поднялся над горизонтом, народы в далеком Среднеземье замерли в изумлении, а после дали ему имя Гил-Эстель, Звезда Надежды. И однажды вечером Маэдрос указал брату на новую яркую звезду и сказал:

— Посмотри, уж не наш ли Сильмарилл сияет нынче на Западе?

И ответил ему задумчиво Мэглор:

— Что ж, может и так. Если это истинно Сильмарилл, который на наших глазах поглотило море, значит, Валары не дали ему пропасть, и надо радоваться, потому что теперь он светит многим и не боится никаких нападений.

Эльфы смотрели на Гил-Эстель и чувствовали, как тает в сердце глухое отчаяние. А Моргота в Ангбанде одолевала сомнения.

Однако, как говорят, ничего плохого с Запада Темный Властелин не ждал. В великой гордыне полагал он себя победившим всех врагов, считая непреодолимой пропасть, разделившую Нолдоров и Владык Запада. Валаров он не боялся. Ведь их в Амане никто не трогал, думал он, значит, им дела нет до его восточных владений. Никогда он, безжалостный и холодный, не мог взять в толк, как это можно сострадать

не себе, а другому. Вот Враг и благодушествовал, а Валары тем временем готовились к сражению. Под белые знамена встали Ваниары, народ Ингвэ и те из Нолдоров, кто никогда не покидал Валинора. Их вел Финарфин, сын Финвэ. Тэлери не захотели участвовать в войне. Они не забыли побоища в Лебяжьей Гавани и похищения кораблей. Если бы Эльвинг, дочь Диора и родня им, не просила, они и сейчас не дали бы оснащенные суда с экипажами, чтобы переправить войско Валинора на восток. А причалив к берегам Среднеземья, ни один из Тэлери не сошел на землю.

О походе Валаров на север Среднеземья не сохранилось почти никаких преданий. Песни складывали здешние эльфы, а их не было в рядах воинов Запада. Известно лишь, что когда рать Валинора пришла на Восток, от звуков труб вздрогнули небеса, в полях Белерианда засверкало невиданное оружие, а мерный шаг воинов Запада, молодых, прекрасных и грозных, заставил горы зазвенеть в ответ.

Эта битва получила название Войны Гнева. Неисчислимы были силы Врага, они заполнили всю пустыню Анфауглиф, но тщетным оказалось сопротивление. Немногие уцелевшие барлоги разбежались и попрятались в глухих подземельях, возле самых корней земли. Как сметает сухие листья налетевший вихрь, как пожирает огонь солому, так истаяли легионы орков в гнев Владык Запада. Немногие уцелели и только сотни лет спустя снова начали тревожить покой Среднеземья. Люди из Друзей Эльфов сражались на стороне Валаров. Вот когда им представился случай отомстить за Барагунда и Барахира, Галдора и Гундора, Хуора и Хурина и многих своих правителей. Но люди Улдора и другие, пришедшие в Среднеземье сравнительно недавно, держали сторону Врага, и эльфы никогда не забывали об этом.

Увидев, что мощь его рассеялась как дым, Враг так и не решился выйти на битву сам. Долго готовил он последнюю отчаянную атаку, и вот из подземелий Ангбанда вырвалась огромная стая крылатых драконов, еще не виданных в Среднеземье. Их появление сопровождалось страшным подземным грохотом, громом, молниями и валом бушующего огня. Натиск драконов был столь стремителен, а мощь так велика, что даже войска Валаров дрогнули. Но с небес, весь в белом пламени сошел Эарендил Мореход, а вслед за Цветком Морей неслась неисчислимая лавина птиц, ведомых Торондором. Целый день и всю ночь продолжалось сражение в воздухе. На заре Эарендил сразил Черного Анкалагона, вожака драконов, и швырнул его вниз, на башни Тангородрима, разбив их в прах. Встало солнце, и теперь победа была близка. Первые лучи осветили развалины Ангбанда, трупы драконов, развороченные рудники Морготы. Самые могучие из Валаров спустились в глубины Земли. Там, загнанный в самое дальнее подземелье, стоял беспомощный Моргот и, дрожа, как последний трус, молил о пощаде. Силы оставили его, и он рухнул к ногам Валаров. Тогда принесли древнюю цепь Ангинор, хорошо знакомую Врагу, и сковали его, притянув голову к коленям. Железную корону нахлобучили на Врага, как хомут, а два оставшихся Сильмарилла, ничуть не померкшие от долгого пребывания в логове Зла, вынули и отдали на сохранение Эонвэ.

Вот и настал конец Черной Власти Севера. Царство Зла обратилось в Ничто. Рабы вышли на свет, который уже не чаяли увидеть. Глазам их предстал незнакомый мир. Столь яростным было последнее сражение, что северо-запад Среднеземья оказался растерзан в куски. Сквозь множество глубочайших трещин хлынуло море; реки вышли из берегов и с шумом и грохотом скитались по равнинам, ища новых путей, долины вздыбились вверх, а горы вдавились в тело Земли. Великой реки Сириона не стало вообще.

Эонвэ, глашатай Владыки Манвэ, призвал Эльфов Белерианда покинуть Среднеземье. Только Мэглор и Маэдрос не откликнулись на его призыв. Как бы ни устали они от своего проклятого долга, какой бы ненавистной ни казалась им теперь древняя клятва, — никто ведь не отменял ее. И вот стали они думать, как вернуть Сильмариллы. В отчаянии они приготовились сражаться со всем воинством Валаров, даже со всем миром, и отправили Эонвэ послание, смиренно прося вернуть Камни, созданные их отцом и украденные Морготом.

В ответе Эонвэ сказано было, что утратили братья свои права. Ослепленные клятвой, безжалостные и немилосердные, творили они злые дела, и худшее из них — убийство Диора и нападение на мирные Гавани. Лишились они права владеть Первородным Светом; теперь Сильмариллы вернутся в Аман, туда, где были созданы. Эонвэ предложил Маэдросу и Мэглору последовать за ними в Валинор и смиренно ждать суда Валаров. Только Владыкам Арды подчиняется теперь Эонвэ, Хранитель Камней.

Мэглор прочел ответ, вздохнул тяжело и решил покориться высшей воле. Он сказал брату:

— Ведь в клятве ничего не говорилось о времени. Может, придут еще другие, благоприятные годы,

может, в Благословенном Краю все забудется и простится, и мы наконец получим свои камни миром. Но Маэдрос ответил на это:

— А если мы покорно вернемся, а благосклонности Валаров не найдем, что тогда? Клятва-то останется, а ведь надежды на ее выполнение уже не будет. Не станешь же ты затевать войну в Аманы? Это — сущее безумие!

— Но ведь сам Манвэ и Варда тоже считают клятву невыполнимой! — горько воскликнул Мэглор. — А мы призывали их в свидетели! Не значит ли это, что можно не выполнять ее?

— Услышит ли нас Илуватар за Кругами Мира? — вздохнул Маэдрос. — Ведь мы, безумные, клялись Его Именем и сами призывали на свою голову Вековечную Тьму, если не сдержим слова. Нет, брат, никто не освободит нас от нашей клятвы.

— Значит, все равно не миновать нам Вечной Тьмы, — отозвался Мэглор, — исполним мы данное слово или нарушим его. Но лучше бы — не исполнять. Это — только наша беда, а так хоть зла в мире будет поменьше.

В конце концов Маэдрос все же убедил брата, что у них нет другого пути, кроме как идти до последнего. Решившись, они стали думать, как овладеть камнями. Глубокой ночью, изменив облик, пробрались они в лагерь Эонвэ, убили стражей и захватили Сильмариллы. Но тут поднялась тревога, и братьям пришлось готовиться к самому безнадежному из своих сражений. Но Эонвэ неожиданно приказал отпустить сыновей Феанора. Расступились ряды воинов; братья бросились бежать, унося каждый по священному Камню, так говорили они: «Один Камень уже не вернуть. Осталось только два, но ведь и нас осталось только двое. Сама Судьба поделила наследство отца».

Сильмарилл нестерпимо жег руку Маэдроса. Понял он тогда слова Эонвэ. Не было у него больше права владеть Камнем. Напрасна была клятва и тщетны все попытки исполнить ее. Тогда в отчаянии бросился он в одну из новых трещин земли, полную огня, и Сильмарилл, что был зажат в его руке, ушел в земное лоно.

Говорят, что и Мэглор не вынес этой муки. Обезумев от боли, швырнул он Сильмарилл в Море. Века прошли, а он все бродил по берегу в тоске и отчаянии и пел, ведь слыл он одним из лучших певцов Среднеземья. К эльфам он не вернулся. Вот так и упокоились Сильмариллы: один — в вышине небес, другой — в недрах земли, третий — в морской пучине.

В те дни побережье Среднеземья напоминало большую судоверфь. Строились корабли и один за другим уходили на Запад. Эльдары навсегда покидали край, где пережили столько горя и бедствий. Ваниары со славой вернулись в Валинор, но радость победы отдавала горечью. Свет Священных Дерев, заключенный в камнях Феанора, стал отныне недостижимым. Никогда уже не соединятся камни вместе, разве только — в другом, измененном мире...

Уйдя за Море, Эльфы Белерианда поселились на Одиноким Острове, берега которого равно обращены и на восток, и на запад. Отсюда они могли приходить даже в Валинор. Прощение Валаров и расположение Манвэ вернулось к ним. Тэлери простили древнюю обиду, а проклятье предали забвению.

Но Среднеземье покинули не все. Кирдэн Корабел по-прежнему жил на побережье. Галадриэль, единственная из тех, кто вел Нолдоров в изгнание, осталась вместе с мужем Келеберном. Верховный Правитель Нолдоров Гил-Гэлад и с ним эльфинит Элронд, выбравший по милости Манвэ эльфийский удел, и Элрос, его брат, избравший людскую долю, тоже остались здесь. От братьев протянулась к людям ветвь Первородженных и Майя, бывших до сотворения Арды. Ведь их матерью была Эльвинг, дочь Диора, внучка Лучиэнь, правнучка Тингола и Майя Мелиан. По отцу они были прямыми потомками Идриль Келебриндель, дочери Тургона, Правителя Гондолина.

Моргота Валары вышвырнули через Врата Ночи за Стены Мира, в Безвременное Ничто. У Врат навечно поставлен страж, а в просторах небес несет дозор Эарендил Мореход. Но семя лжи, посеянное Мелькором, проклятым и ненавистным Морготом Бауглиром, семя ужаса и ненависти в сердцах людей и эльфов теперь уже не уничтожить. Оно прорастает снова и снова и еще принесет плоды в грядущие времена.

На этом кончается «КВЭНТА СИЛЬМАРИЛЛИОН». Начавшись с высокого и прекрасного, повествование наше уходило все дальше к мраку и разрушению, но такова уж судьба Арды, искаженная во Дни Творения музыкой Мелькора. Возможно, придут времена, и кривое удастся выпрямить, может быть, Манвэ и Варда знают, когда это будет. Но они молчат. И Мандос не отверзает уст, чтобы возвестить грядущее.

АКАЛЛАБЕТ

Падение Нуменора

По словам Эльдаров, люди появились, когда Мир был затемнен Морготом, и с первых дней оказались под влиянием Врага. Множество его слуг смущали людей ложью и угрозами, склоняли ко злу. Неудивительно, что люди прониклись ко Тьме боязливым почтением. Однако нашлись и такие, кто решительно отверг злобные козни, оставил восточные земли и отправился в долгий путь на запад. Подвигли их на нелегкое путешествие слухи о том, что Запад свободен от Тьмы, что там — Свет, над которым не властен Темный Владыка. Таких слуги Врага ненавидели лютой ненавистью. Немало трудностей пришлось преодолеть людям на пути к Морю, и все-таки они пришли в Белерианд и попали как раз к тому времени, когда там шла война за Сильмариллы. Люди стали на сторону Эльдаров и совершили немало подвигов, сражаясь вместе с ними.

Из рода Аданов, первых людей в Белерианде, происходил Эарендил Светлый В «Балладе об Эарендиле» рассказано, как в конце войны, когда победа Моргота казалась несомненной, Эарендил построил корабль Вингилот и ушел в море на поиски Благословенного Края, чтобы просить Валаров о помощи от имени двух народов. В памяти людей и Эльдаров он остался под именем Эарендила Благословенного, потому что поиски его увенчались успехом и в Среднеземье пришли Владыки Запада. Однако сам Эарендил никогда уже не возвращался к родным берегам.

В Великой Битве Моргот был побежден, а Тангородрим, его оплот — разрушен. Из людского племени только Аданы сражались на стороне Валаров; прочие приняли сторону Моргота. После победы Сил Запада уцелевшие приспешники Врага бежали на восток, где по-прежнему обитало немало их соплеменников. Дикими ордами бродили они по унылым, бесплодным землям, не ведая ни закона, ни света истины, одинаково отвергая служение и Морготу, и Валарам. Не удивительно, что вернувшиеся с полей сражений Люди Моргота быстро сумели запугать местных дикарей и захватить власть над ними. Валары дважды не предлагают своего покровительства. Они предоставили людей Среднеземья самим себе. Люди выбрали правителей из друзей Моргота и жили с тех пор во тьме, окруженные исчадиями Темного Владыки: чудовищами, демонами, драконами, грязными орками, не зная счастья, не зная даже, что можно жить иначе.

Но вот Манвэ волей Илуватара изгнал Моргота за пределы мира в Великое Ничто, и покуда правят Владыки Арды, не будет ему здесь ни сущности, ни формы. Однако злые семена, посаженные им, продолжали давать обильные всходы в сердцах, обращавшихся ко злу. В мире оставалась воля Темного Властелина и понуждала его слуг противоборствовать воле Валаров. Силы Арды знали об этом. Поэтому после изгнания Врага собрали они Совет и решали на нем судьбу грядущих эпох. Валары призвали Эльдаров вернуться на Запад. Многие вняли этому призыву и переселились на остров Эрессеа. Там, в гавани Авалон, встал город, увенчанный высокой прекрасной башней — это маяк и знак скитающимся по морским просторам, что они достигли Бессмертных Земель. Отсюда уже недалеко до Валинора.

Не остались без внимания и Аданы. К ним пришел Эонвэ и передал знания, которых не имел ни один народ Смертных. Мудрость, сила и долгая жизнь стали их достоянием на земле, созданной Валарами. Далека она от Среднеземья, далека и от Валинора, но все же ближе к Благословенному Краю. Из пучины Великих Вод поднял эту землю Оссэ, Аулэ придал ей форму, а Йаванна украсила с любовью и тщанием. Эльдары одарили новый край цветами и фонтанами с Тол Эрессеа. Сами Валары назвали новые владения людей Андор, Дареная Земля. Звезда Эарендила ярко сверкала на западе, указывая путь к Андору через море. Удивлялись Аданы яркому серебряному свету этого Небесного Огня. Многие дни он вел их корабли по спокойному морю, а Валары дарили парусам попутный ветер и ясную погоду. В сверкании брызг, взбивая белейшую пену, гордые форштевни день за днем, лига за лигой неслись словно по живому, волнующемуся зеркалу. Свет путеводной звезды не терялся даже в солнечном блеске, а ночами казалось, что на небе царит только Эарендил, ибо никакая другая звезда не могла соперничать с ним в ровном, сильном сиянии. И этот свет привел Аданов к уготованной земле, прекрасной и плодородной. Они назвали новую родину Эленна, Земля-под-Звездой. Известно было и другое ее имя — Анадунэ, Западный Край, а на высоком языке Эльдаров — Нуменор.

Таким было начало народа, получившего у эльфов имя Дунаданов, Людей Нуменора, благороднейших среди людской расы. Однако и для них смертная участь, уготованная Илуватаром всем Аданам, оставалась законом, хотя жили Дунаданы долго и, подобно эльфам, не знали болезней и немощей старости, пока и на их земли не пала Тень.

Блеск и слава Нуменора все росли, и скоро уже невозможно было отличить высоких, ясноглазых нуменорцев от Перворожденных, но их было мало. Дети, рождавшиеся в Нуменоре, превосходили родителей умом и статью, но слишком редко случалось это радостное событие...

Во времена расцвета столица Нуменора, Андуниз, находилась на западном побережье. В центре острова, размером больше напоминавшего материк, возвышалась одинокая гора Менельтарма, Столп Небес; там, на вершине, находилось святилище Эру Илуватара, открытое всем ветрам, главное и единственное во всем Нуменоре. Подножие горы занимал некрополь нуменорских королей, а рядом раскинулся прекрасный город Арменелос с цитаделью, построенной Элросом, сыном Эарендила. Именно его Валары избрали первым Королем Дунаданов.

Элрос с братом Элрондом наследовали не только трем Домам Аданов, их род через Идриль из Гондолина восходил к Эльдарам, а через Лучиэнь — к Майа. Людям не уйти от смерти, дара Единого, но эльфиниты вольны сами выбирать свою судьбу, и вот Элронд избрал участь Перворожденных, а Элрос предпочел стать Королем Людей. Он жил долго, очень долго, и весь род дунаданских королей и правителей отличался долголетием даже по меркам Нуменора. Пятьсот лет прожил Элрос, а правил — четыреста и еще десять.

Годы шли. Среднеземье приходило в упадок. Забыты были древние знания, забыт был Свет. Дунаданы под рукой Валаров, в дружбе с Эльдарами, напротив, крепили душой и телом. Помимо собственного языка владели они эльфийским и свободно общались с Эльдарами Эрессеа и Западного Среднеземья. Были среди людей и такие, кто знал Высокое Наречие Благословенного Края, а ведь именно на этом языке слагались песни и предания от начала мира. Дунаданы обрели письменность, и вскоре появились свитки и книги, хранящие удивительные и ценнейшие записи со времен расцвета королевства. Теперь все это давно забыто. А в те годы Дунаданы непременно носили два имени — нуменорское и эльфийское, на двух языках именовались их города и цветущие селения и в Нуменоре, и на берегах Здеших Земель.

Мастерство Дунаданов достигло необыкновенных высот. Им ничего не стоило пойти войной на злых королей Среднеземья и одолеть их, но Нуменор желал мира. Превыше всего ценили здешние люди искусство кораблестроения, и не было им равных в познании тайн моря. С тех пор как мир стал меньше, таких мореходов уже нет. Отважно пускались они в дальние странствия по необозримым морским просторам на поиски знаний и приключений. Один лишь румб запретили им Владыки Запада, тот что вел к берегам Благословенного Края. В Нуменоре не понимали причины подобного запрета, а крылась она в том, что Манвэ не хотел соблазнять Дунаданов бессмертием Валаров и Эльдаров, живущих на вечных берегах.

В те времена Валинор еще пребывал в этом мире. Валары обитали на землях, место которых можно было указать. Благословенный Край словно напоминал о той Арде, которой стала бы Земля, если бы тень Моргота не накрыла мир. В Нуменоре знали об этом; иногда, когда воздух был особенно чист, а солнце стояло на востоке, далеко-далеко за морем можно было различить сияющий белый город. Прекрасным зрением обладали нуменорцы, но только самым зорким удавалось видеть его стены и башни, да и то лишь с вершины Менельтармы или с мачты корабля, зашедшего на запад так далеко, как только позволялось людям. Запрет Владык Запада не смел нарушить никто. О том, что видение на горизонте — совсем не Благословенный Край, а только Авалон, гавань Эльдаров на Одиноком Острове, знали лишь мудрейшие.

Изредка с моря на удивительных кораблях без весел, больше всего похожих на огромных белых птиц, приходили в Нуменор Перворожденные. Они всегда привозили подарки: то певчих птиц, то редкостные благоухающие цветы, то целебные травы. Однажды привезли они саженец Белого Дерева, выросший из семени Галактилиона. Некогда Йаванна подарила Эльдарам Благословенного Края это подобие Телперииона, и теперь деревце посадили во дворе короля в Ар-менелосе и назвали Нимлот. Оно прекрасно прижилось и скоро уже цвело, наполняя сумерки дивным ароматом.

Нуменорские корабли свободно бороздили моря от северной ночи до южной через жаркий

срединный пояс, ходили и далеко на восток, забираясь во внутренние моря Среднеземья, достигая самых Утренних Ворот Мира. Случалось Дунаданам высаживаться на берегах Покинутых Земель. Ничего, кроме жалости, не вызывало у них запустение, царившее в Среднеземье. Шли Темные Годы Людей. Оставшиеся под Тенью стали слабыми и боязливыми. Они со страхом взирали на высоких и красивых пришельцев, но все же сумели перенять у них кое-что. Нуменорцы дали им хлеб и виноградную лозу, научили земледелию, показали, как обрабатывать дерево и камень и как вообще подобает жить в мире, где жизнь коротка и радости в ней не так уж много.

Постепенно люди обретали уверенность, обживали дремучие дебри западных побережий и сумели сбросить иго приспешников Моргота, стряхнули темное оцепенение и взялись за работу. Начал забываться и страх перед темнотой. Когда ушли Высокие Морские Люди, они вспоминали о них с благоговением, называли богами и ждали их возвращения. Но нуменорцы не собирались возвращаться. Они ходили морскими дорогами и часто с тоской обращали взор к запретному Западу.

Годы шли, и тоска переросла в страстное желание достичь Вечного Города, зыбким видением возникавшего иногда на горизонте, избавиться от смертного удела и наслаждаться радостями жизни, не думая о конце. И чем сильнее и величественнее становился Нуменор, тем более снедала его жителей забота о бессмертии. Да, Валары даровали Дунаданам долгий век, но к старости приходила усталость и они умирали, даже короли, даже потомки Эарендила, и долгая их жизнь все равно казалась короткой в глазах Эльдаров. И возникла Тень... Может быть, это была тень воли Моргота, следы которой еще ощущались в мире... Среди нуменорцев родилось недовольство. Сначала оно поселилось в сердцах и не выказывало себя, но скоро уже многие открыто роптали на судьбу, положившую предел их жизни, а еще более — на запрет, наложенный Валарами, навсегда закрывший пути на Запад.

То и дело можно было слышать: «С какой это стати Владыки Запада пребывают в вечности, а мы должны умирать, оставляя свои дома, родных и близких, все, что сделано нами, и уходить неведомо куда? Вот ведь Эльдары не умирают, даже те, кто в свое время пошел против воли Владык! Мы прошли все моря, нам подвластны морские дали, так почему же нам нельзя придти в Авалон и встретиться с друзьями?»

А некоторые добавляли: «Да что там Авалон? Почему бы не пойти прямо в Аман, не посмотреть как живут блаженные Валары и самим не пожить так хоть денек? Чего нам бояться? Разве мы не самый могущественный из народов Арды?»

Эльдары сообщили об этих настроениях Валарам. Опечалился Манвэ. Он видел, как среди ясного дня Нуменора собирается гроза, и послал вестников. Они пришли и говорили с Королем и со всеми, желавшими слушать, объясняя устройство Мира.

— Судьба Мира в руках Единого, — доказывали они. — Мир сотворен Им и никто, кроме Него, не властен изменить предначертанное. Даже если пренебрежете вы запретом и, миновав все препятствия, доберетесь до Благословенных Берегов, — что вам в том? Не Аман дарит бессмертие и блаженство, а Бессмертные, живущие там, наполняют земли Амана святостью. Не найти вам на тех берегах вечной жизни, наоборот, только быстрее состаритесь, сгорите, как мотыльки в сильном пламени.

— А разве не остался жить вечно Эарендил, мой предок? — возразил Король. — Или, может быть, он не бывал в Амани?

— Высока судьба Эарендила, — отвечали ему. — Да, причислен твой предок к Перворожденным и бессмертен теперь, но никогда уже не вернется он в мир Смертных. Ты, король, и народ твой сотворены Илуватаром, вы — Пришедшие Следом и у вас своя, смертная участь. А вы хотите пользоваться дарами и тех и других: свободно плавать в Аман, а когда надоест — возвращаться по домам. Не бывать этому. Валары не могут забрать то, что вручено вам Илуватаром. Вы толкуете об Эльдарах: вот, дескать, даже непокорные не понесли наказание и продолжают оставаться бессмертными. Но для Эльдаров вечная жизнь — не награда и не наказание, это их сущность. Им никуда не уйти из этого мира, пока он есть — есть и они. Кое-кто из вас говорит, что Смерть — наказание за непокорность людей, в коей вы неповинны. Но Смерть никогда не была наказанием. В ней ваша свобода от оков этого мира, возможность покинуть его по зову надежды или от усталости. Так кто же кому должен завидовать? Но нуменорцы отвечали:

— Как же не завидовать нам Валарам? Да и не только им, а даже последнему из Бессмертных? Вы хотите, чтобы мы верили и надеялись, а мы даже не знаем, что нас ждет впереди. Мы тоже любим Землю

и не хотим терять ее.

— Валары тоже не знают, что уготовано вам Илуватаром, — толковывали вестники. — И не все грядущее открыто им. Но подлинно, что дом ваш не здесь, не в Аманы и не где-нибудь на Кругах Мира. Куда уходят люди — ведомо лишь Единому. Дар остается Даром. Только страх, только Тьма Моргота превратила его в наказание. Эта Тьма повинна в гордыне и своеволии человеческих. И если подняли вы голос против предначертанного, то мы вправе думать — не вернулась ли в мир Тень Моргота, поселившись в ваших сердцах? Никто не забыл, как доблестно сражались вы с той, прежней Тьмой на полях Среднеземья. Поэтому вы — Дунаданы, достойнейшие из людей этого мира. Тем паче говорим мы вам: берегитесь! Валары предупреждают: восстать против воли Эру — значит отказаться от истины и потерять свободу, дарованную Единым. Не лучше ли верить, что всякое ваше желание исполнится в конце всего, а если родилась в вас любовь к землям Арды — то не случайно, ибо ничто не случайно в Его творении. Но это не значит, что цель Предвечного должна быть ясна и понятна уже сейчас. Может быть, немало веков пройдет, немало поколений людей сменится в мире, пока она будет явлена вам, именно вам, а не Эльдарам, и даже не Валарам.

Так говорили посланцы Аманы во дни Тар-Кириатана, Корабельного Мастера, и сына его Тар-Атанамира. Эти гордые, но корыстные и склонные к обогащению правители обложили людей Среднеземья данью и стремились больше брать, чем давать. Вот к Тар-Атанамиру, тринадцатому королю Нуменора, и приходили вестники Аманы. Без малого две тысячи лет насчитывало к этому времени нуменорское королевство, пребывая в зените славы и могущества. Не внял король благим советам. Он хотел бессмертия сейчас, себе, а не когда-нибудь потом своим правнукам. Из всех сил цеплялся тринадцатый король за жизнь, утратившую для него всякую радость. Он стал первым, не пожелавшим уйти добровольно перед закатом дней, передав Скипетр наследнику. И хоть жил он долго, но правил до полного старческого бессилия и умер, совсем потеряв рассудок.

Ему наследовал Тар-Анкалимон. Пример отца не образумил короля, и он пошел по его стопам. При нем произошел в народе раскол. Большая часть, составившая королевскую партию, гордая и самодовольная, все дальше отходила от праведности, завещанной Валарами и Эльдарам. Меньшинство из Друзей Эльфов, не нарушая верности королевскому дому, стремилось сохранить хорошие отношения с эльфами. Они внимательно выслушали посланцев Валаров и вняли советам. Но даже они, называвшие себя Верными, не могли совсем отбросить мысли о Смерти.

Да, счастье и беззаботность покинули Нуменор, но словно в уплату за них росло его могущество и великопение. Мудрость и накопленные знания не исчезли, а что до Владык Запада — так хоть и не любили их в народе, но гнева их боялись по-прежнему. Открыто нарушить запрет не отважился никто. На восток продолжали уходить корабли, на западе морские дали не оживлял ни один парус. Страх смерти все глубже закрадывался в сердца, постепенно перестраивая всю жизнь Нуменора. Так начали Дунаданы строить для умерших огромные усыпальницы, а их ученые трудились днем и ночью, надеясь отыскать секрет жизни или хотя бы научиться продлевать человеческий век. Однако успехов на этом пути не обрели. Тайна жизни не давалась в руки, зато в смерти они преуспели, победив тление и научившись сохранять тела умерших в целостности и сохранности сколь угодно долго. Скоро всю страну заполнили молчаливые склепы, еще острее заставившие ощутить бренность бытия. Это не могло не привести к падению нравов. Народ все глубже втягивался в разгульный образ жизни, громкими пирами, поиском новых наслаждений, богатства и славы отгоняя навязчивую мысль о неумолимом роке. После Тар-Анкалимона святилище Эру стало приходить в запустение. Никто не приносил на вершину Менельтармы первых плодов, чтобы возложить на алтарь, а вскоре его и вовсе перестали посещать.

Примерно в то же время нуменорцы начали обживать западные берега Среднеземья. Собственная страна стала казаться старой и слишком маленькой, ни покоя, ни удовлетворения бесконечные некрополи не приносили. Раз уж дорога на Запад оказалась закрыта, можно было легко достичь власти и богатства в Покинутых Землях. Быстро поднимались по берегам бывшей родины гордые могучие крепости с большими гарнизонами и хорошо оборудованными гаванями, способными принимать множество судов. В далеком прошлом остались учителя и старшие братья, какими впервые пришли в Среднеземье Дунаданы, теперь это были алчные и жестокие правители, сборщики дани, хозяева полей и лесов. Огромные корабли возвращались из Среднеземья тяжело груженными, короли и знать купались в золоте и жили в

нескончаемых пирах.

Верные сторонились всего этого. Теперь они единственные отправлялись на север, во владения Гил-Гэлада, чтобы помочь в борьбе с Саураном или просто повидать друзей-эльфов. В устье Великого Андуина выстроили Верные свою гавань — Пеларгир. Люди короля не бывали здесь, их владения располагались намного южнее.

В эту эпоху в Среднеземье снова начал поднимать голову Сауран. Зло неизбежно составляло всю его сущность, он прошел хорошую выучку у Моргота и теперь постепенно обретал силу. Начал он с того, что во времена Тар-Минастира, одиннадцатого короля Нуменора, укрепил земли Мордора, воздвигнув могучую крепость Барад Дур, оплот в последующей борьбе за власть в Среднеземье. Царь над царями и бог для людей — вот к чему стремился бывший слуга Моргота. У Саурана хватало причин ненавидеть нуменорцев. Он помнил подвиги их предков, не забыл давних союзов с эльфами и Валарами, и уж тем паче не мог забыть помощи, оказанной Тар-Минастиром Гил-Гэладу, когда вспыхнула война за Кольцо Всевластья между ним и эльфами Эриадора. Теперь, при виде растущего могущества нуменорских королей, Сауран стал их ненавидеть еще сильнее из страха, как бы пришельцы не вторглись в его владения на востоке. Однако бросить открытый вызов Владыкам Моря злодей пока не осмеливался и убрался от побережий в глубь материка.

Коварство Саурана было безмерно. Говорят, что с помощью своих Девяти Колец он заманил в ловушку даже трех могучих правителей из Нуменора. Скоро Улары, Кольценосные Призраки, полностью овладели своим грозным оружием — слепым ужасом, вот тогда-то и решился Сауран напасть на приморские крепости нуменорцев.

А над самим Нуменором продолжала сгущаться Тень. Короче становилась жизнь королей из Дома Элроса, все дальше отступавших от заветов Благословенного Края, но лишь сильнее ожесточались сердца нуменорских владык против блаженных Валаров. Дошло до того, что двадцатый король, приняв королевский Скипетр, запретил употреблять эльфийский язык и принял имя Адунакор — Владыка Запада. Правда, в Свиток Королей имя его, Эрунумен, все же было вписано на Высоком Наречии эльфов — этот древний обычай пока не осмеливались нарушать. Верные восприняли это, как дурной знак. Имя Адунакор подобало лишь Валарам, и теперь благоговение перед Силами Арды и верность королевскому дому не на шутку соперничали в сердцах Друзей Эльфов. Но впереди их ждало еще горшее. В лице двадцать второго короля Ар-Гимилзора они обрели кровного врага и жестокого гонителя. При нем начало чахнуть заброшенное Белое Дерево, а запрет на эльфийский язык приобрел силу закона, за нарушение которого полагались жестокие кары. Король начал притеснять тех, кто еще встречал приходящие изредка с Одинокого Острова эльфийские корабли.

Верные жили на западе Нуменора. Ар-Гимилзор насильно переселил их на восток, чтобы легче было присматривать за смутьянами. Поэтому в более поздние времена основные поселения Верных сосредоточились возле гавани Роменна. Оттуда уходили на север Среднеземья их корабли, поддерживая связь с Эльдарами Гил-Гэлада. Короли знали об этом, но не придавали значения, потому что Друзья Эльфов уходили и не возвращались, а именно этого и добивались правители Нуменора, стремясь оборвать всякие отношения с Эльдарами Эрессеи и тем самым скрыть свои дела и замыслы от Владык Запада. Конечно, это была детская затея. Манвэ ведомы были все безобразия, творимые правителями Нуменора. Валары давно гневались на его королей и сами прекратили любые попытки наставить их на путь истинный. А вскоре перестали приходить корабли с закатных румбов и гавани Андуниэ опустели.

После королевского дома наибольшим почетом в Нуменоре пользовались князья Андуниэ, ведущие свой род от Сильмариэнь, дочери четвертого короля Тар-Элендила. Они были верными вассалами короля и всегда входили в Совет Скипетра. Но, видно, из-за того, что раньше им приходилось чаще других общаться в своих гаванях с эльфами, сохранилось в них почтение к Валарам и Перворожденным, а когда пришла и стала разрастаться Тень, они поддерживали Верных и помогали, чем могли. Конечно, делать это приходилось в тайне, зато на Советах мудрые речи князей Андуниэ долго не давали сердцам правителей окончательно проникнуться черной злобой.

В преданиях упоминается имя княжны Инзильбет, чья редкостная красота воспета не в одной песне. Она была дочерью Линдориэ, сестры князя Эарендура, правившего во дни Ар-Сакалтора, отца

Ар-Гимилзора. Не по своей воле Инзильбет стала женой короля Ар-Гимилзора, потому что в душе считала себя Верной, переняв веру от матери. Росла гордость нуменорских королей, они терпеть не могли, чтобы им перечили, и потому особой любви между королем и королевой не было и быть не могло. Сыновья выросли непохожими друг на друга. Старший, Инзиладун, и лицом и мыслями пошел в мать, а младший, Гимилкад, был точной копией отца, разве что еще надменней и своенравней. Если бы не закон, отец с намного большим удовольствием передал бы Скипетр младшему сыну. Однако наследовал ему, конечно, старший. Став королем, Инзиладун по древнему обычаю принял эльфийское имя Тар-Палантир, потому что от рождения отличался зоркостью и проницательным умом. Даже враги прислушивались к его словам, признавая его провидцем. Он вернул Друзьям Эльфов расположение королевского дома, возродил служение Эру на вершине Менельтармы и выходил Белое Дерево. Тогда же произнес он пророчество о том, что род нуменорских королей будет длиться, пока живет Белое Дерево, много доброго сделал Тар-Палантир, много, но недостаточно, чтобы искупить вину многих поколений, творивших зло и беззаконие и не думавших раскаиваться. Младший брат короля, Гимилкад, сильный и бесчестный, всячески препятствовал начинаниям Тар-Палантира, настраивая против него знать и членов Совета. Видя тщетность своих усилий, Тар-Палантир все чаще уходил на западную оконечность своих земель и с древней башни короля Минастира день и ночь смотрел, не покажется ли с заката одинокий парус. Но море было пустынно, и плотный туман неизменно скрывал на горизонте контуры Авалона.

Гимилкад умер за два года до своего двухсотлетия. Даже по тем временам для потомка Элроса это считалось ранней смертью. Казалось бы, теперь король мог вздохнуть с облегчением. Не тут-то было. Сын Гимилкада, Паразон, намного превосходил отца в коварстве и алчности. Не раз отправлялся он в Среднеземье во главе войск Нуменора, каждый раз захватывая все новые земли и назначая себя их правителем. Слава полководца сопровождала его на суше и на море. В бесконечных войнах ему удалось скопить несметные богатства, и, вернувшись на похороны отца, он приметил, что имеет множество сторонников, привлеченных его удачливостью и щедростью.

Вскоре, устав от бесплодных ожиданий, умер Тар-Палантир. Сыновей у него не было, только дочь Мириэль. Она и стала законной наследницей и Королевой Нуменора, но правила недолго. Паразон, поправ совесть и закон, насильно взял ее в жены. Овладев Скипетром, он принял имя Ар-Паразон (Тар-Калион по-эльфийски), а жене навязал имя Ар-Зимрафель.

Никогда еще Скипетром Морских Королей не владел такой могущественный и надменный властитель, как Ар-Паразон Золотой. А ведь перед ним Нуменором правили двадцать четыре короля и королевы. Теперь они спали вечным сном на золотых ложах в глубоких усыпальницах в недрах Менельтармы.

Король восседал на резном троне в Арменелосе, погруженный в мрачные думы. Мысли его были заняты подготовкой к предстоящей войне. Еще в Среднеземье узнал Ар-Паразон о царстве Саурана и о той ненависти, которую питал Черный Властелин к Нуменору. А теперь пришли к нему капитаны, только что вернувшиеся с Востока, и поведали, что после ухода Ар-Паразона из Среднеземья Саурон собрал немалые силы, объявил себя королем людей, напал на прибрежные города и грозит сбросить нуменорцев в море, а если понадобится, то стереть с лица земли и сам Нуменор.

Столь наглая похвальба привела короля в ярость. Но он сдержал первый порыв гнева и долго размышлял, отослав советников и домочадцев. Постепенно в его душе зрела жажда абсолютной власти, власти не только в Нуменоре — здесь он ее уже достиг — но во всем Среднеземье, над всеми людьми, живущими там. Мысль эта завладела им безраздельно. Он решил добиться титула Короля Людей во что бы то ни стало, не прибегая к советам Валаров или Эльдаров, только своим умом, только своими силами. Окоротить Саурана, сделать его своим данником и слугой — такая задача не казалась Ар-Паразону неосуществимой. Обуреваемый гордыней, он искренне полагал, что никто не в силах соперничать с наследником Эарендила. Но все-таки война предстояла нешуточная и перво-наперво король позаботился о создании достаточного запаса оружия, а потом заложил флот, равного которому еще не было на морях Арды. Когда же все было исполнено, Ар-Паразон сам повел войско на восток.

И вот однажды все море от края до края запестрело парусами невиданного флота, идущего с запада. Солнце вспыхивало на алых, красных, золотых полотнищах. Жители побережья в панике разбежались и попрятались. А флот вошел в гавань Умбар, где и раньше, бывало, швартовались суда из Нуменора. Отсюда

Морской Король повел огромное войско в глубь страны. Земли вокруг были пусты и безжизненны. Семь дней шли войска под развернутыми знаменами, под резкие звуки труб, и вот перед ними встал высокий холм. Король приказал разбить на вершине шатер и установить трон. Здесь, в середине земли, взлетело вверх и заколыхалось на ветру королевское знамя. Склоны вокруг расцвели синими, золотыми, белыми палатками. Вперед отправились глашатаи. Они громко выкрикивали приказ Сауруну: немедленно сдаться на милость короля, предстать перед ним и присягнуть в верности Владыке Моря.

И Саурон явился. Он вышел из могучего Барад Дура, даже не попытавшись начать войну. Слишком очевидно было преимущество нуменорского властелина, оно неизмеримо превышало все, что слышал Саурон о военной мощи Нуменора. Он сразу понял, что не пришло еще время диктовать Дунаданам свою волю, во всяком случае — силой. Но там, где не помогала сила, годилось другое оружие — хитрость и коварство. И вот Саурон смиренно предстал перед Ар-Паразоном и говорил учтиво; дивились люди, потому что слова его были умны и справедливы. Однако короля не обманули пылкие заверения в дружбе и верности, он решил увести Сауруна с собой, дабы не оставлять в Среднеземье опасного соперника, а иметь его под своим присмотром. Саурон, будто бы подчиняясь силе, согласился, а в глубине души ликовал, видя воплощение своего замысла. И вот он пересек море и увидел Нуменор и столицу его Арменелос во дни расцвета и славы. Но не восторг и восхищение вызвал у него прекрасный город, а лишь усугубил зависть и ненависть.

Умен, хитер, коварен и красноречив был ученик и приспешник Моргота. И трех лет не прошло, а он уже выбился в тайные советники короля. Действуя сладчайшей лестью, пуская в ход тайные знания и магические приемы, неведомые людям, сумел он завоевать благорасположение сначала государя, а потом и придворных. Перед ним стали даже заискивать, потому что вес и влияние его при дворе быстро росли.

Только Амандил, князь Андуниз, не поддавался общему ослеплению.

Постепенно все в стране начало меняться. Встревожились Друзья Эльфов. Многие стронулись с мест, предпочитая убраться подальше от глаз короля и его нового советника, а те, что остались, хотя и продолжали звать себя Верными, все чаще слышали в свой адрес слова «разбойники» и «бунтовщики». Теперь, когда множество ушей подобострастно внимало его словам, Саурон принялся за осуществление главной части своего плана. Искусно нанизывая доводы и факты, он постепенно извратил все истины, изощедшие в мир от Валаров. Он упорно навязывал людям мысли о множестве земель на востоке и даже на западе, которые только и ждут, пока отважные Дунаданы завоюют их и добудут несметные сокровища. Если идти из страны в страну, учил Саурон, то рано или поздно придешь к краю Мира, за которым раскинулась Древняя Тьма. Вот из нее-то и сотворен весь Мир. Поэтому ничто не достойно почитания так, как Великая Тьма, из которой Властелин Тьмы может творить новые миры и награждать ими своих слуг и помощников, чтобы их растущая сила никогда и нигде не знала предела.

Ар-Паразон внимательно выслушал его и спросил:

— А кто же властен над Тьмой?

В ответ Саурон плотно затворил двери и, оставшись с королем наедине, повел свои лживые речи.

— Имя его ныне не произносится, — значительно шепнул он. — Это все козни Валаров. Они придумали своего Эру, пустой призрак, чтобы подчинить людей своей власти. Они пытаются внушить, что выполняют его волю, говорят от его имени. Но истинный владыка еще победит, и тогда он освободит вас от неволи. Я открою тебе его подлинное имя. Он — Мелькор, Всевластный Царь, Дарующий Свободу. Если вы признаете его, он сделает вас сильнее Первородженных, сильнее Валаров, сильнее всех в этом мире.

И король соблазнился. Так в Нуменоре начали служить Тьме и ее владыке Мелькору, сначала тайно и немногие, потом — все откровеннее и прилюдно, а вскоре большинство населения исповедовало лживый культ. Но в Роменне еще оставались немногие Верные, их оплотом в эти черные дни стал Амандил. На него с надеждой устремлялись глаза людей, сохранивших душу и сердце в неприкосновенности, от него ждали мудрого слова и мужественных дел. Помощью и поддержкой Амандилу служил его сын Элэндил и внуки, Исилдур и Анарион, в то время по меркам Нуменора совсем еще юноши. Род Амандила восходил к Элросу Тар-Миниатару, хотя и считался боковой ветвью. Амандил рос вместе с нынешним королем и хотя князь Андуниз не скрывал своей принадлежности к Друзьям Эльфов, слово его до появления Сауруна пользовалось большим весом на Советах короля. Выкормыш Моргота люто возненавидел благородного

капитана и быстро добился исключения его из Совета. Но слишком многие в стране знали и уважали Амандила, и Саурон пока остерегался поднять на него руку.

Амандил отправился в Роменну и велел всем, кому доверял, тоже собраться там. Он всерьез опасался за судьбу Друзей Эльфов и полагал, что скоро их ждут новые опасности. Так и произошло.

Святылище на вершине Менельтармы совсем опустело. Никто не приходил к алтарю, никто не обращал помыслы к Эру, боясь нарушить запрет короля. Даже Верные, хранившие в сердцах имя Илуватара, не рисковали выдавать себя. Здесь не обошлось без козней Саурона, его так и подмывало осквернить высокое место, но он пока не решался на подобное святотатство. Зато прожужжал все уши королю, советуя срубить Белое Дерево, чтобы уже ничто при дворе не напоминало об Эльдарах и Свете Валинора.

Король долго не соглашался, памятуя о пророчестве Тар-Палантира. Он давно уже не испытывал к Эльдарам и Валарам ничего, кроме ненависти, но продолжал цепляться за гаснущий призрак былой дружбы. Когда Амандил узнал об опасности, угрожающей Белому Дереву, он очень огорчился, понимая, что рано или поздно Саурон добьется своего. Как-то в разговоре с сыном и внуками Амандил напомнил им предания о Светоносных Деревях Валинора. Исилдур молча выслушал рассказ и той же ночью ушел, чтобы совершить подвиг, прославивший его имя. Изменив облик, пробрался он в Арменелос, куда дорога Верным была заказана, а потом и в дворцовый сад, к подножью Белого Дерева. Стояла поздняя осень, Дерево готовилось уснуть на зиму, но кое-где в ветвях еще оставались спелые плоды. Исилдур сорвал один плод и собирался исчезнуть так же незаметно, как и пришел, но тут охрана подняла тревогу, и ему пришлось пробиваться с боем. Израненный, но не опознанный никем, Исилдур с трудом добрался до Роменны, отдал плод отцу и рухнул без сил. Плод посадили в землю, Амандил благословил его, и в положенное время семя проросло. Росток быстро тянулся вверх, а когда раскрылся первый зеленый лист, Исилдур, давно уже не встававший с постели и приготовившийся к смерти, встал на ноги и раны его исцелились.

Промедли Верные немного, — и было бы поздно. После ночного происшествия король уступил Саурону и велел срубить Дерево, окончательно порвав с заветами предков. Вскоре, опять же по настоянию Саурона, в центре Арменелоса поднялся громадный храм. В основании капище имело круг диаметром пятьсот футов, на такую же высоту вздымались мощные стены пятидесяти футов толщиной, оканчивавшиеся огромным сверкающим куполом, крытым серебром. Однако блеск его скоро померк, серебро ведь быстро тускнеет. Посреди капища был алтарь, а в центре купола поднималась башенка, откуда постоянно валил густой дым. Первый огонь на алтаре Саурон возжег из поленьев Белого Дерева. Семь дней дивились люди странному дыму, окутавшему столицу плотным облаком. Дым не таял в небе, а простояв некоторое время, медленно уполз в сторону Запада.

После этого из капища непрестанно вырывались дымные клубы. Власть Саурона быстро росла, и вскоре в капище полилась кровь жертвоприношений Мелькору, с именем которого связывали теперь жители Арменелоса упования на вечную жизнь. Чаще всего жертвы избирались из числа Верных. Правда, при этом не говорилось, что выбор падает на тех, кто не почитает Мелькора, Дарующего Свободу, а называлась другая причина — их объявляли врагами народа и отечества, строящими злобные козни против короля. Конечно, обвинения были вздорными, но такое уж наступило время, когда ненависть порождает ненависть еще большую.

Однако обещанная свобода и вечная жизнь что-то не спешили на смену Смерти. Скорее даже наоборот. Жизнь становилась все короче, а смерть принимала все более жуткие облики. Еще совсем недавно старость подбиралась медленно и незаметно: однажды человек просто ложился отдохнуть и засыпал навеки, теперь же конец жизни сопровождали болезни и безумие, умиравших терзал дикий страх оказаться во тьме, во владениях нового кумира. Они долго бились в агонии, проклиная весь мир и самих себя. То и дело вспыхивали беспричинные междоусобицы, смертельные схватки и кровавые поединки, а Саурон и его прислужники рыскали по стране и натравливали людей друг на друга. Конечно, народ роптал, конечно, недовольство подавлялось быстро и жестоко.

Но по привычке нуменорцам еще долго казалось, что страна процветает, и если не становится счастливее, то уж сильнее и богаче — несомненно. С помощью и по советам Саурона появились машины.

На верфях закладывались корабли невиданных размеров. С новым, куда более действенным оружием захватнические войны в Среднеземье стали для нуменорцев развлечением. Теперь они приходили сюда не благодетелями и не правителями даже, а свирепыми, безжалостными поработителями. Они грабили, убивали и приносили все больше человеческих жертв на алтарях капищ, которых появилось великое множество. Люди боялись их, и память о добрых королях древности сменилась ужасом и ненавистью.

Так Ар-Паразон, король Страны-под-Звездой, стал тираном, какого не знал мир, если не считать Моргота. На самом-то деле за его спиной страной правил Саурон.

Время шло, король почувствовал приближение старости. Теперь он боялся каждого нового дня и злобил на судьбу, предчувствуя недалекую уже смерть.

Наступал момент, которого так долго ждал Саурон. Он все чаще нашептывал королю, сколь безмерно могуч и непобедим стал теперь владыка Нуменора, что для него нет и уже не может быть ничего невозможного, никаких приказов и запретов.

— Валары завладели страной бессмертия, — шептал злодей на ухо королю. — Они надежно упрятали ее от вас, потому что боятся, как бы Король Людей не отобрал у них это сокровище и власть над миром. Конечно, вечная жизнь не может принадлежать всем, она — для великих и сильных. Будет просто несправедливо, если Король Королей, самый могучий из сыновей Земли, с которым не может равняться сам Манвэ, не получит ее. Но ведь Ар-Паразон никогда не просил ничего. Он приходил и брал то, что принадлежало ему по праву.

У Ар-Паразона к этому времени голова совсем пошла кругом. Раздираемый с одной стороны страхом смерти, с другой — ядом пустых надежд, он внял Саурону и начал замышлять беспримерную войну с Валарами. Вслух он еще не обсуждал свои планы, но скрыть такие приготовления было невозможно. Когда до Амандила дошли чудовищные вести, он пришел в ужас. Князь твердо верил в непобедимость Сил Арды и понимал, что скорее погибнет Земля, чем планы короля увенчаются успехом. Он призвал Элендила.

— Сын мой, — сказал он, — ты видишь: темны наши дни, Верных мало, и нет надежды для людей. Поэтому я тоже решил последовать совету, только не Саурона, а нашего предка Эарендила, и, как он, отправиться, пока еще не поздно, на Запад, чтобы вопреки запрету достичь Благословенного Края и молить Валаров о помощи.

— Но ведь это значит — предать короля! — воскликнул Элендил. — Ты же знаешь, что о нас и без того идет слава предателей и шпионов Валаров, хоть в этом нет ни грана правды.

— Если Манвэ ждет вестника, — медленно произнес Амандил, — я предаю короля. Есть только одно предательство, которому нет прощения. Я же хочу просить лишь о милосердии к людям, лишь об избавлении от лжеца Саурона, пока еще есть в Нуменоре Верные. Если же придется ответить за нарушение запрета, пусть ответственность падет на мою голову, потому что народ не повинен в этом.

— Но, отец, что же будет с нами со всеми, когда о твоём походе станет известно?

— Вот и нужно сделать так, чтобы никто не знал о нем. Я уйду на восток, туда ведь часто ходят наши корабли, а потом отыщу попутный ветер и пойду на запад. Если будет на то воля Единого, я найду дорогу. Тебе же и всем Верным я советую приготовить корабля, погрузить на борт все самое необходимое и ждать. Если люди короля спросят, куда вы собрались, скажите так: «Мы идем вслед за Амандилом на восток». Король не будет горевать о нашем уходе, даже если мы не вернемся. Только не берите слишком много людей, а то король встревожится, увидев, что накануне войны у него забирают столько воинов. Пусть только истинно Верные, доказавшие свою стойкость, поднимутся на борт, да и то, если согласятся разделить наши намерения.

— Но каковы они? — спросил Элендил.

— Ни в коем случае не вмешиваться в войну и ждать, — ответил Амандил. — До моего возвращения я ничего больше не скажу. Но предвижу, что нам всем придется бежать из Страны-под-Звездой, и ни одна звезда не покажет путь, ибо страна наша осквернена навеки. Вам предстоит потерять все, умерев заживо, прежде чем обретете вы новое пристанище, а где оно будет — на востоке или на западе — ведомо лишь Валарам.

Амандил попрощался с близкими так, как прощается человек, который не надеется вернуться назад.

— Может статься, — с грустью сказал он, — я не смогу прислать весточку или подать знак. Все равно будьте готовы к худшему, ибо конец того мира, который мы знаем, теперь уже недалек.

Амандил вышел в ночь на маленьком судне. Сначала он, как намеревался, взял курс на восток, а потом, когда скрылись из глаз берега Нуменора, повернул на запад. С ним на борту находилось только трое надежных, испытанных слуг. Они исчезли в морских просторах, и ни одно предание ни единым словом, ни единым намеком не говорит об их участи. Видно, так и должно было быть, ибо нельзя спасти мир дважды одним и тем же способом, нельзя так просто искупить измену Нуменора.

Элендил выполнил указы отца. Оснащенные, готовые к отплытию корабли стояли в гаванях на востоке страны. Верные из их экипажей доставили на борт жен и детей, вещи и запасы, необходимые в пути. Ночами в трюмы укладывали прекрасные творения, родившиеся в Нуменоре в эпоху расцвета: драгоценные сосуды и редкостные самоцветы, книги и свитки, исписанные алыми и черными чернилами; были там и семь Палантиров — чудесный дар Эльдаров, а на корабле Исилдура под надежной охраной беззаботно зеленело молодое Белое Деревце. Элендил не участвовал в подготовке к войне. Подолгу всматриваясь в морские дали, в сердечной тоске по отцу, он ждал знака, но знака не было. Море бороздили только флотилии Ар-Паразона.

Испокон веку в Нуменоре погода благоприятствовала нуждам людей. Дожди шли когда нужно и сколько нужно. В меру светило солнце, и к стати дул ветер, приносящий с запада незнакомые ароматы. Наверное, так пахли цветы на вечных лугах. Теперь же все изменилось. Небо потемнело, часто его закрывали тучи и налетали бури с дождем и градом, а потом вдруг срывались яростные, ураганные ветры. То один, то другой огромный морской корабль терпел бедствие и шел ко дну. Такого не случалось с самых первых дней этой земли. По временам с запада поднималась огромная туча, напоминавшая орла с распростертыми крыльями, и закрывала все небо от края до края. Закатный свет гас, словно задутый огонь, и внезапно падала непроглядная ночь. Часто орлиные крылья несли грозу, и тогда сверкали молнии и гром страшно перекатывался над морем. Люди боялись этой тучи. Раздавались крики: «Смотрите! Это — Орлы Владык Запада! Орлы Манвэ летят на Нуменор!» — и многие падали наземь, закрывая лицо руками. Кое-кто ощущал раскаяние, но гроза уходила, и сердца еще больше ожесточались. Тогда небу грозили кулаками и цедили сквозь зубы: «Это — заговор. Они напали первыми, теперь наш черед!» Сам король говорил так, но слова-то были Саурановы.

Молнии все чаще вырывались из-под туч, они разили людей и в полях, и на городских улицах, а однажды страшный удар грома разнес часть купола капища, а молнии, ударяя о камень, высекали языки пламени. Однако само капище не пострадало. Больше того, Саурон стоял на площадке верхней башенки и громовым голосом проклинал молнии, падавшие вокруг, сам оставаясь невредимым. Те, кто видел это, уверовали в него, как в бога, и готовы были идти за ним куда угодно. Поэтому нуменорцы не вняли даже последнему знамению, когда земля затряслась под ногами людей и подземный гром слился с грохотом обезумевшего моря, а над вершиной Менельтармы за клубился дым. Ар-Паразон только распорядился ускорить подготовку эскадры к выходу в море. Воды у берегов и так уже не было видно от тысяч кораблей. Они сбивались в группы и в море словно рождался архипелаг из сотен островов. Корабельные мачты вздымались словно густой лес, а бесчисленные паруса и вымпелы мерцающим маревом колебались над волнами. Тут и там реяли черные с золотом знамена. Армада ожидала последнего знака короля. Саурон не выходил из капища, но к нему непрерывно доставляли все новых и новых жертв.

И тогда в последний раз на небе появились Орлы Манвэ. Бесконечной чередой неслись они из огня заката, охватывая небосклон и словно выстраиваясь в боевые порядки. Запад позади них вспыхнул алым заревом, и на его фоне, словно пламенем великого гнева, рдели крылья воздушных вестников. Лица людей окрасились багровыми отсветами и будто покраснели от ярости. Но Ар-Паразон ничего этого не видел. Он поднялся на борт флагманского корабля, звавшегося Алькарондас, Морская Крепость. С несколькими рядами весел, многомачтовый, с корпусом, выкрашенным в золотой и траурно-черный цвет, нес он на полубаке трон короля. Ар-Паразон облачился в доспехи, надел корону и приказал поднять знамя. Это и был сигнал к началу похода. Грянули трубы и заглушили раскаты надвигающейся грозы.

Армада Нуменора двинулась на запад. В безветрии сотни тысяч весел заскрипели в руках

рабов-гребцов. Солнце село. Темнота пала на землю, море смолкло, весь мир будто затаил дыхание и ждал, что будет дальше. Одна за другой проходили флотилии мимо дозорных, оставшихся на башнях береговых крепостей, и растворялись в ночи. Потом с востока пришел ветер, а поутру в море не видно было уже ни одного паруса. Нарушив вековечный запрет, корабли вошли в заповедные моря. Нуменор объявил войну Бессмертным, чтобы вырвать у них вечную жизнь на Кругах Мира.

Флот Ар-Паразона, неожиданно вынырнув из морских далей, окружил Одинокий Остров. Лучи восходящего солнца не могли пробиться сквозь толщу парусов и знамен. Эльдары растерянно смотрели на это невиданное скопище. Но флот проследовал дальше. И вот перед королем открылись берега Благословенного Края. Над морем все еще висела странная, могильная тишина. Судьба мира держалась теперь лишь на тоненьком волоске. Ар-Паразон заколебался. Когда перед ним на горизонте встала сияющая громада Таниквэтил, белее снега, холоднее смерти, вечная, страшная, как отблеск Света Илуватара, король совсем уж решил повернуть назад, почувствовав приближение неотвратимой беды, но гордыня взяла верх, и он ступил на берег Амана, объявив эту страну своим владением. Войска сошли с кораблей и разбили лагерь у подножья Туны, покинутой Эльдарами.

Манвэ воззвал к Илуватару. Валары сложили с себя правление Ардой. Но Илуватар рассудил иначе. Он изменил облик мира. Словно незримый меч ударил земную твердь. Меж Нуменором и Бессмертными Землями разверзлась исполинская трещина, в которую хлынули исполинские воды. Земля сотряслась, и в небо рванулись страшные клубы пара. Море вздыбилось и низвергло в бездну весь нуменорский флот. Войско Ар-Паразона, ступившее на землю Амана, погребли под собой падающие скалы. Там, в Пещерах Забытых, лежат воины короля, ожидая Последней Битвы и труб Судного Дня.

Земли Амана и Одинокий Остров Илуватар переместил в иные сферы бытия, недоступные отныне для людей. Нуменор же перестал существовать. Его берега находились у самого края разверзшейся в теле Земли пропасти, основание материка лишилось основы, он опрокинулся и ушел во тьму. Нет больше Эленны, Земли-Подарка, Края-под-Звездой, и нет больше на Кругах Мира места, где сохранилась бы память о времени, в котором отсутствовало Зло. Рука Илуватара властно перекроила моря и земли, и мир стал меньше, ведь и Аман, и Одинокий Остров стали незримы, уйдя в надмирное.

Это случилось на тридцать девятый день после ухода королевского флота. Из вершины Менельтармы вдруг ударило пламя, тут же налетел порыв ураганного ветра и принес великий гул, рождавшийся, похоже, в земных недрах. Само небо наклонилось и заскользило куда-то вбок, земля все быстрее поворачивалась под ногами обезумевших от ужаса людей, и Нуменор канул в пучину, унося с собой поля, города, усыпальницы, богатство и роскошь, золото и драгоценные камни, картины и скульптуры, гордых дев и детей, жен и матерей — все они исчезли, словно и не жили никогда. Последней погибла королева Тар-Мириэль. Она почувствовала приближение беды и решила, вопреки королевскому запрету, подняться к святилищу Эру, но — слишком поздно. Огромная, до небес, холодная, зеленая, в венце из белейшей пены волна прошла над страной и походя слизнула королеву, чей крик уже некому было услышать в реве ветров.

Достоверно ничего не известно, но, может быть, Амандил все же достиг Валинора и говорил перед Манвэ, и, может быть, Манвэ благосклонно отнесся к его мольбам, а иначе как бы удалось спастись Элендилу и немногим, что были с ним? Элендил остался в Роменне, когда пришел приказ короля: всем Верным присоединиться к флоту и принять участие в походе. Стража, посланная Сауроном за новыми жертвами для капища, увидела лишь паруса нескольких кораблей, взявших курс на восток. Когда разверзлись хляби земные, беглецов защитил от первых убийственных волн гибнущий Нуменор, но вот его не стало, и корабли оказались во власти разгневанных стихий. Рванул западный ветер, превратил паруса в клочья, вырвал мачты, но он же отбросил суда Друзей Эльфов далеко от места катастрофы.

Девять кораблей покинули Роменну. Четыре принадлежали Элендилу, три — Исилдуру и два — Анариону. Они пытались уйти от надвигавшегося шторма в сторону ночи. Морские глубины дышали гневом, и на поверхности перекачивались гороподобные валы, летели по ветру клочья пены. Волны то вздымали небольшие суда в поднебесье, то низвергали в бездну, но спустя несколько дней выбросили несчастных на берега Среднеземья. Все побережье, вся западная окраина материка изменилась неузнаваемо. Море захватило огромные пространства, древние острова уходили под воду, а морское дно становилось новой сушей, гибли равнины, и рождались новые плоскогорья, реки исчезали или меняли

русла, старые горы рассыпались в прах, и поднимались молодые хребты.

Элендил с сыновьями основали в Среднеземье свои королевства. Конечно, их знания и мастерство принадлежали ко временам упадка Нуменора, но полудиким племенам, жившим здесь, пришельцы казались кудесниками и чародеями. Другие предания повествуют о славных делах и подвигах наследников Элендила, об их трудной и долгой борьбе с Сауроном, происходившей уже в следующую Эпоху.

Что же касается Сауона, то гнев Валаров и страшная участь Нуменора повергли его в великий страх. Он-то ожидал, что дело кончится гибелью ненавистных нуменорцев и низвержением их гордого королевства. Поэтому, слыша трубы, знаменующие начало похода, Саурон хихикал и потирал руки, сидя в своем капище; потом он все еще улыбался, прислушиваясь к грохоту бури, и еще пару раз ухмыльнулся собственным мыслям, соображая, как можно развернуться, избавившись от ненавистных Адамов, но тут капище вместе с тронем, на котором он сидел, рухнуло в бездну. Саурон из рода Майя не умер, а только лишился обличья, в котором долгие века творил Зло. Теперь ему недоступна была прежняя привлекательная форма, но черный дух его восстал из глубин, темным вихрем пронесся над морем и водворился в Мордоре, который он покинул, уходя сдаваться морскому королю. Там, в Барад Дуре, ждало его Кольцо, но даже с его помощью немало времени понадобилось безмолвному и безликому злодею для создания своего нового, зримого обличья. Отныне являло оно лишь злобу и ненависть; мало кто в дальнейшем мог выдержать взгляд Багрового Ока хозяина Барад Дура.

Но об этом говорится уже в другом предании. История же падения Нуменора подошла к концу. Исчезло гордое королевство, исчезло из памяти живущих даже его название, и никогда больше в мире не звучало слово «Эленна», а немногие уцелевшие Дунаданы, обращаясь на Запад, называли свою погибшую родину Мар-ну-Фалмар — Земля, Пропавшая под Волнами, Аталантэ на языке Эльдаров.

Среди Дунаданов, живших в Среднеземье, многие верили, что вершина Менельтармы спустя время снова восстала над волнами, образовав остров, затерянный меж великих вод. Дух святости хранил его, ведь даже при Сауроне нечистая рука не коснулась святилища Единого. Потомки Элендила искали остров. Они помнили, что когда-то с его вершины самым зорким удавалось разглядеть отблеск бессмертных земель. Ведь они были потомками Верных, и даже страшная гибель Нуменора не отвратила их сердца от Запада. Конечно, они знали, что мир изменился, но все они говорили: «Авалон исчез, и Аман не обрести снова в этом темном мире, но ведь они были, а значит, и есть в том целом и полном замысле Единого, по которому создавалась наша Земля». Ибо Дунаданы верили, что даже смертные, на которых почиет благодать, смогут постичь иные времена за гранью их здешней жизни, и стремились всей душой к искуплению причины своего изгнания; ведь и их гнала через пучины морей скорбная мысль о Смерти. Они жаждали узреть вечный свет, и потому самые отважные и искусные моряки продолжали бороздить пустынные моря, с надеждой всматриваясь вдаль: не покажется ли над волнами вершина Менельтармы. Но поиски их тщетны. Изредка встречаются им берега незнакомых земель, но и там властвует Смерть. Те, кто идет все дальше, обходят вокруг Земли и возвращаются назад, усталые и разочарованные. Они говорят, что все дороги в мире отныне искривлены.

Вот из таких путешествий, из наблюдений за звездами, из размышлений и сопоставлений и узнали короли людей, что Мир отныне стал круглым. А вот Эльдарам, все еще живущим в Среднеземье, дозволено свободно покидать сей мир и приходить на древний Запад и в Авалон. Поэтому мудрейшие из людей считают, что прямой путь все еще существует, для тех, кто сподобится его отыскать. Они учат, что пока этот новый Мир идет к закату, дорога памяти еще может увести на Запад. Словно незримый мост, соединяет она два мира. Начинаясь где-то здесь, в воздухе, которым мы дышим, в котором летают птицы и который искажен так же, как и вся Земля, дальше она пересекает Ильмень и уходит к Одинокому Острову, а может, и к Валинору, где еще обитают Валары, наблюдая развертывающуюся перед ними картину мира. Вот только тело из плоти не выдержит эту дорогу, и не пройти по ней без помощи свыше. Время от времени на побережье рождаются слухи о том, что где-то в море живут (или жили) люди (а может, и не люди), которые не то по милости Валаров, не то по собственной праведности вставали на прямой путь и уходили, видя, как Земля под ногами становится все меньше, а впереди яснеют ярко освещенные набережные Авалона, а то и берега Амана, и перед смертью глазам их открывалась парящая в недостижимой вышине грозная и прекрасная вершина Белой Горы.

О КОЛЬЦАХ ВЛАСТИ И ТРЕТЬЕЙ ЭПОХЕ

Давно, очень давно жил на Арде Майя, которого Синдары звали Гортхаур, а Нолдоры — Саурон. Еще в начале времен этот великий дух был соблазнен Мелькором и скоро стал его ближайшим помощником и самым опасным врагом людей и эльфов. В то время мог он принимать множество благородных и прекрасных облиций, способных ввести в заблуждение всех, кроме самых мудрых и осторожных.

Когда Валары разрушили Тангородрим и низвергли Моргота, Саурон, избрав привлекательную личину, почтительно обратился к Эонвэ, глашатаю Манвэ, отрекаясь от дел Врага и своих собственных злодеяний. Кое-кто полагает, что каялся он искренне, уstraшенный гневом Владык Запада и участью Моргота. Но Эонвэ, сам Майя, не властен был казнить или миловать равного себе по происхождению, поэтому он приказал Саурону следовать в Аман и там предстать перед судом Манвэ, Саурон поразмыслил и пришел к выводу, что путешествие в Аман может обернуться для него долгим заключением, непросто ему будет убедить Валаров в своей искренности, ведь при Морготe пользовался он огромной властью и немало зла принес людям и эльфам. И вот, после ухода Эонвэ, Саурон почел за благо скрыться, затеряться в просторах Среднеземья, и вскоре снова впал во зло, ибо крепко привязал к себе своего слугу Темный Властелин.

Великая война сопровождалась страшными землетрясениями. Они разрушили Белерианд, и обширные земли на западе и на севере скрылись под водами Великого Моря. На востоке, в Оссирианде, хребет Эред Луин раскололся и в трещину хлынули морские воды. На месте долины образовался залив, теперь в него впадала изменившая русло река Луна. Когда-то Нолдоры называли этот край Линдон; имя это до сих пор осталось за ним, потому что многие Эльдары еще жили здесь, медля покидать Белерианд, где они так долго трудились и боролись. Правил оставшимися сын Фингона — Гил-Гэлад. Рядом с ним всегда был Элронд Эльфинит, сын Эарендила Морехода и брат Элроса, первого короля Нуменора.

На берегах залива Луны эльфы основали большое поселение и назвали его Митланд, Серебристая Гавань. Это прекрасный порт, и только отсюда время от времени уходят корабли Эльдаров, покидая тускнеющие берега Земли. По милости Валаров Перворожденным по-прежнему доступен Прямой Путь; минуя Искаженные Моря, возвращаются они к берегам Одинокого Острова или прямо в Валинор.

Тэлери, уцелевшие после гибели Дориата и Оссирианда, ушли с новых побережий в глубь материка; их королевства затерялись среди владений Лесных Эльфов, в горах и лесах, но тоска по морским просторам навсегда поселилась в их душах. Нолдоров осталось совсем немного. Жили они на востоке от Эред Луин, в Эрегионе, который Люди называли Благодатными Кущами. Эрегион соседствовал с подгорным царством гномов. Гномы называли его Казад-Дум, а эльфы — Хадходронт. Позже оно получило название Мория. Из Остин-Этил, столицы Нолдоров, вела прямая дорога к западным вратам Морийского Царства, ибо в те времена два народа связывала крепкая дружба к вящей пользе тех и других. Мастера Эрегиона достигли таких высот в работе с металлом и камнем, что только творения Феанора оставались непревзойденными. Но даже среди этих удивительных умельцев выделялось искусство Келебримбера, сына Карафина. Он мало походил на отца. Когда, по сведениям «Квента Сильмариллион», Келегорм и Карафин отправились в изгнание, Келебримбер остался в Нарготронде.

Теперь на всем пространстве Среднеземья царил мир, но земли эти были дики и пустынные. Ведь народы Белерианда обжили лишь малую часть материка, а на остальных просторах бродили, как и прежде, только свободные Авари. Они понаслышке знали о событиях на западных землях, а Валинор оставался для них полузабытой легендой. На южных и юго-восточных землях множились люди, но трудами Саурона сердца их уже давно обратились ко Злу.

Наблюдая картину общего запустения, Саурон пришел к выводу, что Валары, свергнув Моргота, надолго оставят Среднеземье в покое. Теперь ничто не могло помешать расцвету его тщеславия. С ненавистью обращался взор Врага к оставшимся поселениям Эльдаров и с опаской — к Нуменору. Оттуда приходили временами огромные морские корабли. Но какие бы злые козни ни зрели у него на сердце, до срока их приходилось тщательно скрывать.

Саурон быстро понял, что из всех народов Земли легче всего иметь дело с людьми, ведь до этого он долго пытался склонить на свою сторону Перворожденных, то и дело появляясь среди них в своем

прельстительном обличье, и не показывался только в Линдоне. Гил-Гэлад и Элронд никогда не доверяли ему, хотя и не знали, кто скрывается под благообразной личиной. В других местах Саурана принимали с радостью, а на предостережения из Линдона не обращали внимания. Теперь Саурон звался Аннатар, Дароносец, и дружба с ним поначалу приносила много полезного. Он же любил повторять: «И у великих есть свои слабости. Уж на что могущественен государь Гил-Гэлад, на что искушен в знаниях Мастер Элронд, а вот не хотят они помочь мне в трудах. Может, потому, что не желают видеть другие земли столь же сильными и счастливыми, как свое королевство. По их милости еще долго придется Среднеземью лежать в запустении, а ведь эльфы могли бы сделать эту землю такой же прекрасной, как Тол Эрессеа или даже Валинор. Вы ведь не захотели возвращаться туда, значит, любите Среднеземье. И мне оно дорого. Вот и надо нам постараться всем вместе поднять бродячие эльфийские народы к вершинам тех знаний, что отличают живущих за Морем».

Охотней всего прислушивались к Саурону в Эрегионе. Здесь Нолдоры без устали совершенствовались в знаниях и ремеслах. К тому же сердца их не знали покоя после отказа вернуться на Запад. Среднеземье они действительно любили и поначалу надеялись, что и здешние земли их трудами когда-нибудь смогут приносить такую же радость, как та, за которой ушедшие отправились в Благословенный Край. Поэтому они с особым вниманием прислушивались к словам и советам Саурана, чьи знания намного превосходили их собственные. В те дни кузнецы Остин-Этил своими молотами творили чудеса. И вот наконец они задумали и создали Кольца Власти. Саурон исподволь направлял их труды, замыслив коварством подчинить эльфийские народы.

Эльфы ковали свои кольца, а Саурон в тайне от всех работал над своим, единственным, позволяющим править всеми другими, так что сила эльфийских колец действовала в мире лишь до тех пор, пока существовало объединявшее их Кольцо Власти. Для этого пришлось Саурону вложить в свое Кольцо большую часть собственного могущества и воли. Эльфийские кольца получились настолько сильными, что звено, замыкавшее их в цепь, обязательно должно было превосходить их совокупную мощь. Саурон ковал Кольцо Всевластья на вершине Огненной Горы в Стране Мрака. Надев Кольцо, он рассчитывал разом постичь все, созданное силой других колец, и постепенно подчинить себе их владельцев.

Но эльфов оказалось не так-то легко провести. Стоило Саурону надеть Кольцо Всевластья, как они поняли, чем грозит им созданная цепь и сокрыли свои кольца. Саурон, увидев, что замысел его провалился, пришел в ярость. Он потребовал вернуть все кольца, потому что без его помощи эльфы не смогли бы сделать их, а когда эльфы не подчинились, пошел на них войной. Но три кольца все же удалось сохранить от Врага. Они были изготовлены последними и оказались самыми могущественными из всех. Звались они Наир, Нэин и Вэйал — кольца Огня, Воды и Воздуха. Рубин, адамант и сапфир горели в этих кольцах; вот их-то и стремился заполучить Враг любой ценой, ведь эти кольца меняли ход времени, и усталость мира не касалась владевших ими. Но поиски Саурана оказались тщетными. Три кольца владели Мудрые и никогда не использовали открыто всей их мощи, пока Саурон обладал Кольцом Всевластья. Только молот Келебримбера касался их звонкого металла, поэтому чистыми остались Три Кольца, хотя и подчинялись Одному.

С тех пор война между Сауроном и эльфами уже не прекращалась. Погиб Келебримбер, Эрегион был razорен, а Врата Мории закрылись. Тогда же Элронд Эльфинит основал и укрепил Имладрис — Люди называли его Дольном. В конце концов в руках Саурана оказались все Кольца Власти, кроме трех. Он раздал их народам Среднеземья, надеясь соблазнить тех, кто стремится к магической власти, превышающей естество. Семь колец оказались у гномов, а людям достались Девять, потому что люди как нельзя лучше отвечали замыслам Врага. Именно Девять помогал ковать Саурон, поэтому тем легче ему было править ими и тем большим проклятием они становились для своих владельцев. Правда, гномов совратить оказалось не просто. Они не терпели над собой ничьей власти, в глубь их помыслов трудно было проникнуть даже Врагу, и, видно, поэтому призраками и рабами Колец, как другие, они не стали. Силу своих колец они использовали только для обогащения, — хотя такие свойства, как любовь к золоту и излишняя гневливость поселились в их сердцах не без вмешательства хозяина Кольца Всевластья. Не так уж много на первый взгляд, но и это принесло в мир немало бед. Говорят, что каждое из семи знаменитых сокровищ Государей Гномов древности начиналось с одного-единственного золотого колечка. Давно уже разграблены сокровищницы — часть растащили драконы, часть разошлась по миру, а из Семи Колец

четыре погибли в драконьем огне, а три вернулись в руки Саурана.

Людей поймать оказалось легче. Девять Кольценосцев быстро стали могущественными королями, воинами-чародеями.

Жизнь их казалась нескончаемой, но для них самих в конце концов стала невыносимой. Да, кольца дали им большую власть: они могли становиться незримыми для любых глаз этого мира, им открылись миры, неведомые смертным, но слишком часто их окружали призраки и иллюзии, созданные Сауроном. И вот, один за другим, раньше или позже, в меру природной силы и склонности к добру или злу, какой располагали они, все девять оказались рабами своих колец, и значит — Кольца Всевластья. Призрачен стал их облик, зримый только хозяину Главного Кольца, и отныне владениями их навеки становилось Царство Теней. Кольценосцы превратились в назгулов, самих ужасных слуг Врага. Всюду и везде за ними шла тьма, а в жутких криках, испускаемых ими, слышался голос Смерти.

Алчность и гордыня Саурана все росли, он уже не признавал никаких преград и все нетерпеливее рвался к абсолютной власти в Среднеземье, стремясь уничтожить последних эльфов и размышляя, как погубить Нуменор. Он уже называл себя Владыкой Земли, и если носил пока прежнюю личину мудрости и благородства, то правил только силой и страхом. Те, кто видел, как тень его расползается по миру, прозвали Саурана Врагом, Темным Властелином. Он снова собрал злых тварей времен Моргота, оставшихся на земле или под ней, орки множились под его рукой, как мухи. Так начались Черные Годы. Эльфы называли их Днями Бегства. Многим из них пришлось покинуть родные места и уйти в Линдон, а оттуда — навсегда за Море, многие погибли в борьбе с Сауроном и его слугами. Но сам Линдон оставался свободным, Гил-Гэлад сохранял власть над своими землями, и Саурон пока не осмеливался перейти Синие Горы и напасть на Гавани. К тому же Гил-Гэладу помогали нуменорцы. Зато на прочих землях Саурон царствовал полновластно. Непокорные уходили в горы, скрывались в лесных дебрях и старались не привлекать к себе внимания. Так было на юге, на востоке, где подданные Саурана строили крепости, возводили каменные стены. Южане были многочисленны, хорошо вооружены и свирепы в бою. Для них Саурон был королем и богом, живущим в огненном замке и внушающим суеверный страх.

Однако победное продвижение на запад Саурону не удалось. На его пути встала военная мощь Нуменора. При всем своем могуществе Саурон не мог противостоять заморскому королевству, находящемуся в зените славы. Вот тогда и решился Враг на хитрость. Он сдался в плен королю Тар-Калиону и вместе с ним отправился в Нуменор. Столь искусному лжецу не понадобилось много времени, чтобы обольстить и совратить гордых нуменорцев, а потом еще и втравить их в войну с Валарами, что в конечном итоге привело Нуменор к гибели. Правда, конец Нуменора был столь ужасен, что даже Саурон, забывший о мощи Валаров, пришел в ужас. Страна канула в пучину, и Врага поглотила разверзшаяся бездна. Его развоплощенный дух темным вихрем умчался в Среднеземье в поисках пристанища. Оттуда Враг с бессильной злобой наблюдал за растущей мощью Гил-Гэлада. Владения Короля Эльфов на северо-западе простирались теперь почти до самого Ясного Бора, откуда было рукой подать до прежних земель Темного Властелина. Саурону оставалось убраться в Черную Страну и строить замыслы новой войны.

В «Падении Нуменора» рассказано, как немногие сумевшие спастись нуменорцы прибыли на восток. Их вел Элендил Высокий вместе с сыновьями Исилдуром и Анарионом. Они были родичами короля, потомками Элроса. Речи Саурана не совратили их, и в войне с Владыками Запада они не участвовали. Вместе с другими Верными им удалось покинуть обреченную страну и отплыть на восток. Это были могучие люди на больших крепких кораблях, но буря, поднявшая мир на дыбы после гибели Нуменора, бросала огромные суда на пенных гребнях под самые небеса так, что они буревестниками опустились на берега Среднеземья. Корабли Элендила волны вынесли на побережье Линдон. Элендил и раньше был дружен с Гил-Гэладом, поэтому нуменорцев ждал радушный прием. Они поднялись по Луне и за Синими Горами, на землях Эриадора, основали княжество Арнор. Столицей его стал Аннуминас, украсивший берега озера Дрема. Нуменорцы жили и в Форносте на Северных Холмах, и в Кардолане, и на взгорьях Рудаура; их сторожевые башни вздымались в небо на Дальних Холмах и Заветери. И по сю пору в тех краях немало могильников и руин, но с Дальних Холмов узкие окна башен по-прежнему смотрят на море.

Исилдур и Анарион высадились дальше к югу, в устье Андуина Великого, возле залива Белфалас. Там было основано княжество Гондор. Неподалеку отсюда, еще во дни расцвета Нуменора, заложены были укрепления, которым надлежало противостоять Черной Земле Саурана, расположенной восточнее. В

последнее время сюда приходили только корабли Верных. Здешние народы хорошо знали Друзей Эльфов и род Элендила и с радостью приветствовали его сыновей. Столицей южного княжества стал Оспиат. Его делила надвое Великая Река, а соединял мост. Другого такого моста не было в Среднеземье. Каменные дома и ажурные башни украшали его, а большие морские корабли проходили под ним к причалам города. По обе стороны от реки поднялись две могучие крепости: Минас Итиль, Крепость Восходящей Луны, располагалась к востоку от Оспиата, в отрогах Хмурых Гор, и противостояла угрозе из Мордора, а на западе, у подножья Горы Миндоллуин, встали неприступные стены Минас Анора, Крепости Восходящего Солнца. Цитадель служила щитом против дикарей с равнин. В Минас Итиле жил Исилдур, а в Минас Аноре — Анарион, но правили княжеством они вместе, и во дворце Оспиата стояли рядом два трона. В годы расцвета Гондора появились и Столпы Аргоната, и чудеса Агларонда и Эреха, а в кольце Ангреноста, который Люди называли Изенгардом, вознеслась в небо несокрушимая башня Ортханка.

Нуменорцы принесли в Среднеземье немало диковинных сокровищ, но славнейшими среди них были, конечно, семь Палантиров и Белое Дерево, выросшее из спасенного в Арменелосе плода легендарного Белого Древа Нуменора. Оно вело свой род от Древа из Тириона — подобия Белого Телперииона, старшего из Дерев Йаванны. Белое Дерево росло в Минас Итиле перед домом Исилдура, спасшего его от гибели, в память об Эльдарах и Свете Валинора. Палантиры поделили между князьями. Три достались Элендилу и по два — его сыновьям. Камни Элендила хранились на Дальних Холмах, на Заветери и в Аннуминасе. Камни братьев — в Минас Итиле, в Минас Аноре, в Ортханке и в Оспиате. Глядящий в Палантир мог видеть сквозь расстояние и время, но по большей части, они показывали то, что находилось неподалеку от другого, родственного Камня, ибо каждый из них сообщался с каждым. Но человек могучей воли, способный сосредоточить сознание и подчинить его единой цели, мог устремить взор куда пожелает. Поэтому во дни могущества нуменорских княжеств никакие помыслы врагов не могли укрыться от них.

Говорят, что башни на холмах построил Гил-Гэлад для своего друга Элендила, а Палантир находился в самой высокой из них, Элостиионе. Сюда поднимался Элендил, когда тоска по родине сжимала его сердце, вглядываясь в полированные грани Палантира, и тогда перед ним вставали из Моря Одинокый Остров и центральная башня Авалона, где и донныне хранится главный Камень. Когда-то Эльдары подарили Палантиры Амандилу, отцу Элендила, чтобы ободрить Верных в мрачные дни Нуменора, когда корабли эльфов перестали приходить в гавани страны, покрытой тенью Саурона. Теперь в Среднеземье не осталось ни одного из всевидящих Камней.

Вскоре после возникновения нуменорских княжеств стало понятно, что Саурон тоже вернулся в Среднеземье. Он незримо прокрался в Мордор, свое древнее царство за Хмурыми Горами, к востоку от границ Гондора. Там над долиной Горгората высилась мощная и зловещая цитадель Барад Дур. Сердцем Мордора была неукротимая гора Ородруин. Огонь недр, непрестанно клочащийся в жерле вулкана, требовался Саурону для его колдовских дел. Именно здесь, в центре Мордора, ковал Враг Кольцо Всевластья. Теперь он маялся во мраке, с трудом создавая свой новый облик. Грозным и мрачным получился он, прекрасные черты сгнули навсегда в бездне гибнущего Нуменора. И вот Саурон снова взял в руки Кольцо Всевластья, к нему вернулась его злобная мощь, и теперь даже среди величайших людей и эльфов немногие смогли бы вынести взгляд Багрового Ока Темного Властелина.

Он снова готовил войну против Эльфов и Людей Запада. Гора то и дело полыхала подземными огнями. Нуменорцы, видя султан дыма над Ородруином, поняли, что Саурон вернулся. Тогда же Ородруин стали звать Амон Амарх, Роковой Горой. К Саурону с востока и юга стекались рати его приспешников. Надо сказать, что среди них были и люди, принадлежащие к высокой расе нуменорцев, ведь во дни своего господства Темный Властелин расположил ко злу сердца целого народа. Немало укреплений и поселений основали в те годы на востоке властители Нуменора, служившие Саурону. Правда, Гил-Гэлад вынудил их уйти далеко на юг, но двое стали могучими правителями многочисленного и жестокого народа Харада, обитавшего южнее Мордора, к востоку от устья Андуина. Звали этих нуменорцев Эрумор и Фуйнур.

Собрав большие силы, Саурон двинул войска на молодой Гондор. Ему удалось захватить Минас Итиль и уничтожить росшее там Белое Дерево Исилдура. Однако самому Исилдуру с женой и сыновьями удалось спастись и унести с собой саженец. Они спустились на корабле по Андуину и вышли в море, надеясь отыскать Элендила. Анарион не только удержал Оспиат, но даже отбросил Врага назад, к горам, но

Саурон опять пошел в наступление, и Анарион понял, что без помощи друзей княжество долго не выстоит.

Элендил и Гил-Гэлад собрались на совет. Они понимали, что мощь Саурона растет и скоро он покончит с людскими и эльфийскими владениями на западе, если действовать порознь. Они создали союз, названный Последним, и пошли на восток, собирая по дороге огромное войско людей и эльфов. Перед битвой они остановились в Имладрисе. Говорят, что подобной дружины не видели в Среднеземье с тех пор, как рать Валаров осадила Тангородрим.

Выступив из Имладриса, войска перешли Мглистые Горы, спустились вниз по Андуну и в Дагорладе, у ворот Черной Страны, встретились с Саурановым воинством. Все живое в Среднеземье в этот день разделилось, даже звери и птицы сражались друг против друга, только эльфов не было в стане Врага, все они шли за Гил-Гэладом. Из гномов лишь немногие приняли участие в битве и тоже за разные лагеря, но род Дарина, Государя Мории, бился против Саурона.

Войска Гил-Гэлада и Элендила одержали победу, ибо велика была в те дни сила эльфов, мужественны, крепки и грозны в гневе нуменорцы. Не было равных копьём Гил-Гэлада Айглосу, а меч Элендила Нарсил, сияя то лунным, то солнечным блеском, внушал ужас южанам и оркам. Элендил и Гил-Гэлад вошли в Мордор. Семь лет длилась тяжелая осада твердыни Саурона. От огня, стрел и дротиков, при внезапных контратаках врага пали многие воины. В Горгоратской долине погиб сын Элендила Анарион и многие другие. Но кольцо осады все сжималось, и в конце концов Саурону пришлось выйти и биться с Гил-Гэладом и Элендилем. Оба пали. Нарсил сломался в руках Элендила, но и обломком клинка Исилдур отсек палец поверженного Врага и взял себе Кольцо Всевластия. Саурон опять был вынужден покинуть тело. Дух его бежал далеко, скрылся в пустынных местах и долго-долго не имел зримого облика.

Так, вослед за Древнейшими Днями и Черными Годами, пришла Третья Эпоха. Ей не были чужды ни радость, ни надежда, и долго цвело Белое Дерево Эльдаров в саду Минас Анора, там, где посадил его Исилдур в память о брате. Потом он ушел из Гондора. Войска Саурона были почти разбиты, и многие Люди, отвернувшись от Зла, сдались на милость наследникам Элендила, но немало оставалось и таких, кто сохранил в душе преданность бывшему владыке и ненавидел княжества Запада. Барад Дур сравнивали с землей, но об оставшемся фундаменте помнили. На границах Мордора стояли нуменорские дозоры, однако земли вокруг лежали безжизненными, ибо ужас при одном воспоминании о прежнем хозяине гнал прочь все живое. Да и где здесь было жить? Горгоратскую равнину покрывал слой пепла, Ородруин продолжал куриться едким дымом.

В сражениях пали многие. Не стало Элендила Высокого, погиб Государь Гил-Гэлад. Никогда больше не собратся подобной дружине, никогда отныне людям и эльфам не заключать союзов, потому что после сражения отчуждение пролегло между двумя народами.

Кольцо Всевластия исчезло, даже Мудрые ничего не знали о нем. Тогда, на поле боя, Исилдур не отдал его Кирдэну и Элронду, стоявшим рядом, не внял их советам бросить Кольцо в жерло Ородруина — до него было так близко, рукой подать. Там оно родилось, там бы ему и погибнуть. Сила Саурона умалилась бы навсегда, оставив на Земле лишь тень злобы, да и то лишь в самых глухих местах. Но Исилдур отверг советы. «Оно принадлежит мне, — сказал он, — во-первых, как вира за смерть отца и брата, а во-вторых, разве не я нанес Врагу смертельный удар?» Говоря это, Исилдур уже не мог оторвать глаз от Кольца, ибо невыразимо прекрасным казалось оно ему, и даже мысли не допускал он о том, чтобы уничтожить столь дивную вещь. Так с Кольцом вернулся он в Минас Анор и посадил там Белое Дерево в память об Анарионе, а потом передал правление Южным Княжеством сыну Анариона Менельдилу и ушел из Гондора, унося Кольцо, как фамильную драгоценность. Он шел на север той же дорогой, которой пришел Элендил, намереваясь принять королевство отца в Эриадоре, далеко от Мордора.

Но в Мглистых Горах Исилдур был атакован бандой орков. Они неожиданно напали на лагерь, воспользовавшись беспечностью князя, не выставившего дозоров. Случилось это неподалеку от Оболони. В ночной стычке погибли почти все люди князя и среди них трое его старших сыновей — Элендур, Аратан и Кирион. К счастью, жена Исилдура с младшим сыном Валандилом осталась в Имладрисе. Сам Исилдур спасся благодаря Кольцу. Оно делало своего владельца незримым. Однако орки не отставали. Они устроили настоящую охоту на князя, выслеживая его по следам и по запаху. Исилдур, надеясь оторваться от погони, решил переплыть Андун и бросился в воду. И тут Кольцо предало его. Оно соскользнуло с пальца

и кануло на дно. Орки увидели Исилдура и выпустили тучу стрел. Больше никто и никогда не видел князя. Из всего отряда после долгих скитаний вернулось только трое. Один из них, оруженосец Охтар, сохранил обломки Нарсила, меча Элендила. Теперь Нарсилом владел Валандил, наследник Исилдура. Меч не покидал стен Имладриса. Клинок был сломан, его прежний блеск померк, но перековывать меч не стали, ибо, как сказал Мастер Элронд, время для этого настанет лишь тогда, когда найдется Кольцо Всевластия и вернется его хозяин. Оставалось надеяться, что этого не случится никогда.

Валандил княжил в Аннунинасе, однако владения его становились все безлюднее. Для уцелевших после Дагорлада, осады Мордора и прочих ратных дел нуменорцев и их союзников Эриадор оказался слишком просторен. По прошествии нескольких лет, при Эарендуре, седьмом после Валандила князе, Дунаданы Севера разбились на несколько малых княжеств, исчезавших одно за другим в борьбе с врагами. Слава их быстро меркла, все приходило в упадок, и на обширных пространствах оставались лишь буйно поросшие травой могильники. А вскоре не осталось ничего, кроме странного малочисленного народа, бродившего в глуши, и никто из людей не знал, где они живут, к чему стремятся и откуда ведут свой род. Но века не прервали цепь наследников Исилдура, и в роду от отца сыну передавались бережно хранимые обломки Нарсила.

Гондор на юге, напротив, хорошел и цвел. Его могущество росло, богатство множилось, и напоминал он теперь Нуменор во дни славы. Высокие башни, мощные стены, прекрасные гавани строил народ Гондора, и Крылатый Венец Короля Людей чтили племена, говорившие на многих языках. Белое Дерево, привезенное Исилдуром из-за Моря, цвело в Минас Аноре воспоминанием об Авалоне, о вечном Дне Валинора, о той поре, когда Мир был юн и беспечален. Но время неумолимо, быстры годы Среднеземья, угас и гордый Гондор, угас род Менельдила, сына Анариона. Кровь нуменорцев перемешалась с кровью многих других народов, могущество умалилось, знания расточились и забылись, жизнь стала короче, и напрасный дозор на границах Мордора неизбежно ослабел. И вот в правление двадцать третьего князя Телемнара темные ветры с востока принесли мор, и первой жертвой пали король с детьми, а население Гондора сильно сократилось. Тогда оказались совсем заброшенными сторожевые посты на границах Мордора, обезлюдел Минас Итиль и Зло снова прокралось в Черную Страну. В Горгоратской долине стылый ветер пересыпал пепел. Возвращались мрачные призраки. Говорят, это были Улары, Девятеро Кольценосцев, прозванных Сауроном назгулами. Они долго таились, а теперь своим приходом торили дорогу возрождавшемуся хозяину.

Первый удар они нанесли во дни правления Эарнила. Под покровом ночи назгулы прокрались перевалами Мглистых Гор, захватили Минас Итиль и надолго обосновались там. Теперь стены и бастионы крепости окутывал такой ужас, что без особой нужды в ту сторону избегали даже смотреть. Крепость стали называть Минас Моргул, Чародейский Оплот. Отныне у Минас Анора появился вечный и грозный противник. Бесконечные стычки превратили в развалины давно заброшенный Осгилиат. В его руинах поселились тени и призраки. Но Минас Анор выстоял. Он звался теперь Минас Тирит, Крепость Стражи. Над могучим, гордым городом высоко поднималась Белая Башня Правителей, смотрящая на все стороны света. Белое Дерево все еще цвело у порога дворца, и потомки нуменорцев удерживали мост на Андуйне, защищая земли к западу от реки, как бы ни наседали рати орков, призраков или полчища Харада.

Минас Тирит стоял нерушимо и после правления Эарнура, сына Эарнила, последнего князя Гондора. Это он вызвал на поединок предводителя назгулов, но был обманом захвачен в плен и сгинул навсегда среди теней города мук. С гибелью Эарнура угас род князей Гондора и правление принял наместник Мардил, прозванный Верным. Теперь страной управляли, сменяя Друг друга, представители его Дома. Границы бывшего княжества неуклонно уменьшались; чтобы удержать территории, был призван с севера дружественный народ Рохирримов, поселившийся на огромных пространствах густотравных равнин Рохана. Когда-то земли эти звались Каленардон и входили в состав гондорского княжества. Рохирримы стали верными союзниками Гондора. Севернее, за водопадами Рэроса и Вратами Аргоната, проходила черта, которую зло не решалось переступить до срока. Люди мало знали о тех землях, но известно было, что там обитают силы, древнее любых других в Среднеземье. Как бы там ни было, пока назгулы не решались пересекать Андуйн или показываться в зримом облике за пределами своих владений.

После гибели Гил-Гэлада на протяжении всей Третьей Эпохи Элронд жил в Имладрисе. Там со временем собрались не только эльфы, но и представители других народов, облеченные мудростью и

силой. Сменялись поколения людей, а Элронд хранил память обо всем прекрасном и светлом, и дом его, всегда открытый для усталых и обиженных, стал сокровищницей мудрости, добытой двумя народами. Здесь неизменно находили добрый прием наследники Исилдура. Их связывали с хозяином Имладриса родственные узы, а кроме того, ведомо было Мастеру Элронду, что в этом роду суждено явиться великому воину, чьими деяниями и завершится Третья Эпоха. Пока же обломки меча Элендила хранились у Элронда, а последние Дунаданы бродили в глуши.

Если в Имладрисе было основное поселение Высоких Эльфов Эриадора, то в Серебристой Гавани Линдона обитали немногие оставшиеся из народа Гил-Гэлада. Эльфы побережья не часто навещали Имладрис. Они предпочитали жить у Моря и по-прежнему строили корабли, на которых уходили на Запад те из Перворожденных, чьи сердца устали от Мира. Правил в Линдоне один из мудрейших в Среднеземье эльфов — Кирдэн Корабел.

О Трех чистых эльфийских кольцах ни слова не говорили даже Мудрые. И среди Эльдаров почти никто не знал, кому они были дарованы. Но после падения Саурона сила Колец работала неустанно, и в областях, осененных их властью, не иссякала радость, а время не касалось их своим разрушительным крылом. По одним этим признакам эльфы еще задолго до конца Третьей Эпохи поняли, где находится по крайней мере одно из них, сапфировый Вэйал: слишком прекрасен бил всегда зеленый и цветущий Дольн, слишком чистые и крупные звезды сияли над ним. Адамантовое Кольцо хранило земли Лориена, сверкая на пальце Владычицы Галадриэль. Она правила Лесными Эльфами, и, хотя мужем ее был Келеберн из Дориата, Галадриэль, единственная во всем Среднеземье, помнила Вечный День Валинора и по праву владела Нэином. А вот кому принадлежал рубиновый тир, знали в Среднеземье лишь четверо: Элронд, Галадриэль и Кирдэн. Четвертым был владелец Кольца.

Итак, на протяжении всей Третьей Эпохи Имладрис и Лориен, край между Келебрантом и Андуином, где в лесах стоят деревья, покрытые золотыми цветами, продолжали пребывать во благодати. Ни орк, ни какая другая лиходейская тварь не осмеливались появляться поблизости от их границ. Но среди эльфов было немало провидцев, и множество пророчеств предупреждали о временах, когда Саурон придет снова. По мнению одних, он отыщет Кольцо Всевластья, по мнению других, Единственное успеют найти раньше и уничтожить, но все сходилось в одном: тогда иссякнет сила Трех Колец, хранимое ими придет в упадок, и кончится долгий век эльфов в Среднеземье, а на смену придет пора людей.

Так оно и было: погибли и Одно, и Семь, и Девять, а Три ушли за Море; и с их уходом закончилась Третья Эпоха, и теперь предание об Эльдарах в Среднеземье близится к концу. Последнее короткое лето эльфов на востоке готово было смениться долгой зимой. Еще бродили по здешним землям Нолдоры, прекраснейшие из Детей Мира, еще звучал их язык по лесам и долинам и множество песен и дивных творений этого народа украшали жизнь. Молоты гномов еще стучали в подгорных чертогах, и рождались удивительные произведения из металла и камня — теперь таких нет. Но много было злого и ужасного: орки, тролли, драконы и совсем непонятные существа, о которых нынче все забыли. Исподволь, постепенно приуготовлялась Эра Владычества Людей, а потом, когда в Сумеречье поднялся Темный Властелин, все разом изменилось.

В Стародавние Дни Сумеречье именовалось Ясным Бором. Множество птиц и зверей наполняли жизнью буковые и дубовые кущи. То были владения короля Трандуила. Но ближе к середине Третьей Эпохи с юга к его границам подобралась, а потом и заползла под зеленые своды тьма, и скоро только страх витал меж стволов, только хищники, крадучись, пересекали поляны, опасаясь ловушек еще более злобных тварей.

Вот тогда-то и получили эти места название Сумеречья. Мрак окутал лес, и с тех пор мало кто осмеливался ходить здесь, хотя на северных окраинах народ Трандуила сдерживал натиск черной злобы. Никто не знал, откуда она идет, и даже Мудрые не сразу разобрались в ее истоках. То было предвестие возвращения Саурона, тень, идущая впереди него. Он покинул восточные пустыни и затаился на юге Сумеречья, медленно обретая новый облик. В недрах горы рождались темные чары, и скоро все окрестные народы боялись Чародея Дол Гулдура, хотя и не представляли поначалу сколь велика истинная опасность.

Как только в Сумеречье поселились первые тени, на западе Среднеземья появились Истари, Старцы, которых люди называли Магами. Откуда и когда именно пришли они — о том ведал только Кирдэн Корабел

и рассказал лишь Элронду и Галадриэль. Только этим владыкам ведомо было, что Маги пришли из-за Моря. По прошествии многих лет эльфы говорили, что Старцы посланы Владыками Запада сдерживать власть и силу Саурона, если он поднимется снова, и побуждать эльфов и людей доброй воли на благие дела. Обликом подобные людям, старые изначально, но крепкие, они почти не менялись с годами, и только груз забот о судьбах Среднеземья накладывал отпечаток на их облик. Великой мудростью владели они, знания их были огромны, а руки властны над любым веществом и искусны. Долго ходили они меж эльфами и людьми, но общались не только с ними. Деревья, звери и птицы бывали частыми их собеседниками. Множество прозвищ получили Маги в Среднеземье, но подлинных их имен не ведал никто. Эльфы хорошо знали двоих — Митрандира и Каранира, на севере их звали Гэндальфом и Саруманом. Первым пришел Каранир, его и считали старшим, вслед за ним явились Митрандир, Радагаст и другие Истари. Эти ушли на восток и о них молчит наше предание. Радагаст стал большим другом зверей и птиц, Каранир предпочитал иметь дело с Людьми. Он был на редкость красноречив и владел многими секретами кузнечного мастерства. Митрандиру ближе были Эльфы. Его часто видели на севере и на западе, но нигде он не оставался подолгу. Каранир, наоборот, первое время еще ходил на восток, а потом прочно осел в Изенгарде, избрав своим постоянным домом башню Ортханка, возведенную некогда нуменорцами.

Митрандир особенно пристально наблюдал за всеми делами Сумеречья. Многие называли виновниками новой тьмы Кольценосцев-назгулов, но Маг подозревал худшее. Чтобы проверить возникшие у него мысли, он отправился в Дол Гулдура, и тамошний хозяин в страхе бежал от него. Настали годы неустойчивого, настороженного мира. Но Тень снова вернулась, она быстро набирала силу, и тогда впервые был созван совет Мудрых. Его чаще называли Белым Советом. На нем присутствовали Элронд, Галадриэль, Кирдэн и другие князья Эльдаров и Маги — Митрандир и Каранир. Главой Совета был избран Каранир, Саруман Белый. Еще в древности он долго следил за Сауроном и хорошо изучил его повадки. Правда, Галадриэль предлагала занять этот почетный пост Митрандиру, и позже Саруман никогда не забывал об этом. В глубине его души уже пустили корни властолюбие и гордыня. Но Митрандир отказался от лестного назначения. Для него существовал лишь один союз — с теми, кем был он послан, и никаких других уз, ни даже постоянного пристанища не мог и не хотел себе позволить мудрый Старец. Саруман же с этих пор стал внимательно изучать историю Колец и все с ними связанное.

А Тень тем временем росла. Элронд и Митрандир все озабоченнее поглядывали в сторону Дол Гулдур, и вот Маг снова, презрев величайшую опасность, отправился в Сумеречье. Опасения Мудрых подтвердились. Вернувшись из подземелий Чародея, маг сказал Элронду: «Увы, друг мой. Это не Улары. Это Саурон. Он обрел облик, сила его растет. Он охотится за Кольцами Власти, но главным образом — за Кольцом Всевластья, а из живущих его больше всего интересуют наследники Исилдура».

— Да — ответил Элронд. — Я знал об этом. В тот час, когда Исилдур взял Кольцо себе, возвращение Саурона было предreshено.

— Но Кольцо Всевластья пропало, и пока оно не найдено, мы еще можем одолеть Врага, — убеждал эльфа маг. — Главное — не мешкать и собрать побольше сил.

Снова был созван Белый Совет, но как ни настаивал Митрандир на немедленных действиях, Каранир советовал подождать и понаблюдать.

— Я не верю, — веско говорил он, — что Одно найдется когда-нибудь. Воды Андуина давно унесли его в Море, и, пока мир не изменится, а морское дно не станет сушей, нет никаких надежд отыскать его.

В тот раз так ничего и не решили. Элронд предчувствовал беду. Однажды он сказал Митрандиру: «Чует мое сердце — Кольцо будет найдено. Будет война, и в ней кончится наша Эпоха. Кончится мраком, если, конечно, нам не помогут какие-нибудь странные события, которые сокрыты от меня».

— В мире много странного, — ответил Митрандир. — Бывает, сильные опускают руки, и тогда на помощь приходят слабые.

Мудрые тревожились, но никто из них даже не подозревал, что Каранир уже замыслил предательство. Теперь к обладанию Кольцом стремились двое: Чародей из Дол Гулдура и Саруман из Ортханка. Он жаждал власти в Среднеземье, жаждал перекраивать мир по своей воле. Слишком долго он изучал Саурановы пути и теперь не столько ненавидел сотворенное им, сколько завидовал и стремился

занять его место. Он считал, что Кольцо само будет стараться отыскать своего прежнего хозяина, стоит лишь ему объявиться в мире. Если же изгнать Саурона сейчас, с надеждой обрести Кольцо будет покончено. Ему хотелось поиграть с опасностью, подманить Кольцо, используя Саурона в качестве приманки, а потом силой и хитростью опередить всех и завладеть им.

Он установил наблюдение за долиной Андуйна и вскоре обнаружил, что слуги Врага обшаривают приречные заросли. Значит, Саурону известны обстоятельства гибели Исилдура. Это напугало Сарумана, он принялся срочно укреплять Изенгард, а сам все глубже проникал в тайну создания Колец. На Совете он не сказал об этом ни слова, все еще надеясь первым получить известия о Кольце. На него работала целая армия лазутчиков. Радагаст из лучших побуждений предложил ему помощь своих друзей — птиц, не предполагая, что имеет дело с предателем.

А Тень над Сумеречьем продолжала расти. В Дол Гулдура из самых потаенных дебрей стекалась разная нечисть. Теперь единая воля направляла их против эльфов и нуменорцев. И снова был созван Совет. На нем говорил Митрандир.

— Неважно, найдется Кольцо или нет. Пока оно существует в мире, сила, заключенная в нем, не перестанет питать злобу Саурона. Мы уже не так сильны, как в древности. Скоро и без Великого Кольца Враг сможет одолеть нас. Не забывайте Девять подвластных ему, и из Семи три уже вернулись в его руки. У нас нет другого выхода, кроме как немедленно начать войну.

Его неожиданно поддержал Каранир, на самом деле заботившийся лишь о том, чтобы Врага отогнали подальше от Реки, дав ему, Караниру, возможность без помех вести свои поиски.

В последний раз Саруман действовал заодно с Советом. Объединенными усилиями удалось изгнать Саурона из Дол Гулдура, и в Сумеречье снова стало чисто, но ненадолго. Эльфы опоздали. Саурон знал о готовящемся ударе и внимательно продумал план действий. Улары уже подготовили ему новое убежище. Сделав вид, что спасается бегством, Саурон смел мелкие заслоны на границах Мордора и снова воцарился в своих прежних владениях. Над Горгоратской долиной стремительно вырастали стены Барад Дура. В тот год Мудрые в последний раз собрали Совет, но Сарумана на нем уже не было. Затворившись в Ортханке, он советовался теперь только с собой.

Снова появились орки. На востоке и на юге вооружались орды дикарей. Среднеземье наполнилось страхом и слухами о близкой войне. И вот сбылось предсказание Элронда: Кольцо нашлось. Но обстоятельства его возвращения оказались еще более странными, чем предполагал Митрандир. Оно не попало в руки ни к Саурону, ни к Саруману, ибо покинуло воды Андуйна задолго до того, как они начали поиски. Еще при князьях Гондора по берегам Реки в среднем течении обитал маленький народ рыболовов. Один из них нашел Кольцо и унес, скрыв от любых глаз у самых корней гор. Там оно «нашлось» вторично, как раз в год нападения эльфов на Дол Гулдура, и отправилось со своим новым владельцем в далекую страну Перианнат на западе Эриадора. Там обитал малый народец, известный в Среднеземье под именем Полуросликов. Ни эльфы, ни люди не обращали на них никакого внимания, тем более не принимали их в расчет ни Саурон, ни Мудрые на своих Советах. Кроме Митрандира.

Может быть, то была удача, а может, мудрость и предусмотрительность, но о Кольце первым узнал Митрандир. Однако он долго сомневался, и это понятно. Злая сила Великого Кольца могла устроить любого из Мудрых, если только он, подобно Караниру, не лелеял мысли стать тираном и Темным Властелином. Все искусство эльфов было бессильно скрыть Кольцо от глаз Саурона, а тем более — уничтожить его.

Для начала с помощью Дунаданов с Севера Митрандир обезопасил границы Перианната от вражеских прислужников и принялся наблюдать. Но у Саурона много ушей, и в конце концов до него дошли вести о том, что Одно нашлось. Он немедленно отправил за ним назгулов. И вот на просторах Среднеземья снова вспыхнула война. В сражениях с Сауроном уходила Третья Эпоха, как в сражениях с ним и начиналась она.

О событиях этого времени, об удивительных подвигах, победах и поражениях Войны Кольца, о радостях и печалях ее окончания многое рассказано очевидцами. Здесь же надо сказать лишь о том, как появился на севере наследник Исилдура, как принял он обломки Нарсила и как знаменитый меч был перекован в Имладрисе. Это был Арагорн, сын Арахорна, вождь северян-Дунаданов, тридцать девятый наследник Исилдура по прямой линии, удивительно похожий лицом на Элэндила.

В ходе войны, после битвы в степях Рохана, предатель Каранир был изгнан из Ортханка, Изенгард был разрушен, под стенами столицы Гондора разразилось великое сражение, в котором нашел конец правитель Минас Моргула, предводитель назгулов. Наследник Исилдура повел дружины Запада к Черным Воротам Мордора. С ним шли Митрандир, и сыновья Элронда, и молодой король Рохана, и Дунаданы Севера. Там, схватившись с основными силами Саурона, едва не встретили они свою гибель, но когда сильные оказались слабыми, когда дрогнули Мудрые, сильными показали себя слабые. Во многих песнях поется о том, как победу Западу принес полурослик из неизвестного Перианната, населенного мирными, добродушными жителями.

Да, это Фродо по просьбе Митрандира принял на себя тяжкое бремя и вдвоем со своим другом и слугой преодолел невероятные трудности, дошел сквозь мрак и ужас до Роковой Горы, и там, в том самом огне, в котором родилось, сгинуло Кольцо Всевластья и расточилось зло, принесенное им в мир. Пришел конец Саурону, конец мрачным твердыням Барад Дура, от грома и грохота их падения содрогнулось Среднеземье. И пришел мир. Снова была весна. Арагорна провозгласили князем Гондора и Арнора, могущество и слава Дунаданов снова возросли, а в садах Минас Анора опять цвело Белое Дерево, чей росток нашел Митрандир у самой границы снегов Миндоллуина, и, пока зеленела его крона, память о Древних Днях жила в сердцах королей.

Только тогда в полной мере понятна стала роль Митрандира в делах Третьей Эпохи. Он был вдохновителем величайших свершений, он, словно одетый белым пламенем, шел впереди войск к стенам Мордора. Но пока не пришло время уходить ему за Море, никто не ведал, что именно Митрандир был хранителем Третьего Чистого Кольца — сапфирового Наира. Когда-то оно было доверено Кирдэну, но правитель Гаваней встретил пришедшего с Запада Старца и передал Кольцо ему.

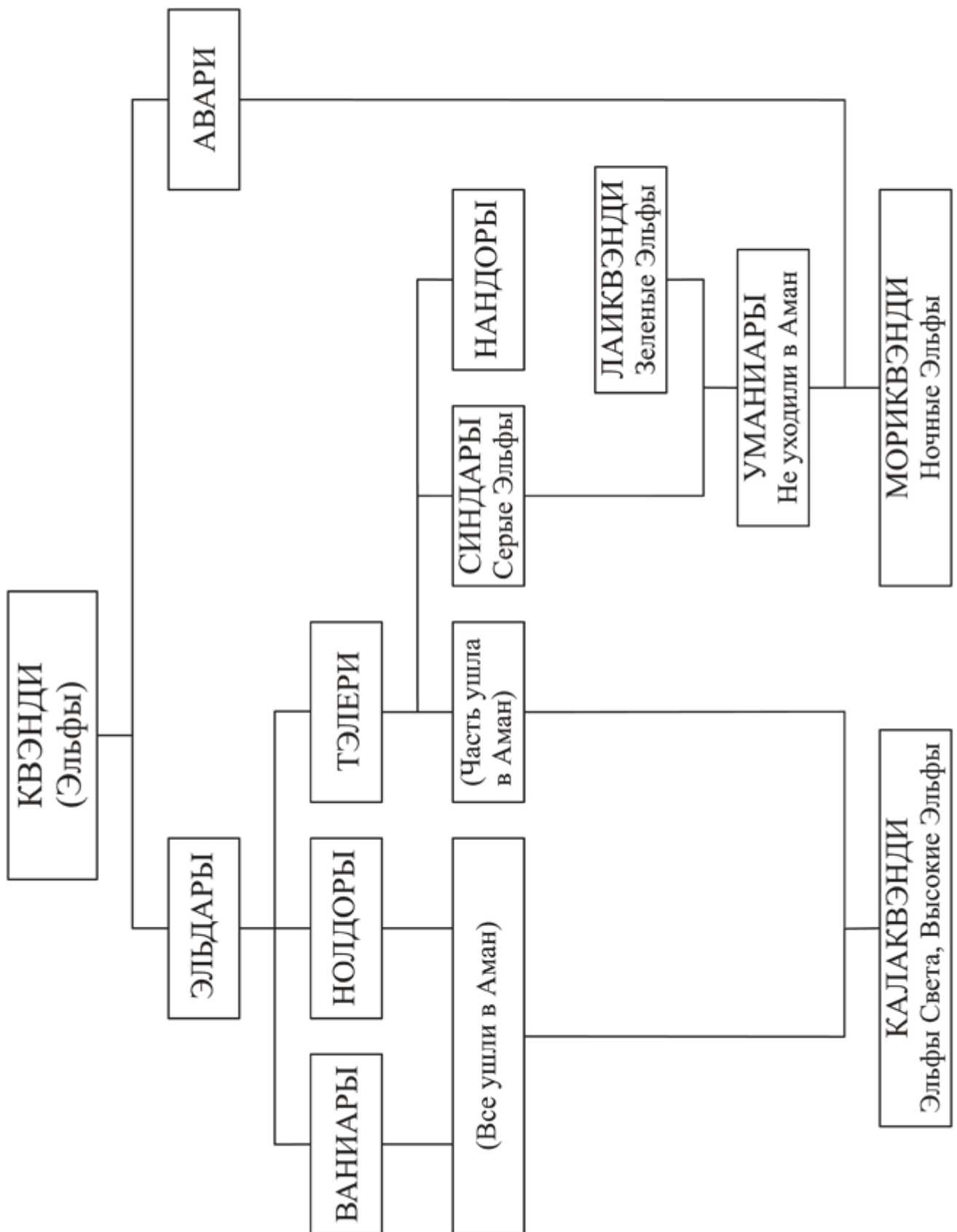
— Возьми его, Олорин, — сказал он. — В тяжких трудах кольцо поможет тебе и охранит от усталости мира. Это — Кольцо Огня, может быть, с его помощью тебе удастся снова зажечь сердца в этом остывающем мире. Мое же сердце навсегда связано с Морем. Я останусь на этих серых побережьях и буду хранить Гавани, пока не отойдет последний корабль. Я дождусь тебя здесь.

Последний корабль был белым как снег. Он долго строился и долго ждал, но, когда час настал, когда Наследник Исилдура принял власть над людьми, когда сила Трех Колец иссякла и мир стал слишком тусклым и старым для Перворожденных, последние Эльдары покинули Среднеземье. А самыми последними уходили Хранители Колец. В Серебристую Гавань пришли они, и Мастер Элронд поднялся на борт белого корабля. В осенний вечер отошел он от причала и скоро оставил моря Искаженного Мира; земные ветра уступили место дыханию иных небес, корабль медленно проплыл над туманами Земли и пришел на Древний Запад.

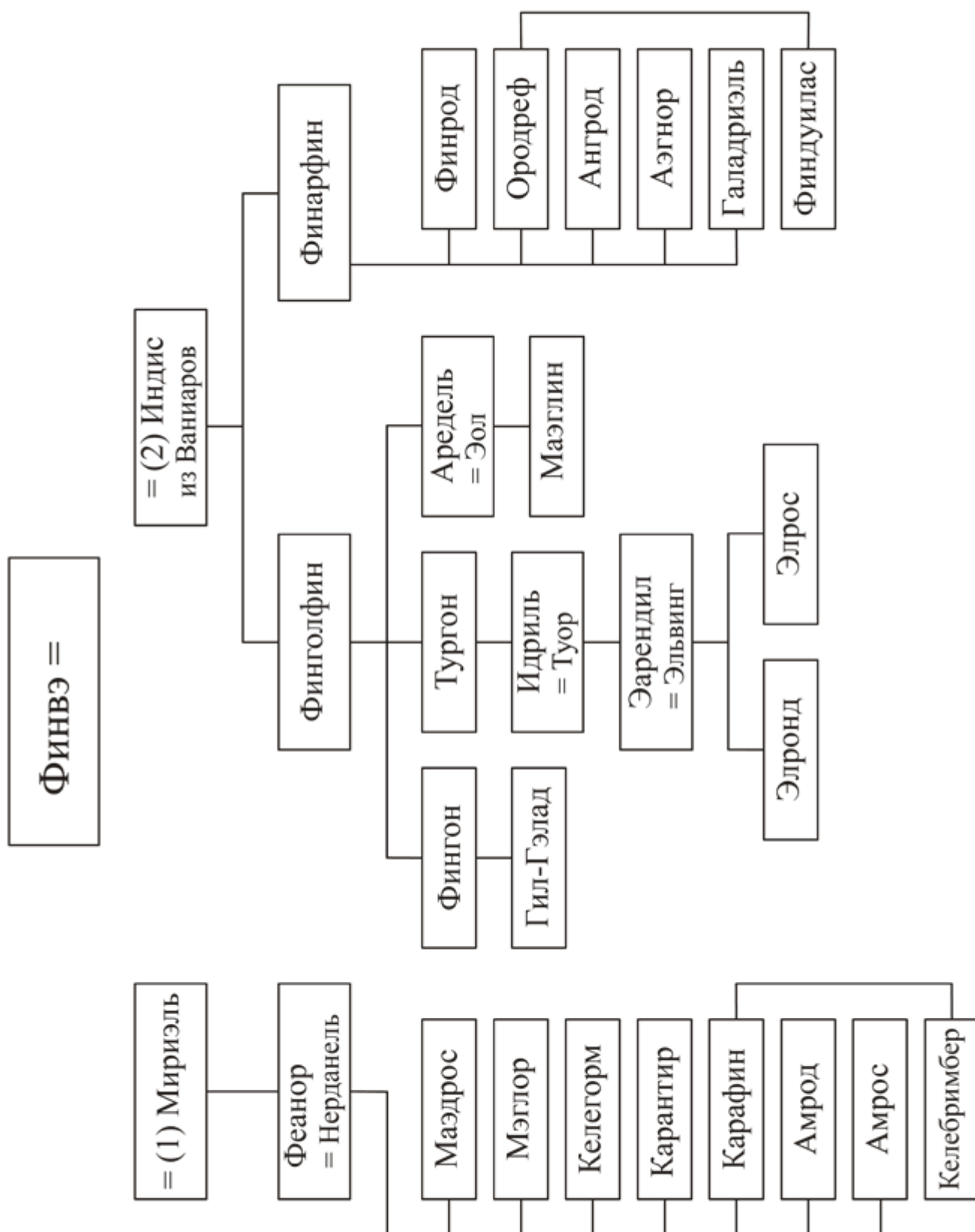
На этом кончаются предания и песни Эльдаров, звездного народа, бывшего в Мире первым.

ПРИЛОЖЕНИЯ ГЕНЕАЛОГИИ И НАРОДЫ

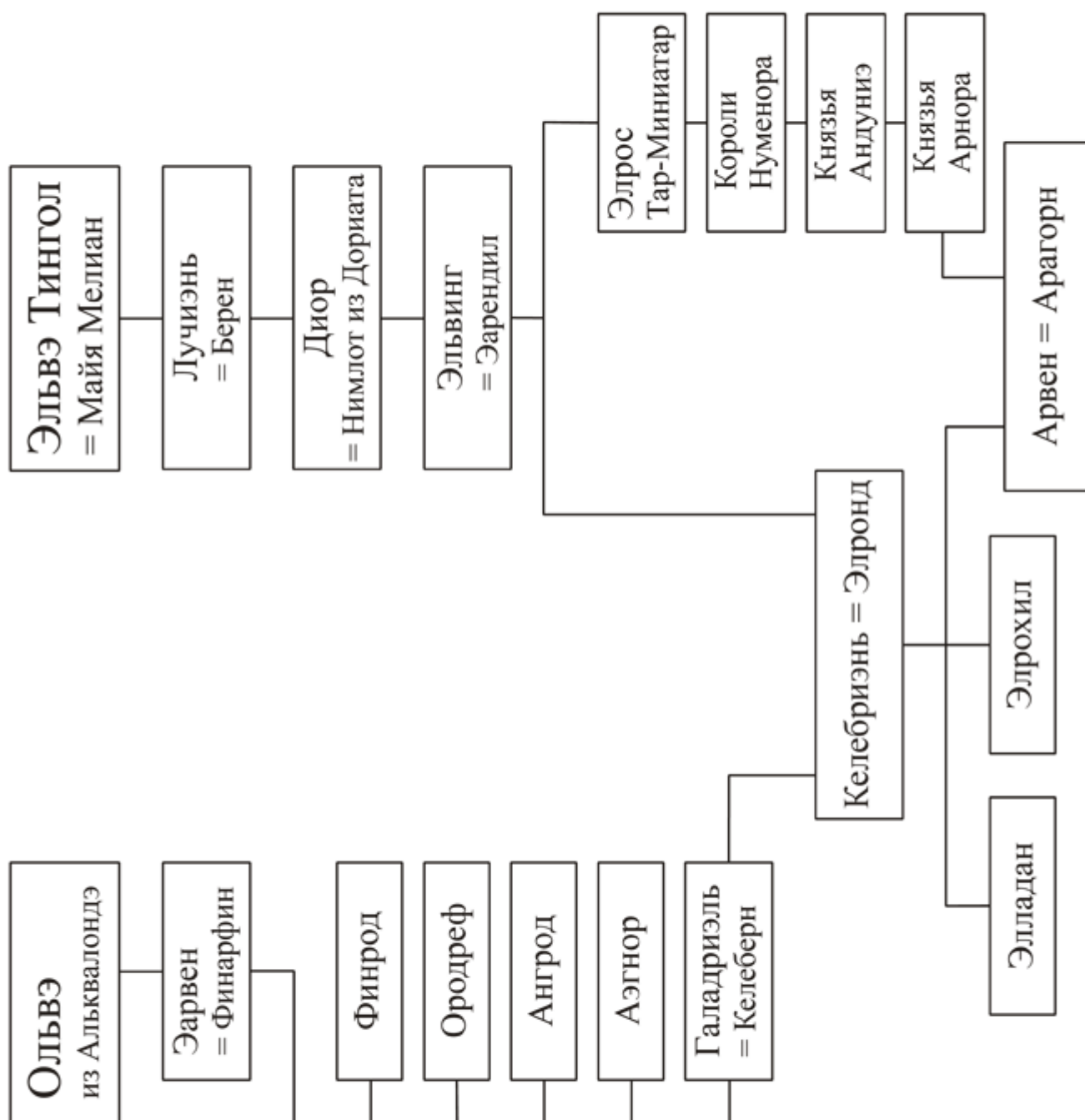
ЭЛЬФИЙСКИЕ НАРОДЫ

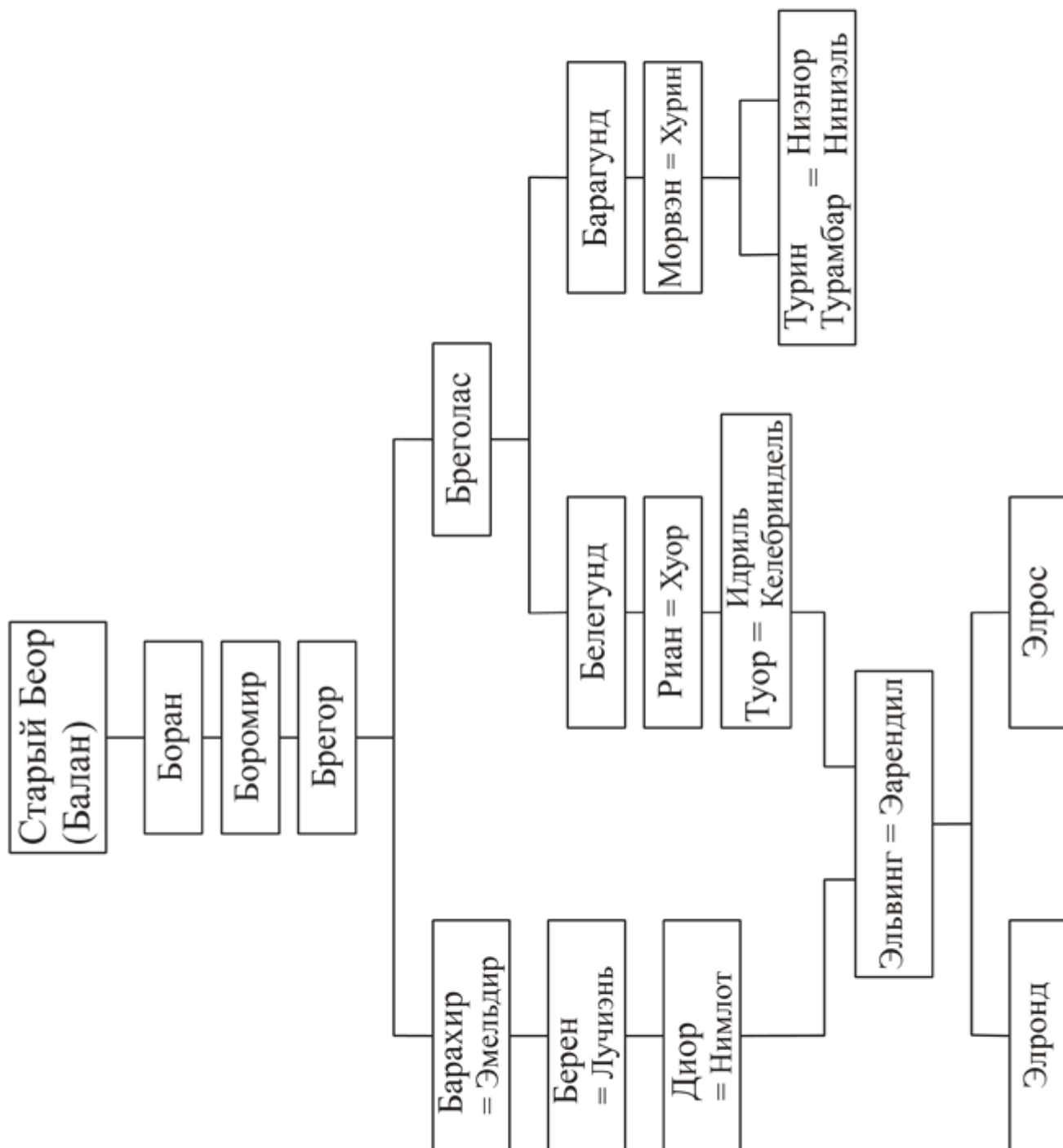
ДОМ ФИНВЭ

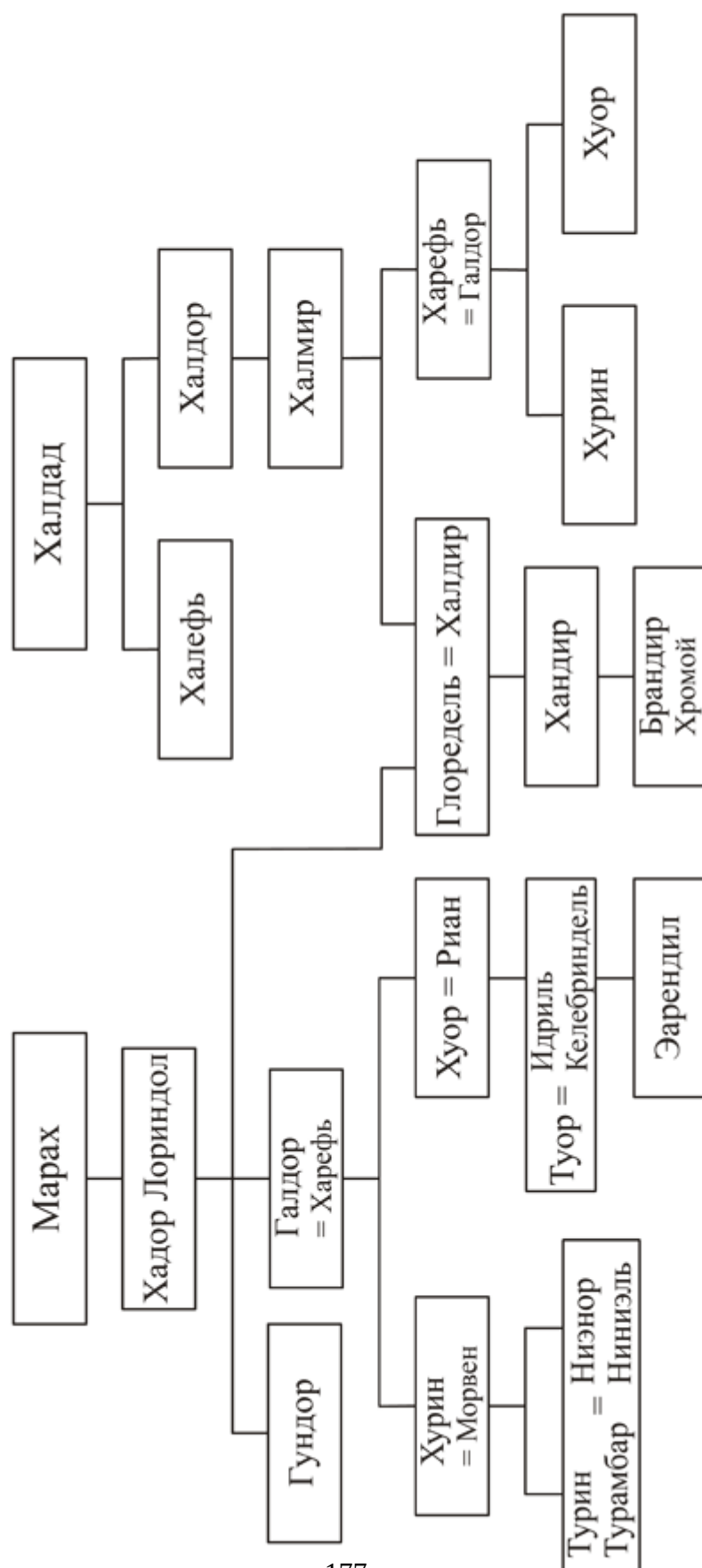
ДОМА ОЛЬВЭ И ЭЛЬВЭ

ДОМ БЕОРА

ДОМА ХАДОРА И НАРОДА ХАЛЕФЬ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Количество имен и названий, встречающихся в книге, огромно, поэтому здесь приводятся краткие сведения о каждом герое или месте. Конечно, они не могут отразить всего, что есть в самой книге; о большинстве центральных персонажей приводятся лишь чрезвычайно сжатые сведения — но все равно «Указатель» получался слишком большим, и я сокращал его разными способами.

Если английский перевод и эльфийское название используются независимо, как, например, Менегрот и «Тысяча Пещер», то я обычно давал одну статью, а английские названия с отсылкой к основной статье приводил лишь в том случае, если они использовались независимо или если эльфийское название осталось неизвестным (например, «Верховный Государь»). (Мы приводим здесь только эльфийские имена и названия. — Пер.) Переводы обозначены кавычками; большинство из них появляется в самой книге, хотя и не все. В «Приложениях» можно отыскать сведения о тех названиях, которые остались непереведенными.

Кристофер Толкин

Авалон — город и гавань Эльдаров на Тол Эрессеа; назван так потому, что «он ближе всех городов к Валинору».

Авари, «Отказавшиеся» — общее название эльфов, отказавшихся уходить на Запад с берегов Куивизнен.

Аватар, «Мглистый» — пустынный край на побережье Амана к югу от залива Эльдамар, где Мелькор встретил Унголианту.

Агарвэйн — см. [Турин](#).

Агларонд — «Сияющие Пещеры» в Хельмовой Пади в Белых Горах.

Аглон — перевал между Дортонионом и нагорьями западнее горы Химринг.

Аданэдел — см. [Турин](#).

Адунакор, «Владыка Запада» — это имя, впервые на Адунаике, нуменорском наречии, принял девятнадцатый Король Нуменора; его имя на Квэнья — Эрунумен.

Адарант — шестой, самый южный из притоков Гелиона в Оссирианде. Название означает «двойной поток», видимо, дано из-за того, что русло реки огибает остров Тол Гален двумя рукавами.

Азагал — правитель гномов Белегоста; ранил Глаурунга в битве Нирнаэт Арноэдиад и был убит им.

Айглос — копье Гил-Гэлада.

Айлин-юэл, «Сумеречные Озера» у впадения Ароса в Сирион.

Айнуры, «Священные» — Силы, сотворенные Илуватаром первыми, еще до создания Эа.

Айнулиндалэ, «Музыка Айнуоров» — Великая Музыка начала Мира; так же называлось сложное Румилом из Тириона предание о Сотворении Эа.

Айрин — родственница Курина из Дор Ломина; ее взял в жены Бродда из вастаков; она помогала Морвен после Нирнаэт Арноэдиад.

Альдарон, «Владыка Лесов» — имя Валара Оромэ на Квэнья.

Алькаринквэ, «Славнейшая» — название звезды.

Алькарондас — огромный корабль Ар-Паразона, на котором он плыл в Аман.

Альквалондэ, «Лебединая Гавань» — главный город и гавань Тэлери на берегах Амана.

Альмарен — первое жилище Валаров на Арде; остров посреди огромного озера, расположенного в центре Среднеземья.

Аман — «Благословенный Край» на Западе, за Великим Морем, где жили Валары, покинув Альмарен.

Амандил, «Любящий Аман» — последний правитель Андуниз в Нуменоре, потомок Элроса и отец Элендила; отправился в плавание к Валинору и не вернулся.

Амариэ — эльфийская девушка из Ваниаров, возлюбленная Финрода Фелагунда, оставшаяся в Валиноре.

Амлах — сын Имлаха, сына Мараха; вождь Людей Эстолада, которые стали служить Маэдросу.

Амон Обел — курган в Лесу Бретиль.

Амон Руд — гора южнее Леса Бретиль; жилище Мима и логово бродяг Турина.

Амон Сул — гора Заветерь в княжестве Арнор.

Амон Эреб — гора между Рамдалом и рекой Гелион в Восточном Белерианде.

Амон Этир — «Дозорная Горка», выстроенная Финродом Фелагундом восточнее Нарготронда.

Амрод — брат-близнец Амроса, младший из сыновей Феанора; погиб вместе с Амросом при нападении на поселение Эарендила в дельте Сириона.

Амрос — см. [Амрод](#).

Анадунэ — «Западный Край», название Нуменора на Адунаике (нуменорском наречии).

Анар — название Солнца на Квэнья.

Анарион — младший сын Элендила, который вместе с отцом и братом Исилдуром спасся из гибнущего Нуменора и основал в Среднеземье нуменорские княжества; правитель Минас Анора, погиб при осаде Барад-Дура.

Анарримэ — название созвездия.

Анах — перевал из Дортониона в западную часть Эред Горгората.

Ангабар — рудник в горах к северу от долины Гондолина.

Ангбанд, «Железный Ад» — огромная подземная крепость Моргота на северо-западе Среднеземья.

Англахэл — меч из метеоритного железа, который Тингол получил от Эола и подарил Белегу; перекованный для Турина, он получил имя Гурфанг.

Антрим — отец Горлима Злосчастного.

Ангрист — клинок, созданный Телкаром из Ногрода; Берен забрал его у Карафина и с его помощью извлек Сильмарилл из короны Моргота.

Ангрод — третий сын Финарфина, который вместе со своим братом Аэгнором оборонял северные склоны Дортониона; погиб в Огненной Битве.

Ангэнор — цепь, сделанная Аулэ; этой цепью был скован Моргот.

Андор, «Дареная Земля» — Нуменор.

Андрам — гигантский водопад, делящий Белерианд на северный и южный.

Андроф — пещеры в горах Митрима, где Серые Эльфы воспитали Туора.

Андуин, «Долгая Река» — Великая Река к востоку от Мглистых Гор.

Андуниз — город и гавань на западном побережье Нуменора.

Анкалагон — величайший из крылатых драконов Моргота, сраженный Эарендилом.

Аннаэл — Серый Эльф из Митрима, отчим Туора.

Аннуминас, «Оплот Запада» (т. е. Нуменора) — город Королей Арнора.

Анфауглир — прозвище волка Кархарота.

Анфауглиф — см. [Ард-Гален](#).

Апанонары — см. [Атани](#).

Арагорн — тридцать девятый наследник Исилдура по прямой линии; Король воссоединенных Арнора и Гондора после Войны Кольца; муж Арвен, дочери Элронда.

Арадан — имя, данное Синдарами Малаху, сыну Мараха.

Араман — дикий пустынный край на северных побережьях Амана.

Аранвэ — эльф из Гондолина, отец Воронвэ.

Аратан — второй сын Исилдура, погибший вместе с ним в Оболони.

Арахорн — отец Арагорна.

Арвениен — побережье Среднеземья западнее дельты Сириона.

Арда, «Царство» — название Земли как Королевства Манвэ.

Ард-Гален, «Зеленый Край» — обширная зеленая равнина к северу от Дортониона; после разорения получила название Анфауглиф.

Ар-Гимилзор — двадцать второй Король Нуменора, преследовавший Верных.

Аргонат, «Камни Королей» — Врата Королей, каменные изваяния у северных границ Гондора, изображавшие Исилдура и Анариона.

Аредель — сестра Тургона из Гондолина, жена Эола из Нан Эльмута, мать Маэглина; ее звали также Ар-Фейниэль, «Белая Дева Нолдоров».

Ар-Зимрафель — см. [Мириэль \(2\)](#).

Ариен — Майа, избранная Валарами сопровождать корабль Солнца.

Арменелос — город Королей Нуменора.

Арминас — см. [Гелмир \(2\)](#).

Арнор, «Земля Короля» — северное княжество нуменорцев в Среднеземье, основанное Элендилом после гибели Нуменора.

Арос — река на юге Дориата.

Ар-Паразон, «Золотоликий» — двадцать четвертый и последний Король Нуменора; его имя на Квэнья — Тар-Калион; он пленил Сауона и впоследствии был им обманут; он повел свой флот против Амана.

Ар-Сакалтор — отец Ар-Гимилзора.

Арфад — один из двенадцати товарищей Барахира в Дортонионе.

Ар-Фейниэль — см. [Аредель](#).

Аскар — самый северный из притоков Гелиона в Оссирианде (впоследствии получил название Рафлориэль). Название означает «буйный, неукротимый».

Астальдо, «Доблестный» — Валар Тулкас.

Аталантэ — «Падшая Земля» на Квэнья.

Атанамир — см. [Тар-Атанамир](#).

Атанатары, «Праотцы Людей» — см. [Атани](#).

Атани — «Второй Народ» в речи Илуватара и на языке Валинора — Люди. Эльфийские названия для Людей: Хилдоры, Пришедшие Следом; Апанонары, Послерожденные; Энгвары, Подверженные Болезням; Фиримары, Смертные. В Белерианде Синдары и Нолдоры долгое время встречались с Людьми только из Трех Домов Друзей Эльфов, которых называли Атанатары, «Праотцы Людей»; синдарская форма Аданы относится к ним же.

Аулэ — Валар, один из Аратаров, супруг Йаванны, кузнец и мастер, создавший гномов.

Аэгнор — четвертый сын Финарфина, который вместе со своим братом Ангродом оборонял северные склоны Дортониона; погиб в Огненной Битве. Имя означает «Жестокий Огонь».

Балан — см. [Беор](#).

Балар — огромный залив на юге Белерианда, в устье Сириона; также — остров в этом заливе, где после Нирнаэт Арноэдиад жили Кирдэн и Гил-Гэлад.

Барагунд — отец Морвен, жены Хурина; племянник Барахира и один из двенадцати его товарищей в Дортонионе.

Барад Дур — «Черная Крепость» Сауона в Мордоре.

Барад Нимрас — «Башня Белого Рога», построенная Финродом Фелагундом на мысу западнее Эглареста.

Барахир — отец Берена; спас Финрода Фелагунда в Огненной Битве и получил от него кольцо; убит в Дортонионе.

Барлог — синдарское название духов огня, служивших Морготу. На Квэнья они звались Валараукары.

Бар-эн-Дэнвед, «Дом Выкупа» — название пещеры на Амон Руд, которую Мим предоставил Турину и его товарищам.

Бауглир — см. [Моргот](#).

Белег — знаменитый лучник, начальник стражи Дориата; имел прозвище Куталион, «Тугой Лук»; друг и спутник Турина, павший от его руки.

Белегаэр — «Великое Море» на западе, между Среднеземьем и Аманом.

Белегост, «Могучая Крепость» — один из двух городов Гномов в Синих Горах; синдарский вариант гномьего названия Габилгатхол.

Белегунд — отец Риан, жены Хуора; племянник Барахира и один из двенадцати его товарищей в Дортонионе.

Белерианд — говорят, первоначально название означало «Земля Балар» и относилось к землям около устья Сириона. Позднее так стала называться вся береговая линия северного Среднеземья южнее Залива Дренгист и внутренние области от Хитлума до Синих Гор, разделенные Сирионом на Западный и Восточный Белерианд. В конце Первой Эпохи Белерианд был разрушен землетрясением и затоплен.

Белфалас — южные области Гондора, примыкающие к заливу с тем же названием.

Беор — настоящее имя Балан; предводитель народа Людей, первым пришедший в Белерианд; основатель Дома Беора, старейшего из Домов Аданов. Имя Беор он принял на службе у Финрода Фелагунда.

Берег — внук Барана, сына Беора; предводитель недовольных в Эстоладе; вернулся в Эриадор.

Берен — сын Барахира; добыл Сильмарилл из короны Моргота как свадебный выкуп за Лучиэнь, дочь Тингола, и был убит Каргаротом, Волком Ангбанда; единственный из людей, он вернулся из чертогов Мандоса и жил вместе с Лучиэнь на острове Тол Гален; прадед Элронда и Элроса и предок нуменорских Королей. Его называли Камлост и Эргамион, «Однорукий».

Берендуин — «Коричневая Река» в Эриадоре, впадающая в Море южнее Синих Гор; хоббитское название — Брендидуин.

Бор — предводитель вастаков, вместе с тремя сватовьями поддержавший Маэдроса и Мэглора.

Боран — старший сын Беора.

Борлад — сын Бора; вместе с братьями убит в Нирнаэт Арноэдиад.

Борлах — сын Бора; вместе с братьями убит в Нирнаэт Арноэдиад.

Боромир — правнук Беора, дед Барахира, отца Берена; первый правитель Ладроса.

Борфанд — сын Бора; вместе с братьями убит в Нирнаэт Арноэдиад.

Брандир, по прозвищу «Хромой» — принял правление Народом Халефь после смерти своего отца

Хандира, был влюблен в Ниэнор; убит Турином.

Бреголас — отец Барагунда и Белегунда; погиб в Дагор Бреголах.

Бреголах — см. [Дагор Бреголах](#).

Брегор — отец Барахира и Бреголаса.

Бретиль — лес между реками Тейглин и Сирион, где жили Халадины (Народ Халефь)

Брильфор, «Мерцающая Струя» — четвертый приток Гелиона в Оссирианде.

Бритумбар — северная из Гаваней Фаласа на побережье Белерианда.

Бритунь — река, впадающая в Великое Море около Бритумбара.

Бродда — человек из вастаков, который после Нирнаэт Арноэдиад жил в Хитлуме и взял в жены Айрин, родственницу Хурина; убит Турином.

Ваза, «Непостоянная» — название Солнца у Нолдоров.

Вайра, «Прядущая Полотно Мира» — одна из Вал, супруга Намо Мандоса.

Валаквэнта, «Сказание о Валарах» — одно из преданий, составляющих «Сильмариллион».

Валакирка, «Сerp Валаров» — созвездие Большой Медведицы.

Валандил — младший сын Исилдура, третий король Арнора.

Валараукары — на Квэнья означает «Могучие Демоны», то же, что синдарское «барлоги».

Валарома — рог Валара Оромэ.

Валары — «Силы», Стихии; название тех Айнуров, которые пришли на Арду в Начале Времен, став ее создателями и хранителями.

Валинор — земля Валаров в Амане, за Пелорами.

Валмар — город Валаров в Валиноре; в песне Галадриэль («ВК», т.1, кн.2, Гл.8) появляется в форме Валимар как эквивалент Валинора.

Валы — «Супруги (Королевы) Валаров»; слово употребляется только в «Валаквэнте».

Вана, «Вечно юная» — одна из Вал, сестра Йаванны и супруга Оромэ.

Ваниары — первый из народов Эльдаров, отправившийся от берегов Куивизенен на Запад. Само название означает «Светлые», что связано с золотистым цветом волос Ваниаров.

Варда — величайшая из Вал, супруга Манвэ, живущая вместе с ним на Таниквэтил. Ее называют «Владычицей Звезд» — Элберет, Элентари, Тинталлэ.

Вильварин — название созвездия. На Квэнья слово означает «бабочка» и обозначает, видимо, созвездие Кассиопеи.

Вингилот, «Цветок Морей» — название корабля Эарендила.

Виниамар — дворец Тургона в Неврасте под горой Тэрас.

Воронвэ, «Стойкий» — эльф из Гондолина, единственный оставшийся в живых из моряков семи кораблей, посланных Тургоном на Запад после Нирнаэт Арноэдиад; провожатый Туора в Гондолин.

Вэйал — одно из Трех Колец Эльфов, Кольцо Воздуха или сапфировое кольцо, которым владел Гил-Гэлад, а затем — Элронд.

Габилгатхол — см. [Белегост](#).

Галадриэль — дочь Финарфина и сестра Финрода Фелагунда; одна из предводителей восстания Нолдоров против воли Валаров; вышла замуж за Келеберна из Дориата и вместе с ним осталась в Среднеземье после конца Первой Эпохи; хранительница Наина, Кольца Воды, в Лотлориене.

Галатилион — Белое Древо Тириона, подобие Телперiona.

Галдор — прозванный Высоким, сын Хадора Лориндола и правитель Дор Ломина; отец Хурина и Хуора; убит у крепости Эйтель Сирион.

Ган — огромный охотничий пес из Валинора, которого Оромэ подарил Келегорму, друг и помощник Берена и Лучизнь; погиб в схватке с Каргаротом, победив его.

Гвиндор — эльф Нарготронда, брат Гелмира; бежал из копей Ангбанда; помогал Белегу в поисках Турина; привел Турина в Нарготронд; убит при нападении на Нарготронд.

Гелион — крупная река в Восточном Белерианде, берущая начало у Химринга и горы Реир и питаемая реками Оссирианда, текущими с Синих Гор.

Гелион Старший — приток Гелиона, берущий начало от горы Реир.

Гелмир (1) — эльф Нарготронда, брат Гвиндора, захваченный в плен в Дагор Бреголах и преданный смерти у стен Эйтель Сириона перед Нирнаэт Арноэдиад.

Гелмир (2) — эльф из рода Ангрода, который вместе с Арминасом принес Ородрему в Нарготронд весть об опасности.

Гил-Гэлад, «Сияющая Звезда» — имя, под которым был известен Эрейнион, сын Фингона. После смерти Тургона он стал последним Верховным Королем Нолдоров в Среднеземье и остался в Линдоне после конца Первой Эпохи; вместе с Элендилом был предводителем Последнего Союза Людей и Эльфов; погиб в поединке с Сауроном.

Гилдор — один из двенадцати товарищей Барахира в Дортонионе.

Гил-Эстель, «Звезда Надежды» — синдарское имя Эарендила во время его плаваний с Сильмариллом по небесным морям.

Гимилзор — см. [Ар-Гимилзор](#).

Гимилкад — младший сын Ар-Гимилзора и Инзильбет, отец Ар-Паразона, последнего Короля Нуменора.

Гинглит — река в Западном Белерианде, впадающая в Нарог около Нарготронда.

Глаурунг — первый из драконов Моргота; сражался в Дагор Бреголах, Нирнаэт Арноэдиад, при нападении на Нарготронд; зачаровывал Турина и Ниэнор; убит Турином.

Глоредель — дочь Хадора Лориндола из Дор Ломина, сестра Галдора; жена Халдира из Бретиля.

Глорфиндейл — эльф из Гондолина, который погиб в поединке с барлогом при бегстве жителей из гибнущего города. Имя означает «золотоволосый».

Голодримы — синдарская форма от «Нолдоры» на Квэнья.

Гондолин, *Онолиндэ* — «Скрытая Скала», тайное королевство Короля Тургона.

Гондор, «Каменный Край» — нуменорское княжество на юге Среднеземья, основанное Исилдуром и Анарионом.

Гонхирримы, «Владыки Камня» — синдарское название гномов.

Горгорат (1) — см. [Эред Горгорат](#).

Горгорат (2) — плато в Мордоре между смыкающимися отрогами Пепельных и Хмурых Гор.

Горлим, прозванный Злосчастливым, — один из двенадцати товарищей Барахира в Дортонионе, выдавший Саурону убежище Барахира.

Гортол, «Смертоносный Шлем» — имя, которое принял Турин как один из Двух Вождей в Стране Лука и Шлема.

Гортхаур — имя Саурана среди Синдаров.

Готмаг — предводитель барлогов, военачальник Ангбанда, убивший Феанора, Фингона и Эктелиона.

Гронд, «Молот Преисподней» — огромный молот Моргота, которым он сразил Финголфина. То же название носил таран, использовавшийся при штурме Минас Тирита («ВК», т. 3, кн. 6, гл. 4).

Гундор — младший сын Хадора Лориндола; убит вместе с отцом в Дагор Бреголах.

Гурфанг — название Англахэла, меча Белега, после того, как он был перекован в Нарготронде для Турина.

Гэлворн — металл, изобретенный Эолом.

Гэндальф — имя мага и мудреца Митрандира среди людей; см. [Олорин](#).

Дагнир — один из двенадцати товарищей Барахира в Дортонионе.

Дагаир Глаурунга, «Проклятье Глаурунга» — Турин.

Дагор Аглареб, «Победоносная Битва» — третья из великих Битв Белерианда.

Дагор Бреголах, «Огненная Битва» — четвертая из великих Битв Белерианда.

Дагорлад — место, где состоялась великая северная битва между силами Саурона и Последним Союзом Людей и Эльфов в конце Второй Эпохи.

Дагор-нуин-Гилиат, «Битва под Звездами» — вторая из Битв Белерианда, произошедшая в Митримере после возвращения Феанора в Среднеземье.

Дайруин — один из двенадцати товарищей Барахира в Дортонионе.

Дарин — Государь Гномов Казад-Дума (Мории).

Дазрон — менестрель Короля Тингола, сведущий в древнем знании, создавший Кирт, рунный алфавит; любил Лучиэнь и дважды выдавал ее.

Денетор — сын Ленвэ; предводитель Нандоров, перешедших Синие Горы и поселившихся в Белерианде; убит на Амон Эреб в первой из Битв Белерианда.

Димбар — край между Сирионом и Миндебом.

Диор — сын Берена и Лучиэнь, наследник Тингола, отец Эльвинг, матери Элронда; после смерти Тингола пришел в Дориат из Оссирианда; по наследству владел Сильмариллом; убит в Менегроте сыновьями Феанора.

Дол Гулдур, «Колдовская Гора» — крепость Саурона на юге Сумеречья в Третью Эпоху.

Долмед, «Мокрая Вершина» — вершина в Синих Горах около гномьих городов Ногрода и Белегоста.

Дор Динен, «Земля Безмолвия» — пустынный край в верховьях Эсгалдуина и Ароса.

Дор Дэйделот, «Край Жуткой Тени» — земли Моргота на севере.

Дориат, «Огражденное Королевство» — звалось так из-за Пояса Мелиан; древнее название — Эгладор; королевство Тингола и Мелиан в лесах Нелдорета и Региона, со столицей Менегрот на реке Эсгалдуин.

Дор Карантир, «Земля Карантира» — Таргелион.

Дорлас — человек из Халадинов в Бретиле; вместе с Хурином и Хантором отправился сражаться с Глаурунгом, но в страхе бежал; убит Брандиром Хромым.

Дор Ломин — край на юге Хитлума, владения Фингона, отданные им Дому Хадора; родина Хурина и Морвен.

Дор-ну-Фауглиф, «Край, скрытый пеплом» — см. [Анфауглиф](#).

Дортонион, «Сосновый Край» — лесистые нагорья на севере Белерианда, позже названные Таур-ну-Фуин.

Драуглин — волк-оборотень, убитый Ганом; в его обличье Берен проник в Ангбанд.

Дренгист — большой залив, глубоко вдающийся в сушу в области Эред Ломин, западная граница Хитлума.

Дуилвен — пятый приток Гелиона в Оссирианде.

Дунаданы, «Аданы Запада» — нуменорцы.

Дунгорфеб — см. [Нан-Дунгорфеб](#).

Ибун — один из сыновей гнома Мима.

Ивринь — озеро и водопады у подножия Эред Ветрин, где берет начало река Нарог.

Идриль, называемая Келебриндель, «Среброножка» — единственная дочь Тургона и Эленвэ; жена Туора, мать Эарендила, бежавшая вместе с ним к Дельте Сириона; вместе с Туором ушла на Запад.

Изенгард — крепость Сарумана в Мглистых Горах; перевод на язык Рохана его эльфийского названия Ангреност.

Изиль — название Луны на Квэнья.

Иллуин — один из Светочей Валаров, созданных Аулэ. Иллуин стоял на севере Среднеземья. На месте его падения образовалось внутреннее море Хелкар.

Илуватар — «Отец Всего», Эру.

Ильмень — небесный край; место расположения звезд.

Имладрис — Дольн, жилище Элронда в долине у Мглистых Гор.

Имлах — отец Амлаха.

Ингвэ — предводитель Ваниаров, первых Эльдаров, отправившихся с берегов Куивиэнэн в Валинор. В Амане он жил на Таниквэтил и считался Верховным Королем всех эльфов.

Индис — из народа Ваниаров, родственница Ингвэ; вторая жена Финвэ, мать Финголфина и Финарфина.

Инзиладан — старший сын Ар-Гимилзора и Инзильбет; впоследствии принял имя Тар-Палантир.

Инзильбет — королева из Дома Князей Андунуэ, жена Ар-Гимилзора.

Ирмо — Валар, обычно называемый Лориен, по месту обитания.

Исилдур — старший сын Элендила, вместе с отцом и братом Анарионом спасшийся из гибнущего Нуменора и основавший в Среднеземье южное нуменорское княжество; правитель Минас Итиля. Снял Кольцо Всевластья с руки Саурана и был убит орками при переправе через Андун.

Истари — маги. См. [Каранир](#), [Саруман](#); [Митрандир](#), [Гэндальф](#), [Олорин](#); [Радагаст](#).

Йаванна, «Дарующая Плоды» — одна из Вал, причисленных к Аратарам, супруга Аулэ.

Казад — самоназвание народа Гномов.

Казад-Дум — крупнейшее поселение гномов из народа Дарина в Мглистых Горах (Мория).

Калаквэнди, «Эльфы Света» — эльфы Амана (Высокие Эльфы).

Калакирья, «Проход Света» — ущелье в Пелорах, в котором был воздвигнут зеленый холм Туны.

Каленардон, «Зеленая Окраина» — название Рохана в то время, когда он являлся северной частью Гондора.

Каранир — см. [Саруман](#).

Карантир — четвертый из сыновей Феанора, по прозвищу Темный; самый грубый и вспыльчивый из братьев; правитель Таргелиона; убит при нападении на Дориат.

Карафин — пятый сын Феанора, по прозвищу Искусный; отец Келебримбера. О происхождении имени см. [Феанор](#); об истории см. [Келегорм](#).

Карафинвэ — см. [Феанор](#).

Каргарот — огромный волк из Ангбанда, откусивший руку Берена, сжимавшую Сильмарилл; убит Ганом в Дориате. Имя означает «Красная Глотка». Также звался Анфауглир, «Ненасытная Пасть».

Кардолан — область на юге Эриадора, часть княжества Арнор.

Карнил — название красной звезды.

Квэнди — самоназвание всех эльфийских народов, включая Авари, означающее «те, кто говорит голосом».

Квэнта Сильмариллион — «История Сильмариллов».

Квэнья — древнее наречие, общее для всех эльфов, в той форме, которую оно приняло в Валиноре; его принесли в Среднеземье Нолдоры-изгнанники, но оно не использовалось для повседневного общения, особенно после указа Короля Тингола. Его называли также Высоким Наречием Запада; языком Валинора; нолдорским наречием.

Кэлвар — эльфийское слово, прозвучавшее в просьбе Йаванны к Манвэ и означающее «животные; живые существа, способные передвигаться».

Келеберн (1) — «Дерево Серебра», название дерева на острове Тол Эрессеа, потомка Галатилиона.

Келеберн (2) — эльф из Дориата, родич Тингола; взял в жены Галадриэль и остался с ней в Среднеземье после окончания Первой Эпохи.

Келебрант, «Серебряный Поток» — река, протекающая через Лориен и впадающая в Андуин.

Келебримбер, «Серебряная Рука» — сын Карафина, оставшийся в Нарготронде; во Вторую Эпоху — величайший из кузнецов Эрегиона, создавший Три Кольца Эльфов; убит Сауроном.

Келебриндель — см. [Идриль](#).

Келеброс, «Серебряный Дождь» или «Серебряные Брызги» — ручей в Лесу Бретиль, впадающий в Тейглин у Перекрестка.

Келегорм — третий сын Феанора, по прозвищу Светлый; до Огненной Битвы правил Химладом вместе с братом Карафином; жил в Нарготронде; взял в плен Лучиэнь; хозяин пса Гана; убит Диором в Менегроте.

Келон — приток Ароса, река, текущая с горы Химринг на юго-запад. Название означает «ручей, текущий с высот».

Кементари — «Королева Земли», титул Йаванны.

Ким — сын гнома Мима, убитый стрелой разбойника из банды Турина.

Кирдэн «Корабел» — эльф из Тэлери, правитель Фаласа (западных побережий Белерианда); после разгрома Гаваней в Нирнаэт Арноэдиад вместе с Гил-Гэладом укрылся на острове Балар; во Вторую и Третью Эпохи оставался хранителем Серебристой Гавани.

Кирион — третий сын Исилдура, погибший вместе с ним в Оболини.

Кирт — руны, изобретенные первоначально Даэроном из Дориата.

Криссаэгрим — горный пик к югу от Гондолина, место гнездовий Орлов Торондора.

Куивизнен, «Воды пробуждения» — озеро в Среднеземье, где проснулись первые эльфы, найденные впоследствии Оромэ.

Куталион — см. [Белег](#).

Лаиквэнди — «Зеленые Эльфы», жившие в Оссирианде.

Лалаиф, «Смешинка» — дочь Морвен и Хурина, умершая в младенчестве.

Ламмот, «Великое Эхо» — область к северу от Залива Дренгист, названа так после борьбы Моргота с Унголиантой, когда крик Моргота эхом звенел в горах.

Лантир Ламах — «Водопад Отзвуков» располагался рядом с жилищем Диора в Оссирианде; в его честь Эльвинг получила свое имя, означающее «звездная россыпь».

Лаурелин, «Золотая Песнь» — младшее из Двух Дерев Валинора.

Леголин — третий приток Гелиона в Оссирианде.

Лембас — позднее синдарское название «дорожного хлеба» Эльдаров (от древнего леннбасс, коймас на Квэнья).

Ленвэ — предводитель эльфов из Тэлери, отказавшихся перейти Мглистые Горы во время похода от берегов Куивизнен (позже названные Нандорами); отец Денетора.

Линазвен — огромное «Птичье Озеро» в Неврасте.

Линдон — название Оссирианда в Первую Эпоху; позже название сохранилось для уцелевших земель западнее Синих Гор.

Линдориэ — мать Инзильбет.

Логран — предводитель вастаков Хитлума после Нирнаэт Арноэдиад, взявший в рабство Туора.

Ломион — см. [Маэглин](#).

Лорелин — озеро в Лориене в Валиноре, излюбленное место отдыха Валы Эстэ.

Лориен (1) — сады и место обитания Валара Ирмо. Со временем и самого Валара стали называть этим именем.

Лориен (2) — край под управлением Келеберна и Галадриэль между реками Келебрант и Андуин. Возможно, название заимствовано от Лориена Валинора. В слове Лотлориен «лот-» означает «цветок».

Лориндол — см. [Хадор](#).

Лосгар — место у Залива Дренгист, где Феанор сжег корабли Тэлери.

Лотлориен — см. [Лориен](#).

Лотлэнн, «широкий и пустынный» — край к северу от Рубежа Маэдроса.

Луиниль — название голубой звезды.

Лумбар — название звезды.

Лун — река в Эриадоре, впадающая в Море возле Серебристой Гавани.

Лучиэнь — дочь Короля Тингола и Майа Мелиан, возлюбленная Берена, разделившая с ним участь Смертных.

Маблунг, «Тяжелая Рука» — эльф из Дориата, главный военачальник Тингола, друг Турина. Убит в Менегроте гномами.

Магор — сын Малаха Арадана; увел часть народа Мараха в Западный Белерианд.

Майа — Айнур меньшего могущества, чем Валары.

Малах — сын Мараха; его эльфийское имя — Арадан.

Малдуин — приток Тейглина. Название означает, вероятно, «Желтая Река».

Манвэ — главный из Валаров, называемый также Владыкой Арды и ее Верховным Правителем.

Мандос (имя означает «Справедливость») — место обитания, ставшее именем Валара Намо в Валиноре.

Марах — предводитель третьего из людских племен, пришедших в Белерианд, предок Хадора Лориндола.

Мардил — прозванный Верным; первый правивший наместник Гондора.

Махал — имя, данное Аулэ гномами.

Махтан — великий нолдорский кузнец, отец Нерданель.

Маэглин, «Острый Взор» — сын Эола и Аредель, сестры Тургона. Мать назвала его Ломион, «Сын Сумерек». Родился в Нан Эльмуте; добился влияния в Гондолине и сдал город Морготу; убит Туором при обороне города.

Маэдрос — старший сын Феанора, прозванный Высоким; был прикован к скале в Тангородрине и освобожден Фингоном; оборонял Гору Химринг и окрестные земли; созвал Союз Маэдроса, закончившийся битвой Нирнаэт Арноэдиад; в конце Первой Эпохи погиб, завладев одним из Сильмариллов.

Мелиан — Майа, которая покинула Валинор и ушла в Среднеземье; супруга Короля Тингола; окружила Дориат Зачарованным Поясом Мелиан; мать Лучиэнь.

Мелькор — на Квэнья имя мятежного Валара, по происхождению самого могущественного из них, положившего начало Злу, впоследствии его называли Морготом, Бауглиром, Темным Властелином, Врагом и т. д. Имя Мелькор означает «Поднявшийся во Славе».

Менегрот, «Тысяча Пещер» — дворец Тингола и Мелиан в Дориате на реке Эсгалдуин.

Менельдил — сын Анариона, Король Гондора.

Менельмакар, «Меченосец Небес» — созвездие Ориона.

Менельтарма, «Столп Небес» — гора в центре Нуменора, на вершине которой находилось святилище Эру Илуватара.

Мерет Адертад — «Пир Воссоединения», устроенный Финголфином у водопадов Ивринь.

Мим — крошка-гном, в чьем доме Бар-эн-Дэнвед на Амон Руд скрывался Турин; выдал своего гостя Врагу. Убит Хурином в Нарготронде.

Минас Анор, «Крепость Солнца» — город Анариона у подножия горы Миндоллуин, впоследствии — Минас Тирит, «Крепость Стражи».

Минас Итиль, «Крепость Луны» — город Исилдура, выстроенный на отроге Хмурых Гор, впоследствии — Минас Моргул, «Колдовская Крепость».

Минас Моргул — см. [Минас Итиль](#).

Минастир — см. [Тар-Минастир](#).

Минас Тирит (1) — «Дозорная Башня», выстроенная Финродом Фелагундом на острове Тол Сирион.

Минас Тирит (2) — см. [Минас Анор](#).

Миндеб — приток Сириона между Димбаром и Лесом Нелдорет.

Миндоллуин, «Синеглазая Башня» — вершина около Минас Анора.

Мириэль (1) — первая жена Финвэ, мать Феанора, умершая после его рождения.

Мириэль (2) — Тар-Мириэль, дочь Тар-Палантира, насильно взятая в жены Ар-Паразоном и принявшая имя Ар-Зимрафель.

Митлонд, «Серебристая Гавань» эльфов на западе Среднеземья.

Митрандир, «Серый Странник» — имя одного из Истари, Мага Олорина, у эльфов.

Митрим — огромное озеро на востоке Хитлума и земли вокруг него до гор на западе, отделяющих Митрим от Дор Ломина.

Морвен — дочь Барагунда, племянника Барахира, отца Берена; жена Хурина, мать Турина и Ниэнор. Ее называли Эледвень, «эльфийский свет», и Госпожой Дор Ломина.

Моргот, «Черный Враг Мира» — имя Мелькора, данное ему Феанором после похищения

Сильмариллов.

Моргул — см. [Минас Моргул](#).

Мордор, «Черная Страна» — владения Саурона к востоку от Хмурых Гор.

Мориквэнди — Ночные Эльфы.

Мория — см. [Казад-Дум](#).

Мормегил — см. [Гурфанг](#).

Мэглор — второй сын Феанора, великий поэт и менестрель; оборонял Ущелье Мэглора; в конце Первой Эпохи вместе с Маэдросом завладел двумя Сильмариллами, но вынужден был бросить свой в Море.

Наир — одно из Трех эльфийских Колец, Кольцо Огня; его хранил Кирдэн, а впоследствии — Митрандир.

Назгулы — Кольценосцы, обладатели Девяти Колец, рабы Кольца Всевластья и слуги Саурона.

Намо — см. [Мандос](#).

Нандоры — слово означает предположительно «те, кто вернулся»: эльфы из Тэлери, отказавшиеся переходить через Мглистые Горы во время похода на Запад от берегов Куивизнен; часть из них под предводительством Денетора впоследствии все же пришла в Оссирианд.

Нан-Дунгорфеб — ущелье между пропастями Эред Горгората и Поясом Мелиан; название переведено в тексте как «долина ужасной смерти».

Нан Тафрен — «Ивовая Долина» при впадении Нарога в Сирион.

Нан Эльмут — лес к востоку от реки Келон, где встретились Эльвэ Тингол и Мелиан; позже в этом лесу жил Эол.

Нарготронд — «могучие подземные крепости на реке Нарог», основанные Финродом Фелагундом и уничтоженные Глаурунгом; сам город и земли вокруг него.

Нарн и Хин Хурин — «Сказание о Детях Хурина», древняя длинная баллада, пересказанная в 21-й главе; приписывается поэту Дирхавелю, человеку, жившему в Сирионских Гаванях во времена Эарендила и погибшему при нападении сыновей Феанора.

Нарог — главная река Западного Белерианда, берущая начало в Водопадах Ивринь и впадающая в Сирион у Нан Тафрен.

Нарсил — меч Элендила, выкованный Телкаром из Ногрода; он был сломан в поединке Элендила с Сауроном, а затем перекован Арагорном и получил новое имя — Андрил.

Нарсилион — песнь о Солнце и Луне.

Наугламир, «Ожерелье Гномов» — украшение, выкованное гномами для Финрода Фелагунда; Хурин принес его в Нарготронд, и оно послужило причиной гибели Тингола.

Наугримы, «Низкорослый Народ» — название гномов на синдарском.

Нахар — конь Валара Оромэ.

Невраст — область на западе Дор Ломина, за Эред Ломин, где жил Тургон перед тем, как уйти в Гондолин. Название означает «Здесьний Берег» и относилось первоначально ко всему западному побережью Среднеземья в противоположность «Дальнему Берегу», Харасту — Аману.

Нелдорет — огромный буковый лес в северной части Дориата.

Ненар — название звезды.

Нен Гирит, «Дрожащая Вода» — водопады на Келебросе в Лесу Бретиль.

Неннин — река в Западном Белерианде, впадающая в Море у гаваней Эглареста.

Нерданель — дочь кузнеца Махтана, жена Феанора.

Нимбретиль — березовые рощи Арвениэна на юге Белерианда.

Нимлот (1), «Белые Цветы» — Белое Древо Нуменора. Исилдур спас его плод, давший жизнь Белому Дереву Минас Итиля.

Нимлот (2) — жена Диора, Наследника Тингола, мать Эльвинг. Погибла в Менегроте при нападении сыновей Феанора.

Нимфелос — огромная жемчужина, подаренная Тинголом правителю гномов Белегоста.

Ниниэль — см. [Ниэнор](#).

Нирнаэт Арноэдиад, «Бессчетные Слезы» — Пятая Битва в войнах Белерианда, окончившаяся сокрушительным поражением эльфов и людей.

Нифредил — белый цветок, расцветший в Дориате в сумерки, когда родилась Лучиэнь; он рос и на кургане Керин Амрот в Лориене.

Ниэнна — одна из Вал, Дева Скорби и Жалости, сестра Мандоса и Лориена.

Ниэнор, «Грустинка» — дочь Хурина и Морвен, сестра и жена Турина; заколдованная Глаурунгом, она забыла свое прошлое и оказалась в Бретильских Лесах. Не зная о родстве, Турин дал ей имя Ниниэль, «Мокроглазка»; узнав правду, она бросилась в воды Тейглина.

Ногрод — один из двух городов гномов в Синих Горах.

Нолдоры — Премудрые Эльфы, второй народ Эльдаров, отправившийся на Запад под руководством Финвэ. На синдарском это слово звучит как Голодримы.

Нуменор (полная форма на Квэнья — Нуменорэ) — «Западный Край», огромный остров, созданный Валарами для Адамов в конце Первой Эпохи. Другие его названия — Анадунэ, «Западная Земля»; Андор, «Дареная Земля»; Эленна, «Земля-под-Звездой», а после гибели — Аталантэ и Мар-ну-Фалмар.

Нурталэ Валинорева — «Песнь о Сокрытии Валинора».

Нэин — одно из Трех эльфийских Колец, Кольцо Воды; его хранила Галадриэль.

Нэсса — одна из Вал, сестра Оромэ и супруга Тулкаса.

Ойолоссэ, «Вечная Белизна» — эльфийское название Таниквэтил. «Валаквэнта» называет так только вершину Таниквэтил.

Олвар — эльфийское слово, прозвучавшее в просьбе Йаванны к Манвэ и означающее «те, что держатся корнями за землю».

Олорин — Майа, один из Истари, магов, известный среди эльфов как Митрандир, а среди людей — как Гэндальф.

Ольвэ — вместе с братом Эльвэ (Тинголом) вел народ Тэлери на Запад от берегов Куивиэнэн; правитель Тэлери из Альквалондэ.

Ондолиндэ, «Каменная Песнь» — первоначальное название Гондолина на Квэнья.

Орки — твари, созданные Мелькором в насмешку над эльфами.

Ормал — один из Светочей Валаров, созданных Аулэ. Ормал стоял на юге Среднеземья.

Ородрэф — второй сын Финарфина, правитель крепости Минас Тирит на Тол Сирионе; Король Нарготронда после гибели Финрода; отец Финдуилас.

Ородруин, «Гора Яростного Пламени» — вулкан в Мордоре, где Саурон выковал Кольцо Всевластья; называлась также «Роковой Горой».

Оромэ — Валар, великий охотник, супруг Ваны; он вел Эльдаров от берегов Куивиэнэн на Запад. Имя означает «Звук Рогов».

Ортханк — древняя нуменорская башня в кольце скал Изенгарда.

Осгилиат, «Звездная Цитадель» — столица древнего Гондора на Андуине.

Оссирианд, «Семиречье» — край между Гелионом и его притоками, текущими с Синих Гор, населенный Зелеными Эльфами.

Оссэ — Майа из свиты Ульмо, живущий в водах Арды; друг и наставник Тэлери.

Охтар, «Воитель» — оруженосец Исилдура, который доставил обломки Нарсила в Имладрис.

Палантиры, «Видящие Сквозь Даль» — семь Зорких Камней, созданных Феанором и принесенных в Среднеземье Исилдуром.

Паразон — см. [Ар-Паразон](#).

Пеларгир — нуменорская гавань выше дельты Андуина.

Пелоры — «ограждающие или защитные высоты», называвшиеся также Горами Амана, были воздвигнуты Валарами после уничтожения их жилища на Альмарене; они полукругом охватывали Аман с востока.

Перианнат — народ Хоббитов, Полурослики.

Рагнор — один из двенадцати товарищей Барахира в Дортонионе.

Радагаст — один из Истари (Магов).

Радруин — один из двенадцати товарищей Барахира в Дортонионе.

Рана, «Скиталец» — название Луны у Нолдоров.

Рафлоризель, «Золотое Русло» — название реки Аскар после того, как в нее были брошены сокровища Дориата.

Регион — дремучие леса в южной части Дориата.

Реир — гора к северу от озера Хелеворн, у которой начинается Главный Гелион.

Риан — дочь Белегунда (племянника Барахира, отца Берена); жена Хуора и мать Туора; после смерти Хуора умерла от тоски на Кургане Слез.

Ривил — река, текущая на север от Дортониона и впадающая в Сирион возле Топей Сереха.

Рингвил — поток, впадающий в Нарог возле Нарготронда.

Рингил — меч Финголфина.

Роменна — гавань на восточном побережье Нуменора.

Рохан — «Земля Коней». Так называли в Гондоре огромную травянистую равнину у северных границ королевства.

Рохирримы — «Повелители Коней», народ, населяющий Рохан.

Рудаур — область к северо-востоку от Эриадора.

Румил — Нолдор из Тириона, изобретший письмены и, предположительно, записавший «Айнулиндалэ».

Рэрос — огромные водопады на реке Андуин.

Салмар — Майа, пришедший на Арду вместе с Ульмо; он сделал для Ульмо рога Ульмури.

Саруман — «Умелец»; перевод на Всеобщий язык имени Каранир.

Саурон — «Внушающий Ужас», на синдарском — Гортхаур; величайший из слуг Мелькора, изначально — Майа из свиты Аулэ.

Саэрос — эльф из Нандоров, один из главных советников Тингола в Дориате; он оскорбил Турина в Менегроте и был им убит.

Серегон — «кровь камня», растение с темно-красными цветами; росло, в частности, на Амон Руд.

Серех — огромная топь к северу от Ущелья Сириона у впадения в Сирион Ривила.

Сильмариллы — три камня, созданные Феанором до того, как погибли Два Древа Валинора, и наполненные их светом.

Сильмариэль — дочь Тар-Элендила, четвертого Короля Нуменора; мать первого правителя Андуниз, прародительница Элендила.

Синдары — Серые Эльфы. Так назывались все эльфы из Тэлери, которых застали Нолдоры, вернувшись в Белерианд, кроме Зеленых Эльфов Оссирианда. Видимо, название связано с тем, что первыми встретились им эльфы Хитлума, жившие в серых, хмурых северных землях; или с тем, что эти эльфы не принадлежали ни к Светлым Эльфам Валинора, ни к Авари, Ночным Эльфам, и получили прозвание Эльфов Сумерек. Возможно, существует связь между этим названием и прозвищем Эльвэ — Тингол (на Квэнья — Синдаколло, Синголло — «Сребромант»). Самоназвание Синдаров — Эдилы.

Сириндаэ — см. [Мириэль \(1\)](#).

Сирион — «Великая Река», которая делит Белерианд на Западный и Восточный.

Соронумэ — название созвездия.

Сулимо — одно из имен Манвэ, в «Валаквэнте» означает «Владыка Дыхания Арды».

Талах Дирнен — Охранная Равнина севернее Нарготронда.

Талах Рунен — «Восточная Долина», древнее название Таргелиона.

Талион — см. [Хурин](#).

Талос — второй из притоков Гелиона в Оссирианде.

Тангородрим — горы, воздвигнутые Морготом над Ангбандом; были разрушены в Великой Битве в конце Первой Эпохи.

Таниквэтил, «Высокий Белый Пик» — высочайшая вершина Пелорских Гор и всей Арды; здесь расположен Ильмарин, жилище Манвэ и Варды.

Тар-Анкалимон — четырнадцатый Король Нуменора; в его правление нуменорцы разделились на две враждующие партии.

Тар-Атанамир — тринадцатый Король Нуменора, к которому приходили посланцы Валаров.

Таргелион — край за рекой Гелион, между горой Реир и рекой Аскар, владения Карантира.

Тар-Калион — имя Ар-Паразона на Квэнья.

Тар-Кириатан — двенадцатый Король Нуменора, «Корабел».

Тар-Минастир — одиннадцатый Король Нуменора, помогавший Гил-Гэладу в войнах против Саурона.

Тар-Миниатар — имя, которое принял Элрос как первый Король Нуменора.

Тар-Мириэль — см. [Мириэль \(2\)](#).

Тарн Айлуин — озеро в Дортонионе, последний лагерь и место гибели Барахира с отрядом.

Тар-Палантир, «Провидец» — двадцать третий Король Нуменора, принявший имя на Квэнья по древнему обычаю. См. [Инзиладун](#).

Тар-Элендил — четвертый Король Нуменора, отец Сильмариэль.

Таур-им-Дуайнаф — «Лес в Междуречье», дикий край южнее Андрама, между Сирионом и Гелионом.

Таур-ну-Фуин, «Лес в Ночи» — позднее название Дортониона.

Таур-эн-Фарот — лесистое взгорье западнее Нарога, над Нарготрондом.

Тейглин — приток Сириона, начинающийся у Эред Ветрин и огибающий Лес Бретиль с юга.

Телемнар — двадцать шестой Король Гондора.

Телкар — самый прославленный из кузнецов Ногрода, создавший Ангрист и Нарсил.

Телперсион — Белое Древо, старшее из Двух Дерев Валинора.

Телумендил — название созвездия.

Тилион — Майя, проводник Луны.

Тингол «Сребромант» — имя, под которым Эльвэ, предводитель Тэлери, стал Королем Дориата и был известен в Первую Эпоху в Белерианде.

Тинувиэль — имя, которое Берен дал Лучиэнь; слово означает «Дочь Сумерек», поэтическое название соловья.

Тирион — «Высокая Дозорная Башня» эльфов на вершине Туны.

Тол Гален — «Зеленый Остров» на реке Адарант в Оссирианде, где жили Берен и Лучиэнь.

Тол Морвен — остров, образовавшийся после затопления Белерианда на месте гибели Турина, Ниэнор и Морвен.

Тол Сирион — остров в Ущелье Сириона, на котором находилась дозорная крепость Финрода, Минас Тирит, впоследствии захваченная Сауроном.

Тол Эрессеа — «Одиноким Остров», на котором Ваниары и Нолдоры (а впоследствии и Тэлери) при помощи Ульмо пересекли Великое Море. Позже он был помещен в заливе Эльдамар и стал домом Тэлери до их переселения в Альквалондэ.

Торондор — «Царь Орлов», приносящих Манвэ вести обо всем, что происходит в Среднеземье.

Трандуил — эльф из Синдаров, король Зеленых Эльфов Сумеречья; отец Леголаса.

Тулкас — Валар, «Величайший в отваге и силе», последним пришедший на Арду, его прозвище — Астальдо, «Доблестный».

Тумладен — «Обширная Долина» в кольце гор, в центре которой был выстроен Гондолин.

Тумунзахар — см. [Ногрод](#).

Тумхалад — долина между Гинглитом и Нарогом, в которой было разбито войско Нарготронда.

Туна — зеленый холм в ущелье Калакирья, на котором был выстроен Тирион, город эльфов.

Туор — сын Хуора и Риан, взятый на воспитание Серыми Эльфами Митрима; он пришел в Гондолин как вестник Ульмо; муж Идриль, дочери Тургона, и отец Эарендила; на корабле Эаррамэ ушел на Запад.

Турамбар — см. [Турин](#).

Тургон — второй сын Финголфина; жил в Виниамаре в Неврасте, а потом основал тайное поселение Гондолин, которым правил до самой смерти; отец Идриль, матери Эарендила.

Турин — сын Хурина и Морвен; главный герой «Сказания о Детях Хурина»; его прозвища или принятые новые имена — Нейфан, «Оскорбленный»; Гортол, «Смертоносный Шлем»; Агарвэйн, «Запятнанный Кровью»; Мормегил, «Черный Меч»; Турамбар, «Хозяин Судьбы».

Турингвэтиль — злой дух в услужении Сауона, имевший облик огромной летучей мыши; в этом обличье Лучиэнь проникла в Ангбанд.

Тэлери — третий, самый многочисленный народ эльфов, отправившийся на Запад от берегов Куивизнен под предводительством Ольвэ и Эльвэ. Их самоназвание — Аиндары, «Поющие». Имя Тэлери, «Последние», дали им эльфы, ушедшие в путь раньше них. Часть Тэлери не покидала Среднеземье; Нандоры и Синдары — по происхождению Тэлери.

Тэрас — вершина на побережье Невраста; у ее подножия располагался Виниамар, жилище Тургона до его ухода в Гондолин.

Уинен — Майа, супруга Оссэ, Владычица Морей.

Улары — Кольценосцы, назгулы.

Улвар — сын Улфанга Черного, убит сыновьями Бора в Нирнаэт Арноэдиад.

Улдор Проклятый — сын Улфанга Черного; убит Мэглором в Нирнаэт Арноэдиад.

Улфанг Черный — вождь вастаков; вместе с тремя сыновьями служил Карантиру и изменил ему в битве Нирнаэт Арноэдиад.

Улфаст — сын Улфанга Черного, убит сыновьями Бора в Нирнаэт Арноэдиад.

Ульмо — Валар, один из Аратаров, «Владыка Вод и Король Морей».

Ульмури — огромные рога-раковины Ульмо, созданные Майа Салмаром.

Уманиары — название эльфов, отправившихся на Запад от берегов Куивиэнэн, но так и не достигших Благословенного Края.

Умбар — огромная гавань и крепость нуменорцев к югу от Белфаласа.

Унголианта — огромная паучиха, уничтожившая вместе с Мелькором Два Древа Валинора. Шелоб — последний отпрыск Унголианты.

Урфел — один из двенадцати товарищей Барахира в Дортонионе.

Утумно — первая из крепостей Мелькора на севере Среднеземья, уничтоженная Валарами.

Фалас — западное побережье Белерианда к югу от Невраста.

Фалатримы — эльфы из Тэлери, жившие в Фаласе под управлением Кирдэна Корабела.

Фалмари — Морские Эльфы; Тэлери, покинувшие Среднеземье и ушедшие на Запад.

Феанор — старший сын Финвэ (единственное дитя Финвэ и Мириэль), единокровный брат Финголфина и Финарфина; величайший из Нолдоров, создавший Сильмариллы, зачинщик раскола; убит в Митриме в Дагор-нуин-Гилят. Его нареченное имя — Карафинвэ, от «кара» — искусный; имя Феанор, «Пламенный Дух», дала ему мать.

Фелагунд — см. [Финрод](#).

Финарфин — третий сын Финвэ; остался в Аманы после изгнания Нолдоров и правил в Тирионе оставшимися Нолдорами.

Финвэ — предводитель Нолдоров во время их похода от берегов Куивиэнэн на Запад; отец Феанора, Финголфина и Финарфина; убит Морготом в Форменосе.

Финголфин — второй сын Финвэ, Верховный Король Нолдоров Белерианда, живший в Хитлуме; убит Морготом в поединке.

Фингон — старший сын Финголфина, по прозвищу Доблестный; спас Маэдроза, прикованного Морготом к скале Тангородрима; Верховный Король Нолдоров после смерти Финголфина; убит барлогами в Нирнаэт Арноэдиад.

Финдуилас — дочь Ородрефа, возлюбленная Гвиндора; была захвачена в плен в Нарготронде и погибла у Перекрестка на Тейглине.

Финрод — старший сын Финарфина, прозванный «Верным»; основатель и Король Нарготронда, получивший отсюда прозвище Фелагунд, «Владыка Пещер», от гномьего «фе-лак-гунду», «пещерный каменотес». Первым встретил в Оссирианде племена людей, пришедшие из-за Синих Гор; спасен Барахиром в Дагор Бреголах; исполняя клятву, данную Барахиру, ушел вместе с Береном добывать Сильмарилл; погиб, защищая Берена, в подземельях Саурона на Тол Сирioane.

Фиримары — см. [Атани](#).

Форменос — крепость Феанора и его сыновей на севере Валинора, выстроенная после ухода Феанора из Тириона.

Форност — Северная Крепость нуменорцев в Эриадоре.

Фродо — Хранитель Кольца.

Хадор, по прозвищу Лориндол, «Золотоволосый» — правитель Дор Ломина, отец Галдора, дед Хурина; убит в Дагор Бреголах.

Халадины — племя людей, вторыми пришедших в Белерианд; впоследствии назывались Народом Халефь и жили в Лесу Бретиль.

Халдад — вождь Халадинов, возглавивший оборону от орков в лесах Таргелиона, где и погиб; отец Халефь и Халдара.

Халдан — сын Халдара; предводитель Халадинов после гибели Халефь.

Халдар — сын Халдада из Халадинов, брат Халефь. Погиб вместе с отцом при нападении орков на Таргелион.

Халдир — сын Халмира из Бретиля; муж Глоредель, дочери Хадора из Дор Ломина, погиб в Нирнаэт Арноэдиад.

Халефь — предводительница Халадинов, возглавившая переселение из Таргелиона в западные земли Сириона.

Халмир — правитель Халадинов, сын Халдана; после Дагор Бреголах оборонял Ущелье Сириона вместе с Белегом из Дориата.

Хандир — сын Халдира и Глоредель, отец Брандира Хромого; вождь Халадинов после смерти Халдира; убит в Бретице в битве с орками.

Хантор — человек из Халадинов Бретиля; отправился вместе с Турином против Глаурунга и был убит сорвавшимся камнем при переходе через ущелье.

Харадримы — люди из Харада («С Юга»); населяли земли к югу от Мордора.

Харефь — дочь Халмира из Бретиля; жена Галдора из Дор Ломина; мать Хурина и Хуора.

Хатол — отец Хадора Лориндола.

Хауд-эн-Арвен — «Могила Владычицы», погребальный курган Халефь в лесу Бретиль.

Хауд-эн-Нденгин — Курган Слез в пустыне Анфауглиф, где были захоронены тела людей и эльфов, павших в Нирнаэт Арноэдиад.

Хауд-эн-Эллеф — курган, место захоронения Финдуилас около Перекрестка на Тейглине.

Хафалдир, по прозвищу Юный — один из двенадцати товарищей Барахира в Дортонионе.

Хелеворн, «Черное Стекло» — озеро на севере Таргелиона у горы Реир, во владениях Карантира.

Хелкар — Внутреннее Море на северо-востоке Среднеземья, где некогда стоял Столп Иллуина; озеро Куивизнен, где пробудились первые эльфы, описывается как один из заливов этого моря.

Хилдориен — область на востоке Среднеземья, где пробудились первые люди.

Хилдоры — см. [Атани](#).

Химлад — равнина к югу от перевала Аглон, владения Келегорма и Карафина.

Химринг — вершина к западу от Ущелья Мэглора, где располагалась крепость Маэдроса; в тексте переведена как «Вечнохолодная».

Хирилорн — огромный бук с тремя стволами в Дориате, где содержалась под стражей Лучизнь.

Хисиломэ — название Хитлума на Квэнья.

Хитлум, «Страна Дымов» — область, ограниченная с востока и юга грядой Эред Ветрин, а с запада — горами Эред Ломин.

Хуор — сын Галдора из Дор Ломина, муж Риан и отец Туора; бывал в Гондолине вместе с братом Хурином; убит в Нирнаэт Арноэдиад.

Хурин по прозвищу Талион, «Стойкий» — сын Галдора из Дор Ломина, муж Морвен и отец Турина и Ниэнор; правитель Дор Ломина, вассал Фингона. Вместе с Туором был в Гондолине; зачарованный Морготом, много лет провел в плену на Тангородрине. После освобождения убил Мима в Нарготронде и принес Тинголу Наугламир.

Хэллуин — звезда Сириус.

Эа — Мир Сущий, материальная Вселенная; Эа на эльфийском означает «да пребудет»; этим словом Илуватар дал существование Миру.

Эарвен — дочь Ольвэ из Аלקвалондэ, брата Тингола; жена Финарфина из Нолдоров; ее детям — Финроду, Ородрефу, Ангроду, Аэгнору и Галадриэль было дозволено пересекать рубежи Дориата.

Эарендил, «Возлюбленный Моря» — его называли «Эльфинит», «Благословенный», «Сияющий» и «Мореход»; сын Туора и Идриль Келебриндель, спасшийся из Гондолина; взял в жены Эльвинг, дочь Диора; вместе с ней отправился в Аман и просил помощи против Моргота; вместе с кораблем Вингилот и Сильмариллом, добытым в Ангбанде Береном и Лучиэнь, стал звездой небесных морей.

Эарендур (1) — правитель Андуниз в Нуменоре.

Эарендур (2) — десятый Король Арнора.

Эарнил — тридцать первый Король Гондора.

Эарнур — сын Эарнила; последний Король Гондора, с которым закончилась линия Анариона.

Эаррамэ, «Морское Крыло» — корабль Туора.

Эгларест — южная из Гаваней Фаласа на побережье Белерианда.

Эглаф, «Забытый Народ» — так называли себя те из Тэлери, кто остался в Белерианде разыскивать Ольвэ Тингола после того, как остальные Тэлери ушли в Аман.

Эдрахил — военачальник эльфов Нарготронда, отправившийся с Финродом и Береном и погибший в подземельях Саурана.

Эзеллохар — зеленый курган Двух Дерев Валинора; назывался также Короллаирэ.

Эйлинель — жена Горлима Несчастливого.

Эйтель Сирион — крепость у истоков Сириона.

Эктелион — один из князей Гондолина, который при гибели города убил Готмага, Предводителя барлогов, и погиб вместе с ним.

Элберет, «Владычица Звезд» — обычное имя Варды среди Синдаров.

Эледвень — см. [Морвен](#).

Элеммирэ (1) — название звезды.

Элеммирэ (2) — эльф из Ваниаров, написавший Плач о Двух Деревях Валинора.

Эленвэ — жена Тургона; погибла при переходе через льды.

Элендил — сын Амандила, последнего правителя Андуниз в Нуменоре, потомок Эарендила и Эльвинг, но не по прямой линии Королей; вместе с сыновьями Исилдуром и Анарионом спасся из гибнущего Нуменора и основал нуменорские королевства в Среднеземье. Вместе с Гил-Гэладом погиб в сражении с Сауроном в конце Второй Эпохи. Имя можно перевести как «Друг Эльфов» или «Любящий Звезды».

Эленна, «Земля, указанная Звездой» — название Нуменора на Квэнья, данное в честь плавания Аданов по курсу, указанному Звездой Эарендила.

Элентари — см. [Барда](#).

Элеррина, «Коронованная Звездами» — Таниквэтил.

Элронд — сын Эарендила и Эльвинг, в конце Первой Эпохи избрал участь Перворожденных и оставался в Среднеземье до конца Третьей Эпохи; Владыка Имладриса, хранитель Вэйал, одного из Эльфийских Колец, полученного им от Гил-Гэлада.

Элрос — сын Эарендила и Эльвинг, в конце Первой Эпохи избрал участь Смертных и стал первым Королем Нуменора.

Элу — синдарская форма имени Эльвэ.

Элуред — старший сын Диора; погиб вместе с младшим братом Элуринном при нападении сыновей Феанора на Дориат. Оба имени означают «В память Элу (Тингола)».

Элурин — см. [Элуред](#).

Эльвинг — дочь Диора, сохранившая Сильмарилл после гибели Дориата; жена Эарендила, мать Элронда и Элроса; вместе с Эарендилом ушла в Валинор.

Эльвэ — его называли Синголло, «Сребромант» (Тингол на синдарском); вместе с братом Ольвэ вел Тэлери на запад от берегов Куивiénен, пока не заблудился в Нан Эльмуте; впоследствии — Владыка Синдаров, правивший Дориатом вместе с Майа Мелиан; убит в Менегроте гномами.

Эльдалиэ, «Эльфийский Народ» — то же, что Эльдары.

Эльдамар — область в Амане, где жили Эльфы; огромный залив с тем же названием.

Эльдары, «Звездный Народ» — по преданиям эльфов, так назвал всех эльфов Валар Оромэ, но употреблялось это слово только для Трех Народов (Ваниары, Нолдоры и Тэлери), которые предприняли поход на запад от берегов Куивiénен, в противоположность Авари.

Эмельдир — жена Барахира и мать Берена; после Дагор Бреголах вывела детей и женщин Народа Беора из осажденного Дортониона.

Эмин Берайд — «Башенные Холмы» на западе Эриадора.

Энгвар — см. [Атани](#).

Эол, по прозвищу Темный Эльф — искусный кузнец, создавший меч Англахэл; он жил в Нан Эльмуте и взял в жены Аредель, сестру Тургона; отец Маэглина.

Эонвэ — один из главных Майа; глашатай Манвэ; вел войнство Валаров в войне против Моргота в конце Первой Эпохи.

Эргамион — см. [Берен](#).

Эрегион, Святая Земля — государство Нолдоров к западу от Мглистых Гор, где во Вторую Эпоху были выкованы эльфийские Кольца.

Эред Ветрин, Сумеречные Горы — огромный изогнутый горный хребет между равниной Таур-ну-Фуин (Анфауглиф), Хитлумом и Западным Белериандом.

Эред Горгорат — нагорье Горгорат, Горы Ужаса, располагавшиеся севернее Нан Дунгорфеб.

Эред Линдон, Звонкие Горы — другое название Эред Луин, Синих Гор.

Эред Ломин, Поющие Горы — западная граница Хитлума.

Эред Луин — Синие Горы, называвшиеся также Эред Линдон. После уничтожения Белерианда в конце Первой Эпохи они образовали прибрежный хребет на западной оконечности Среднеземья.

Эред Нимрас, Белые Горы — горный хребет южнее Мглистых Гор.

Эред Энгрин, Железные Горы — горная гряда далеко на севере.

Эрейнион — сын Фингона, больше известный под прозвищем Гил-Гэлад.

Эрессеа — см. [Тол Эрессеа](#).

Эрех — вершина на западе Гондора с Камнем Исилдура.

Эриадор — край между Мглистыми и Синими Горами. Там располагалось княжество Арнор, а позже — хоббитский Шир.

Эру — Единый, Илуватар.

Эрумор — отступник-нуменорец, добившийся власти над Харадримами в конце Второй Эпохи.

Эрунумен, «Владыка Запада» — имя Ар-Адунакора на Квэнья.

Эсгалдуин — река в Дориате, разделяющая леса Нелдорета и Региона. Название означает «Река под вуалью».

Эстолад — земли южнее Нан Эльмута, где жили, перейдя Синие Горы, соплеменники Беора и Мараха. Название означает «Становище».

Эстэ — одна из Вал, супруга Ирмо (Лориена); ее имя означает «покой».

Эфель Дуат — горная гряда между Мордором и Гондором; Хмурые Горы.

Примечания

1

Фатом равен морской сажени ~ 1,8 км (*Примеч. пер.*)

2

Перевод И. Гриншпуна.